

Елена Нисель

Путь варга

Пастыри чудовищ

Книга 1

В питомнике для магических зверюг что ни задание — то бешеные фениксы, драккайны-людоеды, вефри-алкоголики, маньяки-аристократы... Здесь всем рулит варг с кнутом на поясе и диким желанием спасти всех подряд. И обитают работнички, у которых даже больше тайн, чем у меня. Ещё тут обретается моё жуткое прошлое. Препарирует бабочек с ледяной усмешкой.

И вот сюда-то я влез с туманным заданием от непонятого заказчика. В общем, внутренний инстинкт визжит о том, что пора поскорее сигать с этого корабля.

Только вот вопрос — получится ли.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ. ГРЫЗУН ЗА БОРТОМ

«...стереотипы, существующие в отношении данного вида грызунов, крайне устойчивы, поэтому неподготовленного исследователя могут поразить некоторые их повадки...»

Энциклопедия Кайетты

«КРЫСА» ЧЕТВЁРТОГО РАНГА

К некоторым Судьба поворачивается спиной.

Моя несется навстречу с распахнутыми объятиями. Тормозит в двух шагах и проводит прямой и сильный в челюсть. Добавляет пинков ногами куда попало и насвистывает, удаляясь — мол, до следующего раза!

В «Честной вдовушке» всегда было тесновато и шумновато, а нынешним утром — и вовсе не протолкнуться. То ли просто всем захотелось пивца с утраца, то ли Гильдия объявила какой-то съезд, и теперь каждый сознательный наемник стремился в таверну.

Душно, дымно, остро пахнет копченой рыбой и свежим хмелем: вдохнешь — считай, что выпил-закусил.

— Подпустить холодку? — спросил я от двери. Потер ладони, взвел в простейшем жесте Холода — и Дар протащил по комнате прохладную струю.

Разговоры не смолкли, кости о столы брякать не перестали, старый Эрл продолжил мочить в глиняной кружке усы. Двое-трое кивнули приветственно от столов.

— А! Холодочек ты мой!

Милка явилась из подсобки: в одной руке — две высокие кружки, во второй — миска с солянкой и копченая кефаль, голова повязана алой косынкой, на полных щеках — мягкие ямочки. Послала звонкий поцелуй по воздуху.

— С ранёха сидим — аж освежить некому. Уж так ко времени! Пивко-то, может, тоже охладишь, а, Далли? Холодное-то — оно вкуснее. И в счет долга, в счет долга пойдет.

— С удовольствием, дорогая, — отозвался я, изловчился и облобызал одну из пахнущих ванилью щек. Как она только ухитряется пахнуть ванилью, когда все вокруг пропиталось пивом, рыбой и яичницей? — Где пациент?

Милка выбралась из-за стойки, проворно сунула солянку тонкогубому взломщику за стойкой, рыбину — Кровавому Арри, втиснула обе кружки на стол к гомонящей компании наемников третьего ранга, прощebetала в сторону остальных «Не нужно ль чего?», махнула цветастой юбкой и порхнула обратно, заливаясь смехом.

— Ну уж нет, Кейн! Оставить тебя наедине с моим бочонком — да ни в жизнь! Видала я, какими ты глазами на него смотришь: будь твоя воля — в храм бы потащил.

— И это был бы мой лучший брак, — проворчал я. — То есть, как ты можешь, дорогая, принимать мои самые серьезные намерения на счет твоего пива? И пусть пиво у тебя самое лучшее...

— Старый льстец!

— ...с твоей неотразимой красотой ему уж точно не равняться.

Милка вытерла пухлые ручки тряпкой и, заливаясь смехом, кивнула в сторону подсобки: посмотри, мол, на вожденное.

Вожденное было дубовым, пузатым и внушительным и приветливо побулькивало. Холодок от моих пальцев бочонок принял как родной: не в первый раз.

Милка стояла над душой, похмыкивала и помахивала тряпкой.

— Налью с полпинты, — предупредила. — Но только, Далли, если ты и дальше собираешься со мной расплачиваться разве что холодом...

— Обижает, красивая, — я поиграл бровями и понадеялся, что вышло с намеком. — Я сюда, между прочим, не только по своей воле. То есть, конечно, твоя неотразимая краса — это первая причина, но кое-что вот еще...

Милка потухла, брюзгливо дернула щекой. Скопилась в сторону лестницы, возле которой ненавязчиво торчали два типчика из Гильдии. Типчики давно сроднились с лестницей и с таверной, с виду были неотличимы от подгулявших торговцев и могли перерезать вам горло раньше, чем вы додумаетесь объяснить, что просто ошиблись лестницей.

— Шел бы ты, Далли, — негромко и укоризненно сказала Милка, по рассеянности плеснув мне добрую пинту, — к дружкам своим. Кому нужны неприятности.

Я забрал кружку, попутно кивнул ребятам у лестницы: мол, тут, явился по вызову. Спешить не следовало: дела у Гильдии темны, наверх могут позвать к полудню, а могут — вовсе не позвать. Забиться в угол, утащить у кого-нибудь из-под локтя кусок маринованного осьминога, сидеть, жевать, любоваться Милкой. Представлять, как это: день за днем охлаждать рыбу и пиво в маленькой таверне.

Только вот кому нужны неприятности. Кому нужен муж из Гильдии.

Тварь внутри — паническое существо в серой шубке — пискнула, принялась, махнула голым хвостом: ничего, мол, Сор, перегрызем, переварим. Не такое переваривали.

Выбор углов и полутемных столов был велик: в «Честной вдовушке» вечно царил полумрак на тот случай, если нагрянут законники. Но компании подбирались все больше знакомые и по интересам. Второй ранг «дельцов» облюбовал самый темный угол и под винцо смаковал высокую политику; у стены играли в ножички взломщики; три «ломщика» на счетах пытались выяснить — кто кому больше задолжал с прошлого месяца. Поблизости от них одиноко примостился Малыш Хью — но к нему меня в компанию тянуло меньше всего. Неровен час, нагрузится — слушай потом, сколько душ он загубил с семилетнего возраста.

— Здорово, Сор! — прилетело из центра зала. — Эгей, гребни сюда, тут не штормит!

Эштон-Весельчак дождался, пока я водружу свою полную кружку посередине пустых. Не успел я отодвинуть для себя стул, как кружка опустела наполовину, а Эштон утер рыжеватые усы под уважительное «Мастак!» братии с соседних столиков.

— ...но выпить тут не наливают, — продолжил Весельчак и жизнерадостно икнул. — Тут дуются в кости. Серьезная игра для тех, кто понимает. Есть, что поставить?

Я покопался во внутреннем кармане куртки и извлек огурец. Плотный, коротковатый и грешащий легкой небритостью: в общем, есть нечто столь похожее на себя — почти кощунство.

Хрусть!

— Вот незадача. Кажись, я могу играть только в долг, Эш. Если мне, конечно, обломится сегодня. Скажи — мне сегодня обломится?

Эштон широко развел подкупающе чистые ладони. Этими самыми ладонями он без колебаний сворачивал шею, если, конечно, ему за это платили.

— Э! Сами вот сидим и ждем, ждем и сидим... И дуемся в кости с мизинчиками.

«Мизинчики» обиженно надули губы. Низший пятый ранг, мальчишки на побегушках, вообразившие, что с получением статуса наемника на них прольется дождь из серебра и золота. Эш с его четвертым рангом для «мизинцев» казался небожителем.

— А ты... — тот, что постарше, с жидким подобием бороденки, неумело изображал хрипотцу. — Какой профиль?

— Кишки я выпускаю, — доверительно сказал я. — Глотки режу, травлю да удавливаю — понятное дело, когда в хорошем настроении. Как загрузу — начинаю зубами в носы вцепляться, а пальцами в глаза. К слову, взгрустнулось что-то.

Хрусть.

Весельчак заржал, глядя на недоверчивые прищуры «мизинчиков». Сколько лет этой шутке, а все не приедается.

— Пф, — наконец отозвался младший — тонкогубик с острым профилем. Его товарищ, господин Пародия на Бородёнку, пихал его под локоть с опаской.

— А что, непохож?

Огурец кончился. Я полез доставать бутерброд с селедкой из второго кармана. Молодчики тем временем доходили — прям-таки тесто на дрожжах. Само собой, они-то считают, что настоящий наемник должен быть красивым, как Стрелок, воинственным, как Мечник, мудрым, как Целительница и хитрым, как Даритель Огня, ну, или как Шеннет-Хромец, которого считают воплощением Дарителя, всё равно.

— Пф, — определился тонкогубик. — Ты — и «уборщик»? Как бы не так.

— Насквозь видят, а? — развеселился Эштон, который как раз и был по профилю из «уборщиков», хоть и вечно представлялся чем-то более безобидным. — Сор, ты и впрямь на себя-то глянь: для наемника ты слишком толстый, слишком старый, слишком...

— Люблю селедку? — договорил я, впиваясь зубами в бутерброд. — Ну да, ну да. Старушенции Гойре, которая уделала советника Крайтоса ядовитым шипом, было за девяносто, к вашему сведению. Мне вдвое меньше, так что вроде как рано кормить могильных рыб. И знавал я одного наемничка по прозвищу Мускусный Бобр. Весил втрое против меня. Как-то восьмивесельную ладью потопил. Просто прыгнул в нее, да и все тут, правда, не по заказу, шутки ради. Кого б еще припомнить? А, Смрадная Салли...

— Пф, — осмелился теперь уже второй мизинчик. — Ты ведь не убиваешь на самом деле. Не знал, что «снеговики» нужны Гильдии.

Клиентам-то, конечно, подавай незаметных. Способных тихо всадить нож, воткнуть ядовитый шип, метнуть дротик. Или влезть по отвесной стене на крышу замка, а после протиснуться в водосток (вот уж что у меня точно не получится!). Открывающие двери, убивающие десятком разных способов, шныряющие, вынюхивающие, ломающие замки ударами кулака. Быстро бегающие, наконец. Эти нужны Гильдии.

Вот молодые да ярые вечно и недоумевают: на что Гильдии Чистых Рук невнятное и неуклюжее отребье с Даром Холода, вроде меня.

— Ну, в Гильдии же не только «уборщики» толкутся, — ухмыльнулся Эштон. — У нас же всякого добра навалом. У Сора, например, отличная деловая жилка, любое дело вмиг обтяпает и чего угодно из-под земли достанет. Спасибо, к слову, за тот кинжальчик, Сор. Опробовал: вещь безукоризненная.

Я кивнул — всегда пожалуйста. Принял от Весельчака кости. Встряхнул в ладони — может, хоть малость повезет...

Кости весело запрыгали по столу, обернувшись двумя единицами.

— Ты, значит, из «дельцов»? — не отставал тонкогубик. Я качнул головой.

— Специальность у меня другая.

— Сор в своем деле — мастер, — Весельчак явно был настроен исполнять сагу в мою честь. — Если уж где явился — значит, где-то что-то выкинут на помойку, а? Или кого-то. Легендарная личность, да — правда, кое-кто считает, что он из бывших законников, а кто-то — что и из действующих... но это ж мелочи, да? Но самое главное — это Рифы. Как ты сумел сбежать с Рифов, позволь спросить?

Лапища Весельчака нежно выкатила кости на доски — и выпало четыре и пять. «Мизинчики» выражали физиономиями недоумение, смешанное с недоверием.

— Плевое дело. Месяц за месяцем я приучал альбатросов. Поймал восемь штук, связал так, чтобы они смогли меня унести...

Новички забыли метать кости. Весельчак от души наслаждался моим рассказом о полете на орущих альбатросах над бушующим морем. Нам с альбатросами встречались шторма и корабли пиратов, а в спину дышала погоня из надсмотрщиков тюрьмы. Шторма мы пролетали, корабли огибали, на погоню же альбатросы цинично гадили с высоты.

— Сколько слушаю — не устану, — хохотнул Весельчак, когда я закончил своим эффектным приземлением прямехонько в спальню милой поварихи. — А прошлый раз, помнится, ты притворился выброшенным на скалы гигантским кальмаром.

Я развел руками — всего, мол, и не упомнишь. Тюрьма на Рифах — то, о чем можно рассказывать бесконечные байки... но о чем не хочется вспоминать.

«Мизинчики» отвлеклись заказать еще пива. Эш улучил минуту, нагнулся ко мне.

— Слыхал, тебя законопатили налаживать деловые каналы по сбыту пушнины.

— В Хартрат, — кивнул я. — Теперь вот выдернули.

— Давно в Вейгорде?

— Чуть ли не с девятницу. Позвали вот только сегодня.

Эшгон закачал головой, зацокал языком. Когда Гильдия призывает своего наемника, срывая его с уже данного контракта, — плохой знак. Но если наемника не вызывают к поверенному Гильдии сразу же после прибытия в нужный город — знак вдвойне нехороший. Может, переговоры ведутся. А может, торг за шкурку наемника.

Серая тварь внутри насторожилась. Поднялась на задние лапки, блестя бусинками глаз. Твари не нравились знаки. Не нравился запах несущейся на тебя судьбы.

Тут мы с тварью были в исключительном согласии.

Пареньки вернулись с пивком, и время тянулось неспешно, с достоинством.

Я продул Весельчаку в кости два серебряных, опять же, в долг. Душевно поболтали с пареньками о политике, которую творит в своей стране Илай Вейгордский — и сошлись на том, что политика больше заслуживает названия бардака. Карман покинул последний бутерброд. Милка разошлась и всюду где-то таскала за ухо поваренка, так что надежды на угощение с этой стороны не прибавлялось.

По залу слонялась серая тень — неприметная, ощутимая только из-за тяжелого, обшаривающего взгляда. Тень подплывала к одному наемнику, к другому — тогда они поднимались и шли к лестнице, и типчики у ступеней равнодушно пропускали их наверх. За расчетом, или за контрактом, или как уж тут повезет.

Милка брезгливо поглядывала на тень — «крыс» вообще нигде не жалуют. «Крысы» — мусорщики с голыми хвостами, разносчики заразы. Портят, ползут, перегрызают, шмыгают

глазками: что бы еще обратить в труху? «Крыс» не любят сами же наемники, потому что как-то повелось: они — все такие. Серые тени с чуть выдающимися вперед резцами, с мягкой поступью и шипящим говорком.

Бывают такие, да.

А бывают...

Серый собрат прильнул к нашему столику, как раз когда Эштон начал меня пытаться: какими-такими способами я добился четвертого ранга?

— Дичайшим своим обаянием, — с придыханием отвечал я. — Только не проси на тебе демонстрировать, Эш, я же тебе потом с неделю буду сниться.

Основательно проигравшийся к тому времени тонкогубик неопределенно хрюкнул. Я подмигнул ему, и теперь хрюкнул уже второй, с бородёнкой. Весельчак теперь принялся травить небылицы о том, какими способами можно подняться на ранг в Гильдии — и тут и без того тусклый свет стал еще немного тусклее.

— Зачем приполз, Сорный?

Щур лысоват, на подбородке подпалинка, нос-пуговка в крупных порах и кажется живым. И еще от него вечно несет чем-то прокисшим — под профессию, что ли, подобрал?

— Здесь мое место, слышишь, ты? — Весельчак и пареньки с недоумением смотрели, как Щур наклоняется над столом и сипит чуть ли не мне в лицо. — Слышишь? Мое место. Так если ты только посмеешь, то я тебе... слышишь?

— Я-то слышу, Щур, — мирно сказал я, глядя ему в переносицу, — А тем, кто наверху, ты говорил?

Щур задергал редкими усиками, пронзил злобным взглядом бусинок-глазок. Сморщил нос и коротко дернул головой в сторону лестницы — мол, ждут.

— Две серебряницы, — напомнил Эштон, когда я поднялся. — А если обломится — еще и ты угощаешь.

Почему-то очень хотелось, чтобы ничего не обломилось. Пока тащился сквозь зал, стараясь не поглядывать в сторону Милки, которая нарочито громко загрохотала кружками о прилавок. Пока перекидывался фразочками с типчиками у лестницы — для такого случая вспомнив их имена: «Эй, Ниб, ты в стул-то еще не врос? Ретл, а на тебе уже, кажись, и почки распускаются». Пока поднимался по скрипучим ступеням.

В голову с чего-то лез бабушкин заговор. «Мечник — отвратись, Дева — улыбнись, горе — не коснись, мортах — не приснись...» или там иначе было? Иногда бывает жаль, что не таскаешь с собой защитные амулеты, или листовки с молитвами, или еще чего покрепче. В таких местах, как контора Гильдии — нет, не помогло бы... но хоть на серьезный лад настроило.

На втором этаже было прохладно и чахла пальма в кадке. Пальма помирала в этой кадке уже четыре года на моей памяти. Вообще-то, она многих местных пережила.

Стукнул во вторую дверь налево, привычно толкнул и обрадовал окружающих:

— Кейн Далли, он же Сорный, он же «крыса» четвёртого ранга.

Так мол, и так, мелкая сошка подана, извольте радоваться.

Они, понятное дело, не изволили.

Что Стольфси с его подпиленными коготками, что этот его бесполой секретарь (никогда не мог понять, какого оно возраста, ко всему прочему). Секретарь в своем уголке поскрипывал пером и сходил за мебель. Стольфси, целиком занявший своими подбородками небольшую комнату, потянулся пухлой рукой за печатью (сюртук затрещал, стул застонал),

подтащил к себе и с размаху запечатал чей-то договор. Потом точно так же потянулся на другой конец обширного стола (еще стон многострадального стула), взял коробочку с леденцами, покрутил, принялся, со вкусом отправил в рот один, желтенький.

— Сор, — причмокнув, сказал Стольфси. — Контракт.

— Ух ты, — сказал я, попытавшись изобразить на лице восхищение и благодарность.

Моя физиономия в зеркале казалась настолько неблагодарной, что от нее хотелось отвернуться даже мне.

— Ух ты, — не сдался я. — Целых два, на мою-то долю. Как это щедро, как это вовремя!

Только закончить небольшое дельце в Хартрате...

...небольшую такую торговую сделочку одного торговца пушниной, после которой торговец пушниной, надо думать, пойдет побираться.

— Этот контракт... — Стольфси зашебуршал бумагами, в которых, надо полагать, был весь я, — снят. Получишь половинную долю за сделанное.

Бесполое существо с пером тихо пискнуло и потянуло из-за стола внушительно звякнувший мешочек. Мешочек оно передало Стольфси вместе с бумагой, в которой значилось, что наёмник за номером 1551, четвертый ранг, «крыса», прозвище — Сорный, своё за выполнение контракта получил.

Я лихо подмахнул документ, убирая мешочек в карман. Серая тварь внутри поднялась на задние лапки, затрепетала чуткими усиками: слишком большая тяжесть в кармане. Слишком большая доля за задание, за которое только взялся.

Стольфси поплюнул палец, почмокал вторым леденцом и выдал одну из своих усмешечек — коротких, леденистых и убийственных, полных внезапного предвкушения.

— Что ты знаешь о ковчезниках, Сор?

Вопрос был неожиданным. Из тех, которые неожиданны скорее неприятно, потому что в последней степени не твои.

— Орден чокнутых, — сказал я решительно. — Возьмется со зверушками. Не со зверушками — с бестиями, вроде виверниев или там гарпий. Обращаются к ним, если появится какой зверь, или грифон у кого из богачеев взбесится, или там кербера понос прохватит. В общем, они укрощают бестий, лечат их, бывают, что в питомники свои забирают, а уж потом определяют в зверинцы. Сам дела не имел, но слышал, что бывает — и убивают, бестий-то.

Ну, про орден-то — это я загнул. Сколько знаю, у ковчезников нет единого начальства. Разрозненные группы по всей Кайетте. Часто рядом с питомниками или зверинцами.

Стольфси задумчиво подвигал подбородками. Внимал он так, будто услышал любимую сказочку: вот-вот сложит пухлые ручки на пузике и запросит еще.

— Не в ладах с контрабандистами и охотниками. С первыми — потому что перехватывают у них товар. Трудновато продавать редких бестий или ингредиенты из них, когда поблизости шныряют эти ненормальные, а? У охотницкой Гильдии они забирают трофеи. Еще и заказчиков. Пока спятил какой-нибудь медведь — зовут охотников, но только взбесится гарпия — приглашают ковчезников.

Мне-то по роду службы с взбесившимися бестиями дела иметь не приходилось. Я и служил-то в местах, где их не густо, а в родном Крайтосе разве что волки-игольчатники часто попадают.

— Главные у ковчезников... — начал было Стольфси, протягивая руку за третьим леденцом. Я перебил:

— Главные у них варги. Те из них, которые не живут в лесах в окружении возлюбленных зверушек. И не обретаются при королевских дворах. В общем, немудрено — если у тебя Дар укрощать зверьё — рано или поздно попадешь к ковчезникам, так? Что еще? У вас в Вейгорде, вроде как, такая напасть обретается. Где-то на границе, у Вейгордского заповедника, так?

Лет семь назад достославный король Илай Вейгордский решил, что достаточно облагодетельствовал двуногих подданных (с чем двуногие подданные были не особенно-то согласны), и пора уделить внимание бедным, угнетенным подданным четвероногим. И шестиногим. И восьминогим. В общем, зверушкам, коих наследник по своей прекраснородности любил и уважал. А тут — о ужас! — оказалось, что в Вейгорде, где бестий чуть ли не больше, чем во всей остальной Кайетте, расплодилось охотников, контрабандистов и прочей швали, совершенно не чтущей мать-природу. Иногда у охотников получалось добыть знатные трофеи, иногда бестии добывали знатных охотников — в общем, король решил вмешаться. Половину Кормового леса, где раньше были главные уголья для знатных шалопаев, объявили заповедником. При заповеднике пристроили питомник для бестий, которые могут быть приручены и отданы в разные зверинцы или в комнатные зверушки (хотите держать в вашем замке мантикору? Да в чем проблемы?!). Питомник служил еще и зверинцем — если вдруг кому в жизни неостанет впечатлений и захочется поглядеть, скажем, на грифона.

А при питомнике-зверинце...

— Они обосновались там пять лет назад, — скучным голосом сказал Стольфси. — Никому не известный варг. В компании с никому не известными... м-м...

— Фанатиками, — подсказал я любезно. — То бишь, у Гильдии сперва не было нужды интересоваться этими ловцами бестий. А теперь, стало быть, есть? Ладно, Стольфси, не жмись, выкладывай: что вы от меня хотите-то?

— Чтобы ты проявил свой талант, — Стольфси теперь вовсю обмахивался платочком, наполняя воздух розовым благоуханием.

Серая тварь внутри пискнула. Завертелась, заметалась, прикидывая: вдоль какой стены прошмыгнуть? Какую норку изыскать? Куда нырнуть?

Тварь опасалась за свою коротенькую жизнь. Очень хорошо знала: крысы не живут долго.

Ты можешь портить, можешь обращать в труху и разносить заразу, можешь даже при этом оставаться вне подозрений: своим парнем, любящем пивко, рыбные пирожки и сальные шуточки. И не показывать длинный, голый хвост, который тянется за тобой — но однажды... Однажды тебя узнают.

Сколько ни натягивай чужие шкуры — кто-нибудь заметит закономерность (ой, а почему это ни одна контора, в которой работал этот приветливый тип, не выжила?). И тогда тебя уж чем-нибудь да задавят.

— Боженьки, — сказал я, изо всех сил разыгрывая удивление, — эти-то кому насолили?

Судя по физиономии Стольфси — он прикидывал, в каком виде меня употребить. И пока что предпочитал есть живую. По кусочку.

— Вот уж что тебя не должно беспокоить. Все, что ты должен знать: однажды... предполагается, что скоро, но кто там знает... им поступит заказ, который не должен быть выполнен.

— Что за он?

Судя по глазам Стольфси — ответа я не дождусь. Поэтому нужно прикинуть, как бы сподручнее и тактичнее сказать нет. Уползти в норку, уволочить за собой хвост, которому грозит явная угроза: каждый следующий заказ для «крысы» — все больший риск.

Конторщик Гильдии потянулся. Покатал в пальцах очередной леденец. И брюзгливо спросил:

— Ты ведь знаешь, что такое «контракт с залогом» верно?

Селедка с огурцом объединились, поручкались внутри и попытались прорваться обратно.

Я знал, что такое «контракт с залогом». Это когда ты не можешь отказаться от того, что тебе протягивает на ладонях Гильдия. Потому что иначе тебе придется сдать свою бляху и перестать быть наемником. Или — в зависимости от важности заказа — просто перестать быть.

И если я облажаюсь на этот раз — расклад будет тот же: бляху на стол, хорошо, если не голову на плаху.

Стольфси тактично посасывал леденец, давая мне увериться в паскудности моего положения.

Самое время было переставать думать и совершать что-нибудь героическое и внезапное, как в хороших романах за громким авторством. В окно, что ли, сигануть. Или завернуться в плащ с пафосным: «Пытайте меня, я решил стать на путь честного труда и отрастить себе над головой нимб!»

Только вот кутаться в короткую куртку не так эффектно. Ну, и еще у меня были сомнения, пролезу ли я в окно.

И еще Гильдия очень быстро находит тех, кто отказался. Ошеломляюще быстро.

— Оплата будет щедрой, — бухнул в море дегтя Стольфси ложку меда. — Вот задаток.

Мешочек из новехонькой замши и звякает солидно и внушительно. У него приятные женственные округлости, у этого мешочка. Чем-то напоминает одну мою подружку, только вот имя я давно и безнадежно забыл.

Вот так, старина Сор, или Кейн, или как там тебя на этой неделе зовут. Ступай к заповеднику, ищи там чокнутую секту ковчезников, срывай им задание и от души надейся, что прыги хватит, чтобы ноги унести.

И что дорогая Гильдия не решит, что от тебя тоже нужно бы избавиться. Для пущей чистоты рук.

— Ладно, — сказал я. — Ладно. Вернемся к контракту. Стало быть, срыву подлежит только один заказ?

— Заказчика волнует только один заказ, — гоняя леденец за щекой, уточнил Стольфси. — Но если ты вдругпустишь ко дну всю контору или решишь их всех вдруг вырезать...

И пожал плечами, как бы говоря — ну, это тоже выход.

Как бы серый друг внутри не сдох от таких приятных новостей.

Бесполое существо за соседним столиком завозюкалось со стопками бумаг и протянуло Стольфси контракт, который тот тут же подтолкнул ко мне.

— Стало быть, в нужный момент мне сообщат, что за заказ. Насчет связи беспокоиться не придется? — осведомился я, придвигая контракт поближе. Дорогущая плотная бумага. Знак Гильдии — две руки, умывающие друг друга — в углу. Уютный номер — 1551, моё прозвище прописано не этими чернилами и не рукой Стольфси, его-то почерк с

завитушками я из тысячи узнаю. Пометка: «с залогом». Сам заказ не обозначен — так они его никогда не обозначают, как и имя клиента или жертвы.

Ходят слухи, что где-то, незнамо где, в самых верхах Гильдии хранится полная картотека. Вся история: кто, кого, за что и сколько за это уплачено. Настоящие имена жертв, настоящие имена заказчиков. Наверное, любой законник душу бы продал, чтобы заглянуть в папки этой картотеки хоть на четверть часа, только вот беда — ее не найти, а если вдруг кто-то и найдёт — там же всё зашифровано.

Предварительное вознаграждение. Проставлена сумма — 50 з. р. Окончательная не указана. Может, впишут позднее. Если мне к этому времени не оторвет башку расшалившийся виверний.

Последний пункт я проскользил взглядом торопливо. «В случае невыполнения заказа», — гласил этот пункт, мне пришлось его выучить наизусть в последние пару лет. Скользкие словечки насчет готовности нести ответственность. Материальную и экзистенциальную. Не иначе, как текст контракта составлял какой-то чинуша из дворцовых, они любят выражаться подобным образом.

— Твою бляху, Сор, — медоточивым голосом напомнил мне Стольфси, когда я подписал.

Бляху я вынул из третьего внутреннего кармана. До него, в случае обыска законников, мало у каких умельцев руки бы дошли. А если бы дошли — умелец поплатился бы Печатью: взять бляху Гильдии может его владелец либо поверенный конторы.

На бронзовом кругляшке по соседству со знаком Чистых Рук значилась четверка, обличающая мое невысокое положение. Мое имя, выписанное тайнописью. И девиз — «Не запачкав рук». Бляха малость пострадала от долгого соседства с бутербродами и кисетами табаков, так что Стольфси покривился, когда я выложил эту драгоценность на стол.

— Сведения о ковчезниках? Контакты?

Конторщик кончиком пальца спихивал знак моей принадлежности к Гильдии в ящик стола и мне уделял куда меньше времени, чем этому занятию.

— Им постоянно нужны работники, — вот все, что тебе нужно знать. Мы наладим с тобой связь, не сомневайся.

— Пишите письма, — едко сказал я, сгребая солидно оттянувший руку мешочек с золотом.

Уже за моей спиной раздался торжествующий, похоронный звук печати: контракт заключен, не подлежит расторжению.

В коридоре было тихо, веяло холодком и прилежно чахла пальма. Весь ее вид говорил: «Вспомни о бренности бытия, не одному тебе тут плохо!»

— Я б поспорил, — пробормотал я, засовывая под куртку мешочек с задатком.

По стене скользнула серая тень. Завоняло кислятиной.

— Предупреждал, — просипел Щур, возникая рядом, — здесь мое место. Мое ме-с-с-с...

Это было бы просто. Наклониться, щелкнуть его холодом по носу. Прошипеть: «А ты хоть знаешь, что крысы жрут друг друга? Нет, серьезно — хочешь попробовать? Проверим, у кого зубы острее — у тебя (третий ранг, двадцать лет в Гильдии, «крыса» со стажем) или у меня (четвертый ранг, которому дают задания уровня второго; пяток лет в Гильдии, и мало кто вообще знает, что я «крыса», да и вообще — кто и что обо мне знает?!)».

Только вот зачем.

— Да ладно тебе, Щур, — сказал я, засовывая руку в карман, — я не напрашивался. Держи, за потерю заказа. Я помню традиции.

Щур засипел что-то невнятное, но монету с моей руки угреб. Даже на зуб попробовал. Шастнул поближе к окну, обнюхивая золотишко подвижным носом.

Вот и ладненько. Не терплю оставлять позади того, кто может ударить в спину.

Серый братец внутри возмущенно пищал, так и пытаюсь изыскать несуществующую лазейку.

А, да утихни ты, — прикрикнул я мысленно. Чего тут визжать, пора действовать: добывать сведения, устраиваться, куда сказано, держать образ... быть благовоспитанной, домашней крысой, которая прячет инстинкты вредителя за невиннейшими глазами.

В нижнем зале за время моего отсутствия прибавилось народу, но незначительно. Я бросил Эшу две серебряницы, с многозначительным видом цокнул языком: «Дела!» (он кивнул понимающе: о контрактах тут если и треплются, то после выполнения), присел за стойку.

Освободившаяся хозяйка моего сердца (и чудного пивного бочонка, с которым я век бы не расставался!) глянула хмуро.

— Гудишь, Далли? Рожа-то вон довольная, как у кота.

Это моя всегдашняя особенность. Как только моя судьба выписывает мне в очередной раз тяжелым по голове — на физиономии у меня цветет необыкновенное довольство. Думаю, когда меня окончательно добьют, я возьму приз как самый блаженный покойник.

— Купаюсь в несправедно нажитом злате, — повинился я, выкладывая на стол одной за другой серебряные монетки в форме рыбок. — И испытываю дичайшее желание с кем-нибудь поделиться уловом. Сколько я тебе там должен?

Милка фыркнула, блеснула черными очами и сгребла под стойку две рыбешки. Подумала, сгребла еще одну («А то знаю я вас, скоро опять будешь в долг клянчить!»).

— Попойку будешь устраивать? — осведомилась скучно. — Если с битьем посуды — доплачивай сразу.

Устроить попойку в «Честной вдовушке» осмеливались разве что новички. Вроде тех, которые дуются в картишки с Эштоном. Вот получают «мизинчики» первые гонорары — и закатят грандиозное гульбище с разбрасыванием яичницы и битьем пивных кружек. А потом из-за стойки прилетит вооруженная половником Милка — и будут храбрые наемники бормотать извинения, сгребать разбросанную зелень в совок и бегать по городу, покупая новые пивные кружки.

— Непременно, — отозвался я, звякая монетками в карманах. — Попойка в стиле Далли: наберу харчей, зашьюсь в угол и умну все в одиночестве. Если еще кружку не удержу — и битье посуды получится. Хоть харчами-то снабдишь? Пива давай на двоих... нет, лучше на троих.

— Если на троих как ты — ты и не унесешь, — хмыкнула Милка, проворно ныряя в подсобку. — мех не забудь отдать, непутевый.

Смотреть, как она шныряет, собирая в промасленную ткань остывшие колбаски, сырны лепешки, пирожки с печенью — двойное удовольствие. С выбором я не спорил: доверился Милке всецело. Разломал один пирожок на пробу и принялся в какой уж раз восхвалять ее искусство.

— Уходил бы ты лучше, Кейн, — тихо прозвучало в ответ. Милка плюхнула на стойку увесистый мех с пивом, положила сумку с собранными харчами. Не смотрела в глаза — протирала стойку. — Ты же еще, вроде, не совсем конченный. Зачем тебе с ними...

— Так ведь, может, в последний раз, — отозвался я, подсовывая ей еще монетку — Вернусь вот, дополучу гонорар — еще и свататься к твоему бочонку полезу!

Милка порозовела, заусмехалась, отмахнулась тряпкой. Желающих подкатиться к хозяйке «Честной вдовушки — хоть завались, у нее на такой случай, говорят, метла есть специальная: праздничная, с лентами.

И все-таки — приятно помечтать, прежде чем окунуться в круговерть заказа. Подумать: в последний раз. Обстричь дельце, сдать бляху, еще раз сменить имя, осесть себе где-нибудь, где никто не знает тебя в лицо, тихо-мирно таскать подносы или подмораживать рыбу в таверне...

Только вот если внутри тебя поселилась как-то серая трусливая тварь с голым хвостом — ты вряд ли когда-нибудь остановишься. Все так и будешь бежать от помойки к помойке, грызть и портить, и копать в отбросах.

Пока чья-нибудь нога не переломит тебе хребет.

Я махнул Милке на прощание, пообещал непременно заскочить, сгреб харчи и направился на улицу.

Жаль — заскочить получится вряд ли.

Длительный заказ с внедренкой к попечителям бестий, с финалом-диверсией. Мечта всей жизни.

Ковчезники, чтоб их черти водные драли...

Кроме всего прочего — я еще недолюбливаю животных.

* * *

Ходить по улицам Вейгорд-тэна — это надо со сноровкой, умеючи. Знавал я одного законника, помешанного на метафорах — так тот страстно любил сравнивать города и княжества Кайетты с разными вещами. Хартрат, говорил он, смахивает на ощипанную курицу со своими куцыми домишками, суetyщимися горлопанками-торговками и сторожевой башней, которая рано или поздно свернется на бок по причинам естественной старости. Овигер — будто свиток полотна в лавке у торговца-обманщика: несколько локтей — безупречны и красочны, а дальше — сплошная гниль. Эрдей — паучье гнездо: сунешься — запутаешься в бесконечных протянутых отовсюду нитках фанатиков, фанатиков там столько, что просто диву даешься, как они друг друга не убивают, все же разных верований... Впрочем, убивают иногда. Еще он сравнивал с мышинными норами Ахетту и с куском пирога Раккант, да и вообще много чего с чем сравнивал, только лучше всего мне запомнилось про Вейгорд.

— Южане, — ухмыльнулся законник. — Вейгорд — это... с чем сравнить? Предположим, пьяной бешеной обезьяне сунули пучок колючек под хвост... вообразил? Помножь на число жителей Вейгорда.

Я тогда по неопытности полагал, что законник приврал, но после месяца в Вейгорде понял: умножать надо было на число самых нормальных жителей. Остальные вовсе не поддавались никаким метафорам.

Не успел я пройти десятка шагов, как меня чуть не сшиб с ног сутулый мужичок, обтрепавшийся и заросший. За мужичком с воплями неслась чернобровая пышнощекая матрона с ножом. Из воплей матроны следовало, что мужичок испортил ей жизнь и теперь за это основательно поплатится. Кто-то на углу пронзительно свистел. Заливались лаем

собаки: в Вейгорде эти твари какие-то бешеные, они не умолкают ни днем ни ночью. На углу торговка рыбой и покупатель взялись за грудки в попытке выяснить, сколько ж должны стоять маленькие осьминожки. Толпа чумазых мальчишек, заливаясь хохотом, пользовалась случаем и таскала рыбу из-под локтя у торговки.

Помню, первую неделю я не мог спать в этом городе. Отчасти потому, что за стенкой съемной комнаты поселилась семья с тремя детьми и большими страстями. Отчасти потому, что не понимал: в этом городе вообще кто-нибудь спит?

Кажется, тут даже чайки над пристанью орут круглые сутки. А пройти по улицам так, чтобы тебе по уху случайно не заехали буйно размахивающие руками жители — тут нужно особой ловкостью обладать.

Запах морской соли, специй и рыбы стегнул по щекам: я свернул в Анисовый переулок, как все в Вейгорд-тэне — узкий, так что соседи из домов напротив могут отколотить друг друга палками, просто высунувшись из окон. Кстати, именно так вейгордцы частенько и поступали. Под ногами между бульжников улицы перекатывались рассыпанные кем-то перчины, монотонно шумела вода в почтовом канале по правую сторону улицы под древней, насквозь ржавой решеткой. Над головой грохнуло окно — и я успел отскочить из-под потока хлынувших на улицу помоев с кислым душком. «Смотреть нужно!» — звонко ударил голос вдогонку.

Какой-то крестьянин, заехавший в город по делам, пытался втащить в переулок осла, осёл сопротивлялся и ревел, крестьянин ревел почти так же громко пропитым голосом, объясняя зверю, какая ж он тупоумная скотина. Перекрикивались над моей головой хозяйки из окон — судачили о чем-то своем, чудом различая голоса в остальном шуме.

Околопортовые кварталы — самое беспокойное место в городе, но старина Лу выбрал местечко для жилья с умыслом — чтобы напоминало о прошлом.

— Вошел! — крикнул я от порога, для приличия пару раз прогрохотав почтовым молотком в виде ноги. Под молотком притулилась табличка «Пни меня!» — Лу отличался довольно своеобразным юмором. Может, поэтому он был чуть ли не единственным, с кем я сошелся в этом до чрезвычайности южном городе. Ну, и само-то собой, лучшего информатора не сыщешь. Клад для отправляющейся в очередной рейд «крысы».

В крохотной и тесной прихожей царил полумрак, который после яркого полудня ослеплял напрочь. Пахло табаком и кожей, и приходилось отводить с дороги висевшие повсюду ременные петли.

— В долг не дам, — донесся из глубин дома загробный голос.

— Хорошего же ты обо мне мнения! — возмутился я. — У меня тут пиво и колбаски. Есть желание составить компанию?

В первой комнате старины Лу не обнаружилось, зато полумрак стал гуще. Покачивались петли — будто ванты на корабле. Раковины и кораллы на полках, уйма книг повсюду, даже на креслах, обширные запасы трубок и табаку и чучело попугая — для загадочности.

— Хе... хе... так и будешь торчать, как фок-мачта посередь палубы? Кружки сам знаешь, где.

Лу заявился из второй комнаты, хватаясь за петли, свисавшие с потолка, словно диковинная старая высохшая обезьяна. В последний его выход в море неустановленная морская тварь отхватила ему нижние конечности до середины бедра. Костылей же старикан не признавал. Вот и обустроил себе жилище по своей фантазии.

Пока я гремел посудой в настенном шкафчике и разгребал залежи книг на столе, Лу

приземлился в кресло и нашарил кисет с табаком.

— Намедни ограбить пытались, — каркнул радостно, — пришлые какие-то, деревенские. Шептались у двери — небось, на весь квартал слышно было. Один еще другому доказать пытался, что дело — легче не бывает. Беспомощный огрызок, хе, хе. Закричать не успеет. А другой-то набожный попался — всё бормотал, что грех же. Перед Стрелком и Мечником — нападать на стариков.

Я выразительно присвистнул, разливая пиво по кружкам. Бедолажки. За время своих скитаний старина Лу успел избороздить Кайетту вдоль и поперек, поторговать на Рифах, набрать коллекцию славных боевых амулетов... А метал ножи и вовсе виртуозно, повисая на одной руке.

— Итог?

— Две лужи у входа, — отозвался Лу и сцапал кружку, — чуть дверь мне не вынесли. Нехорошо старика заставлять на уборку время-то тратить.

— Сколько знаю, ты на нее особенно не тратишься, — заметил я, выразительно созерцая паутину на полках. Лу зыркнул из-под сивых косм и сделал добрый глоток.

— Контракт, Сор? Я-то думал, ты сюда и дорогу забыл. Или, может, кто сделал полезное дело — пришиб тебя уж наконец-то.

— Было дельце. А до этого — еще одно и еще одно. Так что нет, мир пока никто не облагодетельствовал через отрывание моей беспутной башки.

— А может, и хорошо, — беззубо ухмыляясь, заметил Лу. — К тебе ведь привыкаешь, вот какое дело. Как к той детальке, что та тварь мне не успела оторвать, хе, хе. Вроде как и бесполезная штука, а доставляет радость временами. Слышал, ты провалил дельце с жемчугом из-за какого-то щенка из Службы Закона?

— Мое почтение твоим знаниям. Да, портил мне кровь один законник... молодой и чем-то похожий на тебя, разве что с ногами. Мозгов — ни унции, гонору — море, а прилипчивый, как рифская терпенея — не оторвешь.

Еще какое-то время мы с Лу изощрались — кто ярче выразит другому свое искреннее расположение. За это время я выложил снесь — какую на ткань, какую просто на тарелки, нашел две глубокие деревянные кружки, пропитанные ромом, плеснул в них пивка.

— Но ты-то, конечно, по делу приперся, — каркнул Лу и увел у меня кружку с шапкой свежайшей пены. — Кхе... хе. Нет бы зайти, поболтать о пиратстве на Рифах или любовниках женушки Хромого Министра. Или об этом новом сборе на виры, будь он неладен. Ты-то, само собою, приперся, уже имея на руках заказ — раз еще и жратву приволок. Чего надо-то?

— Сущую малость, — отозвался я рассеянно. — Ковчежники.

Лу невозмутимо отхватил половину жареной колбаски и протолкнул ее лепешкой с сыром.

— Ковчежники, — донеслось невнятно, — плохо, плохо. Мало что знаю. Потому как — кому они нужны-то? О наших-то почти и вообще ничего, хоть и появились давно уж, пять лет назад, что ли. Как Илай Юродивый двинул эту идею с питомничком, так и завелись, угу.

Народная любовь к Илаю Вейгордскому начала проявляться сразу же после его воцарения. Любовь народ выражал решительно и горячо: кличками. Юродивый — это еще вполне себе мягко.

— А вообще об этой братии? Мне-то встречаться не приходилось, — я покачал кружкой с пивом. — Слышал только: их мало по всей Кайетте. Что заправляют там варги, что с

бестиями работают. А глазами пощупать не довелось.

Лу добрел стремительно. С каждым принятым внутрь глотком пива, не говоря уже о колбасках. Их он убирал с такой скоростью, что я пожалел: нужно было брать на пару порций больше. А как он жевал, с двумя-то зубами, — я всегда любовался.

— Варги, ха... Слышал легенду о том, откуда взялась Кайетта?

— Лу, — сказал я, приложив руку к груди, — даже я не настолько безнадежен. Да при любой храмовой школе эту историю перво-наперво вбивают в память детишкам. Только ты впервые придешь — а тебе с порога: «Однажды Сотворитель и Отец всего сущего, великий Дикт решил истребить своих детей, ибо опасался их: они были как боги. Тогда его жена, Прародительница и Мать Аканта...»

Цитировалось на одном духу, а вспоминалось еще лучше. Жрица Снежной Девы при нашей храмовой школе за любое искажение этой древней мути порола нещадно.

— В общем, Великая Аканта решила сохранить своих любимцев. Когда Дикт наслал на Благословенные Земли Великий Пожар, она подхватила девятерых и спрятала в ковчежец. Там же заранее были приготовлены семена и животные. И не только животные, а эти самые бестии, потому что Сотворителя и они не радовали то ли видом, то ли характером. В общем, Аканта решила спасти всех. Со своим ковчежцем она понеслась подальше от горящей земли, через Благословенное море. Ты, кстати, заметил, что у них там все изначально было благословенное: небо, море, огонь...

Лу сделал добрый глоток пивка и довольно потер узловатые ручки.

— Она бежала, держа ковчежец над головой, — начал он, завывая так, будто рассказывал страшную историю детишкам на ночь. — В волнах моря, которые то доставали ее колени, то захлестывали до груди.

— Слушай, а куда она вообще хотела добраться? Второй-то Благословенной Земли как будто и не было?

Лу глянул на меня, точь-в-точь как смотрела жрица перед тем, как дать мне первого леща.

— Черти водные, ты чего от бабы вообще хочешь?! Сказано в легенде — запихала в ковчежец и понеслась куда подальше. Хе. Правда, не добежала: услышала позади себя грозный глас супруга, споткнулась и выпустила ковчежец из рук.

— Ковчежец упал на каменистую отмель, да и разбился, — вставил я, набулькивая в свою кружку еще. — А Великая Мать начала голосить. Как-то тоже по-женски.

Лу огорченно крякнул — никак, обижался за отсутствие во мне почтения к легенде. У самого его этого почтения не было ни на грош. Но, наверное, он на меня рассчитывал.

— Да, разбился. Вся Кайетта — разбитый ковчег. Мелкие осколки — Рифы, за которые не прошел еще ни один корабль. Остальное — сам ковчег, который «был создан из скорлупы ореха в Благословенных Землях и потому наделен плодоносностью». Так что сразу же и зацвел. А дети Первоотца и Первоматери не пострадали: вышли из осколков невредимыми.

Девять Детей, да, Круг Девятерых. В некоторых храмах малюют девять детских фигурок, но чаще храмы строятся кому-то одному. Стрелок — прекрасный, сияющий и гибкий; Мечник — приземистый, с грубо высеченными чертами лица воина; Даритель Огня — юноша, всегда держащий цветок пламени; Хозяйка Вод или Глубинница — особо почитаема, стоит на заваленных водорослями и рыбой постаментах с сеткой и веслом. Травницу чтут земледельцы, оттого ее храмы в цветах и зернах; к Мастеру — устремленному в небо и вечно держащему в руках какой-то инструмент — идут те, кто связан с ремеслом.

Ну, и как же без Целительницы — строгой и милосердной, при храмах которой строят больницы. Мне-то больше подходит Снежная Дева — по схожести дара — только вот все истории, связанные с ней, печальные. И храмы безжизненные, так что холодом пробирают.

И есть еще Страница, Спутница, Перекрестница — в общем, как ее только не называют, покровительницу мудрости, магии и смерти, которой не ставят храмы.

— Ага, а что случилось дальше? Дети вступили в брак, нарожали детей, создали первые народы и первые королевства. Стрелок и Травница, Мечник и Целительница, Даритель Огня и Снежная Дева, Мастер и Глубинница. Прямо скажем, не по сходству подбирались, хе, хе. Потому-то и вышла ссора между всеми супругами разом: а каким быть деточкам? Какой магией владеть? Жены стояли за одно, мужья за другое...

— Мать моя мурена, — сказал я тоскливо, вспоминая свою бывшую. — Почему даже сотворение мира в этой стране объясняется грандиозной семейной сваркой?

Лу в ответ захекал с удвоенным злорадством. Потянулся за последней колбаской и безжалостно «увел» ее у меня из-под носа. Дай старикану волю — и он начнет повествовать, как изменял пяти своим женам (или шести? кажись, он сам так и не определился) с вовсе бесчисленными любовницами. Старикан в молодости был изрядный ходок по этому делу. Он одними подробностями своих историй мог бы зарабатывать на жизнь.

— ...и тогда опять вмешалась Великая Мать. Сняла с шеи кулон, подаренный ей мужем ко дню свадьбы, сорвала с цепочки и водрузила Камень посередь Кайетты, доверив ему право награждать каждого ребенка Даром. Что он, вроде как, и делает до сих пор.

Лу закашлялся и глянул на свою морщинистую ладонь. Там была волнистая линия — Печать Заклинателя Ветра, обычная для моряка. В мою ладонь впечатана снежинка — отец всё ворчал: «Ну, на кой?!» — набрасывался на мать, мол, она с чего-то виновата, мог бы быть Мечником или Стрелком, или хоть тоже морским, профессии почитаемые. А вышло... да вот что вышло. Дар не выбирают. Вернее, выбираем, но не мы. Чертова легендарная каменюка, воспетая поэтами.

— Это не объясняет, откуда появились варги.

— Это не объясняет, откуда явились такие обормоты, как ты, — хрипло каркнул Лу. — Хе, хе... ничего не знающие. Говорите — все дети Первородителей вступили в брак, и только одна осталась Страницей, «потому что решила всю себя отдать мудрости и искусствам»? Ага, как же! Больше легенд наших жреческих слушайте, туды их в омут. По первой-то легенде было десять детей. Десятым был Керрент, любимец своей матушки. Он-то и сватался к Спутнице, когда она еще Спутницей не была. Так она ему отказала. Ну, такое-то кому приятно: вот он и взял ее силком, а сына с дочкой, которые у нее родились, забрал себе и ушел в лес. Мол, я на вас на всех — тьфу, а лучше буду с дикими зверями жить, они мол, мне понятнее. Там и жил, остальным братьям и сестрам не показывался. Все возился с бестиями и детей тому обучил: понимать, укрощать, соединяться с ними разумом. Он был Первым Варгом, детишки его пошли за ним, и этот Дар переняли их потомки. Ты заметь: никто из варгов не носит своих детишек к Камню. У них и Печатей-то никогда не бывает, а если такого ребенка к Камню принести — ничего не случится. Дар в них с детства сидит, вот оно как. По крови передается. Иногда, бывает, — через поколения, но передается.

Я потер лоб. Подошел к окну, распахнул его — освежиться, хотя как освежишься, когда на улице так и жарит? Лу недоволю что-то каркнул — мол, чего солнечный свет выпускаешь, и так его больше тут, чем положено. Приподнялся, хватаясь за ременные петли, ловко перебрался в дальний угол, где потемнее. Достал кисет с табаком и принялся не спеша

набивать коротенькую трубку.

— Так, — сказал я медленно. — Переварил. Что еще?

— А что еще? Странница тогда и стала Странницей. Неуловимой. Сбежала от позора, а может, пыталась детишек найти — кто там эту легенду знает. Вот еще что интересно. Этот Керрент, который Первоварг... не скучал он там в лесах, в общем. Без женского общества. То ли ему было невоготу, то ли вообще был неразборчивый, но он начал не только отлавливать животных и бестий, а и...

— Ты что — серьезно?!

Лу захихикал из клубов дыма, трубочка запыхала ожесточенно, алый отсвет подсветил невероятно довольную физиономию.

— Ну, а чего, ты думаешь, эту историю малышне при храмах не рассказывают? Тут, понимаешь, отделанная Странница — прям как девка на сеновале — да еще и этот Керрент со своими случками. После которых произошли терраанты, Дикие Люди, то есть, или как их там еще называют. Ты вообще где-нибудь слышал легенды, которые бы объясняли их происхождение? Это и в книгах редко где попадет, выжгли почти все. А мне как-то из-под полы дали, кто-то записывал эти необработанные легенды. Так чего там только нет: раз, например, Мечник подкараулил Травницу на лужку, да и...

— Лу, — сказал я стойко, — сперва варги.

Зря сказал, старика в такие моменты проще выслушать. Напыжился, чуть не подавился трубкой и завел старую песнь, что он, мол, со всей душой, готов, можно сказать, от себя оторвать — а я, неблагодарный...

— Что варги? Жили варги, да. Плодились. Могушества много было — так а у кого его не было, в давние времена. Древние, говорят, даже помереть не могли, как обычные маги: доживали до старости, а потом переселялись в тело какого-нибудь дракона. Отсюда и драконы пошли говорящие. Жили по лесам, копили всю эту... звериную мудрость. Бестий изучали. Иногда выходили, помогали — если бестии уж сильно начинали кого-то жрать. Ну, а теперь повымерли, растеряли могушество, во всём Вейгорде их трех десятков не наберется, а по Кайетте — кто его знает, не считал. В общинах своих сидят, а то есть одиночки, а некоторые вот, зарабатывают в группах ковчежников. От кого эти группы пошли и кто их ковчежниками прозвал — вир его знает, ты это у Арделла спроси.

— Точно, спрошу, — пообещал я, откидываясь на кресле, — особенно если ты скажешь мне, кто это.

— Вообще-то, твой будущий начальник, — просипели из угла. — Гриз Арделл, глава здешних ковчежников. Говорят — лютый мужик.

Я почувствовал, как дернулась щека. Если в Вейгорде про кого-то говорят — «лютый мужик» — мужик представляет собой помесь бешеного дракона и самого отбитого вейгордского пса. Для вейгордцев муж, который напивается дважды в девятницу, лупит жену, а потом лупит и соседей — это «пусечка».

— Кто говорит? Те, кто его видел?

— Кто о нем слышал — те говорят, — отрубил Лу, подтягиваясь на петлях, чтобы сесть поудобнее. — Варг, конечно. Его вроде как уважают в самой Академии, заказы ему шлют, если какая зверушка взбесится. Правда, ходят слухи, что справедливый, так ведь ходят же слухи, что работников у него недостаток как раз из-за зверского характера. Особливо нерадивых, говорят, отправляет на корм своим питомцам. Виверниям или алапардам.

— Ну, это ты, разумеется, загнул, — ухмыльнулся я. Сам почувствовал, что улыбка

вышла кривоватой. — Или не загнул?

Единственное, что я получил в ответ — новую порцию трескучего смеха. Будто там, в тени под ременными петлями сидела какая-то редкостная птица. Озабоченная тем, как бы испортить мне настроение еще больше.

— За что купил — за то продал, хе, хе. Ты там поосторожнее с этим Арделлом. Собираешься переговоры вести — в ссоры с ним не суйся. Торговать собираешься — облапошивай аккуратно, как отец сыну советую, хе, хе. Не нарывайся, словом.

Я подергал свисающую прямо над плечом ременную петлю. Она качалась с отвратительным скрипом. Ни дать ни взять — на виселице.

— Точно, дружище, — сказал я, глядя на петлю. — Спасибо за совет. Работа у меня такая — чтобы не нарываться.

Крыса внутри залилась мерзеньким визгливым смехом.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ. ГРЫЗУН НА ПАЛУБЕ

«...в некоторых случаях руководство стаями берут на себя самки.

Самцы же выступают скорее в качестве украшения и для привлечения внимания...»

Энциклопедия Кайетты

«КРЫСА» ЧЕТВЁРТОГО РАНГА

С запиской лютому, но справедливому господину Арделлу пришлось повозиться. Из кипы бумаг я выкопал основательно засаленный огрызок, отыскал царапучее гусиное перо и взмолился Дарителю Огня, дабы на меня снизошел огонь вдохновения. Шиш, показанный божественной десницей в ответ, был единственной вдохновенной искоркой. Потому изложил я коротко: так и так, хочу работать у вас, помираю — не могу, если вдруг нужен надежный маг с Даром Холода — это про меня. Испытываю, в общем, неистребимое желание увидеться лично и проявить себя.

Пересчитал сделанные ошибки — достаточно для среднего наемника. Подписал «Кейн Далли» — этим именем ещё можно было пользоваться. Заботливо посадил пару клякс, высушил, запихал в тубус и отправил водной почтой.

Рассуждая примерно в таком ключе: Стольфси говорил, ковчезникам постоянно нужны работники. Клынут — ладно, не клынут — продолжим осаду. От Вейгорд-тена до питомника миль тридцать: не обернутся за трое суток — там видно будет.

Лютый господин Арделл обернулся за сутки. С работниками у ковчезников была беда. С написанием писем у господина Арделла дела обстояли примерно так же: ответная записка содержала короткое «19-го Стрелка, полдень». Неразборчивую подпись наполовину закрывала клякса вдвое больше и внушительнее моих.

На дворе как раз стояло 18-е, Луна Стрелка шла на убыль, оставалось меньше суток на подготовку. Ну, лицо с необходимой наемнику помятостью и щетиной — это-то при мне; куртку, вопившую каждой заплатой «Мне очень нужны деньги!», я извлек из шкафа; к куртке прихватил кастет и пару амулетов, плюс ножичек в потайном кармашке. Зашел еще к Милке, а затем и к Лу.

И уже перед самым своим уходом как-то получилось, что завернул в храм Круга на южной окраине Вейгорда.

Не могу себя назвать религиозным: верю я разве что в судьбу. Но после какого-то витка падения с жизненной лестницы (в моем случае — с витой, длинной и ведущей в дурное никуда) — начинаешь призадумываться. Слишком уж много совпадений, и потому вполне возможно, что мир наш управляется извне. Кем-то, у кого отвратительное чувство юмора.

Так что уж лучше не оставлять за спиной и выкинуть пару лишних монет впрок.

Храм Круга был небольшим и полным до краёв мамаш с визжащими детьми — этого добра в Вейгорде больше, чем даже собак. Мамаша перекидывались последними новостями и украдкой пожевывали оливки. Дети пытались опрокинуть на себя как можно больше светильников, жрецы старались не отдать светильники на поругание. В целом, напоминало малый филиал Братских Войн. Девять статуй в Круге — четыре пары и Перекрестница поодаль — взирали на этот бардак со сдержанным одобрением.

Я положил серебряную рыбешку-монету в жертвенный желоб перед Стрелком — покровителем месяца. На всякий случай добавил такую же Снежной Деве — чтобы магия не оставила в нужный момент. И Целительнице — точно лишней не будет, с таким-то заданием. Подумал, подошел к Перекрестнице.

Наверное, если есть покровительница тех, кто постоянно спасает свою шкуру — то это она. Спутница, которая сама как-то ударилась в бега. Я постоял еще — смотрел на длинный балахон, на закрытое капюшоном лицо, на протянутую ладонь из серого мрамора, которая, казалось, сейчас дернется и поманит пальцем.

Выложил в истертый желоб для пожертвований две монеты.

Жаль, тут нет этого самого десятого — покровителя бестий и маминого любимчика Керрента. Хотя даже хорошо, что нет: иначе не знаешь — то ли дать ему пожертвование, а то ли в морду.

Вир расположился недалеко от храма Круга, сразу за южными воротами. Вокруг приземистой зеленой постройки прохаживались торговцы, бросающие друг на друга полные огненной ненависти взгляды. Во всю глотку расхваливали мелкие амулеты («Не вымокнешь во время пути!»), артефакты направления («Дорогой-любезный, клянусь Глубинницей — всегда вынесет, куда надо!»), обереги от вирных тварей («Эта ракушка спасла мне жизнь восемь раз, но за разумную сумму...») и общемагическую дребедень. Гам стоял истинно вейгордский, но дежурный в облегченной тунике ухитрился тихо дремать у двери здания, откинувшись на кресле как на троне.

— Питомник, — сказал я, звонко отсчитывая в чашку пять медных монет.

Дежурный подарил мне в ответ царственный зевок. Я толкнул дверь и оказался в полутьме, наедине с легкой водной пылью, летящей в лицо.

Идти сквозь Водное Окно страшновато, и в тысячный раз — как в первый. Я навиделся разных виров: кристально чистых и полузаблоченных; таких узких, что кажется — не пролезешь, и размерами с добрый дом; с выложенными мрамором краями (один так был даже во дворце) и наполовину заросших камышом; и внешне медленных, и яростно буйных, но внутри они — одинаковы. Коварны, таинственны и чужеродны.

Говорят, в древние времена как-то созвали со всей Кайетты мудрецов — чтобы ответили: что это такое, откуда возникло и как Водные Окна сообщаются между собой. В ответе мудрецов было сплошь про предвечные благословенные силы, богов и «лучше бы в такие дела вообще не соваться».

Здесь вир был размером десять на десять локтей, с ровными песчаными краями. Над вращающейся и кипящей бездной воды чья-то добрая душа пристроила мостик: если сигать, то уж с головой. Было бы интересно этой самой головой столкнуться с кем-нибудь, кто идет навстречу тебе.

Но столкновений никогда не бывает. Так уж, видимо, тут все работает.

Водный амулет, который я выгащил из кармана, пообтерся, камни на плавниках у морского конька поблескивали тускло: на три прохода осталось, не больше. Потом — либо покупать новый, либо снова заряжать этот же в лавке у кого-нибудь с Даром Мастера. Либо вылезать из вира мокрым насквозь, как и поступают те, у кого вовсе нет денег.

— Поплыли, — сказал я, сигая в водную бездону.

В уши рванул шум водного потока, остро захотелось закрыть глаза, в которые просилась серо-синяя круговерть. Замелькали вокруг темные провалы, мутные морды невиданных рыб, водовороты, завихрения, остовы лодок. В Кайетте немного людей, которые находят

путешествия через вир привлекательнымир: кому понравится, когда тебя несет и крутит, а вместо молитв или ругательств нужно держать в голове конечный пункт назначения.

Питомник Вейгорда.

Мы с серым братцем вцепились в эти слова намертво, так только крысы умеют. И нас потянуло через бешено бурлящую воду. Потом вышвырнуло, будто пробку от бутылки. С завтраком я не расстался, исключительно по той причине, что ничего не ел. Переваривать что-нибудь, пока вир переваривает тебя — сегодня мне как-то не хотелось на это идти.

Нащупал поручень, оттолкнулся, вскарабкался по ладно сделанным ступенькам. Пощупал влажные волосы — что-то нужно делать с подлюгой-амулетом.

Здесьнее Водное Окно располагалось под открытым небом, зато перильца были затейливые — в виде драконовых голов. На деревянном помосте у вира не было видно озирающейся публики — и никто не вылезал, как я, наверх, цепляясь за поручни. Оживленное местечко.

Ближайший указатель был скуп на стрелки. «Питомник» — надпись на той, которая указывает на юг. «Ручьище» — это на второй, которая ведет на восток. «Свин и свирель» — а это уже к западу, по дороге. Потускневшая стрелка в самом низу тоже вела на юг и обозначала: «Гостиница „Ковчежец”» — видать, у хозяина было своеобразное чувство юмора.

До питомника пришлось минут двадцать топтать в одиночестве по пыльной дороге. Вдоль внушительного вида забора. За решеткой забора сперва расстилался тихого и мирного вида лес, потом начался такого же вида сад с огромными, замшелыми деревьями. Тварей с огненными глазами поблизости не наблюдалось.

За всю дорогу навстречу только и попался, что загорелый мужичок в крытой повозке. Повозку тянула кляча, у которой поперек морды виднелось однозначное желание поскорее пойти на колбасу.

— Табак, сыр, сладости, — протянул в нос мужичок, когда мы с ним поравнялись. — Оружие, соль, одежда. Все остальное — по вашему желанию.

Судя по виду местного торговца — он не отказался бы пойти на колбасу за компанию со своим скакуном.

— Оберегов от бестий нет? — поинтересовался я, сходя с дороги.

Из-под нависших бровей на меня посмотрели невыносимо унылым взглядом.

— От местных — нет. Если ты браконьер — Арделл тебя всё равно пришьет. А если такой чокнутый, что пришел сюда наниматься — то тебе и амулет не поможет.

— Что же мне поможет в таком-то случае?

Мужичок немного пожевал губами и принялся монотонно перечислять:

— Есть вино — коли вздумаешь пить с Лортенем или Изой. Есть сахар — коли решишь с Мел лезть в дружбу. Есть сладости для Йоллы. Есть хорошие грибы — коли вдруг поймешь, куда вляпался. Есть противоядие — коли поссоришься с Амандой. Есть похабные картинки из Велейсы — коли захочется завести беседы с вольерными или егерями. Есть специи из Даматы — если надо будет для Фрезы...

На похабные картинку или грибы я не отважился, зато разжился сахаром, сладостями и специями. Заодно поинтересовался, есть ли что-нибудь для Арделла. Мужичок хмыкнул и пояснил, что тут «всё бесполезно». Потом посмотрел на меня, как на больного, сообщил, что приезжает через день, и укатил в сторону, где располагалось Ручьище.

Оставалось только дойти до ворот питомника и удостовериться, что никто не горит

желанием меня встречать с распростертыми объятиями. Ворота были нараспашку. На одной из створок виднелась надпись, оповещающая, что «Его милости Илая Вейгордского питомник дивных, редких, опасных тварей» находится именно здесь. Вторая надпись, пониже, гласила, что на корм животным принимаются любые пожертвования.

Вход в питомник был явно бесплатным, но местечко популярностью не пользовалось. За воротами я раскланялся с мамочкой и доченькой — те, размахивая руками, обсуждали, «как бесчеловечно держать зверушек в клетке».

У клеток, которые начинались через полсотни шагов от ворот, расхаживали еще какие-то люди — наверное, посетители. Десяток, может, больше. Наверное, нужно было отправить господину Арделлу еще одно послание. И поинтересоваться — куда я, собственно, должен был явиться.

Я с тоской оглянулся на ворота, потом обернулся и обнаружил, что дорогу мне загораживает небритое тело лет двадцати пяти-двадцати семи, смуглое, длинноносое и черноглазое.

— Ты мне сердце разбил, — хрипло сказала после этого тело. — Я вообще-то думал, что ты — хорошенькая блондинка.

Я поморгал.

— Или брюнетка, — безутешно продолжал парниша. — Или рыжая... Что-нибудь, что скрасило бы мои деньки в этой безотрадной дыре мироздания. Понимаешь, я влачу ужасное существование. Среди снобов, грязных животных и деревенских женщин, от которых пахнет чесноком.

И неплохого вина, кажется. Во всяком случае, мой нос различает нотки позапрошгодней южной лозы в аромате, который идет впереди собеседника.

— Как ты так мог со мной поступить? — спросил тот, и я почувствовал жгучий стыд за то, что не оказался хорошенькой блондинкой. — Погоди-погоди... но если так... почему тебя тогда зовут «Кейна»? Ты что, из этих, которые...

Вид у него был такой, будто он в полном восторге.

— Кейн, — выпалил я. — Кейн Далли, я это... писал, да. На работу чтобы. А теперь вот мне бы главного, ну и...

Парниша небрежно махнул рукой, показывая, что главный тут он (портрет грозного господина Арделла в моём мозгу крикнул и просел). Осмотрел меня с таким разочарованием, что я понял: сейчас меня отдадут на съедение какому-нибудь питомцу. Шатнулся. И вдруг спросил трагическим шепотом:

— Погоди, может, ты еще и не пьешь?!

Мой вид, полный праведного негодования, стал лучшим ответом. «Лютый господин Арделл» просиял и потряс мне руку.

— Тогда мы сработаемся, дружище... тогда сработаемся. Считаю, ты принят. Пойдем, пойдем в мою резиденцию... это нужно отметить. Ты принят. Да.

Путь к резиденции мы миновали уже закадычными друзьями: начальство висело у меня на плече, радостно заплеталось ногами и бубнило не умолкая.

— Не представляешь, каково это — руководить таким местечком, как это. Проклятый зверинец. Кровожадные твари. Все эти... посетители, — рука щедро указала на десяток посетителей у клеток. — «Покачайте мою маленькую на грифоне, я дам вам серебряную монету!» «А вы можете продать нам детеныша виверния, мы будем держать его дома и даже сделаем ему небольшую клеточку!» И еще, — тут он остановился и с отчаянием выкрикнул в

пространство: — Посетительницы сплошь страшные! Знаешь, на что приходится идти, чтобы не умереть от недостатка женского внимания?!

Я поддакивал, сочувствовал и срисовывал глазами местность.

Сразу же за воротами начинается зверинец — манок для посетителей. Три десятка клеток, загонов, вольеров. Вон единороги, вон яприли — твари наподобие дикой свиньи, только темно-зеленые и поопаснее. Травоядные по одну сторону, хищники по другую, из клеток доносится рык чего-то явно кровожадного (виверний? мантикора?). Направо скромный павильон, на котором написано «Птичник». Вязы, пальмы, яблони, кусты, папоротник — разная природа, словом, повсюду. Всё вперемешку. Пара служащих, по виду деревенских парней. Хмурые. Пробежала девчонка лет десяти, усмехнулась, замахала чумазой ладошкой — местная? Посетители — две громкоголосые матроны... если они все на внешность тут такие — можно понять начальство.

Налево, за клетками деревянное двухэтажное здание, немаленькое. Рядом с ним еще пристройки, а потом кусты, не разглядеть.

— А это...

— А, — махнул рукой «лютый господин». — Для работников. Раньше здесь была харчевня... или гостиница... «Ковчежец», да? Теперь живут те, кто составляет несчастье моей жизни. Возьмись... с этими тварями. Конечно, мы заключили договор, но если бы они знали место! Здесь обитает ужасная женщина, ох. Дружище, ты ведь тоже считаешь, что дева хрупкая и длинноволо... светловоло... как это в той песни о рыцарях... что она не должна бы командовать? В Айлоре у руля королева, согласен, но женщина, которая распоряжается... бр-р-р!

— В Айлоре у руля Хромой Министр, — пробормотал я. — А насчет баб у командования — очень согласен. Моя бывшая, понимаешь ли...

Мы замечательно излили друг другу душу. Попутно паренек сделал робкую попытку объяснить, чем же тут занимаются: «Это решение нашего... ик, государя... чтобы охранять животных... вон там закрытая часть питомника, мы охраняем ее... вернее, они охраняют, а еще спасают, лечат... а, к черту».

Зато мне продемонстрировали «резиденцию» — небольшой новенький особнячок, даже с колоннами. В холле особнячка стойко переплелись запахи вина, пыли и благородного нежелания убираться. Сам холл был основательно превращен в гостиную: с мягкой мебелью, полумраком, шкурами на полу и массой бутылок по шкурам. Повсюду валялись карты, канделябры, оружие, кубки и чье-то белье. Я почувствовал себя дома.

— Дружище, ты мой спаситель, — выдохнул парень, когда я сгрузил его на софу. — И сейчас мы свершим возлияние. Обязательно. Понимаешь, грозный глас той, что породила меня, еще нескоро раздастся над моей главою грешника... я надеюсь... так что свершим! Только найдем чистые бокалы.

Чистых бокалов не нашлось, так что довольствоваться пришлось кружками в пинту. Парниша беззастенчиво разлил бутылку на две кружки и выдохнул:

— А, и доливать не придется. Словно чернь, словно пирующие нойя у костра! — Всучил кружку мне и сделал большой глоток из своей. — Понимаешь, они все непьющие, черти бы их брали. Здесь была пара-тройка нормальных, но быстро перевелись, так что надежда на тебя. Мел сплошь в зверушках, Аманда может тебя отравить, Уна — ха, сплошь незаметность, а Нэйш... кто в здравом уме будет пить с Нэйшем, я вас спрашиваю?! И вот уже я опускаюсь на дно, потому что у меня нет соответствующей компании, и я пью со

слугами или со зрителями, или с посетителями, и чтобы добраться до приличной вечеринки мне приходится сбегать, потому что ужасная женщина...

Вино было отличным. Не меньше пяти лет, Айлорские виноградники, видно, кто-то контрабандой притащил, у Айлора и Вейгорда отношения — хуже не придумаешь. Отведать такого — хоть какое-то утешение. Что это не Арделл — я понял достаточно давно: варг бы не стал так говорить о животных. Вопрос остался за тем — кто это тогда?

Хорошее воспитание так и лезет наружу, намекает — богатенький сынок. На ладони — Печать Меча. Оболтус из военных?

— И давно тут всем заправляешь? — поинтересовался я.

— От начала мира, — ответил мне загробный голос с софы. — Когда взошло солнце новой зари и нашего государя осенила идея создать питомник — он отправил меня в постыдную ссылку, и я влачу заточение. Но им было недостаточно моих мук, нет, недостаточно: они приставили ко мне стража! Эту демоницу в человеческом обличье, эту...

— Лортен, ты зачем новичка спёр? — осведомились от дверей. — Никто ничего не знает, я уже думала — он забрел в закрытую часть, и там теперь все сыты.

В полутемный холл, забросанный мохнатыми шкурами и уставленный креслами, пролился свет от дверей. «Явление», — подумалось почему-то, когда я увидел фигуру на пороге. Облеченную в платье, сшитое из неба и с волосами из солнечного света... Ах да, платье голубое, а волосы каштановые, просто в них светит солнце. Забористое вино.

С софы донесся трагический вопль.

— Она явилась! О, горе моей несправедливой жизни!

За воплем по воздуху пролетела тапка, от которой женщина — девушка? — и не подумала уклоняться: у Лортена был сильно сбит прицел. Раздалось шуршание. Лортен, или как там его, пополз прятаться под софу, бубня, что никто не извлечет его из убежища, где он намерен вкушать прелести беззаботной жизни.

— Целительница Премилосердная, какое же тут свинство, — весело заговорила девушка, озирая холл, меня, очень много бутылок на полу и полупустые кружки. — Лортен, я тебе не нянька всё-таки. Поэтому выползешь ты сам и отрезвляющее примешь самостоятельно.

— Ты... обслуживающий персонал, — невнятно донеслось из-под софы. — Потому могла бы сделать кофе. Вкуснейший кофе с восточных окраин Даматы. Только для истинных аристократов.

— С удовольствием. Могу поручить варку Аманде. А потом принести и влить в тебя. Хочешь кофе, хозяин мой?

Под софой застонало, заскрипело, и раздался мрачный ответ:

— ...нет.

— Тогда верни себе человеческий облик, к вечеру тут будет вдова Олсен, а она собирается дать питомнику денег в благотворительных целях.

— Старая гримза, — безутешно донеслось из-под софы.

— Именно поэтому с ней не могу говорить я — она сочтет мое поведение неблагонравным.

— Ужасные женщины, — едко несло из-под мебели, — ужасные женщины всегда поймут друг друга.

Затем там захрапели — очень возможно, что притворно. На девушку это особого впечатления не произвело.

— Я попрошу Изу зайти к тебе, чтобы привести это в порядок. Если это можно привести в порядок. Думаю, она уже в состоянии. Если за час до визита Олсен ты не будешь в приличной форме — тебе нанесет визит Аманда. Понял?

Что-то зашуршало, и я услышал невнятное бормотание:

— ...ты вообще должна называть меня на вы...

Девушка выдохнула и перевела взгляд на меня.

— Кейн Далли, так? Идём, я покажу, куда нужно.

Когда тебя приглашает дивное видение в дверях — очень сложно отказаться. За спиной раздался стон наподобие «Не оставляй меня, друг!» — но я все-таки поборол угрызения совести, оставил кружку на столе и шагнул к свету. Спросил участливо:

— Трудно с ним, а?

Молодая женщина (всё же ошибся с возрастом, с виду ей было не меньше тридцати) вздохнула. Не улыбнулась, но показала ямочки на усыпанных веснушками щеках.

— Бывает. Вреда от него немного, и обычно он играет свою роль главы питомника даже с воодушевлением, но этот загул что-то длительный. Главное ему не потакать. И не пить с ним. Если ты — можно на ты? — будешь работать с животными... спиртное — раздражитель. Под хмельком опасно даже в открытой части питомника, ну а уж в закрытой... У нас тут из-за этого уже погиб кое-кто. Несколько кое-кого, если точнее — хотя предупреждаем мы всех. Но егеря и служители часто из деревень — само собой, любят выпить.

Запрет на спиртное. Теперь в дополнение к этому дню нужно, чтобы с небес посыпались громы и молнии. Или явился настоящий лютый господин Арделл. Из этой самой закрытой части, о которой уже была речь.

— Глава питомника, ну надо ж. Как парня вообще так угораздило? Я так понимаю, загремел за какую-то провинность, а?

Говорить с ней было легко. Говорить и задавать вопросы. Редко я встречал такие открытые лица, да и такое ощущение, что человек мне нравится, возникало в жизни раза два, не больше. Не как женщина, хотя она была вполне себе симпатичной: совсем чуть повыше меня, гибкая, телосложение без изрядностей, но и кости наружу не выпирают, волосы цвета спелого каштана подобраны в высокую причёску, из которой повыбились прядки; нос бойко вздернут, глаза большие серые, с разводами какими-то будто. Но она понравилась просто как человек, который вдруг обращается к тебе так, будто вы сто лет знакомы, и все сто лет он к тебе испытывал искреннее расположение. А я отвык от расположения кучу времени назад, еще когда во мне не поселился грызун с серым хвостом.

— Точно. Лортены из местной знати, приближенной к королевскому двору. Так что Алдгар Лортенский мог бы рассчитывать на отличную карьеру при дворе. Но не сложилось: какие-то нарушения дисциплины.

— Самоволки в публичные дома, дезертирство со службы, пьянство на посту, карты, дамы, кабаки? — разумно предположил я.

— Ага. Проступки были довольно серьезными, так что Лортену грозило позорное разжалование. Но тут вмешалась его мать, вдова... испросила у короля приставить сына к какому-нибудь государственному делу. А Илай Вейгордский как раз решил создать этот питомник — и вот шесть лет назад Лортен его... как бы сказать... возглавил.

— С тех пор с ним мучаешься?

Она кивнула. Приостановила ту самую девчонку лет десяти, которая теперь неслась уже

обратно.

— Йолла, если твоя мама может — пусть пойдет к Лортену, хорошо? Нужно прибраться.

Девчонка завела глазки, потеревила белобрысую прядку и вдруг выдала знакомым тоном:

— Ужасная женщина пришла и разрушила храм наслаждений, который я возвёл. О, я должен совершить возлияние!

Посмотрела, как я смеюсь, состроила глуповато-тоскливую мину (Лортен в миниатюре), подмигнула и унеслась. Женщина в голубом платье, правда, только чуть усмехнулась. Вслед маленькой Йолле смотрела скорее с тревогой. Ладно, похоже, она тут всех знает, кем бы она ни была (помощница? распорядительница?). Может, хоть кто-то подарит мне долгожданную информацию.

— А Арделл? — рискнул я. Собеседница вскинула брови, пробормотала:

— А что Арделл?

Похоже, её больше интересовали те самые матроны, которые решили покормить с руки какого-то кошачьего в клетке. Моя спутница отвлеклась, чтобы обозначить: «Знаете, для алапарда ваша рука — слишком легкая закуска, суйте прямо голову!» И только потом обернулась ко мне.

— Он-то чем тут занимается? Вроде как, я пришел наниматься к ковчежникам...

— Знаю, — она махнула рукой на бывшую гостиницу. — Они располагаются вот тут, жить будешь здесь, запоминай. Ты ведь раньше с животными не работал?

— Да вот не доводилось, — пробормотал я.

— Тогда сначала ты будешь на обучении в зверинце — это вон те вольеры и клетки, их ты видел. Потом познакомишься с теми, что за «Ковчежцем» — там ведется настоящая работа: животные не для показа публике. Слишком редкие, или слишком... нервные. Или слишком опасные. Которых нужно лечить, разводить, охранять, дрессировать. Дальше. Будешь патрулировать закрытую часть — туда навешиваются браконьеры, чтобы поживиться. Главное — чтобы при этом тобой не поживился кто-то. В закрытой части бестии дикие и гуляют на воле.

— Ого?

— Так ведь для чего и создавалось.

Она остановилась возле клетки, где сопели несколько пепельных волков — хвосты и загривки унизаны черными иглами.

— Арделл — глава группы ковчежников. Настоящие вызовы обычно приходят не из питомника. Со всей Кайетты. Из частных зверинцев аристократов. От тех, кто держит животных. Приходится сталкиваться с контрабандистами. Иногда бестии нападают на людей. А твоя задача... у тебя же Дар Холода?

Я молча поднял ладонь, показал Печать.

— Это хорошо. В питомнике много огнедышащих, так что прикрытие никогда не вредит. Да и на вызовах...

Утешила с ног до головы. И пробормотала: «Погоди, дело» — метнулась к какому-то усатому служителю. Я остался наедине с клеткой, из которой на меня недружелюбно лупала глазами бескрылая гарпия. Малоприятное создание, похожее на очень крупную птицу, обросшую чешуёй и где-то потерявшую крылья, зато отрастившую дополнительно гибкий хвост и пару мощных когтистых лап. Гарпия скрежетала зубастым клювом и всем своим видом показывала, что не против попробовать на вкус пару моих пальцев. Или руку. Эта

тварь была мне выше пояса, так что я не сомневался, что она могла мне и шею прокусить.

— Раккантийский подвид, — сказала видение в голубом платье, возникая у моего левого плеча. — Отняли у контрабандистов, с трудом выходили. Горги пока не очень доверяет чужим, да, Горги? Руки к нему в клетку лучше не совать.

— Вот уж не собирался, — заверил я. Новая знакомая задумчиво кивнула, небрежно сунула руку в клетку и похлопала гарпию по чешуйчатой голове. Горги ткнулся головой в клетку и благодарно что-то заклекотал.

Ходячая иллюстрация к тому, как они тут правила соблюдают.

— Кейн, — спохватилась она потом. — Так? Пойдем-ка внутрь. С бумагами разберемся потом, а пока что нужно пояснить в общих чертах — чем мы тут все-таки занимаемся. Любишь животных?

— Терпеть ненавижу, — хмуро сообщил я. — Но ты уж меня не выдавай этому вашему Арделлу. Работа нужна позарез.

Местная помощница кивнула — приняла к сведению. И решительно потащила меня к «Ковчежцу».

По пути я невольно задался вопросом — что все-таки делает в питомнике этот самый Арделл? Его помощница управлялась с делами куда как лихо. Мы только успели дойти до бывшей гостиницы, но по пути пара вольерных получили распоряжение заняться новыми клетками, а шустрая старушка в клетчатом платке — просьбу готовить «поплавок на вечер» (если я верно расслышал). Уже на крыльце мимо нас пробежал худой хмурый подросток со шрамом на щеке и в охотничьей куртке — с ним женщина в голубом перекинулась парой фраз о «вчерашнем пополнении».

— Людей не хватает, — развела руками, проводя меня внутрь дома.

На первом этаже гостиницы когда-то располагалась таверна — теперь ее зал был сильно сужен и превращен во что-то вроде общей гостиной. Широкий деревянный стол, стойка, стулья и кресла, шкура алапарда растянута перед столом, тлеют бревнышки в очаге — с виду вполне себе мило. Стены увешаны картами, на столе стопка книг. Откуда-то издали мягко булькает и доносится аппетитный запах чего-то рыбного.

— Кухня, — пояснила ковчежница, ткнув пальцем в одну из дверей. — На кухне Фреза — к ней можно обращаться по всем делам хозяйственным. Она, так сказать, «желудок».

Насчет желудка я не особенно понял — а переспросить не успел.

Шкура алапарда возле стола лениво зевнула и поднялась.

Видели когда-нибудь алапарда вживую? Лично я — только на картинках. Оказывается, они там были изображены довольно верно — похожи на огромную, до четырёх футов в холке, изящную кошку светло-медового цвета с золотинкой. Пухлые мягкие лапы, круглые уши. И золотые глаза — то есть, вот теперь я увидел, что они золотые. Когда эта штука уставилась на меня с расстояния двух вытянутых рук.

А еще разглядел клыки — полным-полно, очень внушительное зрелище.

В книге еще было сказано, что движение алапарда совершенно бесшумно, а при желании он способен двигаться так, что взглядом почти нельзя разглядеть. Самое быстрое существо Кайетты — и одно из самых опасных.

Двое таких красавцев четверть века назад покромсали в небольшом городке массу людей — говорят, до тысячи счет доходил. Жителей спас только легендарный Ребенок Энкера, который до сих пор считается одним из чудес Кайетты.

Возле меня легендарных детей не наблюдалось. Возле меня наблюдался

принюхивающийся ко мне алапард. А во мне — отчаянно бьющаяся и визжащая крыса.

— Морвил. Иди сюда.

Ковчезница небрежно похлопала рукой по бедру. Алапард качнул узкой, хищной головой, недовольно рыкнул в мою сторону. Вздыбил шерсть на загривке.

— Это новенький, Морвил, — шепнула эта, в голубом платье, и положила руку алапарду на холку. Потрепала за меховое ухо. — Кейн теперь с нами. Ну давай, давай, познакомься с нашим «панцирем»... Вытяни ладонь, Кейн. Главное — не бойся.

Светло-золотистая тварь настороженно водила хвостом. В глазах у нее так и читалось — все, мол, про тебя знаю. Жрать таких как ты положено. Эй, как тебя там, Далли? Не желаешь ли поиграть в кошки-мышки?

— Странно, — пробормотала ковчезница. — С чего бы он так...

И обняла огромную кошку, прошептала что-то — я уловил только «вместе» — и через секунду я почувствовал, как в мою руку ткнулся влажный нос. Потом зверь мурлыкнул — неохотно. Посмотрел поспокойнее, но в глазах так и светилось: «Я за тобой слежу». И улегся следить под стол.

А я пытался отдышаться и успокоить внутреннего грызуна: серый друг совсем сбрендил после знакомства с местной кошечкой. Нужно было срочно изобрести какую-нибудь шуточку. Что-нибудь о том, что, надеюсь, мыши-то у них тут не соответствуют по размеру...

И тут я наконец посмотрел на правую ладонь моей новой знакомой — совершенно чистую ладонь. Без всяких признаков Печати.

И еще глаза... мог бы поклясться, что, когда она обнимала алапарда — в глазах у нее невесть откуда взялась куча зелени. Будто поднялись из глубины и расходились зеленые волны, разводы...

Теперь они выцветали — и глаза опять становились серыми, разве что зеленые узоры чуть-чуть обозначены.

— Варг, — сказал я хриловато. — Ты — варг, да?

Отсутствие Печати еще можно было объяснить — в Кайетте примерно каждый сотый не проходит Посвящение у Камня, остается без магии и считается «пустышкой». Вот только глаза... и умение управляться с животными... и не только с животными.

Остальные выводы пришли как-то сами по себе. Как и фееричное продолжение беседы.

— То есть, ты женщина, — со священным ужасом произнес я.

— С утра была, — с достоинством ответила мне «лютый господин Арделл».

— И ты здесь... в общем...

— Я здесь вроде как главная. Уже пять лет как. В точку.

— А что обозначает «Гриз»? — поинтересовался я убитым тоном.

— Гризельда. Как по мне — так дурацкое имя. Но вот на всех этих старых дев-благотворительниц действует на удивление успокаивающе. Как только слышат полную версию — уверяются, что я целомудрие во плоти. Идешь?

Пересекла комнату и толкнула ближайшую дверь, выводя меня в небольшую уютную каминную, когда-то бывшую частью таверны. У потухшего камина вольготно свернулись два толстенных серых кота. Место дышало лирическим покоем. Моей душе этого покоя как-то очень не доставало.

— Сильно стукнуло? — сочувственно спросила Арделл, усаживаясь на стул возле круглого столика.

— Ну... — протянул я и упал в кресло напротив. — Не сказать, чтобы я уж так всю

жизнь мечтал пойти в подчиненные кому-нибудь в голубом платице.

Чертово вино Лортена. Ты что несешь, Сорный?!

Арделл, правда, не обиделась. Усмехнулась немного печально — и стала казаться совсем девчонкой.

— Не ты один так думаешь. Немногие, знаешь ли, хотят идти в подчиненные к варгу в голубом платице... Платье, к слову, — для благотворительниц. Когда к ним выходишь в рубашке и с кнутом на поясе — они почему-то проникаются ко мне крайним недоверием. Остальным ковчезникам повезло больше... ладно, постой, я тебе покажу.

Она сдвинула в сторону круглую чашу со слабо переливающимся в нем синим кристаллом-сквозником. Из-под стола достала и расстелила крупную карту Кайетты. И принялась показывать шпилькой, которую мимоходом выдернула из своих волос.

— Насколько я знаю, сейчас существует девять групп ковчезников, в разных местах Кайетты. Одна из них — в Аканторе. Две на севере. Три на востоке. Одна на западе. И две на юге — на землях бывшей Таррахоры. Одна — в Айлоре...

— Под крылышком, значит, у Хромого Министра, — проворчал я.

— И лишь одна — в Вейгорде. Мы. При этом именно на землях Вейгорда бестий — пруд пруди, — передо мной теперь развернули карту, где несколько мест были обведены красным. — Вот наши основные точки. Это — три больших зверинца возле городов. Зверей часто содержат непонятно как. Ни смотрители, ни держатели зверинцев сами о них ничего не знают. Болезни, приступы бешенства, побег — на любой вкус. К нам обращаются часто поздно, когда положение уже крайне серьезное. Четыре крупных магната плюс поместья придворных разной степени знатности. Богачи держат бестий для удовольствия... и тоже понятия не имеют, с чем столкнулись. В поместья мы чаще выезжаем на болезни. Вот Академия Таррахоры... лежит между Айлором и Вейгордом, на границе. Одно из пакостнейших мест — студенты ставят над бестиями эксперименты, магистры могут просто по рассеянности вызвать что-нибудь неизвестное из другого мира... Чего стоила их попытка возродить драконов! Ну, и милые мелочи — контрабандисты, браконьеры, подпольные бои животных и нападения на людей в деревнях. Когда речь заходит о бестиях, охотники не всегда могут справиться. Вообще-то, чаще всего у нас тут мирно. Но иногда приходится и пропадать на вызовах девятницами. Бывает, что запросы присылают из других стран — отовсюду, кроме Айлора, конечно. С нами связываются либо по водной почте, либо — если дело срочное — шлют курьеров. Или вызывают через сквозник.

Она махнула рукой на чашу, в которой голубовато светился одинокий кристалл.

— Что еще? Перемещаемся через виры. И есть еще собственное средство перемещения — потом ты увидишь «поплавок». Тебе, как я говорила, придется участвовать в вызовах часто — огнедышащих в Кайетте хватает, да и вообще заморозка много где может пригодиться.

Я покачал головой, малость пришибленный размахом будущих деяний. Питомник, дежурства, больные животные, бешеные животные, разборки с контрабандистами, людоеды...

«У тебя будет очень интересная жизнь, Гроски», — гадко ухмыляясь, сказала откуда-то далеко судьба. Крыса внутри обреченно взвыла.

— С кем или с чем работал? — цепко поинтересовалось новое начальство. Оно все меньше походило на наивную девочку в голубом платице. Взгляд серых глаз с зелеными разводами теперь пугал. Он был теплым, но уж слишком глубоким.

— Проще сказать, с чем не работал. Приходилось торговать, проворачивать сделки в разных местах — от Даматы до Крайтоса. Был охранником, посредником, было дело — на кораблях ходил в рейды. Отлавливал и сдавал разбойничков...

А еще я грыз и пакостил, и обращал в труху, как любой серый, мусорный грызун, каких полно на задних дворах городов или на помойках.

— Проблемы с законом или со старыми знакомыми?

Арделл спрашивала так, будто в каждой комнате дома у нее располагалось по разыскиваемому головорезу. В ответ на мою мину, полную невинности (что? какие проблемы?!) хмыкнула и начала пояснять:

— Ты не выглядишь тем, кто не смог бы устроиться в Вейгорд-тене. Если не в столице, то в других городах Вейгорда. Дар Холода, конечно, встречается часто, но всё же какая нужда толкнула тебя в питомник? Сам ведь сказал — ты недолюбливаешь животных. Ну, а у нас... работа бывает опасной, а денег хватает не всегда.

Ещё у них тут запрет на алкоголь и не в меру проницательное начальство, да-да, я уже усвоил, Стольфси очень мало заплатил мне за это задание.

— Устал, — выдохнул я почти честно. — Выдалась какая-то... знаешь, сплошь чёрная полоса, куда ни сунусь в последние пару лет — с концами. То не заплатят, то контора разорится, то подрядчики перессорятся, дважды вот еще пожар случился, так что я даже начал думать — прокляли меня, что ли.

Крыса внутри расчувствовалась и вытерла голым хвостом пару слезинок. Видать, позабыла, что всякоразные бедствия обрушивались на мои прежние конторы исключительно по причине... как бы это... меня.

— А в Вейгорде мне вот уж как три недели что-то не везло с устройством — срывалось одно за другим. Да и надоело мыкаться по разным шарашкам. Услышал — мол, королевский питомник. Поменьше людей, побольше всяких... бессловесных тварей. Подумал — вдруг да...

И понурить голову, и махнуть рукой: понимаю, что доверия не вызываю, я тут покоцанная жизнью, несчастная крыска, ну пустите же меня на порог...

— Ясно, — сказала Арделл. Откинулась на стуле, небрежно погладила алапарда, ткнувшегося ей в бок. — Я так понимаю, вещей у тебя немного? А, всё с собой. Тогда расположишься на втором этаже «Ковчега» — у нас там жилые комнаты и лекарская. Шестой номер как раз пустует, его и займёшь. Бельё, воду, всё нужное — спросишь на кухне, у Фрезы, заодно и пообедаешь. Через два часа жду тебя здесь — проведу по питомнику, покажу вольеры и службу. С вольерными и егерями потом сам познакомишься, а вот само «тело» у нас небольшое...

Я вопросительно поморгал.

— Тело, — повторила варгиня. — Основатель ковчежников, великий варг Патриц Арнау, уподоблял группу, которая призвана помогать живой природе, живому же телу. И настаивал, что в группу не должен входить только варг — любому магу может найтись место в «теле», вне зависимости от способностей. Мел — наше «чутьё», у неё Дар Следопыта. Аманда — «дыхание», она нойя-целитель с Даром Травника, Хатаа — «слух», она терраант, Рихард Нэйш — «клык», отвечает за устранение... И раз уж у тебя Дар Холода — ты будешь «панцирем», нашей защитой.

Лестно до чрезвычайности — я-то уж успел вообразить себя то ли хвостом, то ли вечным желудком.

— А... ты?

Варгиня, слегка улыбнувшись, указала пальцем на грудь. «Сердце», ну кто бы сомневался.

Кажется, мозга в получившемся теле — клыкастом и бронированном, с чутьем и сердцем — было не предусмотрено. Хотя она же, наверное, назвала не всех — наверняка где-то спрячутся крылья-ноги-хвост...

И мне страшно представить, за что тут может отвечать Лортен.

Арделл не стала держать меня долго. Обрисовала мою долю на вызовах (треть — в бюджет питомника, остальное делится между участниками выезда в соответствии с выполненной работой), бросила пару слов об обязанностях («Сперва походишь у клеток и на мелкие вызовы, а потом кто знает») и подскочила со словами:

— Так что ты тут располагайся, а у меня еще тысяча дел.

Махнула рукой, будто собиралась полететь, и рванула на выход. Спасибо ещё, не забыла алапарда прихватить.

Я уже почти собрался озадаченно раздуть щёки, поскрести затылок и попытаться уместить в своей черепушке последний час.

Почти.

Потому что в следующий миг Гриз Арделл возникла в дверном проёме опять. Уже начиная сдирать с себя голубенькое платье (очень достойное зрелище).

— А, да, Кейн. Самый важный вопрос.

Выглядела она, пожалуй, озабоченной.

— Ты быстро бегать умеешь?

Крыса поперхнулась изнутри вместо меня — мне-то было нельзя. Я же уже начал влезать в шкурку своего парня, самого лучшего сотрудника, просто мечта...

— Ну, во всяком случае, — выдал я, вид имея лихой и придурковатый, — меня пока ещё никто не догнал.

* * *

Расположиться в шестой комнате оказалось не проще, чем разговаривать с новым начальством. Я прогулялся по коридору, пару раз свернул, убедился, что это место выстроил какой-то вдохновенный безумец, насчитал шесть дверей, понял, что все они пошарпаны одинаково...

И что ни на одной нет номера.

«Заодно и познакомлюсь с ушибленными ковчезниками», — радужно прикинул я, протягивая руку, чтобы поскрестись в ближайшую дверь.

— Заблудился, сладкий?

День выдался урожайным на дивные видения. И на занимательных женщин.

Ладно, в этом случае — на ослепительных женщин.

Соблазн пополам со страстью, с ног до головы и во плоти. Черные кудри колечками разбросались по смуглой шее — высунулись из-под цветастого платка. Поблескивают звезды-глаза под дугами-бровями — тоже чёрные. Танцующая походка и фигура богини (внутренний голос после первого взгляда взвыл от восторга) — такой женщине место бы где-нибудь во дворце, среди восхищённых поклонников.

Во дворце — или среди кочевников нойя. Потому что она была из них, из свободного народа, и одевалась как они — блузка с широкими рукавами и развевающаяся юбка в пол. В

таких одеждах они танцуют у костров, или гадают на ярмарках. Или торгуют ядами по подворотням.

— Похоже на то, — отозвался я, малость пришибленный великолепием зрелища. — Я, понимаете ли, думал, что пришел наниматься к ковчежникам — и, кажется, попал в царство Травницы, где все сплошь прекрасные девы. Честно говоря, мне уже и выбираться не хочется.

Красотка-нойя обогрела зазывной улыбкой, и заворковала, начиная потихоньку приближаться:

— Неужто Перекрестница наконец смилостивилась над нами, и «Ковчежец» пополнится мужчиной? Да ещё и настолько учтивым? О, мои молитвы наконец-то были услышаны. Как же мне поминать в молитвах Перекрестнице нашего отважного защитника?

— Кейн. Кейн Далли, — Поднял ладонь в стандартном приветствии — так, чтобы показать Печать. — Можно узнать, кто испарил все мои сомнения насчёт моей новой профессии?

— Аманда, золотенький, — мягче мягкого отозвалась красавица, — можно сразу на ты: жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на официальности. И в любом случае нас ждёт с тобой тесное знакомство: здесь никто не минует моей лекарской...

Стало быть, Травник — ага, вот и Печать на ладони. Странно только, что Арделл назвала ее целителем — все-таки, это два разных Дара. Нойя через одного либо Травники, либо Стрелки.

И почему — Аманда? У женщин нойя сплошь имена-драгоценности, если не ошибаюсь. Полукровка или называется чужим именем?

Об этом я размышлял, пока с восторгом заверял прекрасную нойя, что буду очень, очень рад тесному знакомству, даже если для этого мне придется скормить какую-нибудь часть тела местным бескрылым гарпиям.

В ответ наслаждался залиvistым смехом.

— Будем надеяться, что не придётся, медовый. Части тела приходится беречь: они могут не только оказаться полезными, но и доставлять изрядное удовольствие.

Похоже, мне стоило самому доплатить Стольфси за это задание.

Местная травница проплыла мимо меня, обдав ароматом корицы, гвоздики и ванили. Шепнула на ходу:

— О, не волнуйся, сладкий: причины для встреч будут. Например, вечером тебе придется зайти ко мне за набором зелий, да-да-да? У каждого из нас такой, для заданий, я покажу тебе.

Задержалась, открывая одну из дверей — из неё тут же поплыл густой травяной аромат. И добавила с лукавой улыбкой:

— Между прочим, сегодня я собираюсь печь имбирное печенье.

Подмигнула, обернувшись над плечом, и проплыла в дверь.

И не закрыв её за собой, быстро нагнулась — то ли подобрать что-то, то ли расшнуровать туфлю.

Зря она это сделала: юбка у нее здорово обтягивала фигуру, и вид...

Почему-то вспомнилась пекарня в Крайтосе, где я таскал противни совсем пацаненком. И с противней украдкой от хозяина утаскивал божественно круглые булочки, остро пахнущие корицей.

Запах корицы я чувствовал еще пару секунд после того, как машинально открыл дверь

напротив.

Сокрушительно при этом ошибившись. В выборе этой самой двери.

«Боженьки», — с уважением подумал я, озирая стены, увешанные рамочками. За стеклами распласталось что-то крылатое и местами яркое. Бабочки, стрекозы и цикады мрачновато, как покойники из разоряемого склепа, посматривали на книжные полки. И на длинную доску, увешанную какими-то схемами.

Мрачнее всего здешнее разнообразие паялилось на широкий стол, за которым восседал хозяин помещения. Этот как раз решил увеличить количество рамок еще на одну, потому повернулся в сторону окна и обзирал что-то яркое у себя на ладони.

— Архонт Вериэлла, — прошелестел тип, слегка склоняя голову и не переставая любоваться тварью у себя на ладони. — Совершенно особый вид. Рождается бесцветным. До корня иссушает цветы, соком которых питается, но зато и впитывает в себя их краски. Больше цветов — больше яркости в крыльях.

— Черти водные, красота какая, — восхитился я с запредельной честностью в голосе. Пытаясь при этом понять — где я мог слышать голос. Вроде как, у меня в знакомых не было кучи бабочколюбов... ой, нет. Нет-нет-нет.

Страх пришел сразу, без дополнительных расшаркиваний. Стоило ему самую малость повернуться, услышав мой голос — и я словно грохнулся в воду, провалился в прошлое. Стоял, глядя в точеный профиль, похожий на профиль Стрелка на статуях. И ощущал спиной, что дверь как-то запредельно далеко — целых полшага. И что я вряд ли успею заорать «Привет, я Кейн, я тут новенький, приятно познакомиться, до свидания», а после этого выскочить в эту самую дверь, избежав его взгляда.

Значит, остается выдерживать этот самый взгляд — холодный, неотступный, нацеленный взгляд хищника, брови чуть приподняты в мнимом изумлении. Одна надежда — с Рифов двенадцать лет прошло. Я за это время оброс, обрюзг и растолстел.

Никогда не был так влюблен в свою щетину.

— Мы не встречались раньше?

Тяжелая дверь грохнула, и зазвучали неспешные, размеренные шаги по коридору. Наши костоломы так не ходили: бегали торопливо, сгорбившись, вечно что-то жуя на ходу, перехрюкиваясь шуточками или известиями: в таком-то блоке попытка бунта, а там-то трое подошли от водяной чумы.

— На выход! — бухнуло лениво, и тогда-то мы и встретились с ним взглядом впервые.

Мешковатая серая форма сидела на новеньком слишком ладно и привычно, будто он в ней родился, а жезл охранника он держал небрежно, двумя пальцами, будто тот и не был ему нужен.

И у губ его застыли, отпечатались два полукруга — будто начал улыбаться и решил на этом остановиться.

— Хряешь с этими пахать на восьмое поле, — буркнул Койн. Заросший, в заляпанной форме и рядом с новым охранником — до неприличия звероподобный. — Сорвутся — штаны береги.

— Думаю, все будет в порядке, — безмятежно отозвался новенький. — Правда?

И улыбнулся нам полной предвкушения улыбкой, от которой меня продрало морозом.

Кличка Стрелок закрепилась за ним через сутки после перевода в наш корпус. Смеяться над ним перестали на вторые сутки. Бояться стали на третьи.

На четвертые мы поняли, что бежать нужно не в его смену.

Серый друг, попискивая, извивался внутри. Бился в холодную нацеленность взгляда. Искал выходы.

— Раньше? Да кто там знает, — выдал я хриловато, — я-то много где побывал. Вы, скажем, не были в Хартрате? Да и вообще, многим кажется, что они меня где-то видели. Диво прямо какое-то.

— Да, — сказало мое прошлое во плоти, — удивительное ощущение. Лайл.

На Рифах у нас не было имен — буквы и номера. Блок и порядок поступления. Как и у охранников, к слову — эти больше кличками обходились, даже между собой.

Но он помнил поименно — их и нас. Знал наши дела.

Кажись, мы его равно за это ненавидели. И заключенные, и охранники.

Я вздохнул, потер лоб и облокотился на доску, увешанную схемами.

— Боженьки, — сказал решительно. — Я-то уж понадеялся, что ты твой брат-близнец. Хотя откуда в Кайетте второе такое — ума не приложу.

— Такое? — вскинуло брови мое прошлое.

— Такое. Представь себе, я-то полагал, ты продолжаешь служить на Рифах. Дослужился до главы блока... а, нет, лучше до заместителя Большого Начальника, старины Детраска, этот-то всех переживет. Вгоняешь в трепет заключенных одним своим именем — кстати, как хоть тебя зовут? Устраиваешь показательные казни по воскресеньям. Приветствуешь новичков так, что те ночами рыдают. А ты вдруг тут.

— Ожидания — вещь обоюдоострая, Лайл, — отозвался Стрелок. — Я-то полагал, ты мертв. Как все рифцы, которые бежали с тобой. Сколько вас было? Восемь? Нет, девять, восемь — количество трупов, которое нам удалось сложить. Как мозаику.

Значит, восемь. Я-то до конца надеялся — кто-то еще остался в живых. Пит, или Эрни, или здоровяк Нотгар. Что кто-то исхитрился спрыгнуть с корабля, пройти заграждение-«костоломку», а потом как-то выплыть, просто нас выбросило в разных местах, а Кайетта велика, и потому мы вряд ли когда встретимся.

— Надеюсь, я не задел никаких твоих чувств, — выдал я, прижав руку к груди для пущей искренности. — Тебя не понизили в должности, не подвергли никаким наказаниям, и твоя вера в человечество от этого не ослабла.

— Нет, спасибо за беспокойство, — он говорил так, будто искренне верил: я ночами не спал, а размышлял о его самочувствии. — Вы, в конце концов, бежали не в мою смену. Койну повезло немного меньше. Он перестал жить.

«Туда и дорога», — захотелось ляпнуть. Тюрьма на Рифах из всех делает зверей — и из заключенных, и из охранников, и Койн уж точно прошел полное преобразование.

Хотя мне сейчас как-то важнее, что со мной будет, потому что Стрелок смотрит на меня взглядом хищника, узревшего хорошо приготовленное блюдо.

— И, надеюсь, ты не собираешься сводить счеты за бедного старину Койна? Если что — могу напомнить: суд меня оправдал уже после побега. Так что я чист, как младенец. Как ризы Снежной Девы. Как волосы Стрелка. И как мои карманы в настоящий момент — эталон, уж поверь мне.

Именно так и никак иначе. Я тут честным трудом отчаянно пытаюсь заниматься. Честный бывший уголовник. Пообносившийся, обедневший и дошедший до отчаяния.

Хорошо бы, он не помнил моего дела через двенадцать лет.

— Лайл Гроски, — оправдал мои плохие ожидания старый знакомый. Он вернулся к своей бабочке и принялся устраивать ее в деревянной рамке. — Бывший законник,

приговорённый к двадцати годам заключения на Рифах за...

— Слушай, это в прошлом, — злость даже играть не пришлось. — Мне плевать, веришь ты или нет, только с моей-то историей не особо легко устроиться детишек воспитывать или украшать кремом тортики. Вот, пришлось податься сюда, пока чего получше не подвернется. Черти водные, я животных терпеть не могу, это вообще последнее место, куда бы я подался, а тут еще к тому же и ты! К слову, мне как-то кажется, ты здесь тоже не из вящей любви к живой природе.

Тут я бросил выразительный взгляд на насекомых в рамочках. И скривил гримасу сомнения — потому что на месте Арделл я бы точно не стал подпускать к зверушкам этого типа. К *любым* зверушкам, в том числе к виверниям или альфинам.

— Я? — он больше не глядел на меня. Приглаживал крыло бабочки на своей ладони кусочком тряпицы. Посмотрел, осторожно обмакнул тряпочку в раствор, провел по крылу. — Да, я здесь... по другим причинам. Другие обязанности.

Внутренняя крыса подпрыгнула и впилась зубами в печень. Потому что нельзя же быть таким дураком.

— Отвечаешь за устранение, — в это верилось без усилий. — «Клык». Стало быть, ты — Рихард Нэйш.

— Теперь, — подтвердил Стрелок таким тоном, что стало ясно: не только я успел поменять тьму тьмущую имен.

— «Ночь», так? Пришлось попутешествовать, и на Западе бывал. Странное дело, в Шимене, скажем, или в Атратее все, кто хочет скрыть родовое имя, называют себя «Нэйш». Мужчины, вестимо. Женщины там через одну — «Далли», «День».

— Имена так многообразны, — отозвался Нэйш. — Я, например, в своих путешествиях ни разу не встречал имени «Лайл». У мужчин. Скажи, Лайл, какая роль в нашем «теле» досталась тебе?

— «Панцирь», — отозвался я и продемонстрировал снежинку на ладони. — Эта ваша главная... Арделл высказалась в том духе, что приходится часто иметь дело с огнедышащими тварями. В том числе бешеными.

— О, да, — чопорно подтвердило мое проклятое прошлое, бережно укладывая бабочку в рамочку. — Драккайны потрясающе разнообразны, и появляются все новые. Потом еще вивернии — довольно агрессивный вид. Есть мантикоры, огненные лисы, есть огнедышащие гидры... что я забыл? И, конечно, фениксы.

— Они же вроде как не нападают на людей.

Местный устранитель хмыкнул. Он длинной иглой устраивал крылышко бабочки поудобнее.

— Обычно да.

Прозвучало жутко утешительно. Почти так же утешительно, как то, что я вообще его здесь встретил.

— Звучит так, будто я зря запросил себе такое низкое жалование. А ты, стало быть, всё это разнообразие устраняешь, если взбесится?

Едва заметный утвердительный жест. Немигающий взгляд при этом упирается в бабочку.

— Погоди-ка... один?!

Глупо, конечно, было предполагать, что они каждый раз несутся всей толпой убивать бешеную зверушку. Только вот перед приходом сюда я еще раз прогулялся к Лу. И узнал, что

Илай Вейгордский не просто так создал питомник в здешнем лесу: он запретил охоту из-за гибели охотничков. Слишком много юных идиотов высокой крови собирались поразить всех трофеями — а поразили разве что ранней кончиной. Притом, если собирались меньше, чем впятером, гибли обычно все до единого. *Бестию* не так-то просто взять без особо хитрых ловушек или мощного Дара.

Похоже, за годы, прошедшие со времен службы на Рифах, Стрелок достиг нового уровня своей отморозенности. Он и там-то себя вел так, будто урвал от кого-то дар бессмертия...

— Что тебя удивляет, Лайл? Да, *бестию* отличаются от обычных животных: они быстрее, разумнее, они более живучи, лучше защищены и обладают определёнными способностями, вроде того же огнедыхания, — он поднял глаза, обворожительно улыбнулся и добавил: — Но ведь, в конечном счете, слабые точки есть у каждого?

Крыса внутри забегала по кругу, испуганно взвизгнула.

— *Просто нужно знать слабые точки, — шепнул он мне в допросной. — Они есть у каждого. Вы ведь расскажете то, что меня интересует.*

— *Да я, знаете ли, сверх того готов рассказать, — с честными глазами отвечивал я. — Кто сколько спит, кто ныкает еду, а Барни, представляете, приручил водную крысу и...*

Боль ударила, будто молния. Белая, разветвленная — прыгнула от шеи, растеклась по спине, подарила дрожь в пальцах...

«Скаты» обычно использовали свои магические жезлы, но это было что-то другое. Что-то более страшное. Непонятное. И не отпускающее... не отпускающее...

Пока шеи опять не коснулись пальцы.

Вид у молодого «ската», которого мы прозвали Стрелком, был скучающий.

— *Если взять чуть ниже — будет больше примерно в полтора раза, — сообщил мне негромко. — Вы расскажете всё, что меня интересует. И не солжете.*

Боль резко отдавалась в копчик — наверное, рос крысиный хвост.

— В чем дело, Лайл? Воспоминания?

Нынешний Стрелок рассматривал меня точно таким же препарирующим взглядом. Будто прикидывал, какая часть меня пойдет на супчик, а какая — на отбивную.

— Кейн, — буркнул я. — Кейн Далли. Так я назвался, когда устраивался сюда на работу. Слушай, я могу попросить, чтобы ты не ударялся направо-налево в прекрасные воспоминания о том, где мы с тобой познакомились? Раз уж придется работать вместе...

Кажется, я только что попытался воззвать к совести того, кто про это экзотическое слово вряд ли даже слышал.

Нэйш чуть вскинул брови. Он улыбался легкой улыбочкой заядлого садиста.

— Просьба подразумевает вознаграждение. Разве не так?

— Слышишь? — проникновенно спросил я. — Слышишь этот пронзительный тоскливый звук? Это ветер надрывается в моих карманах. Поскольку оплату натурой ты вряд ли примешь — мне нечем тебе заплатить. Разве что ответной любезностью. Я промолчу о том, кем ты был на Рифах — как тебе такое?

— По-твоему, это что-нибудь изменит в моем положении здесь? — осведомился устранитель, окидывая взглядом увешанные бабочками стены.

Нужно будет, к слову, выяснить это самое положение. Либо оно настолько прочно, что дальше некуда. Либо его настолько ненавидят, что опять же — дальше некуда.

— А вот и проверим. Рискнем вдвоем спуститься к Арделл, а? Ты изложишь ей

выдержки из моего дела. Я расскажу о том, кем ты был помимо охранника. Опишу твои милые методы общения с заключенными. Как думаешь, она проникнется?

Несколько секунд он так и смотрел на меня не мигая, с этой задумчивой, предвкушающей полуулыбочкой.

Я решительно сопел в ответ и решительно же шурился.

Внутри так и крутилась вихрем дрянная память.

Выход на работу, короткое: «Л-76, без разговоров!» — и вот Л-76, здоровяк Фогг, один из заводил в бараке, вскидывается, ухмыляется: «Смазливенький, это ты мне, что ли? Захотелось настоящего мужика? Ну, так я покажу, как разговаривают с такими сладенькими на Рифах».

И в ответ — мечтательная, полная предвкушения улыбка молодого парня в серой форме. Улыбка, которой можно заморозить надежнее, чем Даром Холода.

Жезл парень перебрасывает кому-то из других охранников. Потом небрежно шагает вперед — и кулак Фогга проходит возле его скулы, и второй удар не достает до плеча, потом до челюсти. Фогг сопит и рычит ругательства, а охранник неспешно ведет вокруг него плавный, завораживающий танец смерти: уходит от ударов, обтекает их, уклоняется... Потом делает несколько коротких, жалающих движений — таких, что не сразу можно увидеть и, наверное, мы и видим не все... видим только, как руки здоровяка Фогга обвисают плетью. Потом он валится на землю, в грязь, и его начинает дергать, как от боли.

«Скат», прозванный Стрелком, смотрит на эти конвульсии ничего не выражающими глазами.

— В карцер, — говорит он так, будто он не новичок здесь, а начальник охраны. Но остальные «скаты» почему-то послушно утаскивают старину Фогга в карцер...

Местный устранитель перевел взгляд на бабочку в рамке. Аккуратно пристроил поверх бабочки стеклышко — закрепил.

— Ну так что? — рискнул я. — Ты меня не знаешь, я тебя не знаю? Или вместе прогуляемся к начальству, падем на колени и покаемся в грехах? Учти: попытаешься применить свои штучки со слабыми точками — я орать начну. То, что ты слышал на Рифах — были цветочки: тут-то я отъелся и заработал голос на распевках. Пришлось, знаешь ли, в хоре при храме Снежной Девы попеть. Не так давно.

Он только усмехнулся, любуясь бабочкой под стеклом — архонтом как-его-там.

— Для мага холода ты слишком горячишься. Кейн. Я не имею привычки углубляться в воспоминания. Что я должен прибавить еще — «Добро пожаловать»?

— Да я, в общем-то, могу обойтись и не разрыдаться, — отозвался я. Подумал, что еще через пару мгновений он выдаст что-то наподобие: «Ну, тогда приятно встретить тебя здесь». И ухмыльнется той улыбочкой, которая меня потом будет преследовать во сне.

Так что я просто вымелся не прощаясь. Потому что и так ведь увидимся. То, что мы еще увидимся — это, к слову, нехило так отравляло нам с внутренним грызуном жизнь.

Что нужно его убирать — даже вопрос не стоит. Мало он мне крови на Рифах попортил — чего доброго, сдаст просто для развлечения, а тогда уже и заданию каюк. Вот только как бы старой доброй крысе Гроски не сломать себе зубы о такое препятствие. Я и на Рифах-то видел, на что этот молодчик способен, а теперь он — местный убийца бестий, и ссориться с ним вряд ли с руки... с руки...

— Какая Печать? — пробормотал я про себя. Странно ведь — смотрел же, вроде.

Неужто растерялся под оценивающим взглядом старого знакомого? Хотя такое встретишь — еще не так растеряешься, диву даюсь, что я по двери не влез на потолок...

И все же — какая Печать? Какой у него Дар?

Прислониться к стене и вспомнить.

Вот он пристраивает бабочку в рамке. Вот берет иголку, поворачивает ладонь... и на руке след — не снежинка, как у меня, не лук и стрела, как было бы у мага-лучника... не меч, не огонь, не волна, не знак ветра, не цветок...

Меня некстати потянули за рукав — и в полутьме я чуть было от чрезмерного расстройств не заехал в нос некрепко стоящему на ногах Лортену.

— Дружище! — возмутился тот. — Везде тебя ищу. Готов был спасти от... ужасной женщины, да. Как из логова дракона. Постой, ты что, решил побеседовать с Нэйшем? Да ведь он же чокнутый — точно говорю тебе, чокнутый!

На это мне возразить было нечего. Я только перебирал мысленно виды Печатей — пламя, рыба, длань — знак Целительницы, глаз — Знак Следопыта, свирель... что же там было?

— Совершенно чокнутый, — бурчал между тем Лортен. — Никто понять не может, зачем Гризельда взяла его в группу... ни разу не явился пропустить стаканчик — можешь себе представить!!

Тут я на время отвлекся от мысленного перебора Печатей. И до меня дошло во всей красе.

— Ты же не хочешь сказать, что местные ковчежники — четыре бабы и этот маньяк?!

— И теперь еще ты, — нежно заверил глава питомника, обвивая меня за шею. — Это нужно отметить, а? Совершим возлияние в честь твоих великих подвигов, а?

У меня духу не хватило отказаться.

Когда я уже уходил за Лортенем, крыса вскрикнула, будто ударившись обо что-то твердое. И я наконец вспомнил, что за знак был на ладони у моего неприятного прошлого, с которым нужно расстаться как можно скорее.

Щит. Знак полной неуязвимости.

Вот тогда-то я и понял, что сигануть с этого корабля будет непросто.

БАБОЧКА В КРЕПОСТИ. Ч. 1

«...и разгневались боги на людей за грехи и злобу. Призвали они Снежную Деву Дайру — и наслала она на землю страшный холод. А супруг Девы, Даритель Огня Йенх, затушил все очаги, и людям нечем было разжечь даже свечи.

Собрались тогда люди в храме и начали молиться Дарителю Огня и Снежной Деве, чтобы те смилостивились над ними. И даже суровая Снежная Дева усомнилась и спросила у супруга: не дать ли людям тепла? «Я дам им огонь, — ответил ей Даритель, — если хоть кто-нибудь согласится стать огнём ради них». А время шло, и дети плакали, и женщины возносили молитвы — и не было в мире тех, кто сгорел бы ради грешных людей.

Но тут от снежного сна очулась маленькая бабочка, случайно согретая теплом людских тел. Как стало ей их жаль, как захотелось спасти несчастных детей! И когда сердце храброй бабочки переполнилось жалостью — её крылья вспыхнули в воздухе пламенем. Всего только несколько мгновений горела она — но этого хватило людям, чтобы зажечь первую свечу. Даритель и его супруга помиловали людей и вернули им тепло, как и обещали.

А Даритель Огня сделал так, что крылья бабочки атали и сейчас ещё будто обогрены пламенем...»

Нук Йалокин

«Легенды и мифы древней Кайетты»

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Даарду Хаата слушает лес. Перекликается со птицами на их трескучем наречии, неслышно ступает по мхам, шепчется с папоротниками. Иногда растопыривает длинные пальцы, похожие на корни диковинного растения — и приникает к коре дуба или сосны. И сама — маленькая, хрупкая, в грубой накидке, свитой из стеблей крапивного волокна — кажется деревцом, потревоженным ветром. Случайно прислонённым к лесному гиганту.

Гриз не торопит, хотя времени немного. Идёт по чуть заметной звериной тропке — вдыхая лесные запахи и углубляясь в вечернюю чашу.

Как в диковинный храм.

— Лес слышит, — голос Хааты тоже слит. С шепотами листвы. — Лес боится. Птицы говорят — чужие пришли. Чужие злы. И глупы. Птицы плачут над ними в небе. Чужаки ведут псов, и те голодны и злы тоже.

— Сколько с ними псов?

Бледная кожа даарду словно вбирает краски леса — и напитывается коричневатостью ствола, и зеленью иглицы, и по ней начинают змеиться трещины...

Раскосые глаза прикрыты густыми ресницами, оливкового цвета губы сжаты.

— Лес слышит двух. Но, может, больше. Люди Камня громкие, вонючие. За ними не услышишь живого.

Смертники. С двумя псами, да ещё к ночи... наверняка ведь половина ещё и пьяна, да кто-то — наверняка и не охотник вовсе.

И никто наполовину не соображает, с чем они могут столкнуться в этой чаше.

— Сколько там их самих?

— Три... четыре... шесть... больше. Смердят, кричат.

Хаата презрительно фыркает носом, будто учуяв вонь. Юркой лаской скользит, почти обвиваясь вокруг ствола.

— Разбегаются — одни туда, другие сюда. Мы хотим забрать у них, сестра? Забрать, за кем они пришли?

— Забрать, за кем они пришли, — тихо повторяет Гриз и не замечает, что голос у неё становится легким и шелестящим, как у даарду, когда те пытаются говорить на общекайетском. — Слушай, Хаата. Слушай.

Хаата изгнана из своего племени. Из числа тех, кто живёт под землёй и называет себя даарду — Людьми Корня, и кого остальные называют терраантами, коренниками, Дикими Людьми.

Хаата изгнана и научилась говорить на языке «Людей Камня», и спать в их домах, а не в подземных жилищах, и даже читать.

Но слушать лес она не разучилась.

— Лес слышит, — высвистывает голос даарду из кустов, — идти туда — там ходит большой грифон. Далеко, не спит и обижен. Лес слышит гарпий — они смеются над добычей. Там, где заходит солнце. Дальше, чем грифон. Лес слышит маленькую огненную лисицу. Заблудилась, прячется. Вон там.

— Слушай, Хаата. Слушай дальше.

Надо успеть. Охотники могут знать, куда двигаться, да с ними ещё и собаки. А у неё — только слухи, что его видели в этих местах. И Хаата.

Жаль, Мел на вызове, с ней было бы проще.

— Ай! — вскрикивает даарду и отнимает руки от ствола ели, будто обжёгшись. — Лес сильно боится. Лес слышит Тварь. Тварь спала, теперь проснулась. Птицы говорят: не ходи туда! Тварь близко!

— Это хорошо, — шёпотом отвечает Гриз Арделл. И идёт как раз туда, куда указывает длинный, землистого цвета палец Хааты.

Даарду в недоумении теребит правое ухо с рассечённой мочкой — терраанты обязательно наносят младенцам после рождения какой-нибудь да ущерб, таков Ритуал...

— Тебе нужна Тварь? Зачем, сестра?

— Потому что я не хочу, чтобы сегодня здесь кто-нибудь умер.

Под ногами растут тени и пахнут прохладой. Тянут щупальца-руки.

Нужно успеть.

— Тут, — шепчет Хаата, когда они сворачивают с тропы, пробираются через густые заросли и выходит на мелкую поляну. — Тварь... тут.

В крадущихся сумерках видна замусоренная лесная речка. Обрывистые берега забиты стволами и ветками. От речки отходит широкая канава, над которой громоздится огромная куча валежника. Ветви перевилились, переплелись внутри.

Из глубины канавы, сквозь ветви просачивается тихий, настороженный шип.

Хаата обхватывает ствол дерева, будто надеясь, что оно её заслонит.

— Так, — говорит Гриз спокойно. — Мы по адресу. Привет, Шуршун.

Шип становится громче, переходит в пронзительный свист.

Из-под груди валежника выскальзывает чёрное, тонкое щупальце. Гладкое, в мелких

чешуйках. Щупальце растёт и тянется, и кончик нетерпеливо обшаривает воздух, стараясь что-то уловить...

Замирает, убирается.

И вся куча валежника приходит в движение: щупальце за щупальцем прошивают воздух, и из канавы, сбрасывая ветви, поднимается массивное, сплошь покрытое чешуйчатыми хлыстами тулово.

Будто сотни змей слились в одно и теперь извиваются все разом.

Или клуб тьмы выпускает из себя всё новые извивающиеся отростки.

Хаата приглушённо охает за спиной.

— Ну да, — говорит Гриз. — Это скортокс. Один из оставшихся — они теперь совсем редкими стали...

Голос понижается и становится тягучим, грудным и спокойным. Как её шаги: она медленно, протягивая руку, течёт навстречу скортоксу — тот уже выполз из канавы целиком и нерешительно застыл на месте. Шип и бульканье — угрожающие и недоумевающие.

— Это Тварь, — шепчет испуганная Хаата откуда-то из-за ствола. Гриз спиной чувствует, как в разуме даарду проносятся все истории и песни о скортоксах. *Не ходите в лес, детишки, не бродите по заросшим берегам глубоких лесных озёр и речек, а то оттуда протянутся страшные парализующие щупальца, Тварь обмотает вас, утащит под воду и выпьет кровь.*

— Не называй его так. Обидишь.

Даарду шепчет себе под нос на своём наречии о том, что все Люди Камня сумасшедшие, а Пастухи Чудовищ — ещё безумнее их.

Гриз делает шаг — и одновременно воздух прошивают чёрные, поблёскивающие хлысты. Тянутся разом к ней — семь или восемь — то ли пугая, то ли желая обвить и утащить.

— Шуршик, ты поосторожнее, — говорит Гриз мягко. — Если ты меня потрогаешь, я же могу и отключиться.

Чёрные хлысты недоверчиво исследуют её волосы, пробегают по одежде — тык-тык, слегка. Трогают висящий на боку кнут — такой же чёрный и блестящий, как они сами.

— Ага, он со мной, — кивает Гриз. — Ты вспомнил, меня, Шуршун? Ну, надо же, какой здоровенный вымахал. Спокойно, малыш, спокойно... ты теперь не один. Мы вместе, помнишь?

Скортокс шипит оглушительно и удивлённо — и извивы щупалец раздвигаются, размыкаются. Открывая узкую пасть, похожую на присоску, и единственный круглый бледный глаз — в глубине, на чёрном тулове.

И тогда Гриз Арделл делает ещё один шаг и шепчет привычно: «Мы вместе!»

И Дар поднимается изнутри — из крови, из жил, из плоти — и прорастает в глазах зеленыю, и в глаза приходят мелкие хвоинки елей, и яркая листва кустарников, и прихотливые изгибы травы. И Гриз тоже прорастает вместе с Даром — вглубь, внутрь разума скортокса, туда, где тоскливо, больно, одиноко и страшно.

И еды здесь нет, и вода скверная, и жутко, потому что бегают и кричат остро пахнувшие двуногие, а их приходится пугать, чтобы не тревожили. А вернуться назад, где дом и хорошая вода — нельзя. Там полно этих двуногих, там они ещё сильнее кричат. И делают больно. И хочется уплыть, уйти отсюда, и найти глубокий и тихий водоём, только очень больно, и уплыть никак не получается. Тревожно, страшно, обидно, одиноко...

Но эта — теперь внутри. Она — друг-из-прошлого, у неё тёплые руки, и она не боится.

Он её помнит, да. Её запах и руки. Он подарил ей немного себя.

Она — которая вместе.

Когда она выходит из состояния единства — скортокс шипит и булькает оглушительно. Со стороны звучит пугающе. Но Гриз разбирает мурлыкающие нотки приветствия.

— Дай-ка мне посмотреть, что с тобой не так, Шуршик, — просит она и теперь подходит к скортоксу вплотную. — Как и думала, он сюда приплыл, потому что люди добрались до его места. Какие-то рыбаки, скорее всего. Он запутался в сетях, да ещё они на него подводные капканы начали ставить... ушёл вот по этой речке, а тут обессилел, думал подкормиться у канавы. Сил не хватает, чтобы уйти. Это ничего, Шуршик, это мы сейчас поправим...

Скортокс послушно распускает щупальца, раскидывает их по разные стороны от Гриз. Щупалец всё равно слишком много, чтобы добраться до тела и до ран — приходится надеть перчатки. Хаату Гриз просит послушать — где там охотники. Заодно посмотреть — насколько широкая в этом месте река.

Мазь Аманды (специально для скортоксов и гидр, на теплокровных не применять) творит чудеса, и Шуршун оживает на глазах. Гриз потчует его ещё кроветвором из поясной сумки (разбавить водой), достаёт укрепляющее из сумки на боку — вливает скортоксу в пасть полную бутылку. Скортокс ворчит и булькает недовольно.

— Вкус как и раньше, — соглашается Гриз. — Скажи спасибо, что в этот раз можно обойтись разовым приёмом, а не пичкать тебя снадобьями месяц. И перевязывать мы не будем, так? Сейчас вот малость замазки...

Быстро всё равно не получается. Шуршун нервничает и иногда оплетает сам себя щупальцами — превращаясь опять в огромный извивающийся ком чешуи и темноты. Гриз отдёргивает руки — в перчатках, но щупальца скортокса того и гляди под рукава заползут. Тихо напевает сквозь зубы что-то подслушанное у Аманды — о тёмных заводях и о луне, которая заблудилась в небесных морях.

Ночь эта — самый глубокий омут,

В небе полно серебристой рыбы...

Шуршун недоверчиво булькает, прислушиваясь — и Гриз возвращается и накладывает замазку на самые глубокие раны. Хаата давно уже вернулась, расширив замусоренное русло, насколько смогла. Теперь вот приникла к основному стволу, будто гибкий, перепуганный зверёк.

Ты не успеешь, — шепчет Хаата. Они близко. Лес слышит. Уйдем, сестра. Незачем оставаться тут с твар... со скортоксом.

Гриз кивает, не переставая напевать. Потому что слышит уже не только лес, но и она.

Лай собак и редкие ругательства. Шипение: «Тише ты, прёшься как хромой яприль!» Покашливание: «Близко уже, кажись...». Недоумение: «Да чьи тут следы-то такие мелкие? Ребенок, что ль?»

Близко, очень близко. И очень шумно идут — глупые юнцы, возомнившие себя великими охотниками. Не надо шептать на своём языке, Хаата — я слышу. Да, Пастыри Чудовищ безумны все до одного. И да, я не уйду.

Потому что никто не умрёт здесь сегодня.

Псы вылетают на поляну первыми. Три болотных сторожевых — угольно-черные, оскаленные, с мощными шеями. В азарте не видят перед собой ничего: только след, только добыча, сознание отключено, болотники, получив цель, идут до смерти. Эти — готовы слепо

рвать, прыгнуть, напоровшись на щупальца, парализованными свалиться в грязь — только бы хватануть клыками...

Только вот перед шипящей, булькающей, распускающей щупальца целью стоит варг, и глаза у варга прорастают властной, успокаивающей зеленью. Мало времени — на троих, и не увидеть глаз всех псов, так что Гриз лишь вскользь касается их рассудков, посылает успокаивающее: «Мы вместе»

И болотные сторожевые останавливаются с разлету, недоуменно перерывкаясь. Сбитые с цели. Потому что неписанный закон сильнее цели: здесь варг, нельзя тронуть варга, нельзя пролить его кровь...

Стадо не имеет права проливать кровь своих пастухов

— Стоять, — говорит Гриз размеренно и низко, и от такой наглости у псов начинают отвисать челюсти, — Шуршик, тихо... тихо, они меня не тронут, всё, ты можешь уходить...

Но скортокс не желает двигаться обратно к речке, не хочет даже укрываться под хворостом: пронзительно шипит и топорщит щупальца, чует опасность.

Опасность — четыре остолопа из окрестных деревень — вываливаются на поляну следом за псами. С воплями: «Взять, кому сказано, взять!»

Сыновья старост и егерей, старшему — лет двадцать пять, младший только-только отрастил неубедительные усёнки. Наверное, совесть тоже отрастил, потому что первым делом кидается спасать Хаату: «Девка, дура, беги, пока не сожрал!»

А потом орет еще громче, когда разбирается — кто перед ним.

Хаата высвистывает на родном наречии — куда следует отправиться всем Людям Камня в Кайетте. Заливаются хриплым лаем болотные сторожевые — не могут решиться двинуться вперед, потому что тут же варг, скортокса защищает варг, нельзя трогать варга...

Шуршун откликается шипением, распускает щупальца, взметывает в воздух, предупредительный выпад — псы отскакивают...

Галдят охотники. Каждый своё: «Ребята, давайте!» — «Да что это за баба?» — «Вот же Праматерь, здоровый какой!!»

Громче всего вопит самый молодой: «Да это не девка, это терраант!»

— А ну тихо!

Голос Гриз Арделл падает — свистом хлыста. Рассекает воздух — со щелчком в конце.

На миг примолкает даже скортокс.

— Отзовите псов, иначе он их перекалечит. И уходите сами. Он сейчас просто уплывёт, и больше вы о нём не услышите.

«Уплывай, Шуршик, — шепчут ласковые травы в её глазах. Мята и тимьян. Кипрей и подорожник. — Уходи вглубь лесов. Найди хорошую воду».

И тень единства там, внутри — упрямая, извивающаяся щупальцами, — отвечает: *нет, только с тобой, а то они тебя обидят.*

— Э-э, ты в сторонку-то отойди, — говорит старший остолоп. Высокий, с пышными льяными кудрями. — Умом, что ли, поехала? Он же тебя сейчас...

— Он меня не тронет. И не тронет вас, если вы... хотя бы просто будете стоять. И не мешать. Уберите собак, пожалуйста.

Деревенские озадаченно переругиваются, сумерки начинают красться быстрее, время утекает шустрее ручьёв в этом лесу.

Гриз пользуется замешательством. Входит в разум сперва к одному болотнику, потом к другому, третьему — всего лишь несколько секунд: мы вместе, мы с вами, вы же видите,

никто не сделает вашим хозяевам вреда, а скортокс не добыча, просто заблудившийся путник, он сейчас уйдет...

Сторожевые прекращают рычать и метаться. Чинно садятся на траву, глядя в глаза варгу — в зелёные извивы плюща. *Хозяева в безопасности, скортокс не добыча, мы слышали, мы вместе...*

Если бы людям ещё можно было бы так легко объяснить. Вон, чернявый, плотненький, в залатанной куртке выжевал губами: «Варг».

— Варг, сталбыть? — прищур у старшего недобрый. — Пришла, сталбыть, добычу отбивать у честных охотников? Скортокса защищать, а?

— Пришла отбивать честных охотников. У добычи.

Шуршун нетерпелив, рвётся в бой, в сознание толкается: «Враги, чужие, защищаться, защищать...»

Но зелень растёт в её глазах: длинные, прохладные, оплетающие нити водорослей. Нет-нет, шепчут нити. Стой.

— Вы что же, правда думали на скортокса пойти вчетвером? С такими-то силами?

Огненный Дар у молчаливого здоровяка. Старший — Вода, чернявый — Стрелок. У младшего правой ладони не видно, но это и неважно — в деревнях редко встречаются те, кто владеет Даром мастерски, таланты всегда нужны в городах...

— И с тремя псами?!

— Ну... — робко втискивает безусый. — Нас больше!

— Заткнись, Эджей! — это уже главный. — А ты б подвинулась да и посмотрела, что мы можем, а?

— Извините, не могу. Потому что сегодня здесь никто не умрёт.

Шуршун встопорщивает щупальца за её спиной. Нетерпеливо, пугающе. Уходите, — звучит в шипении скортокса. Уходите, тут моя территория. И эта, которая вместе — со мной. Уходите, а то я вас... я вас сейчас всех.

Спокойно, Шушник, спокойно, — изо всех сил нашептывают травы в глазах Гриз. Сочная осока и сладкий аир. Спокойно, стой, я разберусь, не надо этого, не надо вперёд...

Проще было бы — в полном единении, а не в этом полукасании, но ведь нужно же ещё за псами присматривать, да и длить, длить бессмысленный разговор с теми, кто понимает хуже.

— Сколько вас по-настоящему? Четыре здесь, в лесу двое... трое ещё? И все как вы, и с Даром у них так же? Так вот, скортокса очень трудно взять хоть каким-нибудь Даром — огонь, стрела... вода вообще бесполезна — он же водный, да и холода он не боится. Вы всемером его разве что раните и разозлите, а разозленный скортокс... в общем, у вас даже раненых не останется. Потом ваши родные найдут тела, разозлятся, объявят охоту. А у него в голове отпечатается новый закон: «Все люди — враги». Можете представить, к чему такое приведет, так что нет уж, давайте-ка он просто уплывёт и все останутся жить.

Гриз подозревает, что звучит это не до конца убедительно. Может, из-за того, как она стоит. Пытаясь загородить собой огромного чёрного скортокса, который нависает над ней, и щупальца прошивают воздух, делают выпады всё нетерпеливее.

— Врёшь, небось? — спрашивает старший остолоп. — Что тебе-то вообще за дело до этой твари?

— Ну-у... можете считать, мы старые друзья.

— Варг же... чокнутая, — напоминает чернявый с присвистом (скортоксу в пору

поучиться).

«Пастухи Чудовищ все безумные!» — в унисон стонет Хаата, вжимаясь в ствол сосны.

— А вам-то до него что?

— Че... чего?!

— Вам, говорю, что до него? Насколько я знаю, люди в сёлах не пропадали. Тех рыбаков он только спугнул — и сразу уплыл из озера. С концами. Вы-то зачем идете по его следам? Прославиться решили? Захотелось настоящей добычи... А-а-а-а, ну, конечно.

Младший уже шепчет: слушайте, а может, ну его и пойдём? Так себе была идея, а эта варгиня, похоже, знает, о чём говорит... А глаза-жуки чернявого всё бегают, нет-нет да и взглянет на длинные хлысты-щупальца. Чёрные, гибкие, все в мелкой чешуе...

— Парализующие хлысты — за ними гоняетесь? Что, кто-то в деревне слышал про цены в городах? Тогда тем более уходите. Хлыст — часть скортокса. Что-то вроде отдельного организма, который не теряет связи с хозяином и после отделения от него. Яда становится меньше, так что убить таким касанием нельзя... но если убить самого скортокса — все его хлысты потеряют свойства разом. А отделить щупальце от живого скортокса почти невозможно. Разве что сам подарит.

Гриз медленно, гипнотически медленно снимает с пояса кнут. Разворачивает чёрные, ласково шуршащие чешуёй петли. Шуршик рядом с ней шипит, довольный: скортоксу кажется, что сейчас они — вместе! Со щупальцами! Ух-х...

«Стоять! — взвивается преградой в сознании Шуршуна оплетающая зелень трав. Повилика и вьюнок, и хмель. — Тихо, тихо мальчик, я сама, всё сама, потому что они чужие — но не враги, и никто не умрет сегодня...»

— Скортоксы дарят хлысты только тем, кто им нравится. Вы ему пока что не нравитесь.

— Так ты его попроси, — шурится в ответ старший. — Ты-то ему нравишься, а? Может он нам, ну, скажем, подарит — немножко, с дюжину или чуть побольше. У него-то их немало. И всем хорошо будет.

Гриз не успевает вздохнуть и объяснить, что это так не работает. А остальные из «Людей Камня» не успевают вдоволь набросаться смешками.

Потому что старший добавляет — почти ласково:

— А то, понимаешь ли, мы прибьём твоего терраанта. Клент, ну-к, возьми на мушку земляную девку. Ну что, варг, такое тебе как?

Чернявый Стрелок старательно целится в Хаату, бормочет под нос: «Не шипи, не шипи на своём, отродье, по-человечески говори».

Даарду Хаата кажется застывшей, безучастной. Только пальцы на теле сосны напряглись — вот-вот пустят корни, прямо в кору...

«Уйди, сестра, — вышептывает Хаата чуть слышно. — Лес свидетель, они сами звали свою смерть. Просто уйди, сестра».

— Давай-ка отойди, варг, — подгоняет светловолосый охотник под шепот своего младшего товарища: «Вы чего, ребята, не надо, это же...» — Отойди и дай-ка нам потолковать с этой тварью. Или будь паинькой и попроси у него хлыстов, а то твоему терраанту будет ох, как плохо.

«Уйди, — просит Шуршун изнутри. С яростным шипением выдираясь из зелени единства. — Не мешай мне, не хочу тебя поранить, а я с ними быстро, очень быстро...»

Сумерки рушатся на землю ошалелым прибоем — как шепот, как выбор. Всех на поляне: даарду, охотников и скортокса. *Уйди и не мешай, просто уйди и не мешай, всё будет*

быстро, они сами напросились...

Да, — кивает Гриз коротко и задумчиво. Так просто. Может — даже справедливо.

Потом Гриз Арделл уходит.

В точности как хотели все: охотники, и даарду, и скортокс.

Только вот не в сторону. Не к лесной тропе или кустам.

Гриз Арделл уходит вперёд — рывком, бликом, стремительным росчерком кнута в воздухе.

И время обращается в бешеный танец секунд.

Секунды мельтешат, будто мошки в воздухе. Полыхает вспышка пламени — простейший огненный с Печати старшего мага. Не задевает лица. Второй раз маг ударить не успевает: Гриз захлёстывает правую, выставленную руку кнутом. Смещается, пропускает холодовой удар, вместе с криком «Ах, ты!...»

Кнут свистит, взвиваясь снова, распугивая драгоценные секунды — достаёт на излёте чернявого Стрелка. Тот успел выпустить стрелу — воткнувшуюся в сосновый ствол. И успел наложить на тетиву вторую, развернуться... чёрная парализующая петля ложится вокруг шеи, Стрелок оседает на траву, роняя лук.

Мгновения роятся, пускаются наперегонки. Сместиться, рывком убрать кнут с шеи Стрелка. Упасть, пропуская метательный нож: здоровяк со знаком Воды не стал вызывать к стихии. Запустил ножом и прыгнул вперёд, растопырил руки, оскалил зубы — надеясь задавить массой...

Здоровяк явно не играл в детстве с алапардами и не соревновался в реакции с десятком голодных шнырков. Крутнуться, пропуская замедленную, неловкую тушу. Взвить кнут, захлестывая шею. Отступить — пусть себе падает на травку.

Последний охотник, самый младший, не пытается бить. Поднял руки и шлепает губами. С ужасом глядя за её спину, где...

— Стоять, Шуршун!!!

Гриз разворачивается на каблуках — и прорастает в зелень, уходит в вечное «вместе», загораживает теперь уже охотников от поднявшегося на помощь скортокса: гневной, извивающейся чёрной массы, которая ползёт вперед, нависает, нетерпеливо прошивает хлыстами воздух.

«Всё, мальчик, тут уже всё, совсем всё. Видишь, они ничего мне не сделали. Людей надо опасаться, но не надо убивать — они не добыча. Смотри, я даже не запыхалась особенно, стой, Шушрик, стой...»

— Упал и замер, — в сторону оставшегося охотника, углом рта. Позади слышен звук торопливого падения. И замирания.

«Всё, с ними уже совсем всё. Плыви, Шушрик. Найди себе хорошую воду. Ну же, мальчик, плыви скорее...»

Гриз опять напевает сквозь зубы — и идёт прямо на колыхающиеся чёрные хлысты, а скортокс начинает отступать, втягивая щупальца. Отползает к ручью, из которого появился — потому что та-которая-вместе настойчиво твердит внутри: давай, давай, уплывай скорее, тебе нужно уйти глубже в лес, где тебя не найдут, отыщи тихую заводь, давай...

С прощальным шипом скортокс утекает в воду: плеск, бульканье, звук ломающихся веток. Мурлыкающие нежные, едва слышные звуки — прощание.

— Ещё увидимся, Шушрик, — мягко говорит Гриз.

И скортокс тонет — в воде и в сумерках. Растворяется, как зелень в глазах варга. Теперь

Шуршун не виден — но Гриз той частью, что пока еще в единстве, чувствует воду, верную и приятную, и знает, что скортокс двинулся вниз по течению...

Разворот на каблуках.

Болотные сторожевые вскочили на ноги, оскалились, вздыбили холки, готовы вмешаться. Гриз свистит псам, протягивает ладонь, вновь уходит в единение, успокаивает главного в тройке: всё хорошо, хозяева вне опасности, посмотри, все дышат, а скортокс ушел, я сделала как обещала... А вы молодцы, что не вмешались, умнички, иначе он всё-таки мог бы кого-то убить.

— Хаата, ты там как?

В порядке, конечно, в порядке. С гримасой отвращения пальцем трогает вонзившуюся в сосну стрелу. Стрелять в терраанта, когда он стоит возле дерева... Может, Стрелок из королевской гвардии и различит мгновенный рывок, когда даарду скроется за стволом, почти слившись с ним.

Но не эти же желторотые птенцы.

— Зачем ты так сделала, сестра? — с пренебрежением спрашивает Хаата. — Пусть бы Тварь убила их.

— Я уже сказала: сегодня никто не умрёт.

Она в задумчивости сматывает кнут, стоя над телами четверых охотников. Здоровяк лежит боком и тихо постукивает зубами. Чернявый подёргивается на траве — бледность из-за вечера кажется синей. Младший тихо всхлипывает, не желая отлипнуть от земли...

Кажется, все поняли, что такое охота на скортокса.

— Отойдут через четверть часа, — говорит Гриз младшему. — Если есть с собой спиртное — можешь их напоить, лучше отпустит. Позови товарищей, они вас, небось, уже ищут. И живо вон из леса, а то тут гарпии-бескрылки в окрестностях шастают. Вроде, сытые, но они и для развлечения могут напасть.

Синеватая бледность у младшего мешается с зеленоватостью. Парень кивает. Гриз коротко свистит болотным сторожевым, кладёт ладони на головы двух псов, третьему глядит в глаза.

— Охранять. Защищать. И выведите этих болванов из леса по их следам. Пока не начались ночные охоты.

Вслух — чтобы дошло и до псов, и до охотников

— Т-ты...

Старший охотничек уже сидит — держа онемевшую руку на весу. Дергает кадыком, пытаясь родить слова. Цедит что-то про «мы найдем, мы посчитаемся...»

— В общем, как хотите, — отвечает Гриз, — Но, честное слово, тогда все в ваших деревнях узнают, что вас отделала одна женщина, без магии.

Остолоп не отвечает ничего, хотя ему точно хочется. Остальные не в состоянии. Младший, Эджей, встревоженно ощупывает холку подошедшего пса — не ранили ли? Вот-вот заплачет.

Возле него Гриз останавливается. Бросает тихо:

— В королевском питомнике Вейгорда всегда нужны работники. Есть шанс заработать хлыст скортокса.

И, не дожидаясь ответа, окунается в лес и в сумерки.

Идёт, отирая рукавом грубой клетчатой рубахи капли воды и пота со лба и щёк. Сдирает на ходу с рук перчатки — прячет в сумку. Кожа слегка горит в тех местах, где скортокс всё-

таки её коснулся — спасибо приобретённой за годы устойчивости, а то могла бы валяться рядом с охотниками.

Даарду Хаата молчит. Скользит по тропе, по кустам, между деревьями. Прячется в чернильных тенях вечера: скоро в лесу будет совсем темно... Шепчется с вечерними птицами и с листьями, и в шепоте слышится недоуменное: «Зачем она так, ведь можно было проще».

«Проще — это не к нам, — усмехается в ответ вечернему лесу Гриз, потирая ладонь. — Не к варгам. Не любим мы лёгких путей».

Лес начинает ночные распевы. Скροгги — вечерние пересмешники — поднимают голоса. Где-то допевает последнюю песню одинокая тенна. Ели вдоль тропы распахивают колючие объятия.

Ночные запахи и звуки ткнут дивное покрывало: укутайся — и шагай...

Голос Хааты — задумчивый и весёлый одновременно — настигает в пути. Даарду говорит на своём языке — полном мелодичных извивов и глубоких гласных, и кажется — плавная речь вырастает из каждого звука.

— Люди Камня сегодня удивились твоим силам, сестра.

Чтобы ответить на языке даарду — приходится сбавить шаг. Прикрыть глаза и зачерпнуть россыпи звуков, как пригоршню доброй земли.

— Думаю, они скорее разозлились и мало что поняли — всё же мы отняли у них трофеи.

— Лес сегодня тоже удивляется твоим силам, — не унимается Хаата, поблёскивая кошачьими глазами. — Птицы долго будут петь песни о той, которая вместе со скортоксом. Листья видели. Корни помнят.

Гриз пожимает плечами, рассеянно поглаживая кнут.

— Зачем ты говоришь мне всё это, Хаата?

— Потому что я тоже удивляюсь сегодня сестре.

Терраант-даарду заступает ей дорогу. Маленькой ладошкой указывает в небо, где уже появляется заострённая, белая мордочка луны.

— Пять лун я с вами... за пять лун много видела, Рой не видел столько, сколько я. Другие земли, другие корни, разных зверей, много, много Людей Камня, и ещё Пастухов, как ты. Много видела — никогда не удивлялась: ни силе, ни злости, ни страху. Потому что знала эту силу, верила, что есть такая злость. Сегодня удивляюсь тебе. Твоей силы я не знаю. Кто ты такая, сестра?

Сама она себя чувствует слегка голодным варгом, у которого ещё очень, очень много дел сегодня, хотя ночь уже идёт вдогонку. А спроси других — каждый что-нибудь своё ответит. В деревнях вон орут — проклятая девка из леса. В Академии величают «побочной ветвью и аномалией». В общине отступницей обзовут, а то и беглянкой, а терраанты скажут — пастырь чудовищ...

Так что она только смеётся, берёт Хаату за плечи и заставляет поспешить вместе с собой к «водному окну». Под ногами весело похлопывает вода, в небесах оплывают угли отгоревшего заката...

В памяти живёт голос и стук спиц.

— *Скортоксы очень опасны, девочка.*

Голос плывёт в шёпote елей, сочится из прошлого — как темнота из неба. В ночных шорохах множатся отзвуки-ответы.

— Он пока ещё детёныш. И разве для нас...

— Есть много зверей, которые могут принести вред варгу. Даже не желая этого. Даже детёныш скортоса может нечаянно убить. И ты опять сбежала за пределы общины, девочка.

Ветерок колышет листья — как вздох, долетевший из прошлого.

— Твои братья жалуются, что не могут за тобой угнаться. Твои сёстры говорят — что ты слишком своенравна. А мать рассказывала — ты опять танцевала на льду...

— А отец сказал — непонятно, что у меня там внутри. И каким я буду варгом, тоже непонятно. Бабушка. Что у меня там, внутри?!

Глаза — серые, как у неё — смеются, и руки, все в ожогах и застарелых шрамах, легко проходятся по щекам.

— Каждый строит внутри себя. У кого-то хоромы — пустые и дочиста выметенные. Кто-то возводит подобие башни Кормчей — стремящееся только вверх. Кто-то строит склеп, полагая, что строит дворец. Мы сами возводим в себе то, что отражает нашу суть: храмы и хижини, сияющие города или тёплые дома, где пахнет хлебом...

— И я смогу построить дом? Такой... тёплый?

Она силится изобразить руками — подсмотренное у матери. Небольшой домик с голубой крышей на берегу речки — домик, чем-то похожий на маленькое гнёздышко, и обязательно дымок из трубы, и запах сдобной выпечки...

Но серые глаза — почти как у неё, только все в тёмно-зелёных разводах — щурятся, заглядывая в душу. Вязание отложено — и руки в шрамах задумчиво поглаживают длинный чёрный кнут.

— Думаю, ты построишь не дом, Гриз. Ты уже начала, и ты строишь не дом.

— Хижины? Или дворец?

— Крепость. Ты построишь крепость.

* * *

Крепостям положены ранние пробуждения.

Солнце ещё где-то за деревней, за холмами, за рекой. Раздумывает — не стоит ли продлить немного сон.

Но небесная простыня уже начинает светлеть, Гриз чувствует это кожей. И, не открывая глаз, говорит себе: «Утро».

Значит, у неё тысяча — тысяча! — дел.

Босые ноги скользят по шерсти Морвила — алапард растянулся у изножья кровати. «Мррм», — отвечает Морвил на касание. Вылизывает медовую шерсть, пока Гриз плещется в умывальнике. Зевает — пока она натягивает лёгкую клетчатую рубаху, штаны из плотной ткани (попечительницы питомника бы ядом изошли!), охотничьи ботинки.

Расчёсывать волосы — мучение. Норовят прихватить зубья гребня, или разлететься в разные стороны, или свеситься на лицо, а потом ещё завиться. Попрошу у Аманды какой-нибудь эликсир, — решает Гриз, ожесточенно сражаясь с каштановыми прядями. Пытаясь укротить их в практичный пучок на затылке.

— Обрежу, как Мел, — выдыхает после четвертой попытки. Волосы осторожничают и дают себя уложить — и всё равно будто посмеиваются («Да вылезем же!»).

Глухой утренний час — любимый. Темные коридоры «Ковчезца» пахнут сном их

обитателей. Сладко дремлют коты, свернувшись у камина. Бок Морвила греет ноги — их уже щекочет утренняя прохлада...

Звёзды пролились на траву росой и совсем поблекли.

В закрытой части питомника — шелест листьев и сонная, предутренняя песнь гуляющего на свободе яприля. Приветственное: «Уи-и-и, я здесь!» Горги в клетке поблёскивает глазами. Самка гарпии-бескрылки Пеночка в соседней клетке дремлет — сунув голову под короткий рудимент крыла. Напоминает от этого здоровенную чешуйчатую птицу, у которой кто-то бесчеловечный отнял крылья.

«Человечный», — мысленно одергивает себя Гриз. Война за Воздух трёхсотлетней давности. Бести против магов в схватке за воздушное пространство. Стрелы и магические сети над городами. Истребление с дирижаблей сотен грифонов, гарпий, виверниев... после которого выжившие разучились летать. Совсем в духе людей, да.

Грифон Ирл просыпается, подходит к прутьям клетки. Просовывает орлиный клюв и стоит понуро, словно говоря: вот видишь, что со мной сделали.

— Вижу, — соглашается Гриз, входя в сознание грифона тонко и незаметно, чтобы проверить — как срослись простреленные крылья. — Люди не любят тех, кто встал на крыло. Они боятся — вдруг вы нападёте на их дирижабли, на магов воздуха...

«Я ж не нападаю», — тоскливо вздыхает Ирл. Когтистые лапы с серебристой шерстью беспокойно переминаются — снова скомкал за ночь соломенную подстилку. В сознании — приглушённые сонливостью тоска и тревога: почему нельзя в небо? Крылья же не болят. Раздражения от посетителей нет, это хорошо. Лёгкий голод — и желание размяться, опять ощутить под крыльями упругий воздух...

«Твои братья не летают, — терпеливо повторяет Гриз, — место грифона на земле. В небе теперь опасно: люди могут опять поранить тебя».

И остро чувствует свою беспомощность, потому что знает: тех, кто уже попробовал неба, трудно удержать на земле. И любые клетки для них — мучение.

В лучшем случае — крылья больше не поднимут Ирла в небо, и ему придётся смириться с этим. В худшем...

«Скоро выздоровеешь, — обещает она, хлопая грифона по клюву. — Погоди, схожу за едой».

Единороги в своём загоне (хлипковат, надо поправить) настроились встречать зарю. Все втроём подходят поздороваться, Принцесса тычется в ладонь мягкими губами. Улыбаясь глазами, спрашивает: а не причесать ли тебе мою неотразимую гриву? Гляди какая — с перламутровым блеском.

— Залюбуешься, — соглашается Гриз, — но ведь Йолла плакать будет, если я тебя вычесу. Как я могу её лишиться этого удовольствия, а?

— Пфр, — отвечает Принцесса, которая полагает, что маленькая Йолла вполне может послужить её куафером и после завтрака. А потом уж до расчёсывания гривы и полировки рога будут допущены какие-нибудь посетители: Принцессе никогда не надоедает наводить красоту.

Пара ленивых самок яприля похрапывает бок о бок, прихрюкивая и причмокивая — в такт снам о сладкой репе. Усеянная росой изумрудная шерсть кажется украшенной мелким жемчугом.

Морвил деликатно отходит подальше, чтобы травоядные не вздумали, что он за ними. У алапарда есть дела поважнее: утренний обход питомника, рядом с хозяйкой.

От клетки к клетке — прислушиваясь: как прошла ночь? Всё ли в порядке?

Дрессированные пятнистые койны (отобрали у безжалостных циркачей) уцепились непомерно длинными хвостами за верхние брусья клетки и за планки внутри. Качаются-веселятся, услышав шаги Гриз тут же поднимают негромкий гомон («Уирк?» — «Вааао!»), начинают крутиться по клетке и прыгать через хвосты друг друга. Поглядывают: смотри, как мы умеем! И ещё кувырком!

— Тш-ш, ребята, у вас ещё будут зрители...

Койны (высотой — по колено Гриз, гладкие бока в кофейного цвета подпалинах, продолговатые умные мордочки с усиками,) фыркают, сворачивая подвижными лапками хвосты. Хвосты — рыжие, пушистые и ненормально длинные — норовят развернуться и за что-нибудь уцепиться.

Виверный Мальчик что-то слишком вялый — не переборщила ли Аманда с пламягасительными зельями?

Самка алапарда, вся в застарелых шрамах, спит в самом углу. Сонно взлаивают огненные лисы: ночным хищникам пора на покой. Из закрытой части питомника долетает насмешливый ответ-лай.

Шнырок Кусака опять вознамерился удрать из клетки — да сколько можно-то? Алмазная стимфа Шери тихо перебирает перья на раненом крыле — отрастают...

Мелодичный звук твёрдого оперения огромной птицы. Будто звон хрустальных подвесок огромной люстры.

Сегодня была спокойная ночь, — шепчет Гриз, идя между клеток, и загонов, и имён, и историй.

У каждого жителя здесь своя история. Двух огненных лисиц удалось отнять у охотников. Хтурра — снежная антилопа — погибала в плену у контрабандистов. Двухголовый кербер Зубок — славный пёс, которого чуть было не искалечил пьяный хозяин.

Ненужные своим хозяевам. Подранки. Лишённые родителей охотниками. Принесённые сердобольными жителями. Бывшие людоеды. Попавшие в капканы. Замученные до полусмерти торговцами. Почти задохнувшиеся в клетках у контрабандистов.

Путей для бестии попасть в питомник — много, и много историй: разных и похожих одновременно.

И мало исходов, — думает Гриз, заканчивая обход «смотровой» части питомника. Направляясь к тем загонам, куда нет доступа посетителям.

В птичнике всё в порядке: в ночной части скрогги обмениваются последними взрывами хохота — топорща обязательные синие перья с искрой. Разевают вечно улыбающиеся огромные рты и пучат глаза — природные шутники, вечные ночные пересмешники. Снежная сова, как всегда, притворяется умершей, три феникса-подростка жмутся друг к другу в огнеупорном отделении, а маленькие солнечно-лёгкие тенны теперь пробудятся только к вечеру — для песен...

Исходов мало. Животное возвращается в природу, животное не может вернуться и потому остаётся в питомнике: слишком искалечено или слишком привыкло к людям.

Или...

Гриз, поведя плечами, отворачивается от стоящего на отшибе сарайчика. В сарайчике обжилась смерть. Угнездилась и посмеивается, и, кажется, пахнет кровью, хотя это чушь, Аманда постоянно заливает всё зельями, отбивающими запах, да и Рихард не потерпит в своей вотчине непорядка.

В загоне для игольчатых волков всю хозяйничает Мел. Рукава рубашки закатаны, короткие волосы взъерошены со сна: подпаивает зельем Модницу — волчицу, которую вызволила из капкана.

Гриз вздыхает.

— Ну, и зачем? Я дала бы ей зелье.

Мел вместо приветствия фыркает носом. Ощетинивается тёмными иглами волос не хуже игольчатника.

— У неё ночью кровь шла, ясно? А Конфетка умотала куда-то в вир болотный, за ночными травами. А вы с Шипелкой были после выезда.

Гриз поглаживает волчицу по высокому лбу и между ушей — не спускаясь ниже, где начинают расти тёмные иглы. Легко врастает в сознание Модницы — «Вместе!» Ну-ка, девочка, расскажи мне, что там было ночью... ну да, просто решила сорвать повязку и шины, не преуспела, но рана начала малость кровить.

— И ты сидела рядом с ней всю ночь, так?

— Не, ещё с птенцами феникса. Они б к утру совсем охрипли бы, а так... Ну, и ещё...

— Мел. Ты сколько не спишь?

Сопение, мрачный взгляд исподлобья, «Ты мне тут не нянька».

— Конфетка сказала, можно ещё.

— Аманде, конечно, виднее, сколько можно протянуть на бодрящих зельях, но припоминаю, что вчера ночью ты дежурила, днём понеслась на два вызова, до этого день тоже не спала...

— Нормально всё.

Мел с негодованием брякает бутылкой с зельем.

— Давай лучше насчёт вашей с Шипелкой поездки. Она мне правду нашипела, там был скортокс?

Про Шуршуна Гриз рассказывает во время обхода яслей: пока проверяют новорожденных и смотрят — что там с самками, потом она «слушает» как там беременные...

Мел воркует над новорожденными единорожками, над открывшим глаза котёнком земляной кошки, напевает песенку птенцам феникса. И — Следопыт — не теряет из рассказа ни слова. Ни звука.

— Жаль, меня там не было, — выплёвывает потом.

— Это кому как. Тебе-то жаль, а вот охотникам, пожалуй, повезло.

— Миндальничать ещё с этими сволочами, — хмыкает Мел, потирая шрам на виске. — К тому же я скортокса ни разу не видела. Тебя послушать — этот Шуршун просто лапочка.

— Чистая душа, угу. Просто щупалец отрастил многовато.

В небе, зажмуриваются глазки звёзд. Солнце докрасна накаляет своё ложе на востоке. И крепчает Песнь Утра питомника: за яприлями подают голос единороги, долетает скрип и писк шнырков — самых разных видов, их в питомнике в избытке, и разливаются в развесёлой песне койны, и серная коза из своего плотного загона издаёт настойчивые, нетерпеливые трели.

— Где эти олухи, чтоб их, — ворчит Мел на вольерных. — Пошли Морвила, пусть их там встряхнёт.

Гриз только отмахивается: будить вольерных с помощью алапарда — никаких вольерных не напасёшься, и без того постоянно персонал нужен. Деревенские не рвутся

работать в питомник, где «зверюги ужасные, ковчежники долбанутые, а пить нельзя!» Идут либо смелые, либо от крайней нужды, да ещё попробуй набери тех, кто будет работать за такие деньги, и осторожно, и без запоев. По этим причинам и ковчежное «тело» тоже неполно, вызовов и животных становится всё больше, да еще добыть бы своего плотника — на клетки...

Вместо вольерных появляется Йолла: нос-пуговка перемазан сажей, белобрысые пряди взлетают при каждом скачке, платье задирается — открывает сбитые колени.

— Гриз, Мел! Мелких будем молоком поить? Да? Пойду с ледника принесу, греть поставлю, а то пока эти глаза продерут...

Ловит кивок на лету, уносится с деловитым видом. Скрывая на чумазных щеках полоски от слёз: видно, опять неладно что-то с матерью...

— Она из-за Полосатки, — говорит Мел, провожая девочку взглядом. — Думала — выживет. Она ж с ней всё сидела. А вышло...

Пустой загон по левую руку спрашивает всем своим видом: где? Мимо него тяжело идти, и тяжело принимать этот взгляд. В загоне с пустотой притаился третий исход, самая тяжкая весть.

Спасти можно не всех. И не всегда.

Вольерные сменили солому, полили всё хвойным экстрактом, но смерть так просто не прогнать. Не уходит из питомника, сколько ни гони: истерзанный единорог на прошлой неделе, не сумевшая разродиться койна и вот еще самка кербера, проглотившая водный кристалл...

Смерть бродит в округе, влезая то в одно обличье, то в другое.

Предпочитая замечательной красоты оболочку: высокий рост и широкие плечи, точёные скулы и светлые волосы, небрежно зачёсанные назад.

— Госпожа Арделл. Мелони.

Тихий голос берётся словно из ниоткуда. Как его обладатель — внезапно оказывается на расстоянии трёх шагов, прислонившись к стенке загона. Словно он использовал маск-плащ... нет, маск-плащ висит перекинутым через руку.

Утро. Ночной хищник явился с охоты.

Бах. Мел роняет ведро, заставив взвизгнуть пугливого яприля. Яприль с пронзительным хрюканьем несётся в крытый загон, а Мел разворачивается на каблуках и выпаливает сходу:

— Пшёл к чёрту, Мясник!

— Что-то не так? — удивляется Рихард Нэйш. — Чем-то мешаю?

— Своим существованием, мантикора тебя + жри! Что ты тут забыл?

— Ну, можно сказать, непосредственное начальство.

Непосредственное начальство пытается удержать при помощи единения второго яприля — а тот готов унести за испуганным собратом, чего доброго — раны разойдутся... Удерживает и успокаивает — и только тогда чуть поворачивает голову в сторону фигуры в белом костюме.

— Как прошло дежурство?

— Без происшествий.

Значит, никаких браконьеров, дружков Лортена, вороватых егерей и деревенских, которые решили показать глупую браваду. Хоть за это спасибо.

— Ты хотел что-то, кроме как отчитаться?

— Возможно, выяснить планы, — шелестит Нэйш со светской улыбочкой, — на сегодня. Нет поручений?

— Вызовов по «сквознику» не было, почту будем обсуждать позже, ты сам знаешь. Хотя я бы сказала спасибо, если бы ты помог с больными животными — не хватает рук.

— ...будто ему кто-то позволит... — шипит Мел, собираясь, как кошка перед прыжком. Полукруги у губ устранителя становятся чуть глубже, голос — чуть нежнее.

— Боюсь, вам не понравятся способы, которыми я могу помочь с больными животными, госпожа Арделл. Насколько я помню, мои методы... не для вас.

Япריך под пальцами Гриз судорожно вздрагивает — и замирает. Будто под лопатку ему вошла холодная сталь.

— Выживет? — интересуется Нэйш, окидывая япריך цепким взглядом. — Этот да, а вот с тем, что поступил позавчера — не так однозначно, ему, вроде бы, хуже? Да ещё эта гидра — мы же так и не выявили болезнь? Ах да, самка стимфы...

— Мне метнуть тебе в рожу нож, чтобы ты убрался? — рявкает Мел. — Ползи, откуда вылез, или на себе поймёшь — что такое настоящее вскрытие.

Уголки губ «клыка» слегка приподнимаются — вместе с тёмными бровями.

— Ты, кажется, почему-то расстроена, Мелони? Ах да, тот кербер. К слову, вот, совсем забыл отдать. Кажется, им даже ещё можно пользоваться.

Гриз машинальным движением ловит синий кристалл «сквозника» — причину смерти Полосаточки.

— Уникальный случай, — невозмутимо продолжает Нэйш, наблюдая за дрожащим япריךем. — Известно, что такого рода артефакты реагируют на кровь, но, как выяснилось, при проглатывании реакция в разы более сильная: «сквозник» думает, что он попал в водную среду и начинает резко нагреваться, при этом зелья не дают эффекта, так что мучительная агония, которую вы видели, была... оправданной.

Мел решает, что предупреждений уже хватит, и выхватывает метательный нож с воротника.

Гриз чудом не ловит нож-атархэ себе в затылок — когда привычно встаёт между этими двумя.

— Мел, убери нож, Нэйш, я же говорила, чтобы по вскрытиям ты отчитывался лично мне. Все подробности потом, сейчас — не мешай работать.

Устранитель кивает с видом образцового, дисциплинированного работника. Разумеется, он не хотел отвлекать. Он будет у себя, ждать новых поручений.

— К слову, Мел, осторожнее со сталью. Так ведь можно и без начальства нас оставить.

Короткий свист, и ответ — метательный нож — впивается в стенку загона.

Устранителя у стенки, разумеется, уже нет.

Гриз качает головой, отправляет в карман синий камешек «сквозника» и возвращается к япריךю. Тот дрожит, лёжа на соломе — совсем мелкий ещё, веса пуда в три.

— Тебе надо выспаться.

— Мне надо посмотреть на кишки Мяслика, — огрызается Мел, расшатывая нож, который глубоко ушёл в дерево.

— Что опять? Сейчас он вёл себя, как обычно, вызовов с устранениями уже две девятицы как нет... из-за Полосаточки? Да?

Мел возится с ножом у стены, напрочь отказываясь поворачиваться.

— Ты не видела, как эта тварь радовалась. Когда Полосатка... у неё еще агония не

стихла, а этот уже тут со своим блокнотиком! Два часа её резал, с-с-с-скотина! Да какого вообще...

Рихард Нэйш мало с кем вообще совместим в питомнике, но с Мел — трепетно любящей животных, слышащей и приручающей их без всякого Дара варга — он несовместим совершенно.

— Мел, мы же говорили об этом. Сведений о болезнях «магических тварей» нет, анатомических атласов нет, ничего толком не изучено, а я часто не могу понять — что происходит, я же слышу только боль. И если это поможет кому-то в будущем...

— Да кому оно... такое... А эта сволочь от счастья прям лопается, когда...

У Мел ломается голос, и она с присвистом втягивает воздух сквозь зубы. И Гриз заставляет себя промолчать все правильные слова, которые могла бы ответить. Запереть их во внутренней крепости, схоронить в темницах и подвалах. О том, что тем, кто попадает на «исследовательскую работу» к Нэйшу, уже не помочь — но можно помочь другим. О том, что никогда не знаешь — что пригодится. И что она понимает: как это — драгоценное, дышащее существо ещё совсем недавно смотрело на тебя, умоляло спасти, и ласкалось, и видело в тебе кого-то сильнее, кто сможет его защитить... И вот ты не защищаешь его от смерти и после смерти — отдаёшь под нож. На поругание, на стол, будто что-то незначимое.

Слова о том, что она смотрела в сознания их всех — всех до единого — она закрывает прочнее всего. Отправляет следом фразу о том, что ей тоже не по душе то, как Нэйш упивается своими исследованиями, но что сделаешь — если в питомнике только один человек знаком с анатомией, готов наплевать на «постулаты телесной нечистоты» и в принципе единственный способен на такую работу.

Гриз молчит о том, что иногда за призрачный шанс кому-то помочь в будущем уже сейчас приходится платить дорого.

Утро накидывается на питомник хищным прыжком, будто охотящийся алапарт. Прибегает Йолла с подогретым молоком — и Мел поднимает голову, шмыгает носом, идёт вместе с девочкой поить молоком молодняк. Наконец-то просыпаются вольерные, выходят на уборку загонов и клеток, на заготовку кормов, и тут надо присмотреть за всем сразу.

Малк, продувная бестия, случайно забредший в питомник странник, опять благоухает вчерашними излишествами.

— Малк, кому сказано, отошёл от клеток! Приказ был — с Лортенем не надираться! Возьми у Аманды антипохмелку и дуй корма готовить, чтобы возле зверей я тебя сегодня не видела. Выкинешь такое завтра — отстраню.

Малк щурит хитрые глаза картёжника, утюжит гулящими пальцами рыжую бородку и утверждает, что они только полстакана... дядю помянуть, да.

Старый Перкент покряхтывает, хватается за поясницу — опять спина, ой-ой-ой. Погода отвратная. И помощники все бестолочи. Староста в деревне — идиот. И соль дорожает. А вот в старые времена...

Гриз не даёт утопить себя в недовольстве машет рукой — ага, да, к Аманде за мазью для спины, давай-давай. И хватит егерей забалтывать!

Крокт — ноги нет от бедра, молчаливое угрюмое лицо в морщинах — уже взялся за вилы, разбрасывает солому. Притихшие гарпии с опаской косятся на протез из соседней, временной клетки.

Есть ещё Джоэр, с ним надо что-то делать — вечно отлынивает от работы, а потом на него спящего натываются благотворительницы в самых неожиданных местах. Морвил

прилетает лёгкой, медово-золотистой тенью, тычется носом в ладонь: найти потерю? Ладно, найди...

Появляются наёмные работники из деревни — порознь. Унылый, с вислыми усами Чейр кивает с похоронным видом. Ну, разумеется, всё плохо. Жена заела. И, говорят, скоро будет война Айлора и Вейгорда. И ещё он почти уверен, что у него несварение желудка, и... что, убрать загоны яприлей? Ну, так он и знал.

И бездна тяжёлых вздохов.

Сыновья Злобной Берты — хозяйки трактира «Свин и свирель» — являются один за других. У Берты переизбыток детей, и куда девать этих придурковатых молодцов — она понятия не имела, так что определила в питомник целых трёх («Может, хоть там сожрут, дармоедов безмозглых!»). Раздать поручения всем троим: подносить солому, носить воду, а вот ты будешь мясо для хищников рубить, пошёл к хозяйственным помещениям!

Потом перекинуться словечком с подошедшим Джейро — нормально детишки? Что, ещё одного ждёте? Это ж сколько у вас там...

Южанин Джейро радостно жестикулирует лопатой — детей много не бывает! Почти залепляет в лоб своему другу — большому, тихому Дерку, «пустому элементу». Дерк, которому не досталось магии и слов, тихонько машет ладонью размером с лопату. Эти двое наносят на себя отпугивающие хищников эликсиры и ныряют в закрытую зону питомника. Раскладывать соль, пропитанную зельями, рассыпать подкормку. Животные, которые гуляют по обширной лесистой территории питомника, тоже нуждаются в поддержке...

Время несётся вскачь, повизгивая. Между клеток и хозяйственных помещений. Между раненых животных и пугливых новичков, под ругань Мел («Куда солому насыпали, бестолочи?!» «А ты на какие куски мясо нарубил?!»). И нужно расспросить Йоллу — что там у неё с матерью, и почему та не показывается. И прикрикнуть на Лортена — чтобы не смел больше спаивать вольерных. И скоро явятся посетители, и не хватает рук, так что, наверное, придётся присоединиться к вольерным с приготовлением кормов — сто изысканных блюд на разный вкус, от подтухшего мяса до чистейшего зерна на меду, для тенн.

С кормёжкой является помогать Кейн Далли — Гриз издали слышит, как он перешучивается с вольерными и бросает на ходу гарпии из бойцовых: «Нет уж, сегодня тебе не обломится моей драгоценной плоти».

И кажется, что он тут был всегда. Раньше Гриз. Каждое утро после рассвета возникал в дверях «кормильника»: слегка мокрое лицо после умывания, веки припухли со сна, тёмно-русые, малость припудренные сединой волосы пытаются завиться там, где на них попала вода. И щетина, и объёмистое брюшко, и заштопанная рубаха и невозмутимое: «Ну да, сейчас сделаем». И странное чувство — что знаешь человека сотню лет, когда он в питомнике-то только вторую девятницу.

— Кейн, доброе утро, помоги с кормом для шнырков. Помнишь, что у них в рацион входит?

— Всё, — ухмыляется Далли. — Особенно мои пальцы, особенно у Кусаки. Но насколько я помню, на завтрак ты им предлагаешь яйца, фрукты и варёную курятинку. Сделаем. Заодно подновлю ледник, если Джоэр не удосужился.

Посмеиваясь, уходит на склад — оставляя Гриз разбираться с деликатным рационом для маленьких грифонят. Мел (она ожесточённо кромсает огурцы для койн) громко хмыкает.

— Что? — ловит Гриз её мрачный взгляд. — Он быстро учится. С такими темпами и на вызовы скоро можно будет выводить. Вы же с ним были у вдовы Олсен — что не так?

— От него враньём несёт, — цедит Мел упрямо. — Зверей не любит. Скользкий, как не знаю что. Шуточки его эти...

Вся её поза, движение ножа, разлетающийся по заготовочной огурец — всё говорит: «Не верю я ему».

Только вот Мел на памяти Гриз не доверяла никому из ковчежников, или вольерных, или егерей. Неохотное исключение делая только для Гриз. И малышки Йоллы.

— В деле пока ничего. Хм. Быстро запоминает, пальцы куда не надо не суёт. Не убил чёртову Перечницу, когда она к нему с нравоучениями полезла.

— Да неужели.

— Ну. Я хоть работать смогла, пока она ему там мозги полировала. Думала, она нам всю печенку выест — явились же без ее разлюбозненького Мясника, не с кем сюсюкать за чаем. Потом гляжу, Пухлик её как-то уболтал. Она даже разрешила приходить в её зверинец, когда мне удобнее.

Мел решительно скидывает нарубленный огурец в миску и припечатывает:

— Но на выезд с собой его не возьму. Он или в кусты сиганёт, или попытается зубы заболтать какому-нибудь алапарду — оно мне надо?

Нож стучит быстрее и быстрее — и нужно очистить-выжать-размять-подогреть. Питомцы в клетках требуют завтрака всё громче: яприли заходятся визгом («Где репа? А брюква?! А яблочек бы ещё...»), гарпии мечутся с неумолкающим «урлюлюлю» — желают мяса. Единороги упоенно хрупают овсом, гидрам нужно бы рыбы дать...

Шнырки поглощают порции моментально. Глядят хитроватыми, шмыгающими глазами: нельзя ли просочиться из клетки и ещё чего прихватить? С кошку размером, цепкие лапки, бесконечность расцветок и способностей, и самая главная — просачиваться везде и размножаться с угрожающей быстротой. А ещё питаться буквально всем, тут Далли прав. Хищники, порыкивая друг на друга, занимаются мясом. Земляная кошка снова не желает принимать еду — значит, предложить какой-нибудь деликатес, вроде индюшатины, вдруг не устоит...

Больше сотни капризных ртов, пастей, клювов — и нужно угодить всем, и вольерные ругаются («Да шо ж они так гадють, нельзя, что ли, этих тварей кормить меньше?!»). Но в стенах крепости Гриз живет память об измученных животных в зверинцах. О тесных клетках, куда кидают тухлое мясо и прогнившие овощи. О неубранных загонах и зверях, покрытых вонючими корками.

И вольерные умолкают, напоровшись на один лишь взгляд. Только старый Перкент кряхтит, что вот, ничего-то эти варги не понимают.

От «Ковчежца» доносится звон кастрюль и победоносный грохот: кухарка-экономка Фреза приступила ко своим обязанностям на большой кухне — стоящей отдельно от «Ковчежца». «Бах, бах» — несется в небеса вместе с ароматным паром. Бывшая пиратка Фрезуанда всё делает громко и так, словно всё ещё стоит на капитанском мостике. И собирается брать кухню на абордаж.

— Тудыть-растудыть! — долетает время от времени до вольеров. И Гриз кажется, что маленькой, сухонькой Фрезе стоит только распрямиться и свистнуть — и кастрюли станут в ряд, яйца сами прыгнут на сковороду, каша сварится от одного взгляда из-под густых бровей. А бутерброды, дрожа, пойдут сдаваться в плен.

— Завтракать, непутёвые! — орёт Фреза, чутко подгадав время, когда кормёжка животных заканчивается. — Да чего вы там телитесь: всем идти жрать, кому сказано, а то я

вам этот завтрак...

Работники под впечатлениями обещаний — как Фреза может распорядиться завтраком. Кейн Далли идёт в компании лентяя-Джоэла, рассуждая по пути: «Ну, на такое милое приглашение нельзя не откликнуться, да?»

Питаются в питомнике все, когда вздумается (и Фреза вечно цветисто бранится по этому поводу), и Гриз машет рукой: успеется, всё успеется. Дела не ждут. Взяли крепость в осаду, забрасывают на стены сотни крючьев, приставляют десятки осадных лестниц. Карабкаются внутрь города, притаившегося за стенами.

Поглядеть на оставшиеся запасы корма — отметить, чего не хватает. Рыба на исходе, особенно морская, и вот — уже заканчиваются финики, и оливки, и с маслом не очень, и яиц бы тоже... животные потребляют много, в деревне всё не достанешь, посредники ломают цены, с каждым торговцем по отдельности договариваться времени нет. Ладно, закупиться в деревне, а там посмотрим. Большим единорогам и грифонам нужны особые травы, Аманда столько не наберёт, так что тоже надо бы уже переговорить с поставщиками.

И в последнем мешке гороха для яприлей обнаружилось четыре разожравшихся шнырка. И только полмешка гороха.

Да, и ещё — компоненты для зелий...

Аманда выпархивает во двор после завтрака. Юбка развеивается на утреннем ветерке, чёрные кудри чуть шевелит ветерок, побрякивает в руке кофр, полный эликсиров.

Певучее: «Солнце сегодня — словно горячий мёд, не так ли, сладкая?» — и вольерные собираются вокруг Аманды, будто пчёлы вокруг гибкого, ароматного цветка. Вьются, бормочут, стараются рассмешить, утащить в разговор, по пятам следуют. Приходится цыкнуть и отправить по делам.

— Ах, золотая моя, — вздыхает травница, показывая белые зубы, — как ты сурова. Ну, подумай — вдруг они принесли мне не только глупые шуточки. Вдруг кто-то из них — моя судьба навек?

И заливается смехом, подмигивая Кейну Далли.

В тени Аманды прячется Уна — тонкий стан, едва слышный голос, глаза пугливо блестят из-под темных волос. Под которыми Уна, ученица травника, Ходящая По Снам, пытается скрыться от мира: вольерных, животных, приветствия Гриз...

Первый обход Аманды — короткий: посмотреть, как пациенты; выслушать Гриз, которая заглядывает в сознание к животным; добавить или не добавить нужных зелий в поилки. Раненый кербер рычит и свою поилку оберегает, и тогда Гриз касается одной из голов — тише, тише, вырастает в сознание зверя и уговаривает принять лекарство...

Потом — время «встряски», и звук колокольца собирает членов «тела» на утреннее собрание.

Мел толкует насчет поноса у гарпий, Аманда разливается рекой о нужных компонентах для зелий — значит, опять возня с поставщиками. Хаата шепчет из угла о том, что говорит лес — о животных, которые живут в пределах питомника на воле. Рихард Нэйш вырисовывает какую-то схему в своём блокноте. Кейн Далли дожевывает пирожок от благосклонной к нему Фрезы.

Слух Гриз — с отчётами ковчежников. Зрение — с письмами, которые принесла утренняя водная почта. Три счёта, два пустых письма благотворительниц, многословное послание матушки Лортена (его, кстати, надо бы растолкать). Возмущённое послание Радетелей Природы: «Немедленно освободите бедных зверюшек, а то мы это сделаем за

вас!» Угрозы от знатного идиота, который вздумал заняться охотой в лесных угодьях питомника — в мусорную корзину. Предложение забрать искалеченную на охоте самку алапарда — отложить в сторону. Предложения продать животных из питомника в частные зверинцы или цирки — в корзину. Ни писем от сумасшедших коллекционеров, ни предложений помощи в духе «вот, у меня есть пуд прошлогодних яблок, почти не гнилые, отдам зверюшкам за символическое вознаграждение», ни экзальтированных описаний о том, что видели у себя дракона на заднем дворе.

И нет заказов. Ни от постоянных заказчиков, ни от новых, и это хорошо и плохо одновременно. Хорошо — потому что можно уделить животным весь день. Плохо — потому что питомник отчаянно нуждается в средствах: финансирование из королевской казны Вейгорда скудное, слишком много занимает жалование Лортена, слишком многие стараются не заплатить после выполнения заказов...

Гриз вздыхает, шурша конвертами. Кивает, принимая к сведению отчёты Мел, Аманды и Хааты. Раздаёт распоряжения — кто и над чем работает на протяжении дня.

И ныряет в остатки утра, будто в бесконечное озеро, где роятся шустрые, разноцветные стайки дел.

Успокоить раненых зверей, чтобы Аманда смогла их осмотреть и перевязать. Деревенский плотник никак не может справиться с нужной формой клеток — строит помесь пыточной и темницы. Объяснить. Потом связаться по сквознику с поставщиком лекарственных трав. Заказать и уговорить отсрочить платеж. Интересно, Шуршун уже нашел свою тихую заводь? Что там еще — а, да, заказать продукты...

Лортен просыпается после полудня, начинает шататься по питомнику, влезать куда не просят и искать, чем бы разнообразить жизнь «в этом царстве ужасных тварей и кошмарных, занудных женщин». Послать директора питомника ко всем чертям, вручить письмо от матушки и поинтересоваться — давно ее не видел? Хочешь — расскажу, как ты тут? Не хочешь? Всё, пошел вон, работать не мешай.

Лортен царственно фыркает носом и идет приставать к посетителям. Пусть себе — от баек, как он «с величайшим трудом, разумеется, отлавливал для питомника вон того виверния» хуже не станет никому, глядишь, еще денег пожертвуют. Вольерным напомнить — смотреть в оба. Не успеешь оглянуться — какая-нибудь не в меру шустрая дамочка уже полезет целоваться с единорогом, или чей-нибудь сынок начнет дергать койн за хвост...

А они, между прочим, могут его и отбросить. Или привести в действие железы у основания хвоста и здорово этим хвостом обжечь.

Лица, морды, подсчёты, записи. Касание ладонями твёрдых перьев алмазной стимфы. Внезапно раздувшийся и позеленевший после полудня шнырок. Йолла прячет заплаканные глаза, вернувшись из деревни — обидел, что ли, кто? Аманда перевязывает палец стонущему Малку — и зачем совал в клетку к маленьким игольчатникам? Джоэл опять где-то спит. Морвил тычется в ладонь. Грифон Ирл с пронзительным клекотом начинает биться о прутья клетки, увидев в небе орла. Запах лекарственных зелий — это пугливо проплывает Уна...

Город за стенами крепости ворочается утомлённо: городу хочется закрыть ставни и хоть немного побыть в тишине. Но Гриз напоминает себе: ещё тысячи, тысячи дел.

Пройтись по лесным угодьям вместе с Морвиллом. Посидеть с новичками, которые не привыкли доверять людям. Успокоить их и внушать, раз за разом, что они вместе, что их не обидят...

...спуститься к реке, быстрой и говорливой. Которая — граница питомника с восточной

стороны. Пройти по тропе между зарослями ивняка, подобраться к пристани...

— ...пуф, — говорит трубочка в зубах Фрезы, которая расселась на маленьком речном причале. — Пуф-пуф-пуф?

— Может быть, — отвечает Гриз на знакомый по интонациям вопрос.

— Совсем животин загоняете, — бурчит старушка, вынимая трубку. — Мотались же недавно! Сходите через вир, шоб вам всем гидре в глотку!

Гриз подходит к кромке воды. Негромко фыркает, оттопыривая губы. И протягивает руки к прозрачно-бирюзовым лошадиным мордам — когда те всплывают из реки.

Гиппокампы, водные лошади, радостно плещутся в речке, демонстрируют гладкие бока, приглашают — садись, покатаем!

— Не знаю, — говорит Гриз, — может, и через вир...

— Так вызова-то что, не было, что ли?

Спицы в узловатых пальцах старой пиратки стучат, будто сабли друг о друга. Лихо и яростно.

— Пока что не было.

— Ну так и шла б себе по делам своим варжеским! Сама-то, небось, и не завтракала ещё, а? Скоро свой хлыст не поднимешь и шнырка не потянешь, х-ха! Спрашивается, кому такая костлявая нужна будешь? Этот твой устранитель, небось, за бабочками куда подальше свалит, как не за что станет подержаться...

— Фреза...

— Шляется не жравши, потом ей Фреза. Зверей, небось, накормила? С места не двинуть, пока на кухню не зайдешь, ясно тебе?

— Фреза, готовь «поплавок».

Старушка сплевывает в воду. Исподлобья поглядывает на Гриз выцветшими глазами — когда-то два василька, теперь вот незабудки.

— Опять в голову стукнуло? Тебе, Уне или еще кому?

Гриз жмет плечом. Предчувствие было с утра, неявное далёкое — отзвуком вечера. Теперь вот по спине гуляет холодок — прохватывает, как ветерок, под летним солнцем.

Что-то случится, — говорит внутри предчувствие. Что-то будет. Поднимай мосты в крепости. Готовься к осаде. Скоро, скоро...

— Когда готовить-то? — щурится Фреза. Глаза — незабудки, личико — грецкий орех, волосы — взбесившиеся облачка под платком. — Сейчас?

— К обеду на всякий случай.

Стук спиц смолкает — Фреза знает, что чутье варга редко лжёт. Бормочет только возмущённо: «К обеду ей, ну как же. Небось, теперь еще и обед пропустит, будет потом шяться по коридору, как эта ученица нойя — не разберешь, где там тень, где она». Так что Гриз приходится дать обещание: она непременно перехватит что-нибудь. И даже действительно перехватить. На бегу. Между беседой с истеричной мамашей, которая хочет купить сынуле единорога (даже успела уломать Лортена) и родами у серной козы...

«Сквозник» обжигает бедро через два часа после обеда.

БАБОЧКА В КРЕПОСТИ. Ч. 2

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

Маленький серебряный колокольчик — родом из Града Мастеров. И его зов без труда разносится по всему питомнику: «Скоре-е, ско-рее, срочный сбор!» Зовом колокольчика обычно созываются утренние и вечерние собрания — «встряски».

Но сейчас он поет в руках Гриз резко, тревожно.

«Срочно, срочно, срочно, вызов, вызов!»

— Вызов, всем «телом», — бросает Гриз собравшимся ковчезникам. — Зверинец Гэтланда, бешенство зверей, Уна остается, остальные идут, Кейн, ты тоже. Аманда, бери всё, что есть из сонных, успокаивающих и противоожоговых!

Сборы коротки. Проверить на поясе нужные зелья в специальном футлярчике. Слева направо: противоожоговое, кроветвор, бодрящее, универсальный антидот, снадобье для быстрого затягивания ран. Кнут на поясе. В сумке на боку — маск-плащ и антидотная маска. Дождаться Аманду, которая прилетает сверху, из лекарской, с полным кофром. Попутно раздать распоряжения вольерным и егерям.

Быстрым шагом, почти бегом — по тропинке к речной пристани. Возле которой покачивается диковинное судно: продолговатый «поплавок», достаточно вместительный, чтобы в него можно было запихнуть с десятков человек и среднего альфина в придачу. Тройка развеселых гиппокампов — водных лошадей, нетерпеливо танцует в упряжке. Фреза, по-пиратски посвистывая, лезет на место возницы, в прозрачную кабину перед самим «поплавком».

— Что, непутевые? К Гэтланду?

Потом понятливые гиппокампы идут извилистыми водными путями, прорываются через тайные тропы — подводные виры, которыми, говорят, как артериями связана вся Кайетта... А в полутьме пассажирского отсека «поплавок» Гриз дает расклад. Рисует схему при синеватом свете раковин флектусов. В основном обращаясь к новичку.

— В зверинце Гэтланда около сотни животных. Зверинец небольшой, приморский, если убрать птиц и мелочь, то опасных будет десятка два. Расположение... — она набрасывает схему на ходу. — Вот хозяйственные помещения, вот тут у них травоядные, хищники здесь, тут птичник. Повсюду деревья-кусты-пальмы — это затруднит работу. Судя по всему, хозяин зверинца сам не понял, что случилось. Звери просто взбесились. Вроде бы, все.

Мел фыркает себе под нос что-то вроде: «Давно пора!»

— В общем, он был в дикой панике и членораздельного сказал мало. Они запустили артефакторную защиту ограды, так что те, кто вырвался из клеток, не прорвутся вовне. Но что там внутри сейчас — Гэтланд не знает, он связывался со мной из своего коттеджа, а тот за пределами зверинца. Ему рассказали сбежавшие вольерные. Те, кто успел сбежать, пока начальник вольерных не замкнул защиту.

— Ах, этот Кайерн, — вздыхает Аманда, — такой основательный мужчина... И он из бывших военных, да-да-да, скорее всего — он понимал, что делает.

Понимал. Оставляя внутри закрытого питомника вольерных и посетителей, наедине со взбесившимися животными, — понимал, что делает...

— Словом, дело осложняется тем, что там могут быть люди. И вольерные, и

посетители: Гэтланд сам не знает, сколько их там, сказал только — немного. Причина всего этого непонятна. Может быть яд...

— Или эти идиоты опять чего-то не того в поилки насыпали, — ворчит Мел.

— ...может быть артефакт от конкурентов, может быть что угодно. Животные, по словам Гэтланда, в неудержимом бешенстве, некоторые вырвались из клеток.

— Алапарды, сладкая?

— Надеюсь, нет, иначе нам придется туго. У него, как назло, в коллекции огненные лисицы, виверний... есть даже драккайны, так что могут быть ещё и пожары ко всему.

— Чудненько, — бормочет Кейн Далли, пытаюсь ухмыльнуться.

— Как я поняла, Гэтланд в растерянности, вызывал еще кого-то, но пока ни с кем не договорился, так что помощи не ждем. Войдем через малый, боковой вход — на нем они снимут защиту. Аманда, раздай склянки со снотворным. Посмотрите артефакты в коробке конфиската — что там есть по защите, усыплению, холод и воду тоже. Мел и Хаата, берите всего побольше. Вы с Амандой зачищаете территорию, лупите по всему, что на вас бежит, продвигаясь от выхода вперед. Маски не забыл никто? Хорошо. Нэйш...

Устранитель лениво приподнимает голову — он что-то вырисовывает в своем блокноте.

— Твой Дар Щита понадобится, чтобы вывести людей. Посетителей и вольерных. Если они остались где-то в пожаре. Ясно? Не устранять! Это не людоеды, животные явно отравлены или околдованы.

Рихард Нэйш кивает, принимая к сведению. Мел кривит губы, с ожесточением звякая склянками Аманды. Хаата сквозь зубы бормочет что-то на языке своего племени — не разобрать...

— Кейн, твое дело тоже — люди, особенно там, где пламя. Сбиваешь пламя, забираешь людей, как только чувствуешь, что Дар истощается — отступаешь к Аманде или ко мне, я буду неподалеку. Главное — не лезь на рожон, договорились?

— Ну, мы же, вроде, выяснили, что я быстро бегаю, — усмехается Далли. Немного нервно: не каждому выпадает такой первый вызов.

— Если кто-то из вольерных и посетителей стоит на ногах — организовывайте и втягивайте в работу. Особенно магов холода, воды, воздуха. Они нам понадобятся.

Что будет делать она — Гриз Арделл не говорит, а ее не спрашивают. Все знают — что. Идти впереди, действовать по ситуации. Парализовывать хлыстом скортокса, прорасти в сознание, успокаивая, ставить запреты, наводить мосты.

Делать так, чтобы больше никто не умер.

Из «поплавка» они выбирают в палящее солнце. Выпрыгивают на берег неглубокой бирюзовой лагуны — и ноги вязнут в белом песке. И где-то, невидное, вздыхает и шумит море, ворочается огромной тушей, пока они достигают зверинца Гэтланда: каменный высокий забор, поверх него — бирюзовая легкая дымка защитной магии, которая пропускает только звуки: визг, рычание, клёкот, рёв... и треск, и гул пламени.

У Гэтланда дела нехороши.

Самого заводчика не видно, а дверь им открывает бледный вольерный с рукой на перевязи. Поворачивает магический кристалл, чтобы убрать защиту с бокового входа.

Гриз Арделл ныряет внутрь.

В скопище разнесенных клеток, сломанных деревьев, растерзанных тел.

В глубине питомника полыхает пожар. Валяются прутья, куски шерсти, миски, овощи — вперемешку. Загоны разломаны, в оставшихся клетках звери катаются клубами, яростно

визжа.

Хаос, вылепленный из ярости, ужаса, запаха гари и крови.

Позади разом звучит «Боженьки» от Далли и тихое ругательство Мел. Языки нойя и даарду сплетаются в единое, певучее: «Что же это такое?!» И звучит тихий, пробирающий морозом смешок из-за спины. Полный нехорошего предвкушения.

Потом из какофонии уничтожения, вычленяются визг, хрип, топот, мерные тяжелые удары. И на группу вылетает яприль: крупный самец хрипит и рвет клыками доски, мотает головой, взрывает землю и валит деревья одним ударом: яприли в ярости — неужержимый таран. Изумрудно-зеленые бока — в пене, рыло и клыки окровавлены: замирает, увидев их, потом сразу же летит навстречу, и первая склянка со снотворным Аманды, разлетается у его ног и не приносит пользы: яприль всё так же рвется вперед. Хаата швыряет вторую склянку — ничего... яприль уже в десяти шагах, третья склянка от Аманды разбивается прямо о морду, и Гриз уже готовится шагнуть вперед и прорасти в сознание бешеной бестии, но тут Мел выхватывает духовую трубку и всаживает в яприля два парализующих дротика.

Все равно приходится броситься в разные стороны: огромный изумрудно-зеленый кабан со вздыбленной шерстью и клыками-саблями, еще ковыляет, яростно хрипит... потом наконец валится на колени, и всё же пытается подняться.

— Три склянки, две стрелки, — бормочет Мел, — таким составом альфина можно положить!

Приходится отойти от крошева клеток и перемолотых в щепу деревьев, расположиться почти у основного входа. Усыпить при этом трёх бешеных керберов: те устроили грызню над трупом Кайерна. Главный вольерный отбивался до последнего, но после того, как закрыл выход бешеным животным, уйти от ворот всё равно не смог.

— Сильный яд или бешенство, сладкая, — выдыхает Аманда. — Мне придется обратиться к очень мощным снадобьям.

Продвигаться от входа приходится медленно: обезумевшие, взбесившиеся звери — повсюду. Обратившиеся в кровожадных фурий единороги. Огненная лисица, вспыхивающая пламенем и целящаяся в горло, прыгает из-за искусственной горки — на нее приходится известить полную склянку снотворного... Гриз захлестывает кнутом дико визжащую, метящую в глаза койну. Мел тратит ещё две парализующие стрелки на игольчатую волчицу.

Валяются растоптанные, завлекающие плакатики: «Мы познакомим вас с волшебными животными Кайетты!» Дальше лежит не успевший убежать посетитель, над ним навис сизый грифон. Две склянки снотворного — и, кажется, посетитель еще жив — кроветвор, заживляющее, оттащить назад...

Нэйш кивает на прощание, пропадает в завесе дыма. Пора, — мысленно соглашается Гриз. Зачистили десяток животных, если сейчас промедлить — те, кто остался в глубине питомника, не дождутся помощи. Где-то там виверний Йенх — наверное, пожары из-за него...

— Справитесь?

Аманда, Мел и Хаата продвигаются вперед слаженной группой: Травник — в центре, Следопыт отслеживает приближающихся животных, даарду слушает весь питомник. И она же кивает первая, шепчет:

— Сестра, иди. Там ярость, там огонь, там... тебе нужно быть.

— Кейн, за мной, — бросает Гриз и кидается бегом. И воедино сливается и проносится мимо калейдоскоп разрушения: лежащие поперек дорожек стволы, раскиданные камни,

сломанные скамейки, сожженные кусты... Бешеное ржание единорога слева, за загонами, «урлюлюлюлю» гарпии-бескрылки — но останавливаться нет смысла, группа Аманды здесь сработает...

Дикий, иступленный рык. Алапарды бьются о свою клетку, протягивают лапы, с безумной жадой: достать. С клыков хлопьями летит пена, глаза кажутся алыми... мимо, мимо!

Извивается в искусственном пруде болотная гидра — оплела кольцами вольерного и топит. Приходится задержаться: усыпляющее плюс удар магии холода, освободить вольерного, который кричит и цепляется за руки Кейна Далли...

— Кейн, вон в то здание его, я буду впереди, где пожары!

Рык виверния звучит всё яснее, только раздаётся то с одной стороны, то с другой, как будто животное мечется туда-сюда. Под ноги лезут шипящие, с разъявленными пастями шнырки — захлестнуть кнутом одного, другого, третьего, полежите и подумайте о своем поведении...

— За постройками пока спокойно! — раздаётся отдаленный голос Кейна Далли. — Гляну там, вдруг кто-то есть...

Хозяйственные постройки — длинная череда зданий, и между ними и стеной питомника есть проход. Гриз кивает: ищи людей, Кейн, если что — кричи — и отправляется искать тех, кто опаснее всего.

Разнимает кнутом ещё двух гарпий, которые растерзали птичник. И охлаждает пыл единорогу, только вот снотворного больше не остаётся. Гриз пользуется кнутом и снотворным, потому что не знает, что там — в сознании зверей. Соединение с разумом безумной твари — не то что можно вытерпеть так просто, к тому же варг беззащитен в состоянии единения, а тут каждую минуту можно на кого-то наткнуться.

Виверния нигде нет, и это тревожит. Гриз огибает груды хлама — когда-то клетку виверния — и идет между опалённых стволов. Отмечая пропадины на траве и следы когтей, и вспоротые ударом хвоста деревья.

Некоторые кусты полыхают — и это пламя бестии. Магическое, быстро прогорающее пламя... Где же ты, а?

Шорох за деревьями — Гриз сворачивает влево, осторожно идет, сжимая кнут. Следы виверния ведут туда, трава и кусты примяты — следы борьбы. Ещё пропадина. Ещё.

Тяжкий стон навстречу.

Второй япריך зверинца лежит, и у него стекленеют глаза. Морда опалена, бок растерзан — столкновение с вивернием, который даже не стал есть добычу, только разорвал...

Гриз делает шаг вперед, чтобы облегчить страдания, хотя нет, поздно, япריך уже делает последний выдох.

И тут звучит бешеный рык справа, за пару сотен шагов.

Приглушённо доносящийся ответный вопль «Да черти ж водные!» подстёгивает лучше хлыста — она не бежит, летит, а вокруг мелькают переломанные деревья и разбитые клетки, и полыхают загоны, и мечутся под ногами смешные поросята яприля, ничего, маленькие мои, Мел вас успокоит, а пока мне срочно нужно, срочно...

Крику вторят другие — совсем панические, незнакомые. И рёв, который пышет жаром.

Виверний, понимает Гриз на ходу — и обращается в ветер, в полёт, в бесконечное «успеть». У Гэтлонда в зверинце крупный виверний, звучное имя — Йенх, по имени

Дарителя Огня, пришлось с Амандой наведаться и лечить, когда мальчик приуныл и расчихался клубами дыма...

Вот только он был молодым и почти ручным, до смешного, а теперь...

Пламя и хаос. Рёв и ярость.

И картина неизвестного художника — «Некуда бежать».

Далли, умница, всё-таки успел найти и выдернуть из хозяйственных построек двух вольерных — до того, как виверний учуял людей и разнес постройку. Кейн успел даже прихватить какую-то даму из посетителей. Дама утратила благопристойность — вместе с зонтиком, обгоревшей шляпкой и порванным подолом платья. Теперь прижимается, тихо скуля, к крепкому забору, пытается прокопаться через магическую ограду, а один вольерный, весь в копоти, упал на колени и визжит тонким женский голосом...

Второй пытается выставить холодовой щит. Под руководством бледного Далли, а тот тихо-тихо шевелит губами, то ли просчитывая что-то, то ли ругаясь...

Может быть — молясь, потому что не каждый день оказываешься припёртым спиной к ограде, когда повсюду — горящие обломки, полыхающие деревья, разбитые хозяйственные постройки. А сквозь то, что было небольшим сарайчиком с инструментом, на тебя неотвратимо надвигается тот, кого недаром назвали в честь Дарителя Огня.

Тупая, почти квадратная, чешуйчатая морда в серо-зеленой броне. Раскрывается клыкастая пасть, мелькает язык: сейчас, подождите, наберусь сил для огнеметания. Маленькие глазки — куски светлого, прибрежного янтаря, в янтаре застыло, запечаталось пламя.

Хлещет мощный хвост, раскидывая горящие доски, взвихряя пепел, когтистые лапы с треском разрывают дерево, миг — и виверний прошибает бывший сарай собой, оставляя груды обломков. Встряхивает головой с гребнем, раскрывает плотные, кожистые отростки крыльев, в небо летит короткий, полный бешенства и предвкушения рёв, потому что добыча здесь, добыче некуда бежать, и эти вот — жертвы...

Слишком далеко, не успеть до огнеметания, и Гриз делает то, что проще всего:

— Стоя-а-а-а-ать!!!

Йенх не разбирает команды, но громкий звук — значит угроза, а к угрозе нужно повернуться огненной глоткой.

И он поворачивается, на миг, навстречу крику «Вместе!» — который Гриз выталкивает силком из пересохшего горла.

Вокруг жар пламени, копоть забивает дыхание, но зелень не унять, не остановить. Зелень поднимается в глазах Гриз весенними травами, и оплетает Йенха, и обволакивает прохладой, тащит в бесконечный, мерный, спокойный шепот: стоп, стоп, стоп, они не добыча, не надо охотиться, надо немного отдохнуть...

Но внутри нет виверния Йенха. Там смеется алое бешенство, хохочут и пляшут огненные нити с солоноватым привкусом: *добыча, добыча, всё вокруг добыча* — и он упивается безграничным ощущением: *нет клетки, нет загона, никаких границ, и ему нужно крови, крови, крови вот этих вот, которые так смешно кричат, и нужно пламени, нужно терзать, жечь, рвать...*

Нет, — шепчет она, глядя его и своими глазами. На ощеренную пасть, которая всё ближе. Нет, послушай меня, это же не ты. Помнишь меня, помнишь, как мы были вместе раньше? Я не обижу тебя, яс тобой, ты не один, и ты должен вспомнить, что это не ты. Вспомни, прошу тебя, вспомни!

Но алое бешенство брызжет в глаза, застит разум, огненные нити пожирают травяную поросль и шепчут жадно: *взять, взять, взять, и крови, крови надо, острой и пахучей, и все люди — это жертвы, в них надо погрузить когти, свалить и растоптать, и валяться в крови, а ты уходи, ты мне только мешаешь, не мешай мне, надо крови, крови, крови...*

Бешенство и безумие переплелись внутри, разливаются пламенем по венам, и хочется оскалить зубы и впитаться, и раздирать, захлёбываясь с наслаждением тёплой и солёной жидкостью.

Но зелень прорастает в огонь — исподволь, проходя через пепел. Опалает листву, но упорными, уцепистыми стеблями лезет вверх, хватает усиками, прижимается душистыми побегам, обволакивает шёпотом: это не ты, не ты, не ты. Вспомни мою ладонь на твоём гребне, и как ты робко фыркнул пламенем после лечения, и как жаловался мне на слишком тесную клетку, так что мы договорились, что ты никого не тронешь, а тебя переведут в просторный загон. Вот он — ты-прежний, навсегда внутри меня, как я внутри тебя, потому что мы неразделимы, так услышь же, коснись же, вспомни — какой ты...

Нити звенят и пахнут соленой, упоительной жидкостью, как те, которые загнаны в ловушку, ловушка — это хорошо, потому что они теперь мои, кровь, кровь, добыча, не мешай мне, нет, не мешай, клеток больше нет, а есть только эта, которая внутри, она помеха, помеху нужно убрать, нужно... крови... нужно...

Виверний делает ещё шаг. Тяжкий — вминая когтистую лапу в пепел, грязь и остатки травы. Вязкий — будто остатки травы вдруг поднялись и заплели ему лапы. Недовольно хлещет хвост: готов ударить, если кто-то из добычи вдруг осмелится помешать...

Гриз видит собой-оставшейся Кейна и остальных. Осевшую в обмороке у ограды даму — из-под задравшейся юбки смешно торчат кружева панталон. Мальчишку-вольерного, который бездумно, тонко завывает на карачках. Вспотевшего парня постарше, рядом с Далли: ладонь выдвинута в жесте Холода, а зубы стучат, будто холодно ему самому...

Самого Далли — на лице растерянность, ладонь с Печатью вознесена точно так же, для установки щита. Он решил страховать? Нужно было бы сказать — уходите, вот теперь, пока я держу его изо всех сил, потому что я не знаю, получится у меня или нет...

Но силы уходят на слияние сознаний. На то, чтобы держать. Вцепляться и тащить назад, из дикого, бездонного, кровожадного омута. Шептать бесконечное: мы вместе, это не ты, спокойно, спокойно... Вновь и вновь прорасти туда, в огненно-алый кокон со сладковатым запахом, дрожащий и звучащий жаждой крови. Иди, иди, иди, шепчет кокон, — она мешает, значит, она тоже жертва, так давай, сожги её, или растерзай её, дава-а-а-ай...

Йенх выпускает на волю рык — и заносит лапу, чтобы смести ничтожную преграду, и в глазах его плещется пламя, да нет, прорастает зелень, и *как можно ударить, если она — теперь он, а он теперь с ней*. И он поднимает лапу... нет, стоит спокойно, чуть подняв подбородок, а на щеке, кроме солнечных точек — ещё полоска от сажи, то есть нет, он скалит клыки...

И там, в коконе бешенства, в восторге безумия, мелькает слабое сомнение, воспоминание... Запрет.

Надо крови, крови... но крови нельзя, эту кровь проливать нельзя...

Стадо не может пролить кровь своего пастуха.

Но нити звенят и дразнят, и щекочут, и ведут, и они говорят, что запретов совсем нет, уж как-нибудь обойдем и этот, нужно только убрать изнутри привязчивый шепот, он мешает, и нужно быть не вместе, и надо... не кровь, а пламя, да, пламя, глотка уже

напряглась, давай же — и преграды не будет, она тоже жертва...

Стой.

Жертвы же не могут приказывать...

Стой, — стучит сердце... два сердца. Вместе. Стой. Стой. Стой. Это не ты. Ты не можешь. Ты не такой. Стой, стой, стой, стой...

И среди алых опьяняющих, зовущих нитей, кто-то встряхивается и просыпается, откликаясь на строгий голос внутри. Мгновенное касание разумов, растерянность: *что я хочу сделать? Нет, стой, стой, это не я...*

Виверний взрывает раздраженно и недоуменно, пятится, приседая на задние лапы. Фыркает пламенем в воздух, поджигает ещё не подожженные кусты, и огонь начинает плясать между деревьями, на досках, всюду...

— Боженьки! — стон Кейна Далли, огненный выдох задевает его на излете, бьется в двойной щит холода... щит становится одинарным, парень-вольерный, вскрикнув, трясет правой ладонью... но все живы, и никто не попал под огонь виверния напрямую...

Жар касается щёк, огонь вокруг запекает сумасшедшую песню в такт алому бешенству, а Йенх теперь пытается уйти в пламя, трясет головой — лишь бы не смотреть ей в глаза, лишь бы освободиться. Потому что она слабеет: вокруг слишком жарко, и трудно дышать, валятся на землю, прогорая ядовито-алым огнем какие-то сучья, огонь течет кровавыми ручейками по траве, норovit ужалить щиколотку...

А волны бешенства внутри, накатывают вновь, отталкивают ее и хохочут захлеб: *ты ничего не можешь, уходи отсюда, пастырь, не останавливай, меня никто не может остановить, я тут самый главный охотник, а охотнику нужна кровь, кровь, ты слышишь этот вечный напев, как хочется крови...*

— Хочется крови, — чуть шевелятся запекшиеся губы, повторяя. — Тебе... хочется крови, да? Мы ещё посмотрим. Мы... посмотрим...

И пламя — стремительное, магическое — стыдливо опадает у ног — будто у стен крепости. А пальцы правой ладони разжимаются из кулака — все мокрые, делают стремительный бросок к поясу.

«Не остановишь!» — ликующе смотрят алые прожилки в янтаре глаз бешеного зверя. Чёрный зрачок расширяется, когда видит: ладонь в старых ожогах и шрамах достаёт с пояса маленький ножик. Внутри, нарастает и дрожит сомнение, и кто-то знакомый процарапывается навстречу ей сквозь бешенства: *это я, теперь уже я, ты слышишь, помоги, мне страшно, я не хочу это, помоги!!*

Но бездумные, багряные, колючие нити не желают отпускать, кривляются гнусно, прыгают: *ты не остановишь, не сможешь, сильнее меня нет, кто сможет остановить меня?*

Почему ты задыхаешься, та, которая вместе?

Потому что вижу ответ.

Слышу его чуткими ушами зверя. Ощущаю кожей... или чешуёй.

За пламенем, за звоном кровавых нитей, за хаосом и треском — размеренный шаг. От спокойствия которого холодеет и опадает пламя.

В груди у Йенха рокочет предупреждающее рычание, и красный хохот опалаяющих нитей стихает на миг перед вспышкой любопытства: люди же не могут ходить в огне...

Но пламя распахивается, как занавес. Пропуская одинокую фигуру в белом. Взвиваясь за ее спиной алым плащом, подсвечивая сзади...

Смешно, — думает виверний Йенх, забывая, как хочется крови. Человек ходит в огне. Человек в белом. Человек не прячет глаз, значит — бросает вызов. *Смотри, та, которая вместе, смотри как интересно — сейчас он станет нашей с тобой добычей. Мы узнаем её запах, попробуем на вкус... что? Ты пытаешься остановить меня, нет, нет, ты не можешь, меня не остановит никто, никто... где ты, пастырь?*

Она бежит. Выдирается. Вырывается из сознания зверя, алые нити тянутся следом, обжигают, замедляют и запутывают, бешенство, которого она коснулась, хочет втащить в себя, уволочь и заглотнуть, но она рвётся на волю, потому что останавливать нужно уже не Йенха, останавливать нужно то, что страшнее, и ей нужен голос, нужен контроль над телом — чтобы стать между ними...

Йенх разворачивается, ударяет хвостом, победно ревёт, слишком рано: достал лишь тень. Десятки теней, которые расплясались вокруг гибкой фигуры в белой, легко нырнувшей под удар — десятки отсветов от пламени, двойников, и виверний смахивает одного ударом лапы — и не попадает опять, и выдыхает пламя.

Алый, распускающийся в воздухе всплеск. Гриз, которая едва покинула сознание зверя, приходится уходить в прыжке, в кувырке. Даже малый прямой ожог пламенем виверния может стоить жизни.

Она падает в вытопанную траву и пепел, в бок впивается обломок загона, зола порошит горло, и она не может выдавить ни звука.

Может только видеть, приподнимаясь, опираясь ладонями о кружащуюся землю.

Виверний с недоумением крутит головой. Ищет неуловимую цель, которая умеет ходить сквозь пламя. Нервно трепещут остатки крыльев. *Промах, промах, но как такое может быть, я же лучший охотник, и где там делся этот, в белом, а ну-ка, стой...*

— Стой...

Слишком тихо. Слишком медленно.

Слишком поздно.

Тот, кто нырнул в пламя, уже стоит у зверя за спиной. Рука уже вскинулась, выпуская в воздух — последний аргумент.

Стой, — беззвучно кричит Гриз, но губы предают и не желают пропускать даже шёпот, и всё равно шёпоту не догнать смерть, не остановить сталь...

Серебристый блик, прошивающий воздух.

И она снова рвётся вперед — наперегонки со смертью, вновь в сознание зверя, плевать, что без зрительного контакта, на одной только боли и на немом крике: «Стой и падай, падай!!!»

Йенх не слышит: он всё не может понять, как это он мог промахнуться. И смеются алые нити бешенства, и та-что-пастырь кричит внутри...

Потом в него ударяет небесной стрелой. Такие падают иногда вместе с водой с неба.

Острая, страшная.

В затылок.

Откуда только взялась, когда воды с неба нет и небо не рычит?

Колени слабеют, и кровь, кровь... своя кровь, во рту. Струйка стекает по спинным щиткам, запах щекочет ноздри. И становится как-то совсем пусто и всё равно, и алые нити истончаются и уходят, а земля такая близкая, соблазнительная, только холодная, тёмная какая-то...

И кричит внутри эта, пастырь. Ей, наверное, почему-то больно.

Губы спеклись, слиплись, как от крови, сжались, и во рту — соль и желчь, и пепел. Из пепла нужно подняться, колени дрожат, ещё рывок и ещё — и она стоит.

Вокруг догорает кружащийся мир, и по нему она делает шаг, два, три — чтобы быть вместе, не оставлять...

Проводить.

Гриз Арделл прижимается к теплому боку виверния — по боку волнами ходят судороги. Стершиеся от линьки чешуйки брони царапают руки.

Дрожащие пальцы ласкают бок и шею, вдоль которой тянется жесткий гребень.

Йенх тонко, недоуменно жалуется на боль — угасающее, чуть различимое «оууу...» переходит в тяжелые хрипы, и *затылок саднит, только боль размывается и расплывается, оставляя холод, и усталость, и страх...*

— Тихо, тихо, родной, мы вместе, я с тобой, всё будет хорошо, всё будет...

Почему-то страшно — наверное, зуб укусил сильно — и еще холодно, как в дождь, и хочется... маму...

Она, задыхаясь, шепчет ласковые слова, и навевает сны, поднимая в его сознании солнечные дни, дорогое прошлое, и пальцы цепенеют, зеленое в глазах мешается с алым, нестерпимая боль в затылке. Боль — ничто, ее можно забрать, перетащить на себя и похоронить в стенах своей крепости, если бы только так можно было забирать другое...

— Спокойно, малыш, спокойно...

Он в гнезде, и вокруг пахнет пеплом — это мама выжигала поляну для игр, только почему-то зябко и спать очень хочется...

— Спокойно, спокойно, ты просто уснёшь...

Мы будем с тобой, — шепчут травы, душистые и славные, к которым хочется прижаться. Мы с тобой, малыш. Всё хорошо, тебя больше никто не обидит, никто не испугает, ты просто устал, и нужно поспать здесь, в тепле...

Нужно поспать, он сильно устал, где-то там гаснут огненные, смешные, не властные большие нити, и боль утихает и убегает, ее прогоняют ласковые руки, и он соскальзывает из материнского гнезда в какую-то жидкую, глубокую черноту, чернота затаскивает и укрывает, и в ней, наверное, ничего плохого...

Только вот он что-то сделал неправильно, и вёл себя плохо, а этой, которая вместе, больно, а хочется — чтобы ей было хорошо...

— Тшшш, спокойно, спокойно, хороший мой...

Последняя дрожь, затихающая под пальцами, последний выдох и стон — как ответ на её шепот. Потом Йенха вырывают, забирают, уводят по темным, дальним тропам, а ей нельзя, потому что это слишком легко для варга — разделить не только боль, но и смерть.

Тяжёлое дыхание — со свистом, из сведенного судорогой горла. Сердце нужно заставить биться быстрее — оно только что замирало в унисон с чужим. Нужно заставить себя встать — она почти лежит, распластавшись по боку виверния, нужно... подняться на ноги, преодолеть дрожь, нужно... жить.

Мягкое чмокание — из затылка виверния, из того места, где смыкаются крупные головные и спинные щитки — вырывается окровавленное, тонкое лезвие. Взлетает в воздух, повинувшись рывку серебристой цепочки.

И мановению руки убийцы.

— Это было опрометчиво, госпожа Арделл. Знаете, удар в глотку более надёжен, но раз уж мне пришлось довольствоваться слабой точкой в месте щитового сочленения... Никогда

не знаешь, что может натворить животное в агонии. И оставаться настолько близко к нему...

Голос обманчиво мягок. Обманчиво лёгок. Ложится вокруг горла петлёй, и Гриз делает ещё выдох сквозь зубы — чтобы сбросить её.

В пальцах медленно затихает дрожь, когда она бездумно касается чёрного ручейка, стекающего по боку виверния. Ещё три выдоха сквозь зубы. Чуждый, хриплый, незнакомый голос:

— Нэйш. Убирайся отсюда к чертям.

Насмешливое хмыканье спереди и сверху. «А ты заставь меня».

Говорят — Провожатых Перекрестницы... тех, которых она посылает исторгать души из тел... можно умилостивить. Принести им жертву. Дать то, что приносит тварям в белых саванах радость.

Подарить боль. Кровь. Наслаждение страданием, которым они упиваются.

А ещё с ними нужно встречаться лицом к лицу. Испугаешься, опустишь взгляд — не уйдут совсем.

Потому Гриз сцепляет зубы и встаёт во второй раз. С руками, перемазанными в кровь Йенха. Внутри — чёрная, разъедающая пустота, и могильный холод, так всегда после касания смерти, рубашка в пепле и лицо в копоти...

Варг стоит напротив устранителя. Олицетворения чистоты и белизны: Нэйш ухитрился даже не запачкать костюм. В светлых, зачёсанных назад волосах путаются лучи солнца. «Клык» неторопливо протирает окровавленное лезвие своего оружия платком. Полностью ушёл в это занятие: на светлой стали не должно остаться ни капли крови.

— Насколько я понимаю, вы расстроены этим небольшим происшествием? Я уже говорил, — вам не стоит смотреть, когда речь заходит об устранении.

Алые пятна на белом платке, полукруги улыбки у губ, огненные отблески пляшут по броши-бабочке. Он не торопясь поднимает глаза — светло-голубой лёд. Сталкивается с её взглядом — воспаленным и упрямым.

— Понимаю, — продолжает негромко, — кодексы варгов, конечно. Желание... как это... облегчить участь? Вам проще было бы позволить мне нанести второй удар. Так было бы чище. Без агонии.

— Зачем.

Нэйш вскидывает брови, проворачивая в пальцах лезвие — идеально чистое, но словно вобравшее в себя отражение крови и пожаров.

— Ну, я полагал, вы стремитесь избавить животных от страданий.

— Зачем ты... вмешался.

— Потому что у меня были веские основания для устранения животного, — таким голосом обычно говорят с несмышленными детьми. — Бешеный зверь, госпожа Арделл. Неуправляемый хищник. Огнедышащий. И люди под угрозой — конечно, с вами «панцирь» группы, но у меня были небольшие причины сомневаться в том, что господин Далли... Кейн, правильно? Что он сможет отразить атаку бешеного виверния.

«Или кого бы то ни было ещё», — прячется за лёгкой пренебрежительностью тона, насмешливым взглядом, брошенным на Кейна. Тот уже опустил руку с Печатью и теперь стоит с приоткрытым ртом.

— Я, — голос лезет из горла сосновыми иглами. Сухими, ломкими, — держала его.

— Правда? А со стороны выглядело так, будто вам нужна небольшая помощь. Так что я решил... ну, скажем, слегка прикрыть вам спину.

Улыбка, исполненная превосходства. Легкий жест — не стоит благодарности.

И пронизывающий холодом, следящий, нацеленный взгляд коллекционера: если сюда ткнуть — дернешься или нет?

Как мало шансов выдержать этот взгляд, когда хочется только закрыть глаза, сжаться в комочек... И каждое слово рождается в муках. Выходит на свет, заставляя горло сжиматься, будто при схватках.

— Я... держала его. Держала его, Нэйш. И приказа на устранение не было, ты знаешь это. Ты знаешь расклад: не лезть, когда я в единении. Так какого ж ты...

— Насколько я помню, это же моя обязанность — устранять вышедших из-под контроля бестий. Возможно, те, которые могут выйти из-под контроля через минуту или две...

Закричи, — дразнит его улыбка. Вызывающе безмятежная. Искушающе яркая. Ну, давай. Я же знаю, тебе хочется кричать каждый раз, как ты стоишь над моими жертвами. А я послушаю. Ну же. Небольшая схватка, куда более увлекательная, чем была только что.

— Твоя обязанность — иметь дело с теми, кто не может остановиться. И наносить удары тогда, когда иных решений быть не может. Сомневаюсь, чтобы ты не мог этого запомнить, я повторяла это тебе слишком часто.

Слишком часто. Бьётся сердце. В горле. Замирает, потом опять начинает колотиться. Будто — за двоих. За неё и того, кого уже не догонишь, кто на иных тропах.

— Я его держала. Держала Йенха и почти достучалась до него. Перед тем, как ты... вмешался. Ты отвлек его в важный момент, прервал связь. Это было ненужно. И это было опасно.

— О, — говорит Нэйш без малейшего сожаления, — в таком случае мне, наверное, следует извиниться?

Миг, легкий наклон головы, оценивающий взгляд на расprostертого виверния — тут уже извиняться не перед кем. Неторопливый взгляд обводит трофей, будто заключая в рамочку для коллекции («Питомник Гэтланда, виверний, хорошая работа»). Взгляд упирается в Гриз — этот экземпляр ещё не готов?

Легкое поднятие бровей и полный напускной заботы голос:

— Надеюсь, вы не пострадали при разрыве единения, госпожа Арделл?

Ровный тон. Нужно откуда-то взять его. Когда там, внутри — ещё сталь, и привкус чужой крови на губах, и чужой страх, и пустота — там, где было «вместе». Когда под ногами — вытянувшееся тело, тонкая чёрная струйка стекает по чешуе на землю, и *«ты хоть понимаешь, что ты сделал, ты хоть знаешь, как он хотел жить, он ни в чем не был виноват, он бы меня не тронул, убирайся отсюда на все четыре стороны, я же знаю, зачем ты по-настоящему сделал это — затем, что тебе это приносит удовольствие!»*

Но Рихард Нэйш на сегодня и так получил слишком много — еще одной радости она ему не доставит.

Потому хоронит разрывающий изнутри крик — в темницах своей крепости. Среди других отчаянных воплей. Похоронных. Над жертвами одного устранителя.

Прячет усталость за нахмуренными бровями, боль — за сухостью тона.

— Снять тебя с операции я еще могу. Тебе тут делать нечего, раз ты не можешь выполнить простейший приказ. Возвращайся в питомник, Нэйш. О штрафе поговорим позже, но я...

— О, понимаю. Я имел неосторожность вызвать ваш гнев. Так?

— ...разочарована.

— Как жаль. Но, полагаю, вы заставите меня пожалеть о том, что я сделал. Так?

Теперь на лице у него легкое любопытство: вот интересно, а что ты сделаешь? У тебя же, кажется, должны на меня быть какие-то там рычаги давления... ах, да.

— До встречи, госпожа Арделл.

Белая фигура бесшумно пропадает среди остовов деревьев. Гриз не смотрит вслед. Наклоняется, поглаживает Йенха по чешуйчатому боку. Пытаясь вернуть жизнь в свой пустеющий внутренний город.

Стены крепости вот-вот падут, и смерть косит жильцов. Но дела — десятки, сотни, тысячи — собираются, не дают стенам упасть, возвращают и держат...

Проверить, что там с остальными. Выяснить, что случилось. Объясниться с Гэтландом И нужно не забыть про новичка.

Гриз выдыхает сквозь зубы: раз-два-три, поворачивается к Кейну Далли и смотрит на него сухими глазами.

— Живой? Не ранен? Что с Даром?

«Панцирь» группы таращится вслед Нэйшу с приоткрытым ртом, и на лице у него потрясение и ужас мешаются почти что с благоговением.

— Что, — выжимает он из себя сипло, — это, — со вторым выдохом. Немного размышляет и ставит точку: — за.

Вольерные зверинца тихо дрожат у Далли за спиной. Дама вернулась из обморока, громко хлюпает носом. А Гриз приходится отвернуться — чтобы он не видел, как дернулись губы, сложив слишком поспешное «смерть».

— Палладарт. Его оружие. Его *атархэ*.

— Да я, в общем-то, и не об этом.

Кейн трясет головой, будто пытаясь вытряхнуть из ушей неуместный сон.

— Хочешь сказать — он вот так... вот так?! С одного уда... то есть, вот это — для него нормально?!

— Нет, — говорит Гриз, бездумно глядя в медленно стекленеющие глаза — два куса прозрачно-желтого янтаря... — Это ни для кого не нормально. Но когда он... выходит на устранение... чаще всего это так.

Ноги и руки тоже как чужие, и отвести взгляд, сделать первый шаг — пытка. Кажется — там, внутри, ещё скулит обиженный и почти-что-живой Йенх, дотягивается из мягкой тиши Смутных Троп: «Почему ты оставила меня, когда говорила, что будешь вместе...» Но она идет, вернее, бредет целую вечность по разоренному питомнику. Отвечает что-то несуразное на вопросы Кейна Далли — кажется, тот пытается ее отвлечь.

«Черти водные, если у вас такое творится на этих ваших выездах — понимаю, почему у вас такая дикая текучка. Только не говори мне ничего вроде «Добро пожаловать в наши суровые будни» — то есть, можешь сказать, конечно, но не раньше, чем я найду Аманду и выхлешу у неё шесть доз успокоительного — ну, ты знаешь, того, которое она готовит на взбесившихся яприлей...»

Аманда, напевая себе под нос, порхает над усыпленными игольчатниками — те пускают слюни от эйфорийной настойки. Хаата хлопочет над грифоном, слабо перебирающим лапами. С остальными тоже уже всё закончено — тут и там видны усыпленные, успокоенные звери: единороги тревожно фыркают и жмутся друг к другу, грифон вытянулся на земле, а вот гарпия-бескрылка...

— Некрозелья? — морщится Гриз, потянув носом воздух.

— «Кладбищенские грёзы», ах-ах: они не хотели останавливаться, обычное снотворное их не брало, пришлось применить самое сильное, что было. Все живы, медовая моя, не беспокойся, я сейчас начну смягчать воздействие... что с тобой, сладкая?

Аманду не остановить: окружает ласковым воркованием, сладким запахом ванили и специй, заглядывает в глаза, берет за руку, цокает языком: ай-яй-яй, такая молодая-красивая, а так себя не бережёт... Вот — это смягчить последствия перегрева, и еще нужно выпить бодрящее, а для твоих красных глазок мы найдем что-нибудь на базе...

— Нойя знают, как опасен огонь, медовая, мы же так любим на него смотреть. Ну вот еще глоточек, да-да-да? Еще тебе нужно выпить сладкого чаю, лучше с печеньем... какие погибшие, сладкая?

Из погибших — один вольерный и один посетитель, это точно, у остальных раны, но за помощью уже послали в город, а пока что вольерные и посетители перевязывают друг друга. Из зверей — погибли две койны, гарпия, япирль, несколько шнырков, точнее пока не определить.

— Мел ищет следы, — вполголоса добавляет Аманда, передавая Хаате очередное снадобье. — А господин Гэтланд скоро явится сюда лично. Он же мне оплатит мои зелья, да-да-да? Полгода работы, такие ценные компоненты, не говоря уж о крови и органах животных...

Гриз уходит, слыша восторженный щебет Аманды: «О, теперь мне совсем не страшно, здесь наша защита, ты же расскажешь мне о твоих подвигах, сладенький?»

Кейн Далли вытирает слегка дрожащей рукой копоть с лица и ухмыляется, уверяя, что рассказов тут — на вечер и ночь. Гриз не берёт его с собой — пусть себе поболтает с Амандой и приведет в порядок тех, кого удалось спасти. Обостренное чутьё шепчет: опасности больше нет, тут уже всё спокойно, тут уже... всё.

Мел налетает на неё в центре бывшего зверинца. Вихрем — встрепанным, черным, к груди прижат мелкий огненный лисенок, постанывающий — сломана лапка.

— Грызи, какого черта? Живодер пёрся куда-то довольный, как шнырок в кадучке масла — он что, снова убил?!

Гриз кивает и пытается заставить землю не кружиться так перед ней. Мел со свистом втягивает воздух сквозь зубы.

— Кого он? Йенха?

Гриз не успевает ещё кивнуть, а Мел обращается в изваяние ярости: неподвижная, губы закушены, в глазах огонь, грудь вздымается всё чаще...

— С-скотина, тварь, прибью мерзавца... хоть не у тебя на глазах опять?

Мел вглядывается в нее и бледнеет, и Гриз понимает запоздало, как выглядит сейчас: копоть на лице, кровь на руках, воспаленные глаза, в которых еще слишком много смерти.

— Когда ты была в единении? Да этот... Погоди, держи.

Пишет ей в руки теплый, дрожащий комок меха. Лисенок тихо поскуливает, пока Гриз гладит его. Липкий ком в груди распадается на слова.

— Я держала его. Йенха. Держала, но там... то, что там было... мне могло не хватить сил.

Особенно если бы я всё-таки... нет, не думать, нельзя об этом сейчас думать...

— Ты что, его еще и оправдываешь?! После того, как Палач опять — на единстве... Может, еще и в «теле» его опять оставишь, чтобы он завтра снова...

— Мел. Хватит.

— Кой чёрт хватит?! Урод убивает направо-налево, плевать хотел на твои приказы, да какого ж... нет, я договору — он же нарочно творит это у тебя на глазах, у него ж восторг на роже, когда ты не успеваешь его остановить, и ты мне говоришь — хватит?! А с ним с какого-то черта еще нянькаешься, да в вир болотный, не собираюсь я молчать, что ты с ним сделаешь за то, что он сегодня вытворил — пальчиком погрозил и штраф наложишь?!

Лисёнок тычется сухим, горячим носом в ладонь, испуганно вздыхает. Гриз молчит. Сжав губы и отведя в сторону взгляд. Ей нечем ответить на эти упреки, Мел не хуже неё знает: насколько мало у главы «ковчезников» рычагов давления на Рихарда Нэйша. Не особенно нуждающегося в деньгах, совсем не нуждающегося в чужом одобрении. И выходящего один на один с разъяренными виверниями.

И они уже сотню раз играли в спор, который начинается с «Какого ж вира ты его держишь в питомнике?!» Все аргументы, вроде: «А ты сама будешь устранять людоедов?», «Нэйш — четвертый «клык» за пять лет, и только он один сумел так долго продержаться, два трупа и один калека — и сколько будет, когда он уйдет?» — все они выслушаны. И признаны слабыми. Много раз раскололись о каждую новую смерть от рук Нэйша.

— Иногда мне кажется, — выпаливает Мел, зло сузив глаза, — что тебе плевать на то, что он творит. Или что тебе это, чего доброго, нравится.

В тишине, которая наступает затем слышатся только постанывания лисенка. Гриз мягко укачивает его на руках — теплого, легкого, по шерсти пробегают почти незаметные, тусклые искры...

— Ну? — голос — сухой и мертвый, как обгоревшие деревья. — Я уже поняла, что бесполезно просить тебя останавливаться, так что давай, добивай. Десяти минут тебе хватит? А потом выкладывай, что нарыла по осмотру питомника.

Мел стоит смущенная, упрямая и несчастная. Трёт шрам на виске, ерошит волосы — она, конечно, неудержима в праведном гневе, но не настолько, чтобы не понять, чтохватила лишку.

— Добивать — это у твоего обожаемого устранителя, — огрызается вяло, — Грызи, черти водные, смотреть не могу, что он с тобой творит, ты ж каждый раз после его выходок... — осекается, машет рукой, берет деловой тон Следопыта. — По питомнику — следов не найти, запахов не разберешь — все перемешано. Вряд ли найдем — кто это сделал, разве что опросить вольерных, посетителей потом. Но яд одновременно не действует, а тут проняло сразу всех, в одно время. Симптомы одни: бешенство и желание крушить. Давай-ка пошли, чего покажу...

Они вместе обходят несколько клеток, и Мел показывает и рассказывает: первым делом животные кинулись биться в преграды. Единороги и яприли разнесли загоны, игольчатники оказались на свободе потом.

— Ты ж говорила — клетки хлипкие, еще в позапрошлый раз, так не послушали ж. Дальше. Друг друга они тоже ранили, а так-то старались людей сожрать... Потом начали громить просто всё, видишь?

Потоптанный и разнесенный склад с продуктами. Пух вздымается над руинами, оставшимися от клеток с птицами. Повсюду щепки, гарь, клочки грязной соломы, кровь...

— Громили без мозгов, то есть, без цели. То есть, они не хотели сожрать, скажем, вольерных...

— Поняла.

Они просто хотели крови. Алый смех, который жил внутри них, приказывал: пролей,

пролей как можно больше, давай...

— Старший вольерный замкнул защиту, так они начали лупиться в неё. Думали выбраться.

Гриз останавливается, тихо покачивая лисенка на руках. Поворачивает голову и смотрит в ту сторону, где расположена Тарранта — маленький приморский городок, ветер доносит шум и отдаленные звуки моря...

До города, где по узким улочкам шастают смуглые мальчишки, где всё пропахло рыбой и волнами — слишком уж недалеко.

— Ну, — хмыкает Мел, — вольерный помер, но он так-то молодцом. Если б вырвались... И повезло нам еще, что алапарды были как раз в надежных клетках. Не пробились, а то был бы второй Энкер.

Энкер. Город, где два алапарда двадцать пять лет назад устроили кровавое побоище. Остановленное лишь чудесным явлением — Ребёнком Энкера, Чудом Энкера, которое...

— Конфетка уже сказала тебе, что обычное снотворное не взяло? Лупили парализующим, да она потом некрозелье применила. Короче. Такого я раньше не видела, но если всё собрать вместе — думаю, ты уже знаешь, что это было.

Гриз тихо кивает — знаю, да. Слышала там, за алым коконом нитей...

— Есть доказательства?

— Похоже на то. Вот, смотри. Всё, что осталось.

Это стена, которая сохранилась от загона единорогов. Иссеченные копытами бревна. В стене зияет пролом, откуда вырывались обезумевшие животные.

Стена обижена и оттого плачет ало-черными каплями, кажется — давно убитое дерево истекает душистой смолой...

Только это не смола. Это кровь.

Кровь загустела, запеклась под солнцем на досках. Каплями стекла вниз, окропила землю.

Гриз отдаёт лисёнка Мел, мимоходом коснувшись его сознания: «Спи, мы вместе, всё будет хорошо». Подходит к загону, садится на корточки, протягивает руку. Осторожно притрагивается к алым каплям, растирает, пачкая ладонь, будто стараясь уловить чей-то след или понять какую-то причину...

— Оно? — спрашивает Мел за спиной.

Гриз наклоняет голову утвердительно. И потом долго еще остается неподвижной — только глядит не на доски в крови, а на собственную ладонь.

Поперек ладони проложены, змеятся заросшие рубцы от лезвия.

* * *

Слова падают будто капли дождя. Летят — одно нагоняет другое, разлетаются брызгами, сливаются в глупые, ничего не значащие лужи.

— ...такую безалаберность... Не обратился бы к вам... подумать только...

Слова барабанят что-то надоедливое там, за стенами крепости, только вот в крепости заперты двери, опущены шторы, закрыты ставни...

Пусто. И дождь слов не может достучаться и навредить.

— ...ни медницы... ни медницы, слышите?! Йенх, любимец публики... восполните из своего питомника... ответите за этот хаос...

Гриз Арделл сидит в кабинете. В чистеньком особняке, куда не долетела даже гарь пожара, а кровь здесь только та, что принесла она на своих руках. Сидит, выпрямившись, на нежно-кремовом стуле с расшитым золотой канителью сидением. И слушает. Частый ливень слов, который обрушивается из заводчика Гэтланда. О том, что они были непростительно некомпетентны, и прибыли поздно, и не сразу успокоили животных, и зверинец из-за них, конечно, ужасно пострадал, и Йенх, несчастный Йенх, как вы посмели его убить, вы же явно сделали это специально...

Гриз слушает, не перебивая. Не оправдываясь. Не возражая.

Слыша другое.

Запах крови Йенха — на своих пальцах. Запах другой крови — той, что была на выщербленных досках загона. И алое бешенство безудержных огненных нитей — опутавших животных, которых так и продолжают успокаивать Аманда, Хаата и Мел...

— ...несете ответственность вы лично! Я не запрашивал устранение...

Гэтланд — трудный клиент. Из говорливых и придирчивых. Из тех, что залезут альфину в глотку за медной монетой. Он недоволен всегда, о чем бы ни шла речь — о дрессировке, лечении... найдет или придумает недостатки — и будет выбивать скидку.

Потому обычно перед выполнением работы составляется контракт. Договор. И оговаривается сумма. Только вот в этот раз составить ничего не успели, Гэтланд понимает это и не собирается платить ни медницы. Да, он повторил это в четвертый раз.

— В питомник приходили варги? Кто-нибудь... говорил с вами?

Мирр Гэтланд раздувает шею, как змея — капюшон. Наливается кровью: вот-вот брякнет, что не имеет дело с отребьем, которое шатается по лесам и даже не имеет Печати.

— Думаете, кто-нибудь впустил бы их сюда? Или подпустил к моим животным? Мне хватает угроз этих сумасшедших и в утренней почте. Требуют отпустить зверей, фанатики! А что? Вы думаете, эти ваши могут быть причастны?

Заводчик с грохотом отодвигает стол, и под грузными шагами стонет и вскрикивает паркет. Слова теперь лупят частым градом: я-так-и-знал, это всё происки ваших сородичей, проклятые фанатики из лесов, не думайте, что я так это оставлю, вы что с ними заодно...

Кейн Далли не вставляет ни слова. Новичка Гриз с собой прихватила, когда ей сообщили, что ее разыскивает директор зверинца. Одной идти к Гэтланду не хотелось, и вспомнилось, как Мел говорила — мол, этот уболтает любого, так что она махнула рукой: пошли. «Панцирь» по-хозяйски откинулся в кресле и щурится на топчущего по кабинету Гэтланда. Будто не может рассмотреть кого-то, в полтора раза больше себя.

Заводчик, пробежав пару кругов, успокаивается. Тяжко сопит, вытирает шею платком.

— Кто это сделал? Эти ваши, из лесов? Конкурененты? Или варгов наняли другие зверинцы? И как они это провернули — отравили воду?

Гриз Арделл молчит, потому что дождю слов нелегко до нее достучаться. Сквозь смерть, огонь и кровь.

— Я вас нанимал не в молчанку играть, милочка! Раз уж на то пошло — вы бы лучше постарались отвести от себя подозрение, а то ведь это всё скверно выглядит: и ваше опоздание, и ваш устранитель. В ваших интересах, знаете ли, найти — кто это сделал. Утрата моего доверия — не худшее, что может случиться: я имею в виду расследование, конечно. И если вы думаете, что я заплачу хоть медницу...

Деньги... глупость...

Когда дышишь полынью и пеплом. Когда в глазах — черное и алое. И внутри комкается,

затихает крик.

Кейн Далли теперь смотрит на неё — приподняв брови, как будто спрашивая, что она собирается делать.

Что-то нужно делать. Спорить. Опровергать. Питомнику нужны средства. Ты должна вспомнить что-то. Должна говорить...

Но ей хочется только уйти из чистенькой комнатки, от настырных, частых слов:

— ...и не забывайте, что в любой момент я могу подать иск, и если вы мне не возместите потери...

— Ладненько, — говорит Кейн Далли. Совсем внезапно. Деловито вскакивает на ноги, хлопает себя по карманам — ничего не выронил? — Ну, я пошел себе, а вы тут заканчивайте.

Сбитый с толку Гэтланд останавливается в разгар речи, но Далли обращается не к нему, а к Гриз.

— По обычной схеме, а? Аманде отмашку, Мел тоже пусть выпускает тех, кого отловила. «Поплавок» вызову, людей предупрежу, чтобы не попали под продолжение представления. Ну, и ты тут не задерживайся — а то когда начнётся...

— Что — начнётся? Вы вообще о чём... о чём он говорит? — шея Гэтланда пульсирует кровью, алым наливаются щёки.

Кейн Далли отмахивается: ой-ой, некогда мне тут с вами, я тут с начальством, может, разговариваю. И приобретает откуда-то тон прожженного ушлого торговца, когда пытается отодвинуть Гэтланда со своего пути и частит по-простецки:

— Ой, я вас умоляю, вы так стали у меня на дороге, как будто вам есть что мне умное сказать. Вы же уже всё сказали, да? Ну так и не мешайте хорошим людям делать свою работу. Время — это эликсиры, а эликсиры — это деньги, вы знаете, сколько денег стоят эликсиры, под которыми Аманда сейчас держит ваших зверей? Ой, ну конечно, вы не знаете, и я вам даже не скажу, чтобы не пугать ваши бедные нервы. А вы знаете, что делают эти эликсиры? О! Эти эликсиры усыпляют и успокаивают бестий на время, которое нужно для лечения — ну, скажем, на час, на два... У вас есть часы? Ну, конечно, у вас есть часы. Через час... нет, уже меньше, ваши зверушки проснутся такими же бешеными, как засыпали.

Капли стекают по щекам Гэтланда. Дождя... нет, пота. Дождь кончился, теперь только — сушь. Потому что директор питомника сипит что-то возмущенное и невнятное.

— А? — переспрашивает Далли сварливо. — Что вы там шепчете, будто на ушко красивой девушке, я уже почти даже и польщён. Ну, конечно, Аманда не начала лечение. Ой, я вас умоляю, как будто нойя начнет лечение до того, как ей заплатят задаток! Послушайте, что вы хватаете меня за рукав, как будто мы с вами имеем какие-то дела, у вас уже меньше часа, идите и вызовите группу, какая вам нравится.

Гэтланд смотрит на Гриз — на ее неподвижное лицо, и видит там что-то не то, потому что вздрагивает, взмахивает руками и делает попытку ухмыльнуться под усами.

— Да кто вы вообще такой, а? Вы блефуете, ну разумеется, блеф...

— Ай, давайте вот только не будем сейчас о моей истории жизни, у вас нету столько времени.

Далли решительно щемится мимо хозяина кабинета к дверям, и заводчик вынужден уступить. Угрожающе бросая при этом:

— Будете отвечать за всё, что сделали. Учтите. Я на вас управу найду — на вас и на эту... — пышет гневом, машет в сторону Гриз. — Я пойду в суд, если вы посмеете. В суд!

Далли останавливается и смотрит на Гэтланда как на диво дивное. Потирает щёку.

заросшую щетиной.

— Я вас умоляю, — говорит со вкусом. — Мне вредно столько смеяться. У вас же даже нет договора, и вы же сами это только что сказали. Вы с нами ни о чем не договаривались, ничего нам не платили, да мы с вами не имеем никаких дел, вообще! Всё, дайте я уже пойду, мне еще надо вывести людей из питомника.

— Ваш устранитель убил моего виверния!

— А вы подайте на него в суд, — интимным шепотом. — Только не забудьте несколько маленьких околичностей: виверний был бешеным, у нас есть свидетели, и госпожа Нерелли выкатит вам встречный иск.

— Госпожа...

— Ага, та самая, которую сожрал бы этот ваш распрекрасный виверний. Если бы не наш устранитель. Она, знаете ли, как-то даже и благодарна нам за то, что жива осталась, а вот на вас как-то, вроде, сердится. А у неё муж, что ли, в судьях где-то... или дядя? Боженьки, вот мне интересно, как вы будете доказывать ей, что милашку-виверния надо было оставить в живых.

Пунцовость пропадает со щёк у заводчика зверинца. Он начинает кашлять, и кашляет долго, прикрывается платком, потом идет наливать себе воды... Кейн Далли пользуется моментом, едва заметно подмигивает Гриз.

— Насчет денег — тем более не волнуйтесь. Тут уж прямо спасибо, что сняли с нас этот груз. Если б договор, да с пунктами про «хранить молчание» — пожалуй, было бы трудненько, а так мы, пожалуй, недурно заработаем, когда распишем эту историю в газетах.

Господин Гэтланд бледнеет совсем. И Далли снова меняет манеру речи, соскальзывает почти в деревенскую сочувственную скороговорку: ай-ай-ай, водички попейте, как бы вас удар не хватил...

На это почти весело смотреть — и она смеялась бы, если бы могла хотя бы дышать. Если бы была жива сейчас больше, чем наполовину.

— Ваш работник, — шипит заводчик, — слишком нахален. Для новичка. И я этого так не оставлю. И я знаю, что вы не посмеете, так что слушайте-ка меня, милоч...

Она не может слушать. Не может быть здесь. Пальцы дрожат, вцепляясь в белое дерево стула, оставляя на нём кровавые следы.

— Кейн, — хрипло говорит Гриз, поднимаясь, — хватит, идём.

Теперь Гэтланд не даёт уйти ей. Встаёт на пути и уже совсем не так уверенно выдает что-то про давнее сотрудничество... только ради вас, я же помню... хорошее партнерство... И надо бы заключить договор, чтобы всё было по справедливости, но учтите, вы берете на себя обязательства...

Кейн Далли слушает с поспешностью и досадой. Кивает — ну да, ну да.

— Хотите договор? Давайте только быстро, там у Аманды всё сонное скоро выйдет.

Мирр Гэтланд готов, заключить уже дюжину договоров — чтобы только не разговаривать больше с Кейном Далли. Но Гриз коротко взмахивает ладонью — обозначая, с кем заводчику придется договариваться. Кивает своему «панцирю» на прощание и бредет к двери.

Позади слышен удовлетворенный вздох Далли — новенький с размаху обрушивается в то же кресло.

— Ну вот, теперь поговорим как деловые люди...

Раздраженный голос Гэтланда:

— Послушайте, откуда только вы взяли такой?

И бодрый ответ:

— Ай, я вас умоляю! Всё равно там больше таких не осталось.

* * *

Ночь приходит милосердно: укрывает остатки суетливого, горького, рассыпающегося по частям дня. Лечение животных, которые поранились. Когда за твоими спинами наемные рабочие сгружают на носилки тех, кому уже не помочь. Потом еще посмотреть в сознание тех, кто начал отходить после эликсиров. Кивнуть победоносно ухмыляющемуся Кейну Далли, который явился-таки с подписанным договором и ещё сетует: эх, маловато удалось выжать, да и обязанностей добавилось...

Дела просыпаются — зерном из распоротого мешка, перемалываются в белую пыль и истаивают как маловажное. Что-то нужно было сказать Мел. О чём-то поговорить с Амандой. Спросить Кейна Далли... о чём?

Вечер пропадает из памяти, помнится только — как она смывает со слегка дрожащих рук кровь, и прижимает мокрые ладони к лицу, к щекам... И отшвыривает в угол пропахшую гарью и смертью рубашку — запах всё равно не уходит, даже после того, как она плещется над тазом. Вьелся в волосы, в кожу, в стены внутренней опустевшей крепости.

Позже, уже ночью, она поднимается к себе. В настольной лампе светится желчь мантикоры — нужно закрыть, потому что по стеклу змеятся окрашенные в алый языки пламени, и от этого кажется, что в комнате горит живой огонь...

Слишком много огня сегодня. Гриз стоит, прижимаясь лбом к треснутому оконному стеклу, как к успокаивающе-холодным льдинкам.

В крепости был пожар, и улицы теперь затихли в трауре — ждут прощальных песен. И из окон города — чёрные дымы, и в воздухе пепел.

Будет утро, — пытается сказать себе Гриз. И дома в крепостях отстроят. Тех, кто ушел, нужно оплакать — и потом встать. Это просто ночь после пожара, но уже всё, ты слышишь? Будет опять утро, и ты встанешь из пепла. Как феникс.

Гриз поворачивает лицо, чтобы прижаться к стеклу теперь щекой. Уговоры не действуют, комната плывёт в глазах, шаг — упадёшь, но не на пол, а в жидкую черноту, которая так близко, которая забрала сегодня не только Йенха...

Воздух словно сгущается, пропуская длинные пальцы, легко смахивающие маленькое пятнышко крови, которое притаилось чуть ниже виска.

— Ты испачкалась, аталия.

Дом предаёт хозяйку: не скрипит под шагами врага. Рассохшиеся половицы несут бережно, двери послушно раскрывают объятия, петли, которые она не смазывает специально, прижимают невидимые пальцы к невидимым губам. Тсс, — шепчут двери, стены, воздух. Смерть должна приходиться бесшумно. Являться из ниоткуда: в белом.

— Убирайся.

Какими словами можно прогнать смерть? Вышвырнуть из-за плеч, разорвать круг белизны и пустоты, обратить в прах пальцы, непринужденно вырисовывающие бабочек на ее плечах, вернуть в мысли легкость сквозь пламя и кровь, еще стоящие перед глазами?

Рядом со смертью тяжело дышать, хочется закрыть глаза. Закрыть, чтобы не встретиться взглядом со светло-голубым льдом в оконном стекле, сжать губы — и ждать, что тебя

коснется леденящее дыхание...

По виску скользит горячий шепот, соскальзывает, касается щеки отзвуком огня виверния.

— Знаешь, чего мне иногда хочется? Швырнуть тебя на труп очередной зверушки. Разорвать одежду. И брать, пока ты не перестанешь кричать. Ты никогда не замечала, что судороги смерти и судороги наслаждения похожи, аталия?

— Ты чокнутый извращенец, Нэйш. Однажды...

Он отвечает смешками. А может, поцелуями: одно перерастает в другое, и отзвуки огня предательски прорастают в кровь, выдохи становятся короткими и жгучими. Ладони замирают на ее бедрах, словно музыкант готовится отпустить свои пальцы гулять по струнам, губы неспешно спускаются вдоль шеи: медленно, не пропуская ни одной точки.

— Возбуждает, правда? Ни к чему притворяться, аталия. В конечном счете, все мы — *бестии*. Инстинктами не следует пренебрегать. Они могут навредить, не спорю, если с ними не совладать. Но если поставить животную сущность к себе на службу и выпускать в определенные моменты — это очень даже...

— Есть хищники, которых нужно держать в клетке. То, что нельзя приручить.

Хищник, которого нельзя приручить, тихо смеется в волосы Гриз, расстёгивая ее рубашку и спуская с плеч. Пальцы медленно начинают выводить вступление по ее коже — и она ждет боли...

Но руки смерти нежны и невесомы. Только кончики пальцев напитались огнем — с чего все взяли, что они у убийц пропитаны холодом? — и теперь без усталости переливают его под кожу. Грудь, живот, бедра, плечи...

— Слабые точки есть у всех, разве нет?

Она прикрывает глаза — все силы уходят, чтобы не дышать, потому что с воздухом из груди вырвутся постыдные всхлипы. Темнота и бездна за спиной, полная насмешливым шепотом, и время перестает существовать, каждый рваный выдох уносит в никуда пласты настоящего и прошлого, и если ступить — шаг унесет на месяцы, может, на годы. Бездна тянет упасть в нее, услужливо высвобождает тело от ткани, у бездны пальцы, пропахшие смертью, и вкрадчивый, полный скрытого безумия шепот.

Сумасшествие заразительно, думает Гриз, чувствуя, как бездна закутывает в себя и влечет, влечет... Я не должна была с самого начала... я не должна была тогда, год назад.

И делает шаг.

В жаркую бездну наслаждения.

В прошлое — становясь на год (на жизнь?) моложе и наивнее.

Большой заказ, со сбежавшими из частного зверинца грифонами. Хозяйка пригласила их на застолье по поводу «дорогих малюток» (каждая из малюток была выше хозяйки), и весь проклятый вечер Гриз не могла отделаться от взгляда Нэйша, и чувствовала себя хуже, чем после того, как ей пришлось останавливать эту невесть почему взбесившуюся стаю, хуже, чем после тоников Аманды, хуже, чем после объяснения с престарелым и выжившим из ума хозяином поместья (тот выжил из ума еще больше, когда увидел одного из самцов грифонов, который по недоразумению вылетел не на Гриз, а на Нэйша). Чувствовала себя — бабочкой, измотанной долгими попытками избежать сачка.

Она так и не смогла потом вспомнить — что ей налили в бокал и выпила ли она хоть глоток, или была пьяна одной водой, усталостью и голодом, струившимся оттуда, из угла.

Когда он поднялся за ней в отведенную ей комнату — ступеньки, половицы и дверь

впервые сговорились и предали, а подлый камин обеспечил уютное потрескивание, почти заглушившее шепот, запутавшийся в ее волосах.

— *Сколько мужчин у тебя было, аталиа?*

— *Один, — соврала она, потому что был не один мужчина, а один раз — единственная ночь, потому что мужчина тоже был единственным, потому что иначе было нельзя и потому что...*

— *Жаль, — шепнул он, забираясь ей под одежду, — я хотел быть у тебя первым. Мне нравится быть первым, наверняка ты это уже заметила.*

Он и без того был первым, потому что тот так не делал, и вообще, так не должно было быть, она пролистывала все эти любимые романы Уны со снисходительной усмешкой, она старалась не вспоминать о своей первой ночи, а то, что творил он — было невозможно, неправильно, безумно. Молчать, — приказала она себе. Не давать прорваться просьбам или стонам, не показывать ему... ничего ему не показывать.

Дыхание предавало: оно заканчивалось, и слова упрямились: не хотели появляться на свет.

— *Зачем тебе...*

— *Чтобы показать тебе, что такое наслаждение, аталиа. Почему ты думаешь, что знание уязвимых точек может помочь только убийству?*

Как можно прогнать от себя смерть? Надавать пощечин? Закричать и затопать ногами?

За год она сотню раз задала себе вопрос — почему позволила ему тогда подтолкнуть ее к кровати, смотреть на нее, касаться ее, быть в ней... Может, не устояла перед искушением — он все же красив, даже чересчур для нее красив, а может, устав от ожидания и чего-то подспудного, подумала: «Почему нет?»

А может, старалась заглушить этим иной, давний голод, которого заглушить нельзя.

— *Что... тебе... нужно от меня...*

Наслаждение? Он мог бы получать его с Амандой, с десятком восторженных идиотов, которые прибывают в питомник пачками, с клиентками, с... боги, да с кем угодно, но...

— *Что проку только в телесном наслаждении, аталиа?*

Бабочка. Он говорил, бабочку называли Аталиа Арноро: вторая часть — в честь ученого, который ее открыл, первая — старинное название местности где родилась легенда... Та легенда о бабочке, которая решила согреть замерзающих людей — и вспыхнула, чтобы зажечь единственную свечу в бесконечно застывшем городе, и обрела от богов за это полыхающие крылья...

И у тебя в коллекции ее нет, Рихард. Ты препарировал меня как бабочку, отдариваешь удовольствием, лишь бы иметь возможность следить, как я бьюсь у тебя под стеклянным колпаком.

Наверное, бабочка могла бы расколоть твой колпак, если бы на самом деле он не был освобождением. Безграничным полетом от того, другого, имя которого не соскользнет с губ, потому что запретно и чревато потерей равновесия.

Лунный луч стеснительно щемится в окно — подглядывать; настольная лампа бросает красноватый отблеск на его обнаженные плечи, покрывает медью изваяний, божественно прекрасных и божественно же жестоких, как в древних легендах. Зеркало бесстыдно подмигивает пугливому лучу: в нем отражаются рука, мягко сковавшая тонкое запястье, судорожно смятые в пальцах простыни, закушенные губы («Не кричать!»), плавные движения: вода в тихой заводи качает лодку, принимая ее в себя...

Что можно сказать перед смертью? Находясь в ее объятиях беззащитной, обнаженной?

Что думает бабочка, когда мир уже застилается туманом и подступает последняя судорога?

— Какие слабые точки есть у тебя, Рихард?

«Найди их, если не боишься, аталиа», — различает она в ответном шепоте, губы в губы.

И умирает.

Падает во тьму забвения и наслаждения — как в пепел.

Чтобы утром возродиться в стенах своей крепости вновь.

ЖЕРТВЫ И ХИЩНИКИ. Ч. 1

«...не выработаны средства по эффективному устранению так называемых магических тварей.

Бестию обладают высокой приспособляемостью к ядам и быстрой обучаемостью, из-за чего часто успешно избегают ловушек. Наиболее же опасным способом приходится признать ловлю на живца...»

Энциклопедия Кайетты

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Хе, хе, что там питомничек, Далли? Уже весь в труху, небось?

Вместо ответа я со стоном счастья пригубил пиво.

В окрестностях «Ковчежца», помимо запасов Лортена, приличного спиртного не водилось. В придорожную харчевню «Свин и свирель» заходил сплошь темный народец с лужеными глотками (к тому же, не боявшийся нрава хозяйки харчевни Злобной Берты). В «Плачущем драконе» в деревне пиво было чем-то вроде Вейгордского Душителя. То есть все об этом шепчутся и, вроде бы, даже видели, но поймать никак не получается.

Так что единственный с момента моего прихода в питомник выходной я тратил с пользой. Отчитался Стольфси в «Честной вдовушке», что так, мол и так, внедрение прошло удачно, нельзя ли, так сказать, уже намекнуть — а что мне надо делать? В ответ получил распоряжение внедряться дальше и ждать вестей. Завернул к Милке за пивом и снедью и направился напрямиком к Лу.

Старина Лу отнесся ко мне с умеренным сочувствием и сорок минут бесплатно набрасывал сплетни обо всём помаленьку: о причудах королевы Ракканта (мир её добродетели), о Вейгордском Душителе и об интригах Шеннета Хромца, о том, что Дерк Горбун опять на состязаниях Мечников одержал победу, так что все уж начали подумывать, что король Илай подсуживает кузену...

И только когда я взялся за третью кружку — начал проедать мне плешь.

— Что, Далли, оплошал с питомничком-то? Третью девятницу, вон, возишься — а слухов, что эти ковчежники перестали существовать, как-то нет.

— Хм. Если бы заказчику нужно было устранение, туда заслали бы «уборщиков». Но ему же нужно мое неизмеримое очарование, а очаровать целый питомник... дело долгое.

— И много кого наочаровывал?

— Кучу милых зверушек, само-то собой. Ну там — Лортен, это директор питомника, потом ещё шнырки, грифоны, единороги...

А вот гарпии-бескрылки все до одной — почему-то в святой уверенности, что я лучшая еда, какую тут подают. Утренний путь мимо клеток начинается с радостного «урлюлюлюлю» и попыток достать меня когтистыми лапищами.

За девятнадцать дней меня почти что съели тридцать четыре раза. Я подсчитывал.

— Тебе описывать всех сразу или в индивидуальностях? Вот, скажем, ты видал яприля? Здоровенная такая свиночка, цвета морской волны. Так вот, у нас есть Хоррот. Хоррот — самец, нас так и познакомили. Малость нервный, потому как охотники истыкали его стрелами-кинжалчиками. А потому он считает, что надо доказывать, что он — самец. Не докажет — и день прожит зря. А знаешь, какими способами он доказывает, что он —

самец?!)

Лу глазел на меня, как на тяжелобольного.

— Осложняя мне жизнь, — отрезал я, мстительно впиваясь в свиную колбаску. — Прелестные развлечения — то опрокинуть поилку, то вырубить вольерного, а мне его потом оттаскивай. Ещё, он знаешь ли, любит, чтобы водица в поилке была холодной. А еще лучше — и чтобы корм подмороженный. Такие вот извращения после ранений. Так вот, если водица не холодная — он просто поворачивается к ней задом и...

— Сорный, ты пиво-то пей, — перебил меня Лу с искренней тревогой в слезящихся глазках. — А то, может, водную трубочку? Отменный табачок, а?

Подождал, когда я изъявлю согласие кивком, и отправился в соседнюю комнату за трубочкой и табачком, раскачиваясь на ременных петлях. Каркнул с насмешкой:

— Что-то ты уж сильно проникся этими зверюшками.

— С учётом моего графика — знаешь ли, я скоро сам захрюкаю или зарычу. И учти, если вдруг я начну вонять, как серная коза...

— То я не замечу разницы, хе, хе, хе.

Из комнаты Лу вернулся с кожаным кисетом на шее и водной трубкой в зубах. То и другое отправилось ко мне.

— Давай, Сорный. Расскажи, что поинтереснее — кроме как байки о том, сколько дерьма яприля ты успел там перекидать лопатой. Как тебе начальство? Лютый господин Арделл, э-э?

— А, да, совсем об этом забыл. А ну верни колбасу обратно — я больше не намерен переводить на тебя эту драгоценность. Если уж твои осведомители ухитряются спутать даже пол...

— Ох ты ж, неприятность-то какая, — проскрипел Лу, невозмутимо прибирая колбасу подальше. — Да неужто ж и не лютый, и не мужик?

По озорно блеснувшим глубоко посаженным глазкам видно было в точности: Лу отменно знал, кто именно рулит в питомнике. А байку про «лютого мужика» скормил мне, просто потому что хотел повоображать на досуге: какое у меня будет лицо.

— Насчёт не-мужика — дело, кажись, точное, а вот всё остальное...

В первые дни начальство поразило меня манерой успевать везде и всюду. И, кажись, вовсе не спать: во когда бы я ни продрал глаза, Арделл уже бодро носилась по питомнику, раздавая распоряжения, помогая зверушкам и приговаривая, что у нас сегодня тысяча, тысяча дел. Ну, и ещё удивительно было то, как про неё отзывались окрестные. Вольерные плевались, когда я поминал Мел, егеря зеленели при виде Нэйша, деревенские шипели насчёт «Вот, в питомнике дикая девка-терраант сидит, да еще и нойя, что там хорошего может быть?» Но про Арделл никто дурного слова не сказал. Даже Злобная Берта из «Свиня и свирели» буркнула в котёл:

— Занимается дуростью да чудищ спасает, ну так что с варга взять. Сама она ничего, так-то.

В переводе на со злобнобертского на общекайетский это обозначало явный ореол святости вокруг главы ковчежников.

На шестой день варгиня поразила меня на новый лад. Явившись с ночного дежурства из закрытой части питомника. И притащив с собой пойманного браконьера. Именно что притащив — здоровенного такого детинушку, в две с половиной Арделл. Детинушка, обмотанный кнутом за шею, понуро волокся следом за варгиней.

— ...а потом она заставила его шесть часов драить вольеры у гарпий-бескрылок и грифонов, вообрази себе. А зрителями по этому делу назначила Мел и Фрезу. Под конец парниша всеми богами клялся, что на милю к питомнику не подойдет, и вообще, прямо сейчас пойдет, из контрабандистов обреется налысо и заделается каким-нибудь жрецом.

Нет, в первые-то два часа он ещё пытался ерепениться и даже было кинулся на Арделл с лопатой, когда варгиня подошла спросить — как он в вольере справляется.

Я как раз был неподалёку и даже не увидел движения — только услышал свист, а потом полюбовался готовой картиной: лопата лежит на земле, контрабандист лежит рядом с ней, разевая рот, поперек шеи у контрабандиста — всё тот же чёрный кнут.

— Отойдёшь через четверть часа, — делово заключила Арделл. — За такое поведение — час работы сверху. В следующий раз прибавится два часа, в следующий — четыре, так что я бы не рисковала. Фреза! Принимай молодчика и покормить его в обед не забудь.

И небрежно свернула чёрный парализующий кнут. Подвесила на пояс.

— Опасная штучка, — заметил я, подходя. — Кожа скортокса, да? Большая редкость. Если не секрет, как ты вообще так научилась с ним управляться?

Арделл усмехнулась ностальгически и немного смущённо.

— Ну, если честно — у бабушки.

И припахала меня к охлаждению притирки для драккайновых, пока я еще не успел переварить это заявление.

Лу впитывал сплетни, как моя истосковавшаяся печень — пиво. Весело щерил оставшиеся зубы:

— А что, правду бают, что у вас там и нойя есть?

Тут я только испустил мечтательный вздох. Показал глазами — ага, есть, не спрашивай о наболевшем, я тут весь пронзенный стрелами весенников — посланцев Стрелка, которые пуляют непременно в сердце.

— Слышал бы ты, как она поёт над своими котлами!

Сагу о Прекрасной Нойя Лу выслушал с некоторым недоумением. Побулькивая при этом пивком и поглядывая на меня с нетерпением. Когда я перешел к длительному и витиеватому восхвалению булочек, которые черноглазая Аманда печет в каждый девятый день, Лу не выдержал, заперхал и замахал руками:

— Пей пиво, Сорный, разбавляй то, чем опоила тебя эта нойя. И меньше разливайся, а то я слюной захлебнусь, хе, хе. Что ж ты пока — не подкатился к ней под бочок?

— В процессе, — с достоинством ответил я. — К такой женщине, знаешь ли, нужно подступаться по шажочку.

А то меня уже успели обрадовать историями о тех, кто слишком разлетелся, позарившись на красотку из целебни, и вызвал гнев ее огненной натуры.

— Вдохновил, — хмыкнул Лу, — стало быть, рубаху новую накину, да и поползу подступаться, хе-хе, небось, быстрее тебя на своих обрубках успею!

— Не сомневаюсь, — отозвался я, затягиваясь водной трубочкой, — только вот Фреза тебе подходит всё-таки больше. Это погонщица гиппокампов и...

— Фрезуанда Волнорезка, кто ж не знает.

Показалось, или на сморщенной физиономии Лу проступила мечтательность?

— Ходил на одном ее рейсе... она тогда уже муженька схоронила, сама капитанствовала. Ох-хо, какая баба, Сорный, тебе во сне такие не привидятся! Хороший был рейс, хе-хе, и капитанша хорошая, жаль, второй раз к ней не нанялся, не успел. Это до того,

как она в пиратки подалась, было еще. Эх, какая баба, Сорный, а! Золотишка они брали, конечно, и грузы всякие. Слыхал — она денег-то подкопила, из Велейсы уехала, все хотела мирной жизнью пожить. А дети оболтусы, все головы сложили, кто по долгам, кто ещё по каким делишкам темным. Как ее в этот питомник занесло — вот уж чего не знаю, а так-то...

Сквозь дым мутно глядели разнородные вещички с полок. Медные, изящно кованные кувшины из Дамата, и кинжалы ковки Союзного Ирмелея. Запыленное зеркало в ракушках.

Я покуривал молча, вслушиваясь в болтовню Лу. Кто знает, как их *всех* занесло в этот питомник. О малютке Йолле и ее вечно пьяной матери хоть известно, что они погорельцы из той же деревни. Но что, например, в питомнике делает ноя? И эта ее бесцветная ученица, Уна — откуда она взялась? Мел, Фреза, да и наконец еще...

— Давай, Сорный, порадуй еще новостями. У вас же там еще терраант? Эта-то что там забыла, а? Коренники — они ж по лесам да пещерам.

— Как-то не довелось спросить. Изгнанник из своего племени, а почему — об этом молчит. Эта Хаата если с кем и разговаривает, так с Арделл, а так-то в основном шастает в опасной зоне — ну, там, где зверушки разгуливают себе как в лесу. Или помогает Мел...

— Следопытке?

Лу точно знал об обитателях питомника куда больше, чем рассказал в первую встречу.

— Ей. Премилое, знаешь ли, создание... условно женского полу. Прониклась ко мне живейшей симпатией с первого взгляда. Прозвала Красавчиком.

— *Пухлик!* — *выпала Мел, когда я ей только настроился сказать «Добрый вечер».* — *Лопату взял, быстро. Ногами шевели! Запоминай, кто где, повторять не буду.*

— Вольерные эту девочку мало ли что на руках не носят, пылинки сдувают. Егеря обожают просто люто.

«Хоть бы какая-нибудь тварь уже откусила ей башку», — с тоской выдохнул старый Перкент после того, как «девочка» в третий раз наорала на него за не так убранные клетки.

— А уж как она животинку любит — и не передать!

Ладно, это-то правда, над бестиями Мел может увиваться часами, петь им песенки, сюсюкать и давать прорву ласковых имен (людям от нее такой ласки и близко не перепадает).

— Если б не видел, как она пользуется Даром — сказал бы, что она нанесла на ладонь фальшивый знак Следопыта. А так-то сама варг. Боженьки, да она входит в клетку к чертовым бескрылкам, которым только дай кого сожрать! И приручает диких керберов. Из странностей... разве что *атархэ*. Девчонке лет семнадцать-восемнадцать, а у нее именно клинок, работа кого-то с хорошим Даром Мастера. Интересно бы знать, как такая штука могла оказаться у пигалицы из питомника.

Старый Перкент говорит — в питомник Мел сама пришла, года полтора назад или больше: «Небось, сбежала от мамки в Велейсе Пиратской или в Тильвии какой, да сюда прибилась». Остальные вольерные полагают, что Мел — плод противоестественного брака шнырка и мартикоры, созданный специально чтобы их доводить. Старый Лу вот полагает что-то другое, потому что трёт подбородок с удивительно прямо задумчивым видом.

— С сюрпризами девка, ага, ага. Думаешь — проблемы с ней будут?

— Нет, — сказал я, с сожалением откладывая последний кусок жареного сыра. — Проблемы будут не с ней.

Мел может быть три дюжины раз Следопытом и кидать на меня подозрительные

взгляды по сорок раз на дню — только она-то ничего не знает и ничего не может доказать. Да и вообще, у нее на первом месте зверушки, и в случае чего ее легко отвлечь — подсыпать что-нибудь в поилки, да и всё.

— Лу, дружище. Что ты знаешь про тамошнего устранителя?

Облако дыма вокруг Лу погустело, и из него закаркали смехом.

— Любитель бабочек? Белый костюмчик? Мало, мало что знаю... что ты смотришь, Сорный? Я тебе не Кормчая — знать всё и обо всех. Мои рыбоньки... хе, хе, набулькали, что сам он не вейгордский, в питомнике год с лишним, а откуда был до того — непонятно. Говорят, любовник этой Арделл — ну да, ну да, красавчик, что посетительницы, что заказчицы об этом судачат. Но она его взяла не только постельку себе погреть: видать, и дела не проваливает, народ с людоедами в последний год прошел к ним погуще. Дар Щита — вот уж редчайшая штука. Что парень делает в питомнике с таким-то Даром и с такими навыками — загадочка не из последних, хе, хе. Деньги, что ли, зарабатывает?

Ага ж, зарабатывает деньги, в костюмчике из таллеи, у которого цена — половина особняка Лортена. Лу через дым жизнерадостно выкладывал то, что я и без того знал — что Нэйш не всегда бывает в питомнике, что не ладит с Мел (да и вообще ни с кем, как я погляжу), что его побаиваются... Я молчал и чувствовал, как пиво становится поперек горла.

Белые костюмчики и пробежки по питомнику с утра. Вольерные, которые не хотят встречаться с утранителем взглядом. Любезные улыбочки — посетительницам. Вежливость и отстраненность.

На территории питомника Нэйш ошивался не так часто — разве что во время ночных дежурств. Остальное время читал, препарировал бабочек или кромсал в своем сарае очередное умершее животное. По временам вообще пропадал на несколько дней — то ли был на выездах, то ли его носило еще где-то.

Только вот я же видел его в деле. Шесть дней назад, на первом своем выезде. Видел бешеного виверния — и пламя, разомкнувшееся перед белой фигурой, и серебристый блик, находящий цель.

С одного раза.

— Эй, Сорный? Табачок, что ли, крепкий, а? Не уплывай, хе-хе. Что вы там не поделили с этим, как его бишь, Нэйшем?

— Старый знакомый, — медленно выговорил я. — Пересекались раньше. И я видел его в деле, так что...

С Нэйшем после того, первого дня мы и парой слов не перекидывались. Но постоянный следящий взгляд я чувствую кожей.

И я знаю эту предвкушающую улыбочку — легкую, почти незаметную. С которой он за мной наблюдает, как за насекомым в банке. Грызун внутри отлично различает сорта улыбок. Эта говорит: «Я всё про тебя знаю, погоди немного — и я найду, как отравить тебе жизнь».

— Нда-а, дело дрянь, Сорный, раз уж он тебя знает. Думаешь, сдаст этой Арделл, а? Гильдейским-то ты хоть обмолвился о такой okazji?

Гильдии наплевать на помехи, которые ты встречаешь во время задания. При отчёте я дежурно высказался в том духе, что вот, знаете ли, со мной совершенно случайно работает тот, кто меня знает, так что он может помешать. Стольфси, перекатывая за щекой карамельки, столь же дежурно выдал, что слышит меня и примет меры. Тонем, который принятие любых мер исключал в принципе.

— Дела, Сорный, такие себе делишки, хе, хе, — Лу тщательно пережевывает деснами

колбасу. — Так что ж будешь делать с этим устранителем, а?

— Пока что — держаться подальше, — отозвался я истово, возвращаясь к пиву. — Хвала Девятерым — это пока получается неплохо. Да и убивать зверушек — не по моей части, так что вряд ли, скажем, нас направят на вызов в паре.

Лу и крыса внутри разом мерзенько засмеялись, так что я от души посоветовал им заткнуться.

* * *

Бывают дни, прекрасные до того, что ты постепенно начинаешь осознавать: что-то дрянное непременно случится.

Этот день был удачным до омерзения, до дрожи в коленках.

Мел до рассвета усвистела на вызов, и утро прошло без ора и подозрительных взоров по каждому поводу. Вольерные были милы и любезны — никто не после попойки, и даже старый Перкент пришел какой-то размякший под утренним солнышком, хмыкнул что «Великая Целительница погоду шлет — залюбуешься» и целых четверть часа никого не обзывал сволочами. Аманда послала игривую улыбку, гарпии ни разу не попытались сожрать, Фреза расщедрилась и отхватила здоровенный кусок мясного пирога — чтобы я мог продержаться до обеда.

Это был просто вызывающе отличный день. Потому грызун внутри разбушевался особенно сильно, начал нашептывать гаденько: Гроски, а ну-ка давай зашивайся в уголок кухни и дверь баррикадируй, а то у меня тут дурное предчувствие.

Предчувствие воплотилось в Гриз Арделл, утащившую меня из кухоньки в каминную.

В каминной Арделл зашла издалека. Ну, для себя, конечно.

— Как ты ладишь с Рихардом?

Я жалобно посмотрел на пирог в своей ладони. Тот был слишком прекрасен, чтобы во рту с ним давать ответ на такой вопрос.

— Уиииммм, — исчерпывающе выдал я. Выбирая между вариантами типа: «А с ним можно ладить?» «Ну, я счастлив, когда его нет поблизости» и «Да он мне вообще как брат, которого у меня никогда не было».

Арделл поглядела с глубоким уважением. Видать, не ожидала, что я способен на такую гамму мимики.

— Знаю, — сказала мрачновато, — он не из тех, с кем... легко.

Я проглотил бесконечность ответов вместе с куском пирога.

— По крайней мере, ты не пытаешься метнуть в него нож.

Пришлось давить невольное: «А что, так разве можно?!»

— И к тому же задача больше по твоей части.

— То есть, ты собираешься меня отправить на вызов с Нэйшем?

«Боженьки, — причитала голохвостая тварь внутри. — Всё, она кивнула. Нам каюк. Не соглашайся, скажи, что болен, нет, лучше скажи, что у тебя аллергия на всё препарлирующих убийц, да куда ж ты ухмыляешься, скотина, куда ты нас тянешь?!»

— А у вас это, случаем, не считается по двойному тарифу? Или, может, полагается что-то вроде отпуска на морском берегу — проораться в закат на недельку, после прекрасной компании.

Арделл внимала моей болтовне серьёзно и молчаливо, с чуточку сочувствующим видом.

Всё её лицо так и говорило — понимаю, Лайл, честное слово, я тебя на такое ни за что бы не стала подписывать, но мне нужно спешить на вызов к Мел, а тут еще один заказ, так что вот такая неприятность выходит.

От этого было слегка забавно.

— Потому что, если Нэйш после нашего выезда затребует для себя что-то этакое — я же совершенно не виноват, — Арделл фыркнула от неожиданности, а я коварно зачихал в рот остатки пирога. Предложил уже через них: — Учти, задание должно быть под стать — скажем — нашествие чокнутых шнырков на сокровищницы какого-то магната или

— Огнедышащий людоед в деревне.

Крыса вгрызлась в печёнки даже с каким-то азартом — как сохранишь мину на этот раз?

— Дельце-то будет горяченькое, — отозвался я, выражая на лице безмятежность.

Судя по встревоженному виду Арделл — с безмятежностью я таки перебрал.

* * *

По дороге я старался видеть в ситуации побольше хорошего. Например — что деревня недалеко от вира (можно удрать, ура). Или что жертва в деревне всего одна, стало быть, зверушка до конца не распоясалась. Или тому, что мне не придётся сдуть пылинки с «клыка» и бегать за ним с воплями: «Аз есмь твоё прикрытие», закрывая его щитами с Печати. Работка предстояла попроще, начальство так и заявило:

— Что касается... общения с животными — Нэйш справится сам. У него скорее бывают временами проблемы с людьми, — тут мы прервались на мои аплодисменты по поводу такой тактичности. — Словом, переговоры, опрос свидетелей — всё это на тебе. А, да — и оплата.

Новоявленный напарник пока делал вид, что меня не существует в природе. Вместо приветствия он измерил меня взглядом с ног до головы — обозначив попутно всю степень моей ничтожности и бесполезности.

— Я не напрашивался, уж ты поверь, — выпалил я в ответ. — Арделл три часа умоляла меня пойти и сделать так, чтобы окружающие не разбегались, вопя: «О нет, общаться с этим ушибленным!». К твоему сведению — я говорил ей, что тут я бессилен.

«Клык» отобразил на физиономии толику глумливого сочувствия. После чего благополучно обо мне забыл — и не вспоминал, пока мы шли через вир (село с нежным названием Маслютки, северо-запад Вейгорда). Или пока шли от вира. Или пока проходили через до боли ухоженно-зажиточную деревню (каменные домики с разноцветной черепицей, постиранные до хруста занавесочки, прилизанные палисаднички без конца и края).

В деревне веяло основательностью и немного — свежей выпечкой из пекарни. Две собаки переходили дорогу чинно и вразвалочку — смерили нас презрительными взглядами философов.

Место выглядело не особенно подходящим для огненного людоеда — разве что он питает любовь к лучшему в округе сливочному маслу.

О сливочном масле пришлось обильно узнать из речей старосты, который поджидал нас в аккуратненькой собственной гостинице. Староста лоснился и сиял, особенно в части лысины и захватанной жилетки, а его голосом можно было смазывать блинцы.

— Люди встревожены, у нас такого тут давно не бывало... Совершенно дикое

происшествие, знаете ли, наши охотники в таком недоумении... Такая трагедия, а если это еще повлияет на удои... Нет, мы считали, что наши леса безопасны...

Фразы плавились и стекали жирными каплями. Староста подобострастно взирал на Нэйша — полный почтения к белому костюму и саквоюжу, похожему на докторский. Мои затрёпанная куртка и сумка почтения у местного начальства не пробуждали.

— Собственно, наши охотники больше специалисты по кроличьим силкам, если вы понимаете, о чём я... и они не совсем готовы столкнуться с такими рисками... поймите, слухи ходят, и мне хотелось бы сделать всё возможное...

Бедолага смущался и сливочно потел под отстранённым нэйшевским взглядом. И цедил из себя бесконечные обкатанные и обсосанные общие фразы. Выдавил где-то между ними, что «тело нашли позавчера... какой-то ужас», что животное напало далековато от самой деревни, в лесу, и не на охотника («Старик Уолли был из наших лучших маслобоев, он любил побродить по лесу... семейные проблемы»).

— Можно взглянуть? — осведомился Нэйш, когда староста выдохся.

— На... семейные проблемы?

— На тело.

И получил недоуменный взгляд: вчера предали воде, «хотели как полагается», и вообще, больше трёх дней со смерти, безутешная вдова и дети.

— Стало быть, придётся нам побеседовать с местным доктором, — заикнулся было я по законнической привычке. Староста окатил жирным недоумением из взгляда и пробормотал: «Наш доктор не осматривал тело... ведь понятно было, от чего смерть».

— Нам бы с жителями поговорить, — вспомнил я о своей роли «общения с людьми», — порасспросить, кто что видел.

Староста перевёл на Нэйша глаза, полные недоумения. Нэйш отзеркалил его взглядом наподобие: «Ух ты, у вас тут кто-то в комнате разговаривает».

— С теми, кто нашёл тело, — продолжил я, раз уж мне дали показать себя. — Это ведь охотники? Так вот, нужно поговорить с ними и с теми, кто часто отправляется в лес, знает лесные тропы. Мой коллега, господин Нэйш, конечно, захочет осмотреть окрестности и особенно место, где нашли этого несчастного — потребуются провожатые. Не сомневайтесь, мы будем действовать деликатно и не потревожим покой жителей деревни — мы профессионалы, как-никак. Ах да — где мы можем расположиться? Здесь, в гостинице?

Губки старосты сложились в однозначную куриную гузку. Показывая, что выжимать из этого достойного мужа материальные блага будет так же просто, как выжать масло из камня.

Сливочное масло. Из Камня Акантора, ха.

Сага, которую пришлось выслушать о бедности деревни, бедности лично старосты и недостатке мест в гостинице, почти побила в моём сознании весь древний эпос Кайетты. Она потрясала длиной, поражала накалом, отыгрывалась с неподдельной правдивостью. Староста сыпал извинениями, бормотал, что, конечно, он бы расположил нас у себя в доме, но семья, неловкость... и да, можно было бы расположиться у кого-то из местных, но ах, времена беспокойные и не все готовы оказать гостеприимство.

Гостеприимства здешнего повелителя масла и гостиниц хватило на тесную комнатку. В комнатку какой-то гений ухитрился втиснуть стол, два стула, шкаф и одинокую кровать с полинялым покрывалом. В небольшое зеркало жизнерадостно смотрелась корова с картины на стене.

— Здесь даже есть ванная — вон та дверь, — с неизмеримой гордостью выдал староста

и захлопотал: — Конечно, сейчас я оповещу наших охотников... тех, что нашли тело...

Гладко проскользнул в коридор — и уже оттуда крикнул, что своего слугу господин Нэйш может пристроить внизу, там есть общая комната.

Я излил свои чувства в долгом и насыщенном молчании, которое закончил смачным: «Ну, чудненько».

— В чём дело, Лайл? — осведомился Нэйш, снимая сюртук и водружая его в шкаф, — забыл, как спалось в бараках Рифов?

— И не то чтобы желал вспоминать. К твоему сведению, я храплю, и нам вдвоем тут будет тесновато.

— Не слишком отличается от кроватей рифской охраны, — теперь «клык» занялся своим саквояжем. — И потом, тут же даже есть ванная.

С этими словами он скрылся за дверью этой самой ванной. Вместе с саквояжем.

— Черти водные, — сказал я корове на стене.

В планы «быть подальше от моего бывшего надзирателя» и так-то не особенно лезло задание на двоих с надзирателем. Ещё меньше туда влезала ночёвка в одной комнате.

Хотя Нэйш явно полагал, что находится в блаженном одиночестве. Из уборной он явился уже под стать своей фамилии — с ног до головы в чёрном. Костюм из тонкой, мягкой, плотно прилегающей ткани. Белую часть гардероба «клык» трепетно приладил всё в тот же шкаф, обращая на меня внимания меньше, чем на корову с картины. Вытащил из саквояжного чрева маск-плащ. Извлёк оттуда же наплечную сумку и принялся тщательно, не спеша перегружать в неё один за другим какие-то инструменты.

Выглядело так, будто «клык» собрался на боевые и уж он-то как минимум знает — что делать. Жаль только — у меня нигде в сумке не завалялось подробной инструкции «Если вы вдруг идёте на огнедышащего людоеда в компании слегка поехавшего устранителя».

То есть, одну инструкцию Арделл таки дала. «Лайл, если там меньше пяти жертв в округе — вызывай меня. Вообще, если что-то покажется подозрительным, пойдет наперекосяк... И не забывай держать связь, ясно?»

— В лес, стало быть? — спросил я, кивая на сумку. — Мне-то что прикажешь делать, пока ты осматриваешься?

Нэйш был немало озадачен, когда с ним заговорил предмет интерьера. Или кем он там меня считал. Он даже поразмыслил пару секунд, всем своим видом показывая, что приспособить меня для чего-то дельного будет трудновато. Потом пожал плечами.

— Ну, ты можешь заказать ужин. Справишься? Тогда до вечера.

Поставил саквояж у кровати и убыл в коридор.

— Да-да, понял, я просто убогая обуза, — пробормотал я, почесывая щетину.

Крыса злобненько повизгивала внутри.

Нам с ним немало пришлось повидать, с помойным инстинктом. Немало повидать и научиться наводить мосты — с убийцами, которые сходу обещают зарезать во сне, с параноиками и с психами, которые на зельях сидели. Так что мы наострились глотать брань, пропускать мимо ушей унижения. Приспосабливаться.

После общения с Нэйшем оставалось ощущение, что о тебя каждую секунду аккуратненько вытирают ноги, как о тряпочку. Даже если устранитель молчал и на тебя не смотрел. Интересно бы знать — как приспособиться к этому?

Шкура привычно поднялась навстречу. Прилегла, обволокла — как раз по мерке. Знакомая до одури, почти постоянная шкурка «своего парня» простоватого, болтливого и

занятого малого, всегда наготове сто тысяч бак, и не захочешь — а навстречу распахнёшься.

До вечера дел на удивление хватило: обшмыгать деревню, завести знакомства, выслушать тучу жалоб на старосту и сто восемнадцать историй о сливочном масле — одна другой краше... О старике Уолли, конечно, тоже — а еще о его «старой гримзе» и непутевых отпрысках (все сходились, что в Водной Бездони покойничку лучше). Рассказать с десятков красочных бак о том, какие мы brave охотники (немилосердно привирая) — и в ответ получить сотню версий местного беспредела (больше всего мне понравилась о Хромом Министре, который превращается в оборотня и жрет население враждебного государства).

К вечеру я завалился обратно в гостиницу с полным коробом новостей и здоровым голодом того, кто перехватил только пару марципановых рогаликов (с гостеприимством у местных жителей было так же туговато, как у старосты).

Нэйш не являлся. Это дело я тут же отпраздновал двойным ужином — и принялся неспешно утрясать в голове услышанное.

«Клык» появился, когда я нацелился как следует поспать. Бесшумно скользнул в дверь, повесил сумку на стул, скинул маск-плащ, попытался посмотреть на меня как на пустое место, но это было трудненько — я восседал на кровати и сверлил устранителя неприветливым взглядом.

— Лайл, — не особенно расстроился Нэйш. — Где ужин?

— Съел, — Я выразил на лице совершенный минимум раскаяния.

— Оказывается, тебе нельзя доверить даже такое простое задание.

Устранитель опустил на стул, далеко вытянув ноги. Показав выражением лица — насколько я его разочаровываю.

— И не говори. Похоже, тебе придется преодолеть дюжину ступенек и заказать еду самостоятельно. В следующий раз как решишь мне поручить чистку костюма, ну или там закупку средства для волос — помни, насколько я вопиюще безнадежен. Или сразу уясни, что я здесь не за этим.

— О. За чем же?

— Потому что — давай уж начистоту — если бы я был местным жителем, то, только посмотрев на твою физиономию, я бы язык проглотил. Как там тебе охотнички — многое выложили, помимо того, о чем ты спрашивал их напрямик? У тебя с Рифов не сильно-то сменились повадки, и одна осталась особенно яркая. Ты, вир тебя побери, наводишь жуть на людей, а потому добывать информацию можешь только... прежними способами.

— Всегда считал, что это эффективные способы. И ты как раз из тех, кто может это подтвердить.

Крыса внутри сжалась в жесткий, пружинистый комок.

— Я это и озвучил полминуты назад — ты жуткий, и Арделл тоже так считает, а то не направила бы меня спасать местных от твоей любезности.

— Гризельда... слегка перестраховывается. По крайней мере, раньше никто не жаловался.

Теперь на лице Нэйша цвело почти что благодушие.

— Ладно, Лайл. Что тебе удалось узнать *твоими* методами?

— Старикашка Уолли мог быть случайной жертвой. Убийство исключается, видно, действительно зверь. По лесу мужик бродил часто — с такой-то женушкой неудивительно. Заходил далеко, по Печати — маг Воздуха, но слабый. Тварь схапала его в глубине леса,

далековато от троп и от самой деревни — вот не сразу и нашли. Погрызла его изрядно, еще и кой-что с собой утащила. И вот еще что — у них тут стада коров, деревня же просто помешалась на масле. А скотина в округе не пропадала — даже утки и куры. Что-то непохоже, чтобы в округе ошивался злобный огнедышащий людоед. Но вот если взять ниже по течению местной речки, то миль за десять будет другая деревушка. Местные кумушки рассказывают, что там живут сплошь нищоброды и не особенно долюбливают соседей — какой-то давний спор за пастбища и поля. Только вот вроде как, там пропадают люди.

Нэйш выслушал, слегка приподняв брови. Изобразил намек на благосклонный кивок. И застыл, глядя стеклянным взглядом поверх моего плеча.

— Думаю, это драккайна.

Крыса внутри взвизгнула коротко и резко — будто ругнулась.

Откуда в Кайетте взялась эта дрянь — не знал никто, но все сходились в мысли, что взялась-то не так давно — лет тридцать-сорок назад. Ходили слухи, что к происхождению драккайн каким-то боком стоят фанатики из Академии Таррахоры — во всяком случае, академики этих животных и обозвали «помесью драконовых». Помесью с любой другой зверушкой Кайетты. Взять любую другую бестию (одна штука), приплюсовать драконью кровь (сколько-то) — на выходе получается нечто больше размерами, кровожадное и пыхающее огнем по поводу и без. Очень вдохновляюще.

— Час от часу не легче. Что за вид?

— Кто-то из собачьих — так сразу и не скажешь. Следы довольно внушительные, можно предположить до четырёх футов в холке. Сорван коготь на одной из лап. Достаточно странная манера охоты — на месте, где было тело, сохранился выжженный круг. Что-то вроде кольца огня, в который жертву закутали, пока она не упала. Едва ли этот способ годится при охоте на обычную дичь — тратится слишком много энергии — но вот если в круге огня, скажем, малоповоротливый хищник... или маг...

— Думаешь, на человека этой драккайне идти не впервой?

«Клык» пожал плечами — мол, нечего озвучивать очевидное.

— В окрестностях слишком много следов падальщиков, и проследить путь драккайны не получится. Но я бы сказал, что она пришла с востока.

Ниже по течению местной речки, как я и говорил. А так хотелось верить, что обойдется одной жертвой.

— Стало быть, нужно лодку брать или вызывать «поплавок». Объясняться с местными любителями масла и выяснять — что там творится в угодьях нищобродов. Раз уж все указывает на вторую деревню. Так?

Нэйш сделал жест — валяй, иди и действуй, я в тебя даже почти что верю.

— В чём дело, Лайл? Это ведь, кажется, твоё прямое назначение — договариваться.

Пришлось покинуть сомнительной мягкости кровать, топтать наружу и выступать во всём блеске организаторского таланта. Сперва пояснить удивленному старосте, что нет-нет, никого мы не бросаем, просто собираемся поискать логово зверя, так что нас ждут героические подвиги в лесах (ждите, вернемся за деньгами). Потом выслушивать от Фрезы по сквознику — в какие изобретательные места она запишет мне мою инициативу и что нечего гонять обожаемых гиппокампов ради того, чтобы на десяток миль по реке сплавиться.

Дозу уговоров и лести, которую я выдал, чтобы не платить за лодку, могла впечатлить Хромого Министра — всем известного своей изворотливостью.

Когда я вернулся — «клык» вытянулся на кровати и досматривал десятый сон под длинными ресницами. Излучая лицом безмятежность в окружающее пространство.

— Мантикорий сын, — буркнул я и подался на волю.

Одна довольно еще сочная вдовушка настойчиво жалела меня — мол, в гостинице так неуютно... Так что можно было попытать удачи.

* * *

Мы отплыли в безбожную рань и с Инцидентом. Точнее, даже с двумя. Сперва Нэйш каким-то образом ухитрился отыскать меня на новом месте ночлега. Спал я один — ну, то есть, *уже* один — но честное слово, проснуться и увидеть над собой своего бывшего надзирателя с маньячной ухмылкой и издевательским «Доброе утро, Лайл»...

Самое быстрое в моей жизни пробуждение. А акробатический прием, когда я сиганул с кровати, был вообще цирка достоин.

— Экий вы затейник, — кокетливо сказала приветившая меня добрая вдовушка. Она наблюдала за церемонией из коридора. И отчаянно похихикивала, глядя, как я впрыгиваю в штаны.

На этом первый инцидент исчерпался, и на сцену выступил второй.

Сильно подозреваю, что бывшей пиратке Фрезуанде это действие — подобрать нас в условленном месте — виделось чем-то вроде абордажа. Так что она на всех парах ворвалась в безмятежно спящие Маслютки, учинила грохот и ругательства и почти начала брать в заложники старосту, чтобы выяснить, где мы, такие-рассякие олухи медлительные, внебрачные дети тюленя, возлюбившего черепаху. Гиппокампы же пять минут простаивают!

Водные коньки издевательски оборжали от причала эту процессию: Фреза зычным голосом высчитывает нашу генеалогию, возводя ее то к улиткам, то к коровам. Позади я пытаюсь понять, на каком я свете (и вывожу собственную генеалогию от любого животного, которое постоянно спит). И Нэйш, какого-то черта выглядящий, будто он три дня на отдыхе.

— В деревне нас встретят вилами, — хрипло сообщил я, влезая в «поплавок». — Они же, небось, спать там все будут, а мы с этой драккайной...

Подумалось еще, пока задремывал под мерную качку волн: да и пусть бы вилы. Факелы, магия, артефакты. Выпалят что-нибудь вроде: «Да у нас тут один мельник и тот утонул!» — да и ладно. Стало быть, драккайна — пришлая, жертва — одна, можно вызывать Арделл...

Но нас встретили не факелами и не вилами.

И деревня не спала.

Вернее — деревенька, хлипкий частокол пытались подправить, получилось нелепо. Убогонькие домишки покосились, разбежались кривыми улочками, будто хотят скрыться от злющих и худющих собак. Эти твари шмыгали по улочкам с какими-то неприлично нервными мордами и встретили нас первыми — налетели с истошным лаем. Потом уже привалило жителей — тоже нервных и дерганных, у женщин красные глаза, у мужчин под глазами — мешки с недосыпу. Высыпали сразу толпой десятка в два, от стариков до совсем голопузой ребятни, и принялись дружно жрать глазами.

— Доброго утраца, — вот уж сомневаюсь, что оно у них задалось, — а нам бы старосту или кого-нибудь, кто в селении главный. Тут в Маслютках, знаете, объявилась какая-то огнедышащая зверюга — вот мы и интересуемся: может, слышал кто?

Молчание. Лай и взвизгивание собак. Голос откуда-то из толпы — старушечий,

дребезжащий:

— Охотники, что ль?

Я даже не успел кивнуть — а нам уже предъявили распростёртые объятия. Заорали со всех сторон, начали всхлипывать, дергать, всё наперебой, наперерыв, без остановки:

— Собак! Собак уймите! Собак!!

— Да за Йером пошлите уже старым!

— Дождались...

— Хватайте, уйдут!

— Утром, значит... перед рассветом!

— Не толкай меня, я рассказываю!

— А вы бы, может, ко мне бы... остановиться?

— У тебя и лечь некуда, а вот я как следует постелю...

— Да собак уберите!

— А дорого... дорого берете за услуги-то?

— Может, позавтракали бы? Колбасок с яишенкой поджарю...

— Девочка... девочка моя... только тело...

— Где там Йер, вир бы его забрал?! Уйдут же!

— Ой, у нас тут такое...

Что у них тут такое — было понятно даже до того, как нас начали дергать и теребить, и предлагать остановиться в любом совершенно доме. И удушать со всех сторон гостеприимством пополам с рыданиями. Нэйшу повезло больше — вокруг него селяне просто нарезали круги, пытались заглянуть в глаза и все разом что-то рассказывали. А вот меня почти тут же уволокли внутрь толпы, начали жать руку и спрашивать — а не возьмем ли мы в рассрочку, и жаловаться на жизнь, и путано повествовать о каких-то покойниках.

Через минуту я уже отпихивался от собак, гостеприимных мужиков, старух, детей, и пытался перекричать гвалт. Крыса исходила на визг внутри, а я старался только выяснить — сколько. Пробивался к старосте — густобровому старому Йеру, которого уже волокли навстречу, ловил ошалевшие взгляды, тоскливые взгляды, с надеждой... И спрашивал только у каждого, кто мне попадался: сколько? Сколько?!

Уже понимая, что не меньше пяти, так что Арделл звать не придется.

Потом старый Йер начал восстанавливать порядок, жутко зыряка из-под бровей и вопя на односельчан сердитым петушиным криком. Пинал он всех подряд — в запале и мне даже прилетело — так что довольно-таки скоро воцарилось подобие тишины.

— *Сколько?* — прочитал я по губам Нэйша. И дал ответ, который успел разобрать.

— Четырнадцать.

ЖЕРТВЫ И ХИЩНИКИ. Ч. 2

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Мы к охотникам обращались, — сердито говорил старый Йер. Когда-то он был кряжистым и основательным дедом, а теперь вот стал совсем подсыхать — всё ушло в брови. Здоровенные, седые, над глазами — как ивы над озерами. — Обращались... шнырка им в печенку и навыворот. Три месяца назад было, скот пропадать стал. У нас скота и пастбищ немного — отсудили маслютские, а с другой стороны — магнатские пастбища, да... Овцы, козы пропадали, корова редко когда. Наш охотник смотрел следы, сказал — огненная лисица. Ловушки ставил, пытался выследить. Не вернулся из леса, арбалет его только наши. В этом... огненном круге.

Нэйш за столом шуршал картами местности — они у старосты были толковые. На одной и вовсе были обозначены места нападений драккайны. Охотников тут ждали очень сильно.

— Наняли мы охотников, значит. Они тут... тоже капканами всё утыкали, только он не попадался сперва. Потом попался как-то. Ну и вон...

Староста кивнул на стену — там красовалась прибитая шкура огненной лисицы. Крупный самец — и правда почти четыре фута в холке, а уж хвостище какой!

Напротив лисицы над камином висела тощенькая картинка — а больше украшений считай что и не было. Йер жил небогато: продавленные кресла, тяжелые грубые стулья, дети-внуки-правнуки. У себя располагать нас не стал, выделил домик рядом («Это... сестры моей. Дочки мои приберут, камин затопят, принесут бельё и воду, а вещи можете оставить, не бойтесь»). Потом сразу потащил к себе, угощать завтраком и рассказами.

Мертвая огнистая лисица пялилась со стены чёрными дырками глаз. Кусок в горло упорно не пролезал.

— Деньги заплатили сполна, — Йер от души приложил ладонью стол. — Со всей деревни собрали... Вот, а через две девятницы и началось.

— Нападения на одиночек, — прошелестел Нэйш, — глубоко в лесу. Старики и дети. Потом вы перестали ходить в лес поодиночке, и драккайна подошла ближе. Потом начала ходить вокруг селения. И наконец зашла внутрь.

Он что-то вымерял на карте, прикидывал так и этак. С сосредоточенным по уши видом. А староста рассказывал с досадой: сильных магов в деревне нет, что им еще оставалось, как не огораживаться, ходить группами, да по ночам не выходить? Вокруг деревни полно следов, то собака пропадет, то гусь, лапищи у твари — во, все боятся...

— Есть один вопрос, — непринуждённо сказал Нэйш от карты, — сколько тел вы обнаружили?

Йер мотнул головой — не обнаружили.

— В этих... кругах огненных, в лесу которые видали... кровь была. Обрывки одежды... да и всё. И предать воде нечего, — помолчал, потом выдавил сквозь зубы: — Сестру так и не схоронил.

Имеем дело с тварью, которая легко может уволочь человека. Ясное дело, почему тут все так запуганы — мне и самому как-то не по себе.

Старик рассказывал дальше — перечислял пропавших. Простые истории, одна за другой: ушел за хворостом (или ягодами, или грибами, или еще по какой надобности) — и не вернулся. Засветилась зверюга только однажды — утащила мальчишку, который отошёл от

матери. Та успела увидеть, как мелькнуло в кустах что-то огненное, удаляющееся... всё.

— Почему опять не наняли охотников? — спросил я, увидел кривую ухмылку старосты и мысленно отпинал себя как следует. Спрашивается, кто сюда пойдет при таком-то раскладе? Деревня бедная, тварь опасная. На драккайну-людоеда неумехи не полезут, а профессионалы заломят цену. Есть, правда охотники, которые промышляют из чистой любви к славе. Так откуда старосте-то про этих умельцев знать?

Старый Йер нет-нет, да и зыркнет опасливо на Нэйша. На белый костюмчик, по которому видно, что он стоит как полдеревни. Зыркнет — и тут же прячет глаза под бровями (ухх, это ж какую цену этот франт заломит?)

Потом глядит на меня — и становится совсем обреченным. «Гроски, — говаривал кузен Эрли, — рожу-то попроще, а то сразу видно, что с тобой бесполезно торговаться...»

А провожатые для нас едва ли найдутся. Староста мялся, бормотал, что сам бы проводил — леса неплохо знает... Ну, а теперь...

— Мужиков, понимаете, жёны не пустят... после ночи-то. У нас из стариков, которые хорошо тропки читали, как раз чуть ли не все среди пропавших. Я с нашими-то, поговорю, конечно...

Интересно бы знать, сколько баек про мастерство Нэйша мне придется расписать местным, чтобы они согласились идти в лес? Хотя есть ведь другой способ.

— Может, вызвать Мел?

Нэйш ничем не выдал, что слышал какие-то звуки. Бесконечная занятость над картой местности.

— Она на выезде, но Арделл разве её сюда не направит... раз уж так? У этой зверюги точно логово неподалёку. В Маслютках же нашли тело — погрызенное, или что там с ним было — но тело нашли. Потому что драккайне его далековато было тащить до уютной пещерки. Стало быть, логово есть, и раз уж она пляшет вокруг этой деревни — быстрее всего её найти с помощью Следопыта, нет разве?

Ощущение было такое, что мне скорее начнет отвечать шкурка лисы на стене.

— Товарищ у меня глуховат, — любезно пояснил я и гаркнул погромче: — Или что, мне сразу у Арделл спрашивать?

Устранитель, вперившись взглядом в карту, перевернул в пальцах карандаш.

— Вполне в твоём стиле, не так ли? Чуть что спрашивать у начальства. Участие Мел может ускорить поиски, но чревато проблемами во время устранения.

— Думаешь, она будет мешать тебе разделаться с людоедом?

Жест, который обозначает «У меня тут знания, продиктованные опытом. Давай, поспорь со мной».

— Боженьки, да с чего бы? Ну, помимо её ненормальной любви к зверушкам и э-э...

Вспомнилось: Мел хлопчет над волком-игольчатником, которого Арделл приволокла из очередного рейда. И плюется фразами сквозь зубы: «Людоед, понимаете ли! Понаставят самострелов, с-с-сволочи, а как ему покалеченному еду добывать?»

— Ты считаешь, эта тварь может быть ранена?

— Возможно, старая рана. Но не только. Тебя разве не заинтересовало, почему пропажи людей начались как раз после убийства самца?

Вот это «самца» как раз дообрисовало ситуацию до чего-то совсем уж дрянного.

— Считаешь, драккайна — самка, а лис был её парой?

— Драккайны обладают повышенной возможностью к скрещиванию. Особенно с теми

животными, гибридом которых являются они сами.

Спасибо за цитату из учебника, и нет, она не сделала то, что ты сказал, менее жутким. Хотя бы староста не понял — так и пялится то на меня, то на Нэйша.

Но ведь всё сходится просто до умиления здорово. Самец, который добывал пропитание. То, что самка уносит добычу в логово. Даже что исчезновения участились — пищи-то надо больше...

«Ё-ё-ё-ё!» — тонко сказала крыса внутри меня и не прибавила ничего.

— Вы бы... расположились тогда, — породил староста робко. — Или что вам надо — следы посмотреть? Я б тогда проводников искал.

Устранитель принялся аккуратно складывать карту. Я начал мысленно подготавливать байки для смертников, то есть для проводников.

...Тень метнулась к нам, когда мы были на полпути к временной резиденции. А до этого хоронилась за бочкой для сбора дождевой воды. Выметнулась единым хищным прыжком — и Нэйш среагировал мгновенно: навстречу тени взвился палладарт...

Не долетел. Устранитель рванул цепочку, и *атархэ* остановил полёт. Секунду висел в воздухе, потом послушно вернулся в ладонь.

Тень была женщиной. В очень недавнем времени — может, ещё вчера. Не старше сорока — столько ей было до того, как её ударило невыносимым горем. Теперь остались — изломанные руки, да трясущиеся плечи, да безумные глаза, сухие и горящие. Скрюченные пальцы, которыми она вцепилась в рукав моей куртки. И дрожащие губы, просыпающие слова:

— Я заплачу, вы только... принесите хотя бы тело. Моей девочки... верните... хотя бы тело, чтобы... было что предать воде. Хотя бы что-то... я заплачу, только... Девятерыми заклинаю, хотя бы принесите её тело... мою девочку...

— Найра, ты чего тут?

Старик Йер следил за нами с крыльца, так что подбежал мигом, оторвал руки женщины-тени от моей куртки. Потом опять испустил вопль, будто сердитый кочет: тут уже набежали его невестки и еще какие-то деревенские кумушки. Им староста передал женщину, выговаривая ей тихонько: «Ты господ охотников не тревожь, они сами без тебя знают, все сделают, а ты вот пойдешь, с остальными подожди пока».

Женщина, похоже, не слышала — рвалась из рук кумушек и лепетала:

— Тело, принесите хотя бы тело, чтобы хотя бы это, чтобы ей хоть на ту сторону... девочке моей...

— Не в себе, — сказал виновато староста, — оно и понятно. Эта тварь у неё дочку умыкнула. Под самое утро девчонка вышла козу, что ли, покормить, а зверь махнул через забор... Во-он, на краю деревни дом, как раз в лес смотрит...

Нэйш молча прошёл в выделенный нам домишко — у него вопросов не возникло.

У меня вот накопилось немало. Если припомнить, в каком виде мы застали деревню...

— Так это было сегодня, перед нашим приездом? Что ж вы сразу не сказали?

Староста тяжело вздохнул, глядя, как его невестки уводят по улице пошатывающуюся мать.

— Чего тут говорить-то? Девка — ясное дело, с концами. Места вы не знаете, собак при вас нет, чтоб сразу в погоню кидаться. Местность тут неверная — овраги-ручьи, следы теряются быстро. Пока проводников найти, пока собак у кого взять, пока снарядиться...

Основательный дедуган, ну надо же. И бесконечные «пока-пока-пока» — верные до

оскомины, потому что в самом деле: не нести же по следу сломя голову по незнакомой местности, даже не зная при этом — сколько там на самом деле драккайн.

Всё равно ведь, — размышлял я, направляясь в дом, — нужно найти проводников. Собаки — это неплохо, только вот они лаем могут спугнуть зверя. Тут охотничья свора керберов нужна, а где их взять в таком захолустье?

Похоже, вызывать Мел — как раз выход. Если тварь тут пару часов назад умыкнула девчонку — следы-то она оставила, Следопытке это не помеха...

Едва шагнув через порог нам выделенного домика, я понял — Мел дожидаться никто не будет.

Нэйш был уже в чёрном и сосредоточенно проверял что-то в наплечной сумке. Весь вид устранителя орал о том, что он не знакомиться со следами вокруг деревни собрался.

— Прогуляюсь, — небрежно бросил он, трепетно распределяя по походному костюму невеликий арсенал.

Грызун внутри раздул бока с облегчением. Разобрались, слава Девятерым. Даже Гильдию не придётся вмешивать. У «клыка» на спине написано, что он собрался на боевые, и дела-то теперь осталось — помахать платочком вслед да поплакаться потом Арделл: мол, там была какая-то неизвестная драккайна, что я мог сделать, скорблю всем сердцем, ух, какая у вас опасная работа. И да, вы, конечно же, будете мне доверять как самой себе, после того как у меня напарник помер на первом же выезде?

В воображении моём предстала Арделл со скептическим выражением лица, которое говорило, что доверять она мне тут не собирается ни на грош. Потому что предполагается, что я весь такой милый парень, свой в доску, полагайтесь на меня, полагайтесь на меня все...

— Чудненько. Я тебя не пущу.

Нэйш проверил на поясе эту свою штуковину, которой с одного раза убивают виверниев. И потом уже соизволил замереть, медленно повернуться и наконец-то удостоить взглядом мою скромную персону.

— Не пущу одного, — уточнила персона, принимая по возможности героическую позу. — Поправь меня, но ты, вроде как, собрался на поспешную одиночную охоту, с которой тебя могут принести вперёд ногами — если, конечно, что-то останется.

Физиономия устранителя приобрела налёт легкой озадаченности. Кажется, Нэйш впервые столкнулся с такой степенью идиотизма и даже не знал, с чего начинать разбирать меня по кусочки.

— Только не списывай это на горячую любовь к тебе. Если ты не забыл — тварь утащила девчонку, она, может, живая ещё, так что хорошо бы не тянуть, пока её сожрут. Ты готов? Пошли, драккайна сама не сдохнет. А Арделл за твой труп мне спасибо не скажет — хотя, может, благодарности от Мел это и окупят хотя бы немножко.

Нэйш скорбно покачал головой. Слегка подбросил палладарт на ладони — мне не по себе стало, когда на меня посмотрело серебристое лезвие.

— Мило, Лайл. Правда, мило. Но взять с собой балласт... при охоте такого рода обозначает — увеличить опасность. Как-то так вышло, что я предпочитаю работать в компании тех, кто знает хоть что-то об охоте, кто не будет меня замедлять или не выдаст мое положение животному. Желательно чтобы у него ещё был опыт... или чтобы я мог ему хоть немного доверять. В случае с тобой...

Он развёл руками, показывая, что я почему-то ну вот совсем не подхожу к этому делу.

— Ага, грифон яприлю не товарищ, — фыркнул я. — Ну, а теперь слушай. Что ты собрался туда в одиночку — я не особенно удивлён, может — ты хочешь убиться каким-нибудь дивным способом, кто там знает. Да-да, можешь помахать ладошкой еще, я не забыл, что ты у нас такой неуязвимый. И да, я в курсе, что ты часто выходишь с милыми зверушками один на один — сам недавно видал. А зверушки-то всегда — драккайны в непонятном количестве и с непонятной огневой мощью? Точно никакая не прошибёт твой щит? Кстати, а как твой Дар — сработает, если из кустов на тебя прыгнет вторая тварь? Мы же так и не знаем, есть ли там выводок и какого он возраста! Как Дар — спасает от сломанной шеи или перегрызенного горла? Если тебе в лицо фыркнут огнём — Дар как-нибудь поможет? Чёрт, я хотя бы могу из-за дерева влупить заморозкой, если что. Ну, или отвлечь на себя внимание. Местные не в помощь, сам же понимаешь, так что...

— По-твоему, Арделл скажет мне спасибо за *твой* труп? — мягко осведомился устранитель.

— Ха, уж будто ты и не отмажешься. Тем более — у вас там сотрудники как мухи мрут. Нет, знаешь, если ты опасаясь того, что я начну сводить личные счёты, как только ты повернешься ко мне спиной — то можешь валить в одиночку. Имеешь право на свои маленькие страхи.

Само же собой, он не потащит меня в лес сразу же после этого заявления: таких не так просто купить на «да ты что, боишься?» Приложит высокомерным хмыканьем и взглядом из серии «Таких блох, как ты, в принципе глупо опасаться». Отвернется... ага, отвернулся, накинул маск-плащ, перекинул через плечо легкую сумку...

Всё, можно.

— В общем, вали побыстрее, а то у меня тут дела. Прогуляться я вздумал. Воздух отличный, деревья зелёные... цветочки. Наверное.

«Чокнутым быть удобно, — говорил кузен Эрли, сопровождая меня к развесёлой компашке отморозенных наёмников. — Ты просто пори совершенную чушь — с тобой и спорить не будут, да и подходить будут опасаться».

Вид у обернувшегося устранителя был такой, будто еще немного — и он начнёт опасаться ко мне подходить. Он даже потратил секунд десять, чтобы наклонить голову и изучить меня с особенным интересом.

— Выслуживаешься, Лайл? — спросил наконец негромко. — Помнится, в бараке ты тоже был со всеми в отличных отношениях. Кто заподозрит такого старательного, такого заботливого, а? Кажется, за это тебя и выбрали в осведомители.

Это мы с грызуном проглотили молча: не такое жрать приходилось. И вообще, есть дела: набросить свой маск-плащ, прихватить заплечную сумку, посчитать зелья на поясе.

— Плащ долой, — послышался голос за спиной. — Он тебе не понадобится.

«Клык» присел на стол и ухмылялся самым отвратным образом. Весь его сияющий вид так и говорил, что раз уж я сам вызвался превращать свою жизнь в ад — то кто он такой, чтобы мне мешать?

— В конечном счёте — главное знать, как правильно использовать ресурс. Так, Лайл? Ты, кажется, хотел прогуляться?

Крыса жалобно пискнула внутри. Будто спросила: и какого ты, спрашивается, после стольких лет меня не слушаешь?

Мне бы ещё это знать.

«Будь безмятежен, как же», — прошипел я себе под нос. Споткнулся о корень, который ни к селу ни к городу выперся в совершенно неожиданном месте. Попытался насвистывать сквозь зубы что-нибудь ярмарочное — все песни повывлетали из головы. Намертво сидели только тюремные заунывные баллады — так что вперед я двинул уже под дивное «Плаванье в одну сторону».

Наш корабль всё плывёт —

Ветер тихо шепнёт:

«Ты уже не вернешься обратно...»

В боку покалывало, колени начинали похрустывать, и думалось невесело, что скоро я смогу не бродить, а ковылять. Если, конечно, не отключусь от усталости часика через два, и меня не сожрут местные комары. Они пока что принохивались ко мне вопросительно, позванивали в ушах, но не набрасывались — ленивые по жаре

«Клыка» было не видно и не слышно с того момента, как мы вступили в лес.

— Вперед, — сказал Нэйш, когда след волочения потерялся. Махнул на запад, где люди пропадали чаще. — Если след будет вести в другую сторону — я подам знак. Не придерживайся троп. Можешь не спешить. Останавливаться, чтобы передохнуть. Производи побольше шума и... постарайся выглядеть безмятежным.

Не знаю, как я выглядел в этот самый момент. Наверное, не особенно близким к безмятежности.

Нэйша, во всяком случае, это устраивало: у него был такой вид, будто он может любоваться вечно. Так что я не стал ещё улучшать ему день, развернулся и потопал в лес.

Получил в спину пожелание приятной прогулки.

Мантикора его задери, Нэйша. То есть, можно и не мантикора... и не сейчас.

Потому что я-то надеюсь — он всё-таки где-то неподалёку. Отслеживает драккайну, пока я тут изображаю из себя невинную жертву. Что мы тут играем в классическую игру с подсадной уточкой, а не изображаем что-то такое извращённое, где я просто еда.

И что взгляд, который упирается мне между лопатками — это всё-таки взгляд устранителя.

Справедливости ради — от этой прогулки можно было бы даже получить удовольствие — первый час или два. Пока чаща не стала гуще, подобие троп не стало истончаться и зарастать под ногами, пока на деревьях не появились густые подпалины, а землю не пропитал стойкий запах — грибов, болота и немного падали.

Пока не стукнуло чувство одиночества — мерзкое, подзабытое немного: будто снова в семь лет заблудился за пять сотен шагов от дома и не можешь выйти на свет. И грудь давит, и понимаешь, что намертво утратил направление — хотя нет, направление же держал... А если потерял?

За три часа... вот уже четвёртый пошел... никаких следов никого из них. Ни драккайны, ни Нэйша. Ни пропавшей девочки. Ни следа — то есть, следы какие-то попадают, но, может, они старые. А обрывков одежды или волос пока не вижу.

Я остановился дважды — глотнул воды, перехватил сухарей и сжевал кусок зачерствевшего пирога, а их всё не видно и не слышно. А может, крыса слишком сильно орёт изнутри о том, что я идиот, и что мне нужно бежать, бежать, бежать обратно.

Наверное, я не особенно лесной человек. Во время службы в Корпусе приходилось,

конечно, всякое. Вскрывать схроны контрабандистов в лесных чащобах, и вылавливать разбойников, влезать в схроны и логовы... и нет, не надо сейчас о Трестейе и о её подземных ходах. Со временем я научился ориентироваться в лесу. Только вот так и не смог отделаться от этого чувства — что на тебя откуда-то смотрят. Как на добычу.

Две сороки перекрикивались над головой — заливались смехом. От земли поднималась лёгкая дымка: жаль, душновато в куртке. Хотя, может, это из-за Печати: нелегко шататься больше трёх часов в полной готовности: выкинь ладонь вперед — саданёшь заклинанием.

Четырежды приходилось обходить ловушки и капканы, выставленные местными — от души бестолково, запах протухшей приманки так и лупил по ноздрям.

И может же быть, в конце концов, так, что эта тварь сегодня больше не выйдет на охоту? Было бы неплохо... да нет, девчонку всё равно нужно искать. Хоть и мало шансов.

Мысли начали путаться — плохо. В голову лезло всякое дрянное — иступленное горе на лице матери, «принесите хотя бы тело», круги эти выпаленные... круги вот...

Бьёт на отвлечение, так? Драккайна словно закутывает жертву в круг огня. Создаёт себе прикрытия, ослепляет, отвлекает... скрывается за пламенем, а потом выпрыгивает. Всяко уж получше, чем с дерева на голову, да.

И, спрашивается, где сейчас Нэйш, и почему не подаёт ни единого знака, и не наскучила ли ему наша маленькая игра.

Хотелось крикнуть. Пусть хоть кто-нибудь откликнется — зверь, человек... Привычно затыкал крысу, с усилием замедлял себя и делал вид, что не просто тащусь от дерева к дереву: я тут гуляю, понимаете ли. Вкусная, безобидная, заблудившаяся еда.

Кому крысятинки, а?

Приближения драккайны я не увидел. Услышал только лёгкое шуршание справа. Но верный грызун истерично взвизгнул: «Опасность!» — и я сперва воззвал к Печати и закутал себя в щит холода. Потом занялся оранжевым пламенем куст прямо передо мной, потом слева, справа, повсюду...

Огненный вихрь, неостановимое кружение, водоворот огня на пять шагов вокруг — и я в центре водоворота. С лихорадочным: «Что делать, что делать, что делать...»

Я не мог ее рассмотреть, и бить было невозможно, и нужно было надеяться разве что на то, что Нэйш рядом и глаза у него зорче. Воздух, раскалённый, разъярённый, хлестал по лицу, и что-то стремительное носилось по кругу, по кругу, и хотелось водить за ним взглядом, чтобы попытаться угадать: откуда кинется?

Не смей — закружится голова. Запитал щит до отказа, так, что почувствовал, как замерзает земля подо мной. Долго так не продержаться — и почему она не останавливается?

Потому что ты стоишь, — шепнул инстинкт. А должен лежать. Она охотится на слабых. Ты — не слабый, ты опасность.

Падать мучительно не хотелось — но пришлось. Повалился сперва на колени, потом боком, не ослабляя щита. Готовясь — бить, как только оно остановится.

Стуток огня пронёсся по кругу раз, ещё, взметая искры... И шагнул в круг, будто вылепляясь из огня.

Весело скаля зубы.

Лисица, облачённая в пламя — если бывают огнистые лисицы ростом мне до подбородка, с тремя хвостами, по которым перетекают языки огня. Искры перепрыгивали по рыжей шкуре, хвосты взбивали воздух — обращали в огонь.

Очень может быть, это было завораживающе красиво. Если бы я не старался поднять

ладонь и незаметно прицелиться. Потому что в тот момент, когда я встретил взгляд ярко-оранжевых глаз — понял: больше одного удара у меня не будет. Либо я её сейчас загашу во всех смыслах, либо...

Удар на удар, много шансов, что не успею.

Но ещё до прыжка и моего удара — огонь расступился, пропуская фигуру в белом. А немного перед этим — лёгкую серебристую стрелку, белый блик.

Тварь повернула голову — и я мог бы поклясться, что в последний миг на морде у неё отразилось осознание. И ужас.

А потом серебристое лезвие пропороло ей горло.

Взметнулись хвосты — тремя кострами, и тут же потускнели с краёв. Запоздало зверь рванулся, будто стараясь уйти от удара...

— В сторону! — приказал Нэйш, выдёргивая дарт и посылая в бок бестии метательный нож с правой руки. — Агония может быть опасна.

Я откатился почти к границе пламени. Там рискнул приподняться.

Страховать было никого не нужно: драккайна растянулась на боку, хвосты темнели, обращались из огня в обычную рыжину, и бестия беспомощно сучила лапами. Хрипела — кажется даже, скулила.

Затихла после второго удара палладартом.

— Затужи огонь, — прибавил Нэйш так, будто мы с ним разговаривали минут пять назад. — Я впечатлён, Лайл, знаешь. Сам придумал упасть, чтобы она остановилась?

— Нет, мне подсказали боги, к которым я воззвал в последний момент моей жизни. Когда понял, что устранитель, кажется, решил остаться где-то в деревне.

Печать покалывало — неслабо в щит выложился... Ладно, на тушение пожара хватило. Тем более — пламя магическое: быстро прогорающее, искры вон почти не занимают.

Нэйш неторопливо подобрал свой маск-плащ — он его скинул перед тем, как сунуться в огонь. Потом вытащил белоснежный платок и принялся протирать лезвие дарта.

— Помесь огнистой лисицы, и впрямь. Довольно редко для драккайн. И такой размер...

Подошёл, осторожно коснулся носком ботинка неподвижного бока. Присел на корточки, вытащил из бока нож, тоже протер лезвие: белая ткань опять окрасилась черноватой кровью. Нагнулся пониже — осмотреть челюсти.

— Она? — спросил я, подходя. Закашлялся — от шерсти драккайны несло чем-то вроде серы. Теперь, когда вытянулась, она казалась ещё больше: тонкие, изящные лапы, гибкое, длинное туловище. Три чешуйчатых хвоста будто тлеют изнутри, догорая — больше не вспыхнут. Чешуя — знак дракона — идёт и по хребту, на котором намечаются даже два бугорка — что-то вроде зародышей крыльев. Мех — темно-рыжий, грубее, чем у огнистых лисиц обычно, а морда более приплюснутая и круглая. Клыки, которыми легко перервать горло или раздробить кость.

— Видимо, — сказал Нэйш. Он теперь изучал лапы — тем же самым взглядом с каким препарировал бабочек (и меня). — Коготь сорван так же, следы те же. Интересно...

Безупречные пальцы пробежались по рыжей шерсти, раздвинули — показали заросший шрам. От ловушки или самострела охотника, наверное. Мел-то, может, не так уж и неправда, когда повторяет, что от хорошей жизни не становятся людоедами.

Потом пальцы двинулись дальше, вниз, к брюху. Вроде бы, я ещё слышал тихий выдох — до того, как сам ругнулся в голос.

В рыжей поросли проступали соски. Выпитые досуха, растянутые и покрытые укусами

— как если бы сосализвереныши, которые уже давно научились есть сами, просто хотят поймать немного детства.

— Два месяца? — спросил я с истовой надеждой и чтобы что-нибудь просто спросить.

Нэйш пожал плечами.

— Может быть.

Значит, нужно всё-таки искать логово, теперь уже как можно скорее.

— Если она... тащила для детей... есть шанс? — только и спросил я, превращаясь на пару секунд в оптимистичного идиота — для разнообразия.

Нэйш дернул ртом и ничего не сказал — с его лица так и не стекла мина убийцы. Но судя по тому, с какой скоростью он шёл по следу — а след теперь уже был, даже я его видел, она очень быстро неслась навстречу, не заботилась о том, чтобы петлять... судя по этому — какой-то шанс оставался.

Логово мы нашли через полчаса — уже по привычному запаху серы, смешанному со страшноватым духом мертвечины. И по ее следам — всё верно, она не охотилась, она просто совершала обход территории, услышала, как кто-то вторгся, увидела, что добыча беспомощна, вот и кинулась, решила пожить. Если бы не кинулась — может, и мы бы прошли стороной.

Всё равно пришлось попетлять — кое-где следов было слишком много. Потом вышли к норе. Вернее, к лежбищу.

За переплетениями корявых стволов спуск в овраг почти не был виден. Ещё и прикрыт особенно дуплистым деревом, которое разлеглось почти поперёк него.

Нэйш перемахнул на раз, только прижал палец к губам — не шуметь, прикрывать. Соскользнул вниз, только маск-плащ мелькнул. Мне пришлось переползать медленно и осторожно, проклиная собственное телосложение.

Потом я всё-таки оказался на дне, выстланном сухими листьями, которые уже пропитались резким запахом. Под ногами хрустнули кости — дочи́ста обглоданные и местами прокушенные насквозь.

И почти сразу же я понял, над чем там стоит устрани́тель — и понял, что мы всё-таки не успели.

— Странно, правда? — тихо спросил Нэйш. — Если смотреть отсюда — кажется спящей.

Девочка лежала у его ног, на листе. Как перед этим — драккайна. Только не вытянувшись, а извернувшись, будто стараясь убежать.

Вся в порванной одежде, в висящие колтунами волосы — уж и не поймёшь, какого цвета — набились листья. Славная, наверное, была такая девчонка — как одна такая же, которой я просил передать куклу перед отправлением на Рифы...

Лицо — та его половина, которая сохранилась и не была изъедена — было и впрямь неестественно спокойным, как у человека, который после долгих кошмаров наконец увидел хоть один приличный сон. С телом было хуже — видно, ее долго гоняли до того, как загнать окончательно.

Потом мать приволокла обратно. К ним.

Четверо мелких сидели под сенью изогнувшихся корней, совсем недалеко — устроились будто под крышей, в нише. Лобастые, рыжие и большеглазые, сидели тихо и настороженно, и чёрные носы двигались с любопытством. Было им, наверное, месяца три: мне по колено. Огненные хвосты тихо попыхивали.

Вспомнились вдруг настойчивые капризы той девочки, из прошлого: «Па-ап, ну подари огненную лисичку! Они милые и пушистики».

Пушистые они точно были — сверх меры: хвосты вот только торчат да ноги длинные наклёвываются. Один попытался было в собственный хвост вцепиться — обжег нос, обиженно заскулил. Левый с краю вылупил на меня глаза: что за диво такое здоровенное?

Остальные два смотрели не на меня. На что-то за моим плечом. На кого-то...

Я глянул устранителю в лицо и молча отшатнулся. Понимать, что за твоей спиной так и маячило вот это — смерть во плоти — не самое лучшее ощущение.

— Слушай, — начал я всё-таки. — А может, не... У вас же, вроде, не в обычаях — насчет вывода...

Нэйш улыбнулся мне задушевной и чуть-чуть только нервной усмешкой — так что я почувствовал пальцы на горле.

— А я-то думал, ты хочешь начать. Не желаешь посмотреть или присоединиться, Лайл? Ну так отойди... или отвернись. Вздумаешь мне мешать — обещаю, я заставлю тебя сделать это. Хочешь — проверим, какие у меня идеи на этот счёт?

Я не хотел проверять. Потому отвернулся молча. Оскальзываясь на костях, подошёл к подъёму из логовища — попытался вдохнуть воздуха и не слушать, что там позади...

Благодарен был бы даже за крысиный визг, только вот грызун мёртво молчал.

Когда последний короткий скулёж стих — я рискнул сделать вид, что просто изучаю — сколько жертв закопано в эти слои листьев. Заметил суховато:

— Арделл это не понравится.

— О, — отозвался Нэйш, который опять протирал лезвие — теперь уже длинного ножа из ножен на поясе. — А ты собираешься ей говорить, Лайл?

Кажись, я не был так выжат с той поры, как читал дело по одному богатенькому наследнику, охочему убивать молодых девочек. А потом присутствовал на его же допросе. Теперь вот стою, тупо смотрю, как «клык» опять сдирает с плеч плащ и бережно укутывает тело девочки — на плаще тут же расплываются яркие пятна. И думаю с чего-то о том, что вещи-то конец, кровь разрушает зелье, которым пропитана ткань. И не отмывается.

— Думаешь, стоит ее... к матери? — только и сказал я, когда Нэйш сделал короткий жест: помоги поднять и закутать. — В таком-то виде.

— Я видел хуже, — отозвался «клык», пожимая плечами. — Метки на тебе, Лайл.

Пришлось умолкнуть, вооружиться ножом и время от времени кощунственно вгрызаться им в стволы деревьев, отмечая — откуда путь держим. Нэйш шёл впереди, пристроив тело девочки на плечо. Как-то ухитрился держать направление и не сгибать спину под ношей.

Молчание давило и выкручивало вдвое против прежнего.

— Что, и у вас всегда так? В вашем питомнике?

— «Так»?..

— Ну, всюду трупы. Знаешь, я не был среди тех, кто убийствами занимался... расследованиями, имею в виду. Там сидели ребята покруче. Конечно, на Рифах навидался многого, да и потом, но вот это вот...

— «Это вот», Лайл? — Нэйш слегка поправил ношу на плече. — Это... естественный процесс. Не только в питомнике. Повсюду. Если ты вдруг работаешь на устранении — ты же не думаешь, что будешь спасать людей? Шансов нет почти никогда. Особенно для тех, кто оказался в логове: в лучшем случае — быстрая смерть.

Я даже не стал описывать, насколько безрадостно это звучит. Подумал только, что с

такой работенкой — поневоле поедешь кукушечкой.

— Знаешь, законники, которые были по убийцам — тоже не особенно имели дела с шансами. Утешались, что это возможность предотвратить. Посадил подонка на Рифы — и кто-то там неизвестный остался жив.

Нэйш хмыкнул — ему, видно, такие утешения заманчивыми не казались.

— Я же сказал — это естественный процесс. Видишь ли, цикл «жертва — хищник»... он бесконечен. Если бы сегодня мы оставили выводок в живых — кто-то мог выжить и начать давать потомство. Но они и так размножатся, рано или поздно. Начнут охотиться. И остановить их раз и навсегда едва ли возможно.

— Арделл, кажись, так не думает.

— О, Гризельда... пытается примирить тех и других, перекинуть мосты понимания, выстроить отношения между бестиями и людьми. Не понимая, что это и есть гармония. Вечная закономерность: они охотятся на нас — мы на них. Что-то вроде неостановимого колеса: кости у логовищ... шкуры на стенах.

— А ты, стало быть, ось в колесе? Спица? Палка, которой в это колесо тычет мироздание?

— Просто небольшое напоминание. О том, что всегда есть хищник серьёзнее. Знаешь, ведь все они... каждый из них... Рано или поздно они начинают верить в собственную безнаказанность. В то, что они здесь самый крупный хищник, а люди — легкая добыча. И когда они осознают свою ошибку и её цену... приятно видеть, как они понимают — насколько сильно ошибались. Что придётся платить.

Интересно бы знать — насколько успела осознать это драккайна. И успели ли осознать хоть что-то те, в логове. Которые вряд ли ещё знали — насчёт цены ошибки.

— Да... ты или тебя, верно? — невозмутимо продолжал устранитель. — Идеально действующий в природе закон, а? Взять хоть эту деревню. Думаю, они закатят славный праздник, когда освежат наши с тобой маленькие трофеи. Найдут их по твоим зарубкам. Прибьют шкуры к стенам. И будут праздновать, ощущая себя вершиной пищевой цепи — ну, а что повезло не всем... я ведь уже говорил, что цикл естественен и бесконечен?

— Да уж, — отозвался я, с размаху делая засечку на очередной ели. — Эту мысль ты до меня донёс как следует.

Больше говорить не захотелось, и я поберёг силы для возвращения. Сосредоточился на нужном: не спотыкаться усталыми ногами. Глотнуть воды. Ставить засечки на стволах — тук-тук, тук-тук, тят-ляп, а вот и деревня. Теперь можно чуть ускорить шаг — навстречу сперва толпе чумазных, гомонящих мальчишек. Потом волне заходящихся от возбужденного лая собак — а там уж и жители выбежали, накатились прибоем. Кивнуть навстречу — ага, мы всё сделали. И окунуться как в другой мир — яркий, кричащий... нормальный. Бездумно, как с палубы корабля в пучину, кинуться в знакомый водоворот звуков:

— Да Йера старого позовите уже!!

— Ой, ну не может такого быть...

— А здоровая она была? А как нашли-то?

— Собак уймите! Собак!!!

— Да что нашли — убили как?

— Ну, логово... логово далеко?

— Да вы б хоть выпить предложили бы — чуть на ногах держится...

— Точно!! Выпить!

Мужики дружно звали посидеть в пивнушке — за их счёт. «За мой счёт, вир вас побери!» — переорал хозяин той самой пивнушки. Кто-то побежал за старостой, кто-то уже кричал, что надо бы отряд снарядить — за шкурой драккайны, женский хриплый голос настаивал: «Вечером отпразднуем! Вечером! Что вы как очумевшие все...»

И — сценка в отдалении, коротенькая, будто вырванная из пёстрой круговерти. Статуя с бесстрастным, ничего не выражающим лицом. У ног статуи — свёрток в маск-плаще.

Плачущая женщина, обнимающая колени статуи. Бесконечное, резанувшее сквозь радостный гомон, «Спасибо, спасибо, спасибо» — захлёбывающийся плач. Шевельнувшиеся в ответ — едва видно — губы.

— Не за что.

Может, мне вообще всё почудилось. Когда ко мне, как и утром, пробился старик Йер и распинал ликующий народ, женщина уже плакала над телом дочери, в окружении сердобольных соседок.

А «клык» направлялся ко мне деловой походочкой.

— Остальное по твоей специальности, не так ли? Определение стоимости оказанных услуг, — Он слегка кивнул туда, откуда слышался плач. — Взыскание денег и переговоры. Я здесь закончил.

Ага, ага, да как себе хочешь. В конце концов, если ему не терпится убраться из деревни после сегодняшнего — его право. После такого и я бы отсюда бегом бы бежал, — и да, у меня тут один за другим рождаются стойкие планы в духе «напиться вечером до беспамятства в компании Лортена, чтобы забыть об увиденном». Подозреваю, что у Нэйша такие же планы, только не на вечер, а на «немедленно».

— Насчёт оплаты-то... —дохнул чесноком в ухо старик Йер, — нам бы, значит, об оплате с вами договориться. Потому как вы цену-то не назвали, а нам бы сейчас вот...

Старикан-то расстроен, — подсказала жадная тварь изнутри. С одной стороны, он может вообще не заплатить или заплатить мелочь — мы же договор не подписывали и ни о чем не договаривались! А совесть не позволяет — вот он и прикидывает в уме, сколько собрать с деревни, сколько выделить из своего кармана, чтобы не обидеть...

— А? — переспросил я, бездумно пялясь Нэйшу вслед, — а, ничего не надо. Вон женщине дочь помогите предать воде — если вдруг у неё не за что. Шкуру драккайны я у вас заберу — а выводок оставлю, так уж и быть...

И прибавил, глядя в ошеломлённые глаза, скрытые за порослями бровей:

— Вы же нас, в конце-то концов, даже и не нанимали.

ГРИЗЕЛЬДА АРДЕЛЛ

— ...совершенно невыносимая скотина. Нет, сколько вот и с кем работал — такого раньше не встречал. Всякое подумать мог, но чтоб до такой степени...

Медовый бок Морвила под пальцами. Дубовый гребень не спеша зарывается в мягкую шерсть. Линька что-то пошла не ко времени, рассеянно думает Гриз.

А Кейн Далли выплёвывает и выплёвывает из себя привычные, набившие оскомину слова. Как все, кто ходил с Рихардом Нэйшем на вызовы. Они, правда, все выражались по-разному, но в целом...

— ...тянет на новый уровень извращённого садизма в моём понимании! Спрашивается, как с ним можно после этого поладить?!

...их мнения сходились примерно в одном. Хаата вообще отказалась ходить на рейды с «эшшэлэ-тхоу», «человеком-смерть». Аманда, впрочем, ничего не имеет против, но она редко на выездной работе.

«Почему бы тебе не послать с ним Уну, — иногда предлагает травница насмешливо, — Она бы сносила его пренебрежение со счастьем. Разве ему нужно что-нибудь, кроме возможности поиздеваться над другими?»

Кейн Далли шмыгает носом и набирает воздуха в грудь:

— Он же, чтоб его в вир, "жаворонок"!!!

Похоже, действительно остаёшься только ты, Гриз... стоп.

— Что-что?

— "Жаворонок". Долбанутая солнечным лучом по голове ранняя пташечка. Боженьки, как с ним вообще можно уживаться, если он будит людей в безбожную рань?!

Краем сознания Гриз отмечает, что она-то относилась Нэйша к ночным хищникам — возможно, из-за имени, которым он называется...

— То есть это всё, что тебя в нём не устроило во время выезда?

Кейн морщит лоб, начинает перечислять прямо-таки напоказ:

— Гм, он общается, как распоследний урод, игнорирует большую часть моих реплик... Так, что там ещё, отбит на всю голову... ага, жуткий. Это-то я всё знал и до выезда, но вот с ранними побудками он уже совсем за границы дозволенного выходит.

И закатывает глаза, показывая — в каком он невозможном ужасе.

Тонко ноет левый висок — в нём засел сегодняшней вызов... ещё один частный зверинец, ещё один всплеск бешенства зверей. Разница только в том, что в зверинце оказались толковые вольерные и хорошие клетки, так что пришлось поработать только с яприлями да единорогами из открытых вольеров... но никто не погиб, да, чудом никто не погиб. И не удалось обнаружить — кто из посетителей это мог быть, и пришлось долго объясняться с директором питомника, и ноет висок... Очень может быть — Кейн видит это, потому что тут же и прекращает валять дурака.

— Не худший из моих напарников, если уж начистоту. И да, о худших я не буду рассказывать, чтобы не вселять ужас... ну вот, в Морвила, хотя бы.

«Мгrrrr?» — вскидывается Морвил, услышав своё имя.

— А вот представь себе, — отзывается Кейн, — О чём это я бишь? Так вот, он уехал сразу же после выполнения задания. А мне пришлось повозиться с выжиманием денежек до вечера. Этот староста из Маслюток оказался не дурак поторговаться! Всё пытался спихнуть, что и зверь был не на их территории...

Драккайна — очень возможно, что кормящая или с детёнышами. Раз уж они потом обнаружили логово... и девочку в нём. Раз уж самка драккайны для чего-то охотилась на людей и уносила добычу к себе.

Кто ещё был в логове — Кейн не рассказывает. Гриз благодарна за это.

Висок начинает ныть тревожно и остро — в него втыкаются мысли-льдинки. О пятнадцати жертвах и о маленькой девочке. О драккайне. О том, что всех не спасти, а к некоторым — ещё и не успеть.

Морвил лижет ладонь шершавым языком, а Кейн Далли звенит монетами.

— ...всё-таки выжал сумму целиком, хотя меди он мне накидал — хоть засыпсья. Зато как бесился, когда я в третий раз пересчитывал! Так пойдёт?

Кейн Далли просто не знает — насколько редко им платят за вызовы сполна.

— Да и... кхм, — Новичок выдвигает ногой из-под кресла сумку, к которой Морвил замороженно принохивается, — нужно же было что-то стрясти с него за то, что нам пришлось нестись в соседнюю деревню... и шкуру я как трофей сговорил в Маслютки. Деньги скряга отдавать отказывался начисто, так что вот... говорят — лучшее в округе.

Внутри сумки тщательно охлажденные, завернутые в полотно куски сливочного масла. Кейн поглаживает сливочные бруски с видом собственника.

— Двенадцать фунтов. Фреза говорила — на выпечку сгодится, но если вдруг зверушкам тоже...

Очень может быть, питомник внезапно приобрёл сокровище. В лице человека с туманным прошлым. И таким же туманным именем.

— Очень даже пойдёт. Ты здорово сработал, Кейн. Свою долю с выручки получишь одиннадцатого числа. Если вдруг нужно сразу...

Далли мотает головой. Приоткрывает рот — спросить на что-то разрешения.

— Официально разрешаю надраться вместе с Лортенем, — У Кейна делается поражённый вид. — Но чтобы завтра ты был в порядке. Зайди к Аманде за антипохмельным — она ещё не спит. Масло брось на ледник.

Новичок кивает, подхватывает сумку и выходит. Морвил приязненно вздыхает вслед — и подставляет под гребень второй бок.

Далли — день... теперь вот ещё и сокровище, да. Готовность помочь, разговоры и шутки, а за ними...

Пропасть. Тень. Непонятный, черный след, тянущийся издавна, длинный и извилистый, почему-то напоминающий скользкий хвост... чей вот только?

«От него враньём несёт», — бросила Мел. Кейн Далли умеет лгать, да. Он отличный игрок. Совершенно точно недоговаривает о своём прошлом. Но Гриз кажется, что от новичка пахнет не только ложью и загадками. Ещё — темными углами, и стенами, в которые зажат, и оковами, которые давят-давят-давят — и не скрыться. Страх, загнанность, отчаяние и опасность — вот что слышит Гриз.

Морвил мурлычет — будто одобряя её мысли. А может, ему просто нравится ощущение гребня, неспешно скользящего по мягкому боку. Нравится — что она с ним. Алапарды — собственники, как все кошачьи, а она в последние дни ушла в дела и не выделила вот даже полчаса — поиграть с другом...

Да и сейчас сидит у камина — не чтобы расчёсывать алапарда.

Встречает ночь.

Далли-день отправился отдыхать и кутить. Забрал с собой шум и суету, и призраки тысяч неделанных дел — завтра они все воскреснут и явятся. Оставил тишину, полутьму и потрескивание поленьев в камине.

Ночь ходит бесшумно. Она уже давно подкралась к питомнику неслышными шагами — идеальная охотница, от которой не спрятаться. Накрыла черным брюхом загонны и хозяйственные постройки, навалилась сном на дневных животных, подняла на ноги — ночных... И сияет в небе темно-синей шерсткой, поблескивает искорками звёзд.

За ночью приходит тот, кто носит её имя. Без скрипа половиц и шума двери — проскальзывает через бывший зал таверны, почти доходит до лестницы... Останавливается, увидев Гриз в кресле.

Огонь обагрывает крылья серебряной броши-бабочки — мгновенный взблеск, когда Рихард Нэйш приближается. Удовлетворённый, расслабленный.

— Аталия. Чудесная ночь, не так ли. Решила скоротать её у камина?

— Ты истребил выводок.

Лицемерный вздох сожаления, слегка разведённые руки.

— Надо же. Ни на чьё молчание рассчитывать нельзя. Кейн Далли...

— ...не сказал мне ни слова и даже попытался скрыть тот факт, что речь шла о самке драккайны. Я работаю с животными не первый год, я могу догадаться, почему вдруг зверю потребовалось столько лёгкой добычи.

— Неожиданно, — говорит Нэйш, будто бы не услышав последней фразы. — Пытался скрыть? Почему бы он мог так поступить, аталия?

— Не хотел меня расстраивать, считал это неважным, или, может, думал, что ты его придушишь — не суть важно. Скольких ты...

— Это для тебя важнее? — ночь длит и длит мягкие, жутковатые секунды. Алапард застыл под её ладонью, больше не мурлычет. Рихард Нэйш, глядя куда-то над её головой, ведёт нарочито неторопливый подсчёт. — Четверо, кажется... да, четверо. Ах да, я же нарушил правила. Всё никак не запомню — чего я там лишаюсь, своей доли за вызов? Или с меня полагается штраф? Отработка?

Я могла бы сказать тебе, молчит Гриз — пальцы вцепились в шерсть напрягшегося алапарда. Я могла бы сказать — чего ты лишаешься. На самом деле. Каждый раз, как ты... Только вот зачем начинать разговор об известном, Рихард? Ты же сам знаешь — чего. Ты же поэтому каждый раз на это и идёшь.

— Жаль.

Устранитель вскидывает брови. На лице прорезается насмешка.

— Меня? Четырёх маленьких драккайн, пятнадцать жителей? Или, может, Далли?

— Что меня там не было.

— Полагаешь, ты смогла бы остановить людоеда в момент атаки? Пятнадцать жертв, самка возле логова... Или думаешь — ты смогла бы сберечь выводок. Остановила бы меня, аталия? Как?

— Ты знаешь, — говорит Гриз ночи за окном. Улыбка Нэйша на миг ломается и гаснет, когда между ними непринуждённо шагает память.

Он перестал улыбаться, когда Гриз Арделл впервые шагнула между ним и жертвой. Поняв, что приказ бесполезен.

Закрыв собой.

Она не успевала развернуть кнут, и лезвие дарта было уже в полёте, и раненая самка кербера рычала и скалилась за спиной, припадая на брюхо. «Вместе», — короткий крик, кто знает, услышит или нет, пока ты падаешь в прыжке под серебряное, неотвратимое лезвие...

Дарт не долетел двух дюймов до её груди. Предвкушающая улыбка устранителя превратилась в хищный оскал. Цепочка впивалась в ладонь: атархэ, верный приказу, рвался к крови ещё полновесный миг, два... Потом услышал хозяина и вернулся в ладонь.

И была другая ночь — давняя, и шепот мешался в волосах.

— Неосторожно, аталия... я ведь мог и не остановиться — наконец, ты же просто оставила хищника за спиной. Так можно до времени крылья опалить. Надеюсь, ты не собираешься и дальше играть в такие игры?

— Разве что ты начнёшь слышать мои приказы.

Сколько после того раза пришлось играть в ту же игру? Шесть раз или семь...

— Восемь раз — и ты готова рискнуть в девятый? Проверила бы, смогу ли я остановить оружие, а, аталия? Из-за четырёх маленьких людоедов?

Четыре жизни. Да, — молчит Гриз. Я бы проверила.

Пальцы на холке Морвила холодеют. Скрещиваются взгляды — весенние разводы зелени против светло-голубого льда. Ночь выпускает на волю крохотный смешок.

— О, не сомневаюсь. Ты ведь, в сущности, не видишь разницы. Каждая жизнь ценна и всё такое — так что та девочка, на которую они охотились всем выводком несколько часов... Нет разницы. Между ней и каждой из маленьких драккайн, которые её загоняли.

— Разница в том, что их ты убил уже после её смерти, — спокойный тон, пусть себе под ним бьётся и прыгает извечный вопрос «Зачем?»

Рихард Нэйш умеет неплохо слышать извечные вопросы.

— Может, мне просто хотелось сравнить шансы. Нечто вроде возмездия. Возвращения природного равновесия. Ты отнимаешь жизнь. У тебя отнимают жизнь. Это тебе не кажется хорошим ответом?

— Кажется. Хорошим ответом для Далли или любого другого новичка.

Огонь пляшет и пляшет в камине, и по скрытому полутеню лицу Рихарда Нэйша танцуют десятки, сотни разных улыбок. Нарисованных тенями и отсветами. Таинственных и зловещих.

— Да, правда. Тебе же по вкусу откровенность, не так ли, аталия? Тогда, пожалуй... — эффектная пауза, обозначенная треском дров в камине, — потому что мне так хотелось. Такой ответ тебя устроит?

— Да. И нет.

Он смотрит на неё оттуда, из полутени — насмешливо и свысока. Гриз поднимает глаза — не боясь холода улыбки.

— Да — потому что на этот раз ты не солгал. Или солгал хотя бы наполовину. А нет — потому что отчасти твоя теория правдива. Эта самая, насчёт природного равновесия. Того, что всегда приходится платить.

Морвил взрыкивает вопросительно — не нужно ли вступить? Алапарду кажется — тут идет какая-то странная драка, и он не прочь добавить в неё клыков и когтей.

За территорию обычно не сражаются на улыбках и взглядах.

— Просто тогда возникает закономерный вопрос — чем придётся расплачиваться тебе, Рихард. И как скоро придётся платить тебе — если, конечно...

Улыбка Нэйша становится непроницаемо-ускользающей — и Гриз оставляет при себе продолжение фразы. Комкает и прячет «уже не...», неприметно стряхивает с губ. Всё равно он знает, что она хочет сказать — и всё равно ответит своё.

— Отличный вопрос, — он медленно наклоняет голову к плечу. — Хочешь — мы попробуем порассуждать на эту тему, аталия? Сколько мне осталось и пожалею ли я о своих жертвах перед... как это назвать, расплатой?

— Не хочу.

Потому что в питомник явилась ночь, а Гриз устала. И Морвил волнуется — чувствует напряжение, которое протянулось в воздухе.

— Тогда, может, ещё какие-то вопросы?

— Что думаешь о новичке?

Устранитель коротко вскидывает брови.

— Ах да. Кейн Далли. Неплохо работает на местности. Осторожен, вполне внимателен.

Уровень магии средний, но за счёт быстроты решений... — жест, обозначающий, что всё не так безнадежно. — Хорошая реакция, о способности к переговорам и торговле ты, видимо, уже знаешь. Достаточно необременителен, я бы сказал. Как выяснилось, может держать язык за зубами. Ещё что-нибудь?

«Его возможности выжить в питомнике», — оседает в воздухе, полном недосказанных фраз.

Рихард Нэйш редко ошибается, когда речь идёт о смерти. Даже когда — лишь о возможной смерти.

— В целом, Кейн Далли выглядит как тот, кто может пережить питомник при... определённых обстоятельствах.

Усмешка — знакомого толка: «Знаю гораздо больше, но не скажу».

— Ты не считаешь, что ему можно доверять.

— Разве ты так считаешь, аталиа? Ну да, ты же всем стремишься предоставить шанс. Людоедам, хищникам, убийцам, предателям. Всегда хотел выяснить — как далеко может зайти это предоставление шансов. Что нужно сделать, чтобы ты сказала — «безнадежен»?

Вечное искушение — после каждого... раза. После каждой смерти. Это самое слово — только что было на улыбающихся губах. Повтори, признай поражение — станет легче...

— Ты не думала об этой грани, аталиа?

Что толку установить грань перед тем, который всё время старается за грани выйти?

— Просто не хочу отвечать. Ты с чего-то вечно воспринимаешь мои слова как извращённое руководство к действию, так что мне не хочется давать тебе идеи для... пополнения коллекции.

Нэйш слегка разводит руками — очень жаль. Желает спокойной ночи и подчеркнuto плавно поднимается к себе. Гриз вытягивается в низком кресле поудобнее, обхватывает шею Морвила и притягивает поближе. Утыкается носом в густую шерсть с запахом дикого мёда...

Она иногда любит засыпать прямо здесь — у камина, и чтобы Водная Чаша тихонько бросала синеватые отблески на стены, и чтобы Морвил убаюкивал могучим нутряным мурлыканьем.

В дреме приходит и смешивается важное и неважное, следы единений с животными и разговоров с людьми наслаиваются друг на друга — лесными тропками. Из сонного марева выплывают внезапные решения, под мурлыканье легче составляются планы — и слышишь, как чутко дремлют за деревянными стенами тысячи, тысячи дел.

Плещутся — морем.

Все они там. Яприйль, взбесившийся и разбивший преграды в своей клетке, и усталая Мел, вовремя применившая снотворное, и Лортен с его гулянками, и у лиса огненного что-то вылезает шерсть, и Гроски принёс деньги — значит, надо бы потратиться на ингредиенты для Аманды. И перепуганный директор зверинца, кровь на пальцах, и *что нужно сделать, чтобы ты сказала безнадежен, аталиа?*

Пока что такого не приходилось говорить. Пока что она всем старалась оставлять шансы — упорно и необдуманно. Может быть, беспечно.

Может быть, на долю некоторых выпало чересчур много шансов — настолько много, что пора перестать их оставлять...

Гриз Арделл обнимает посапывающего Морвила, соскальзывает в дрему — и приказывает ночным тревожным мыслям разлететься, будто темным бабочкам. Мысли послушно взмахивают крыльями, оставляют одну — нелепо-жёлтую: «Сливочное масло».

Кейн Далли, да... за ним нужно присмотреть, потому что — неясно, что там, под улыбкой хозяйственного, своего парня, который уживается решительно со всеми...

Может даже работать с Рихардом Нэйшем — неоценимое качество сотрудника. И не так плохо для новичка — при всех нэйшевских ухватках, все, кто шёл в рейды с Рихардом, всегда оставались живыми.

Кейн Далли, кажется, только что обрёл напарника.

Правда, Гриз сильно подозревает, что не стоит ему сразу об этом сообщать.

«...природа же этих таинственных явлений туманна и не изучена, однако утверждения некоторых недобросовестных учёных о сверхъестественной надмагической природе свечения, очевидно, являются ложными...»

Энциклопедия Кайетты

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

Я крадусь по ночному питомнику. Влажно, и пахнет прошедшим дождём. Звёзды затеяли игру в моргалки в небе. Дежурный вольерник Игрок — похрапывает в подсобке. У Грызи нынче дежурство в закрытой части. Полавливают вместе с Шипелкой браконьеров.

Так что можно глотнуть бодрящего и заступить на свое собственное дежурство.

Пробегаю между клетками — здравствуйте, мои вы лапочки, целых два часа не виделись. Ерошу грифону перья на макушке. Чешу за ушком алапардов, похлопываю по бокам яприлей, скармливаю морковку единорожихе Принцессе.

Как там, Кусака не удрал? Нет, но пытается. Тонкими пальцами ощупывает двойную задвижку и тут же бросает это дело, как появляюсь я.

Повышенной вредничести шнырок — и острая мордочка будто в маске грабителя. Делает огромные глаза — мол, помираю от недостатка ласки. Только если ему хоть палец дать — он на нем повиснет, с Пухлика вон уже три раза снимали.

Наведаться к молодняку, спеть песенку фениксам, хохотнуть вместе со скроггами. Предложить кусочек меда в сотах запуганной койне — терпеливо поугovarивать, чтобы взяла. Не берет — тогда я оставляю кусочек и отхожу подальше. Койна Лапка расслабляет хвост, спускается с потолка, садится напротив, осторожно примеривается к меду. В общем, очень мило беседуем.

Самое важное — с больными и новичками. Сидеть, уговаривать, гладить. Чтобы понимали — их не бросят. Чтобы не боялись ночи.

Вроде как, все идут на поправку, только игольчатая волчица Ночка всё так и мается болями в желудке и рвотой. Второй день уже. Так что больше всего сижу с ней, глажу, повторяю, какая она умница-умница, самая лучшая, и что мы ей поможем.

Иногда только встаю — навестить остальных, долить воды в поилки хищникам.

Смагываюсь часа за два до рассвета. Грызи может вернуться с дежурства раньше — и тогда она мне голову открутит. Заведет это свое: «Ты сколько на бодрящем? Марш спать!»

«Глаз стража» выдыхается, и удаётся дремануть полтора часика. Потом подскакиваю, заправляюсь новой порцией бодрящего. Остается на доньшке — надо будет попросить у Конфетки.

Уговариваю не скучать Горди — криволапого огненного лисенка, который обжился у меня во флигельке. Шнырок Арр пробегается по плечам и в знак приветствия покусывает за ухо. Интересуется, чем таким занималась. Воркую с ним, пока кормлю его и Горди.

К вольерам прибываю даже позже Грызи. Она косится на мою чересчур бодрую рожу, но молчит. Так что утро — самое обычное утро питомника, до самой «встряски».

Утренние разборки дел обычно катятся по одному и тому же маршруту, как тележка

Торгаша Тодда. Только в этот раз на «встряску» черти приносят Бабника.

— Не вставайте, — и входит, вместе с запахом вчерашнего разгула и дорогого парфюма — пополам. Грохается в кресло. — Просто решил, так сказать, узнать, чем дышит вверенное мне его величеством Илаем Вейгордским заведение. Обсудить новости с подопечными. И выяснить, как здоровье зверюшек.

На последнем слове тычет пальцем в Шипелку, и даарду тут же ошетиливается. Лортен крутит головой — ищет счастье на лицах.

Счастья на лицах нет.

— Ну так что же? Чем, так сказать, дышат мои подчиненные?

Как раз сейчас — задыхаются от запаха пачулей. Пытаюсь уговорить себя, что нож в директора питомника лучше не метать. У Лортена это вроде болезни с рецидивами. Пару раз в месяц вспоминает о своей должности, начинает в дела нос совать. Лучше не мешать, пока сам не отлипнет.

Грызид хмыкает и садится читать корреспонденцию. Зависает над счетами и письмами благотворителей, пока Конфетка уверяет Лортена, что в питомнике всё очень, очень благополучно, восторги посетителей, прекрасные вольерные, милые, образцовые животные, а интересных вызовов нет, совсем нет (а то увяжется).

Закрываю глаза, уплываю в сиропное море голоса нойя. Пуховка на коленях — мелкая, мурчащая грелка. Бодрящее, видать, было просрочено — чуть не засыпаю в самом деле.

Лортен толкует о Вейгордском Душителе.

— Последнюю жертву нашли совсем недалеко — возле Эфессы!

Пятьдесят миль — не то чтобы далеко.

— Снова молодая девушка — и, говорят, на этот раз господин наш Илай Долба... э-э, Вейгордский полон решимости назначить награду. Не меньше, чем в тысячу золотниц, да.

— Поразительная щедрость, — восторгается нойя. — Но ведь за Душителя уже объявлена награда, да-да-да?

— Акантор и Корпус Законников, конечно, предлагали, но... Интересно бы знать — неужели у следствия нет настоящих зацепок? Я готов предложить любую посильную помощь, разумеется... в эти тревожные времена. Думаю, нужно будет сказать этому... законнику, этому черствому сухарю, аллегорически выражаясь — еще и лишенному малейшей изюминки!

— К вам тут законник наведывается? — оживляется Пухлик. От него несет сыром и луком. В сочетании с Лортемом — выпивка и закуска.

— Вынюхивает, — цежу я сквозь зубы. — Зануда.

Лортен разливается в тоске о жестоковыйном законнике, который не способен оценить дружеское гостеприимство и пренебрегает правилами хорошего тона, и вообще — сразу видно, черная кость, фи, грубое мужичье.

— Помешанный на крючкотворстве и дисциплине, высокомерный, спесивый, снобский... о, я как раз говорил, что опоздания недопустимы.

А я еще надеялась, что без Мясника обойдется.

Нэйш проходит в тот угол, где не заседает Шипелка, устраивается на стуле и достает блокнот. С таким видом, будто ему все задолжали крупную сумму денег.

— Ведь это же неуважение к начальству и коллегам, — продолжает Лортен, — В такие тревожные времена, когда где-то поблизости шныряет Вейгордский Душитель — частые отлучки из питомника...

Мясник малюет в блокнотике и плевать хотел на Лортена.

— ...вынужден потребовать отчета, — распаляется Бабник. — Почему вы опоздали, господин Нэйш?

Секунд через пять Живодер таки снисходит ко гневу директорскому.

— Был занят. По... личной надобности.

Нос Плаксы резко бледнеет, ибо — а вдруг там женщина.

— Прикончил кого-нибудь, конечно, — фыркает под нос Пухлик.

Мясник ухмыляется гаденько.

— Если бы и так — согласись, Кейн, я едва бы стал в этом отчитываться.

— Как раз стал бы, — это уже я, — все бы дрянные подробности расписал. Все слабые точки до единой.

Живодер пожатием плечами признает мою правоту и отправляет в Бабника высверк улыбки.

— Знакомство с одним восхитительным созданием. Для коллекции.

Какой именно коллекции — спросить никто не успевает. Грызи расправляется с последним письмом.

— Лортен, если ты здесь закончил — я переброшусь парой слов насчет животных? Да? Мел, по кормежке и поведению что?

Отчитываюсь сначала по тем, кто ест худо или вообще не хочет брать корм, потом по тем, у кого хорошо, под конец — по тем, кому нужны добавки или перемена кормежки. Кратко намечаем, что и как. По поведению Грызи знает всё не хуже меня, так что болтология — для остальных. Чтобы проявляли внимание к зверю, который ведет себя как-то странно.

Потом подключается Конфетка — эта уже насчет болезней и своих эликсиров. Когда начинаем толковать насчет глистов и гнойных ран — Бабник закатывает глаза и выметается.

Гриз слушает, вставляет замечания, хмурит брови.

— С Ночкой я еще раз посмотрю, пока что слышу только резь в желудке.

Ночка — уж слишком ласковая для кербера, так и тянется к людям, оно и видно — бывшая цирковая. Мрази-циркачи морили голодом, потому хватает всё, что ей протянут. А посетителям только дай сунуть в пасть зверю какую-нибудь дрянью. Вроде перчаток, курительных трубок, амулетов или собственных конечностей.

— Если там не отравление... Нэйш, инородка возможна?

— Разумеется, — мягко доносится из уголочка. — Проблема в том, что это достаточно сложно отследить. Ну, вы знаете... до.

Молчу, наглаживаю Пуховку. Настроение ни к чёрту. Мясник в этом мастер — с утра всё как следует изгадить.

Пуховка изливается в грозное «гррррр». Плакса пошмыгивает носиком. Шипелка схватывает общий настрой и высвистывает что-то на родном наречии.

Дело дрянное — сейчас нойя начнёт щебетать.

У Конфетки своя болезнь — как только разговор на «встряске» протухает, тут же лезет оживлять со своими охами-ахами, сплетнями-песнями и рассказами о травах-зельях. У неё на этот случай тем семьсот наготовлено.

— Ах, сладенькая, но ведь кажется, мы еще не поговорили о нынешних вызовах? — и взмахивает руками, и вся колышется, и воняет чем-то удивительно сладким. — Я готова поклясться волосами Перекрестницы, что Водная Чаша нынче не молчала. И кажется,

полчаса назад мы с Уной даже видели курьера — такой миленький, строгий мальчик, правда, Уна?

Когда она вообще ухитряется всё замечать от своих котлов.

Гриз говорит «Гм», а вид имеет задумчивый. Ясно, вызов есть, вызов какой-то странный, так что она уже решила брать заказ, только не знает, кого волочь с собой.

Скрещиваю пальцы в густой шерсти Пуховки.

— Что же такое могло стрястись в мирном, мирном Вейгорде, — намурлыкивает Аманда, — неужто объявился кровожадный людоед, или Хромой Министр крадёт людские сны, или вдове Олсен вновь потребовалось подлечить любимого единорога?

На вдове Олсен все дружно возводят глаза в потолок — эта благотворительница нам все печенки выжрала. Пухлик еще и делает охранный жест. Дней пять назад опять сопровождал меня к милой вдовушке.

— М-м-м, — кривится Грызи, — не то чтобы я могла бы произнести «Уж лучше бы Олсен»...

Пять секунд громкого возмущения от всех, кого достала благотворительница со своими чайными церемониями.

— ...но дело непонятное. В Мейлесене на полях появляются выжженные круги.

Стало быть, северо-восток, где как раз и полей побольше.

Грызи перебирает документы, от которых несёт официозом и сургучом. Подарочек от курьера, наверное. В документах описывается, что в таких и рассяких селениях по ночам заладили появляться «знаки» странной формы. В основном округлой. И приличного объёма.

— Народ опасается за урожай, а окружной инспектор — народных волнений, — Гриз взмахивает листком. — Он нас как раз и вызвал, кстати. Там не то чтобы глушь, но четыре небольшие деревеньки на небольшом удалении да сколько-то мелких поместий торговцев зерном. Публика необразованная, так что эти явления их сильно тревожат. Да, и ещё горящий круг остался в лесу... а тут вот подпалены макушки леса, и дети видели огненный шар в ночи.

Молчание прерывается выразительным «Боженьки» от Пухлика.

— Ах, как это волнующе, как интересно, — воркует Конфетка и расточает улыбки. — Ну надо же, небесное явление! Падающие звёзды, огненные шары... из этого вышла бы славная песня.

Только непонятно, что в этой песне забыли ковчезники. Грызи вон думает — что-то забыли, потому что шурится. Выбирает.

— Кейн, там предстоит работа с огнём, так что понадобится «панцирь».

Пухлик пытается переплюнуть Конфетку по сладости улыбки. И уверяет, что поохотиться на падающие звезды — это он с детства мечтал.

Держу пари на свой *атархэ*, мог бы — он остался б в питомнике, хоть и навоз от яприлей выгребать.

— Мел, Аманда присмотрит за Ночкой.

Я, конечно, упираюсь и бурчу, что делать мне нечего — за огненными шарами гоняться.

Только по глазам Грызи видно, что дело решённое.

Никакого Дара Следопыта не нужно.

* * *

Окружной инспектор — мерзкая скотина. Весь состоит из причмокиваний и

осторожных поглядываний. Потрясает мясистыми щеками в рыжих волосёнках. И сыплет, стелет словами, что вот, это не их компетенция, и служащие тревожатся, и расплодились разные слухи, и вообще, у них тут в округе других дел навалом.

Дела и правда навалены — стопками, вдоль стен кабинета. Торчат из шкафов, съезжают со стола. Мышам тут, небось, — обожраться.

Выбираемся из пропахшего бумагой и мышиным пометом логова через два часа, с гудящими головами. По делу окружник не сказал ни на волос. Провожатых не дал. Но хоть карту удалось стясти. Да обещание связаться со всеми старостами деревень — чтобы нам предоставили кров и еду.

— Думаю, платить он нам и вовсе не собирается, — глубокомысленно изрекает Пухлик, пока мы волочёмся к «поплавку».

Этот-то скользкий типец? Да он на нас ещё и всех собак повесит. Без разницы, справимся или нет.

— Специально вызвал тех, кто берет подешевле, чтобы отписать начальству, что принял меры, — бубнит Пухлик уже в «поплавке». — Ха, судя по сведениям, которые он там излагал — он даже никого на опрос свидетелей не направил. Что старосты изложили по «сквозникам» — то и преподнес.

Старосты всего наизлагали — вилами с ушей можно сгружать. От явления небесных дев до обильных звездопадов. Нужного ничего нет. Какое кому дело до того, что старухи предсказали конец света, а народ кинулся кому-то там молиться и жертвы приносить?

Грызи в разговоры не встревает, ползает пальцами по карте. Иногда шепотом ругает окружников за бестолковость. Восемь случаев, а эти балбесы только три на карте обозначили.

К первому полю приходится от речки добираться с час. Шагом Грызи — вернее, полушагом-полулётом. Пухлик иногда трусцой поспекает, я привыкла и держусь рядом.

Сожжённое поле видно издалека. Дыра в самом сердце, среди созревающих колосьев. Издалека — почти что ровный круг. Шагов в двадцать диаметром, не меньше.

Запах гари смазался: этот круг не последний. Да еще и пламя странное. Часть поля не сожжена, а просто спеклась и вплавилась в землю. Рядом колосья иссохли от жара, только вот не сторели. Трогаю пальцами — ещё влажные от сегодняшней росы. Быстро прогорающее пламя — магическое.

Может, драккайна? Пламя что-то сильное и слишком ровное. Ступаю по кругу, ковыряю землю носком сапога — всё черно, мертво, выпалено до корня. Страшный жар. Похоже на какой-то артефакт или зелье, только чёрта с два тут возьмёшь след: местные хорошо уже успели вокруг погулять. Натоптали, навоняли.

Грызи обходит выжженный круг, приглядывается к краям, ищет что-то на земле. Пухлик топчется по пожарищу и пытается вычесать какие-то истины из своей щетины.

— Ну, — начинает неуверенно. — Я как-то слышал всякое насчёт шаров, которые валяются с небес. В Крайтосе рассказывали — лет сто назад бахнулась такая штука в середку леса. Сосны в разные стороны, пожар... да, и воронка. Только вот вряд ли у нас по специальности — ловить звёздные камешки.

Открываю рот, чтобы сказать Далли: глаза протри, ты где-то видишь воронку? О звёздных камнях я слышала кучу всего в детстве. Рассказывал один чудак, не вылезавший из библиотек: и как они летят, и как падают, и даже порывался соорудить что-то такое, чтобы наблюдать звездокаменные дожди, только моя мамаша его живо отучила.

И тут Грызи говорит спокойно, щурясь куда-то вверх:

— Боюсь, это как раз по нашей специальности. И я знаю, что это может быть.

Ну, раз так — я тоже знаю. Грызи думает, жар шёл сверху. Мгновенная вспышка, вал пламени, магического и быстро прогорающего.

А в Кайетте может воспламеняться только одна птица.

— Феникс.

* * *

Слова и буквы пахнут, поют и имеют цвет. Не верите — спросите любого Следопыта. Он расскажет, как это: когда любое слово — переплетение вкусов, и запахов, и музыка, и палитра.

Что «е» — снежно-белое, с запахом хрустких яблок и пыли, распаханное и с напевом копыт. А «м» — звеняще-оранжево-сладкое и чуть-чуть вяжет. «Л» поёт гудением пчёл и отдаёт золотистым мёдом, а «к» — холодное, царапучее, с паскудным запахом металла.

Слово «феникс» выкрашено ало-золотым. В тона жаркого пламени, отваги и верности. Слово пахнет чистотой и волей.

Говорят, где-то непременно есть твой феникс. Огненный дух, который рождён для тебя. Твой защитник и самый верный друг на свете.

Только вот это всё враки: иначе в Кайетте было бы не продохнуть от фениксов, как от магов. Жаль, что их меньше, чем нас.

— Феникс, — Далли измывается над щетиной ещё серьезнее. — Ну да, тогда на свои места становится это — насчёт огненных шаров в небе и тому подобного. Но фениксы же не летают направо-налево в огненном обликии? И уж тем более у них нет милой привычки устраивать поджоги на полях.

— Нет, — задумчиво роняет Грызи и ничего к этому не добавляет. Потому что и без того ясно: с фениксом что-то неладно, раз он вспыхивает так часто и так ярко. Огонь для этих пташек — всё равно что средство выражения чувств. Волнение, гнев, страх, радость — всё в пламени, и пламя разное. Наши вот птенцы, которых удалось спасти от контрабандистов — попыхивают нежно-золотым, когда видят меня или Грыз. Привыкли к кормилицам. Раз мне пришлось увидеть брачный танец — красивейшее, что можно вообразить. Кружение в небе — и малиново-золотые мягкие вспышки, перебегающие по распахантым крыльям...

Только вот что может заставить феникса полыхнуть таким огнём...

— Я думал, они неопасны, — не отстаёт Пухлик. — Хотя... вроде как, городок Фениа в Дамате как раз фениксы и спалили? Во время Воздушных Войн? Или что там было?

Грызи вздыхает. Говорит:

— Нужно глянуть другие места на карте.

И по пути начинает читать Пухлику лекцию про фениксов. Будто Далли вчера родился и ни черта про них не знает.

Хотя что там вообще знать, когда фениксы — сплошная тайна? Если про многих бестий в Кайетте хоть приблизительно ясно — откуда и куда появились, то эти явно чуть ли не древнее острова. В брошюрках про фениксов сплошь восторженные сопли: «Питаются нектаром!» «Питаются угольями!» Я б посмотрела, как кто-то суёт в клюв Искорке уголь. Небось, в ту же секунду сам углём и станет. Птенцам отлично идёт каша из рыбы и

куриный желток, взрослые — не прочь отведать мяса, а вообще-то, свежие фрукты у них тоже в почёте.

Или вот ещё — «Живут бесконечно!». Спрашивается, это проверил хоть кто? В зверинце Академии Таррахоры феникс живёт уже триста лет — и ни разу не переродился. Вроде, как, самый древний. До тех, которые в дикой природе, как-то ни у кого руки не дошли проверить — по сколько им лет.

А, ну да. «Перерождается в очищающем и дающем силу пламени, и пламенем феникса могут ходить лишь чистые и безумцы». Эта галиматья — в каждой занюханной брошюрке, а с ней — три-четыре странички рассуждений о том, как раньше благодетельные и могучие маги могли мгновенно перемещаться сквозь пламя. Ну, а теперь падение нравов, острая нехватка то ли чистоты, то ли чокнутости, приходится обходиться водными порталами.

И уж я-то знаю, отчего может переродиться феникс. Причина первая — потеря пары, потому что у фениксов — одна на всю жизнь. Самец и самка с рожденья друг другу предназначены, фениксы потому и совершают время от времени облёты Кайетты — ищут предназначение.

Так что причина вторая — размножение. Пару феникс ищет долго, находит редко — в точности как у фениксов с людьми. Гнезда пара тоже может не вить десятилетиями. Но если вьёт — самка вспыхивает и перерождается. В её пламени из яиц появляются птенцы — а без него не получится. Обычно два-три птенца — а переродившаяся мать становится ещё одним. Отец заботится о детях, а как только они подрастают — перерождается тоже: фениксы не живут долго порознь.

И кто там знает, может, для них самих их пламя очищающее. Смывает память и узы. Переродившиеся фениксы не станут парой. После преображения феникс не узнает хозяина, с которым прожил полсотни лет. Та же птица, только вот новая память. Фениксовый парадокс.

Далли утвердительно похмыкивает на ходу в ответ на слова Грызи. Глаза приклеились к дому в отдалении. Какая-то придорожная то ли гостиница, то ли пивнушка. Ничего себе, зрение у Пухлика — её отсюда я с помощью Дара чуть вижу!

— Нам вообще-то некогда, — замечает Грызи, перехватывая пухликовский взгляд.

— А? — моргает Далли, сам весь невиннее пурры. — Да я не про то... в таких местах обычно отменно добывается информация. Лучшие сплетни в округе. Нам бы не помешало малость понимания о том, что творится в окрестностях, а?

Как он ещё не ляпнул «пиво» вместо «сплетни». Грызи окидывает взглядом Далли — тот порядком побагровел от такого темпа. Язык на плече, тормозить будет.

— Отлично. Добываешь сплетни. Только не слишком вливайся в толпу местных забулдыг, договорились?

Глазки Пухлика начинают до того воодушевлённо блестеть, что Грызи тут же обрушивает на него кучу дополнительных поручений: найти ближайшее селение, отыскать там старосту, снять нам какое-никакое жильё, насчет встречи договоримся по сквознику. Но, видимо, к утру, не раньше.

— А до этого... — заикается Пухлик, не привыкший к скоростям Грызи на рейдах.

— А до этого у нас ещё тысяча дел.

Гриз разворачивается и со свистом уносится по дороге дальше. Краем уха, пока бегу за ней, слышу озадаченное кряхтение Пухлика: «Могли б хоть сказать, что они делать будут».

Сперва мы с Грызи пробегаем по другим местам, обозначенным на карте. Две

подпалины на полях, одна свежая. И здоровая — половина поля сгорело, не меньше. Несёт гарью. Зато на прогоревшей земле — будто вплавившиеся отпечатки от крыльев, чуть заметные, но глазом Следопыта видно.

— Вон он куда летел, — показываю на юго-восток.

Топаем туда, за два часа находим ещё две подпалины. Проходим еще мили три — пожженный кустарник и опаленные макушки сосен.

— Разные степени контроля, — бормочет Грызи и всё что-то высматривает в небесах. — Мел, нюхни-ка пожар, может, заметишь что.

С востока гарью тянет особенно густо, идём туда. Ещё мили через три местность меняется — появляются холмы. Будто прыщи из земли повыпирали. Поля реже, подпалины чаще. Спускаемся в низину между холмами.

И там нас ждёт пепелище. Истреблённый, скорченный от жара лес. Пересохшие ручьи, беловатый пепел хрустит под ногами. Чашка озера — высушена до каменных трещин.

— Местные могли не придавать значения, — бормочет Грызи водит пальцем по карте. — Лесные пожары не такая уж редкость в это время года. Холмы... С дороги не видно... да и кто тут увидит, если началось недавно, охотники какие разве что...

А что началось-то? Пепелище — куда ни взгляни. Вся немаленькая суповая тарелка низины, окруженной холмами. Лесной пожар, как он есть.

Если бы лесные пожары могли рождать такой жар. И если бы сосны на окраине не стояли такие вызывающе зеленые.

Магическое, быстро прогорающее пламя.

Грызи выдыхает сквозь стиснутые зубы и начинает подъем на самый высокий холм. С которого нехило просматриваются окрестности. На верхотуре садится и раскладывает по коленям карту.

— Нет, направление не понять. Он может прилетать откуда угодно.

Два селения на равном удалении, одно подальше, ещё одно — тридцать миль, но фениксы быстрые, мало ли. Усадьбы мелких помещиков понатыканы тут и там. От двух миль до двадцати, россыпью, полтора десятка, во все стороны.

Дрянное дело.

Даже если бы я понимала, что творится.

— Думаешь, появится тут?

Грызи оглядывает надвигающиеся сумерки. Кивает.

— Думаю, он чаще прилетает по ночам. Свидетелей слишком мало, круги на полях они обнаруживали уже с утра... Днем он если и пролетает над людьми — его не слишком-то примечают...

Деревенские яприля могут с домашним хряком попутать. Будто они могут разобрать — орел у них над головой или феникс. Они вверх-то и глаза не поднимают.

А феникс прилетает сюда и вспыхивает. Почему? Гляжу сверху вниз на выпаленные деревья, по которым гуляло пламя. Яркое, как крик в ночи.

— Ты раньше такое видала?

— Такое — нет, а вообще-то, с фениксами случается всякое. Фениксы — единороги среди птиц, я сейчас о том, что чувствуешь при слиянии. Но с единорогами проще, они... более прохладные, что ли. Более спокойные, при всей своей обидчивости. Способны понять, в каком мире живут, принять и приспособиться. Фениксы же... чистота до того, что о неё обжигаетесь. Доверие без границ, благородство без пределов. Слово пришло из тех времен,

когда зло ещё не родилось — да так там и остался, потому весь мир для них добр.

«Весь мир добр» — самая поганая установка для животного.

Не были бы фениксы такими живучими — их бы уже и не осталось.

— И потому каждое столкновение со злом для феникса — трагедия. А как они выражают свои чувства — ты видела.

Птенцы — ором. Который можно унять грелками, да едой. Да ещё песенками. У меня после каждой партии контрабандных фениксов горло сипнет — петь без конца.

А как подрастают — начинают попыхивать. Будем наших выкидывать из гнездышек в полет — опять противоожоговка понадобится. Вечно загораются от счастья.

Грызи говорит тихо. Глаза — в небо, профиль всё темнее в наступающих сумерках.

— Во время моего обучения я видела феникса, который причинил вред своему хозяину. Варгу. Обжёг его... Феникс был молодой, вспышка была нечаянной. Варг не винил своего питомца и в конце концов всё кончилось примирением — но пару девятниц феникс сходил с ума от чувства вины. Воспламенялся в небесах, да... Уже после ухода из общины видела фениксов, у которых похитили птенцов. Это для них двойной ужас.

Птенцы феникса ходовой товар у контрабандистов. Феникса, который рожден не для тебя, не приручишь. И в клетку взрослую особь не посадишь: птички признают только два вида уз. Связь с подругой, связь с хозяином. А остальные узы они разносят или плавают.

Вот эти дряни и приноровились забирать птенцов из гнёзд. Торгуют на ярмарках, сбавривают в частные зверинцы. Эй, кому птенца феникса, посмотрите, может, он рождён для вас? А хотите, я ткну его ножом — гляньте, ножик расплавился, какая неубиваемая пташка!

Самое жуткое — отец-феникс не препятствует похищению. До конца верит, что люди не причинят зла. А когда люди вместе с птенцами сигают в вир — теряет разум. От утраты и горя. Только я-то думала, что родитель в таком случае сразу перерождается в огне. Выходит, не сразу.

— Пухлик говорил насчёт Фениа. Это же там попытались запретить фениксам летать?

В Войну за Воздух людишки возомнили, что крылатые бестии мешают летучему транспорту. И разгорелась охота с избиениями и артефактными щитами над городами. А возле этого даматского городка была колония фениксов в священной роще тейенха — и какой-то гений решил, что нужно расставить над городом и рощей артемагические щиты запредельной силы. Ограничить полёт фениксов.

Вот только они же не терпят клеток. Когда всю стаю начали прижимать к земле — птички полыхнули так, что спалили город. Так говорил один библиотечный пылеглодатель, который сейчас вир знает где.

— Что там произошло — неизвестно доподлинно, письменных свидетельств почти не осталось... Но в дневниках наших наставников есть ещё несколько случаев. Например, лет сорок назад, с пострадавшей от набега пиратов деревушкой. Там феникс оказался свидетелем кровавой расправы и полыхнул... они же очень сострадательны. Тяжко переносят людские страдания. Тётка вот ещё рассказывала, что ей как-то пришлось иметь дело с нервной стаей фениксов, которые тоже полыхали по малейшему поводу — из-за того, что их согнали с привычного места обитания...

Негромкий голос Грызи. Куча причин возможного воспламенения феникса. Ночь пахнет пеплом, небо в быстрых облачках. Мили за две через лес пробирается охотник — ломает кусты, топает и бурчит. Не помешал бы.

Сидим спина к спине — так теплее. В полночь разминаемся, грызём сухари из сумок. Небо тёмное, звёзды закрыты наплывающими тучками. Чертов охотник шуршит то ближе, то дальше.

Ждём молча. Обязательные качества для ковчегника. Умение быстро бегать плюс умение долго лежать или сидеть на одном месте. Неподвижно пялясь вокруг. В тишине.

Где-то далеко скрогги похохатывают — даже с Даром почти не слышно. Охотник, или кто он там, всё ближе возюкается, скоро будет рядом с нашим холмом. Ветерок пахнет сталью, холодит кожу.

На небе всё сплошь тучи, но спина Грызи резко твердеет.

— Близко, — слышу тихое. — Над нами.

Феникс выныривает из туч вдруг. Падает сверху, как подстреленный. Целую секунду кажется мне оторванным от тучи лоскутом, потом переворачивается в воздухе и уходит за облако. Является опять — будто купаясь или кувыркаясь. Пластает крылья и рвётся вверх.

Полет ломаный, странный. Сам феникс не вспыхивает ни на миг. Можно принять за орла. Или за скрогга — но скрогги меньше, и они не летают так. С риском разбить грудь о воздух. С безумием полёта.

Это не танец в небе, которые фениксы так любят. Это — будто бы раненый зверь мечется туда-сюда, и хочет забыть про рану и напиться неба, а потом опять вспоминает, замирает — и тут же опять рвётся изо всех сил...

— Упустим, — кувыркаясь в небе, феникс от нас отдаляется.

Грызи подносит руки ко рту.

Клич. Сначала тихий, нежный, пробный. Низкий вначале, вверху — как будто оборвавшийся звук флейты. Потом настойчивый, переливающийся, требовательный. Идёт в небеса, снова и снова. Требуем отклика.

Феникс спотыкается в воздухе и ныряет в облака. Выныривает через миг, уже над нашим холмом. Снижается, паря на широких крыльях: глаза цвета кипящего золота и тускло-золотой клюв. Крупный мальчик — вон и хохолок на голове, наверняка багровый. Жаль, не могу ему послать зов, как Грызи: варги учатся кличам животных с детства, годами.

И звать его больше не нужно: завис почти напротив нашего холма, нас рассматривает. Большая птица, серая, как сумерки, только если приглядеться — в перьях словно вспыхивают искры, перебегают по крыльям, поигрывают на хвосте...

Мальчик волнуется.

— Здравствуй, — шепчет Грызи и подаётся вперёд, и я знаю, что глаза у неё заполняются зеленью. — Здравствуй, дружок. Ты больше не один. Мы вместе.

Застывают — глаза в глаза, извивы зелени в золоте и отблески золота в зелени. Каждый — больше, чем один, соединенные чувства и мысли.

Вместе.

Мост, сотканный между двумя. Узы связи. Нити, которые будто протянулись и сшили их в единое. Грызи рассказывала, как это бывает: как в омут, в чужое, полное страхами и тревогами сознание. И ты должен быть спокоен, открыт и полон желаний помочь, чтобы тебе поверили. Не притащить свои заботы к зверю в сознание. Но показать, что вы с ним — одно. Дать надежду. Пояснить: плохого больше не будет, потому что с тобой — я, и мне ты можешь открыться, скоро всё будет хорошо...

— Всё будет отлично, — шепчу одними губами. — Всё будет просто отлично, ты не бойся, мы с тобой, мы вместе, не бойся же, давай...

Крылья феникса тихо начинают светиться алым по краям, и теперь его силуэт выступает из ночи совсем ясно. Висит, разгораясь изнутри, будто кто-то там, в фениксе, всё подкидывает и подкидывает топливо в костёр.

Ещё немного — и мы обожжёмся.

У Грызи прикушена губа, а на лице упрямство. И боль, и напряжение: разговор с фениксом не удался.

Птица вскрикивает, высоко и гортанно. С болезненным клёкотом рвётся в небо — над верхушками обожженных сосен, над прогоревшей чашей. И вспыхивает в небесах — сначала полыхает силуэт, багряно-алым, а потом из феникса будто выливаются потоки оранжевого пламени. Потоки льются вверх, вниз, хлещут во все стороны.

Вот-вот утопят ночь в пламени.

Прикрываю глаза руками: на багряную, сотканную из яркого пламени фигуру внутри кокона огня смотреть больно. Феникс крутится, разбрызгивая пламя по сторонам. И не гаснет высокий, болезненный вскрик. Эхом перекатывающийся в небе.

Вспышка!

Лицо обдаёт жаром. Стонут обжегшиеся небеса. Орёт охотник, который последнее время молчал, под холмами. И без того выпаленные сосны внизу, в чаше, выжжены еще больше.

Магическое, быстро прогорающее пламя.

Грызи рядом со мной опускается на колени, глубоко вдыхает через нос — раз, два, три, четыре... С лица не сошла гримаса боли.

Феникса больше нет в небе — ушел. Куда — не рассмотреть. Нырнул в тучи, а то и вовсе в пламени переместился. В bestiариях пишут — они могут ходить в огне, только я не видела ни разу...

Охотник внизу голосит и клянет «птицу-падлу», призывает на неё проклятия Девятерых и вир знает кого. Плевать на охотника.

— Что с ним такое? — спрашиваю у Грызи, пока помогаю найти ей склянку с бодрящим в поясной сумке.

— Пламя. Боль и вина, — Грыз всё пытается подобрать — что она почувствовала внутри феникса. Усилием воли сгоняет с лица болезненную гримасу. — Трудно читать... Он не пожелал общаться, не пожелал... сказать или показать. Будто боится или не верит. Сначала обрадовался варгу, а потом вдруг закрылся. В сознании всего понамешано. Он словно горит изнутри... а потом было что-то совсем странное, что-то вроде... уз.

Делает глоток бодрящего. Губы у неё теперь стиснуты упрямо, подбородок наклонён вниз. Дело совсем плохо.

— Да, узы... его будто рванули вдруг назад, что-то вроде осознания «Я не должен быть здесь». И вина. В одном я уверена: он не хотел... всего этого.

Обводит рукой спаленную низину. Продолжает сквозь зубы:

— Думаю, с ним что-то стряслось, из-за чего он стал сходить с ума. И воспламениться. Он не хотел никому навредить — и потому выбрал уединенное место, чтобы...

— Выплеснуть.

Грызи начинает спускаться с холма — иду рядом, вдруг надо поддержать. Не гляжу больше на выпаленную чашу леса — а она на меня пялится. Щербинами, чёрными стволами, пеплом, алыми углями — остатками недавней вспышки.

«Я — крик, — шепчет чёрное пепелище. — Крик боли».

— Просто иногда он был слишком уж переполнен страданием, — говорит Гриз, приглядываясь, как бы не полететь с холма кверху тормашками. Засвечивает фонарик с желчью мантикоры. — И выплёскивался раньше. Отсюда все его вспышки, поджигания краёв сосен, палы деревьев. Не мог терпеть.

Спускаемся, и Грызи тут же берет курс на стоны охотника. Надо глянуть, может, его серьёзно прижгло. Шагаем между деревьев, которые тронуло пламя. Я думаю о фениксе, который полыхает заживо изнутри и потому загорается раз за разом.

Гриз тоже это покоя не даёт. Доходим до охотника — здоровенный мужик не пострадал, только штаны тушит с ругательствами. И первое, что выпаливает подруга, это:

— Вы, случайно, не знаете, чей это может быть феникс?

Детина тут же наливается кровью. Стискивает кулачищи и хрипит, что мы, падлы такие, поплатимся. Потому что он всё видел. Клятую птицу видел. И как мы ее натравливаем. Стало быть, всё из-за нас. А он сюда специально пришёл и всё видел.

Из пасти местного несёт пивом и копченым окороком. Он и сам смахивает на окорок — прокопченный солнцем, просоленный потом, а сверху еще табаком поперчили. Ума в нём, в общем-то, примерно столько же.

— Видимо, начала не с того, — говорит Грызи, у которой огромные запасы терпения на общение с разным отребьем (вроде Нэйша). — Вы не обожглись? Зелье нужно?

— П-падла, тварь лесная, натравливаешь...

— Вижу, не нужно. Я Гриз Арделл, из королевского питомника Вейгорда. Окружной инспектор вызвал мою группу, чтобы выяснить, что тут происхо...

Окорок разевает пасть и ревет ругательства. Обещает сделать с нами разное дрянное, отчего у меня довольно быстро заканчивается терпение.

У Окорока на ладони Печать Стрелка, а с собой — арбалет, который мразь поднимает в нашу сторону, пока выдаёт грязные словечки. Но мой *атархэ* быстрее: прыгает в ладонь, теперь коротко крутануть кистью, чтобы прочить гада. Не насмерть, но навоеется как следует.

Уже почти замахваюсь, но тут Грызи толкает меня в бок, молниеносно выхватывает кнут и захлестывает Окороку запястья.

Арбалет валится на тропочку, Окорок удивленно моргает.

— П-падла.

Грызи добавляет петлю из кожи скортоса детине на шею — и тот цепенеет. Сползает на тропиночку, глядя вылупленными, налитыми кровью глазами.

— Прошу прощения, — говорит Грызи спокойненько, — но арбалет вы на нас наставили зря. А парализация пройдет минут через двадцать, не волнуйтесь. Так я не договорила: мы здесь, чтобы разобраться с этими пожарами. И понять, что не так с этим фениксом. Вы, случайно, не знаете, чьим он может быть?

Толку с Окорока — шнырок наплакал. Феникса он раньше не видел ни разу. Мужики говорили про пожары. Ну, он и решил глянуть в эту долину. Говорили, камни эти, с небес летучие, дорого стоят. А тут клятая птица. А мы — падлы. Он на нас пожалуется, он нас убьёт, мы сволочи, падлы, земляное отродье.

Слышала б Шипелка — оскорбилась бы за свой народ.

— Ладно, — говорит Грызи, разматывая петли кнута. — Вы тут... полежите малость, отойдите. Феникс не вернётся, хищников здесь нет... можете считать это небольшим ночным привалом. И, пожалуй, когда вернётесь к себе в деревню, скажите, чтобы никто не

совался к этой птичке. А мы сами со всем разберёмся. Договорились?

Окорока провожает нас повторением слова «падла» на разные лады.

Топать назад приходится долго. Через пару миль споласкиваем в ручье лицо и руки, пьём вволю. Грызи вызывает через сквозник Пухлика, который с чего-то ещё не храпит. Пухлик пересказывает — как найти место, которое он отыскал для ночлега.

— Ты спросила у местного, чей это феникс, — говорю, когда мы отмахиваем ещё миль пять.

— Местность, — отвечает Грызи, будто очнувшись. — Причин для воспламенений феникса и даже для безумия может быть много. Но он держится в этой местности. Гнездовый фениксов тут нет, они же любят гнездиться где потеплее. Так что самое простое предположение: что-то случилось с его хозяином. Тем более — ощущение уз... не могу придумать, к чему это было ещё.

Под ногами — чёрно-синяя лента дороги. Пахнет росой и немного — горечью. Похихатывают скрогги.

Грызи рассказывает историю о себе-восемнадцатилетней и об одном из первых заданий: только феникс не вспыхивал, а наоборот, угасал. И она пыталась понять — почему феникс не летает, не пылает, не откликается на зов хозяина. А выяснилось всё просто: хозяин был мразью, измывался над женой.

— Повезло ему, что варгам нельзя убивать, — скрипит зубами Грыз. — В общем, феникс не мог выносить этих мерзостей: связь между фениксом и хозяином...

Такая же, как между фениксом и подругой — врождённая. Не связь даже — предназначение и узы на всю жизнь, и если ты встретишь своего феникса — он будет для тебя самым верным, будет слышать из любых далей, откликнется на любой зов, любые двери для тебя откроет и из любой беды вытащит.

Только вот как найти своего феникса?

— Его отравляло сознание того, что хозяин творит такие вещи — буквально убивало изнутри. Ничего подобного раньше не видела... В общем, с хозяином мы не договорились — я и до сих пор сомневаюсь, что смогу поладить с кем-то, кто жену пытается при помощи Дара Огня. Может, мне не следовало использовать кнут, не знаю. Дальше он позвал своего феникса на помощь. И тот не пришёл.

— Смылся от уroda?

— Не смылся. Переродился. Взглянул нас... Жена была обожжена, я её загораживала, хозяин был уже под парализацией, выл в голос... Феникс полыхнул в воздухе, не долетая до нас, потом я подобрала птенца в пепле. Не знаю, наверное, для феникса это было лучшим выходом.

Ну да — новая жизнь, новая память. Новое предназначение. И другой хозяин, который, может, на другом конце Кайетты — не поймешь, пока не встретишь.

— Почему фениксы предназначаются всяким мразям?

Грызи долго молчит.

— Об узах фениксов и людей неизвестно даже варгам. Говорят, они дети Элементалей Огня — драконов. Будто бы те в эпоху Великой Зимы так хотели помочь людям, что переродились в огненных птиц. Одна — для каждого очага, просто люди с течением времени расплодились... Еще есть легенды о том, что Элементали пытались уберечь людей от внутреннего холода. И подарили им частичку живой магии. Огненного, бессмертного духа-хранителя. Будто бы, знаешь... никто из нас больше не один. И где-то непременно есть

твой феникс.

Больше не спрашиваю ничего — ни пока доходим до деревни, ни пока нужный дом ищем. Располагаемся на ночлег, когда уже светать начинает.

А я всё вспоминаю птенцов, которые орут-орут и требуют песен и рыбы, и щиплются за пальцы, всех в золотом сиянии, будто в пуху. Искорку, Лучинку, Огонька, других. С рождения к кому-то привязанных узами. К кому-то, кому они могут и не встретить. И не узнать, что эти узы есть.

И не могу отделаться от мысли: как у них там, у фениксов. Потому что если людей греет эта мысль — что где-то есть предназначенный для тебя феникс... знают ли фениксы, что где-то — предназначенный для них человек?

И мне всё кажется, что эта мысль должна их леденить.

* * *

С утра деревня гудит — без Дара слышно. Окорок всем растрепал о нашей встрече. И о фениксе. Понятно, в своем ключе. Так что Грызи приходится успокаивать старосту, а потом делегацию местных бабёнок. А Пухлику — успокаивать старуху, которая пустила нас на постой.

— А коли-ежели мне дом-то за такое спалят? — осведомляется старуха, но Пухлик её всё равно убалтывает. Пока пихаю в себя завтрак, слышу, как он разливается за стенкой: и никто её не тронет, и мы её защитим, и вообще, она тут будет общая спасительница, и да — сколько ж она деревенским сможет рассказать! Последнее старуху добивает, так что нас не выкидывают на улицу.

Грызи заявляется мрачнее осеннего неба.

— Плохи дела. Насчёт феникса никто ничего не знает. Зато теперь они считают, что хозяин, кто бы это ни был, направляет птицу на их поля. Не знаю, как скоро слухи распространятся по окрестным деревням...

— Со скоростью пожара — у каждого старосты есть сквозник... а, да еще ведь существует водная почта.

Пухлик с победным видом уписывает отвоёванный у хозяйки вчерашний пирожок.

— ...боюсь, как бы не дошло до погромов или ещё чего-то такого, — завершает Грызи и присаживается на лавку у стола. — Обстановка тревожная.

— Пф. Может, здешние жители и способны на подобное — вот только их нужно как следует к этому подтолкнуть. Круги на полях и птичка в небе — не причина хвататься за вилы. Причиной могут быть трупы, но этого-то опасаться не стоит, фениксы же не убивают людей?

Грызи спадает с лица прямо на глазах. Непонятно, что она там увидела — в пожаре внутри феникса.

— Хозяина нужно найти срочно. Не думаю, что он из деревенских — птицу бы заметили... Значит, ищем среди окрестных помещиков. Кейн, как у тебя сложилось с местными сплетнями?

Пухлик с готовностью подхватывается и начинает вываливать на нас всё, что зачерпнул в кабаках. Послушать — так здешние помещики ему ближе родной мамочки. Разливается про каждого: кто такой, сколько детишек, чем живёт, с кем судится или...

— ...говорят, помешался после того, как дочка сбежала с каким-то пиратом. Но я бы поставил на Латурна. Все монеты, какие у меня есть, а до кучи последние штаны. Молодчик

живёт вон там, за лесом, имение у него небольшое, мельница пришла в негодность. Отец был оборотистым, а сынок теперь проедает его денежки. Живет уединенно, нет даже слуг, по магии — Травник, но так-то у него слава чудака. Лет пять путешествовал, так что про него даже не сразу вспомнили, но пару месяцев назад вернулся. Отшельник, путешественник, чудака — слегка подозрительно, а?

Грызи кивает и подхватывается на ноги.

— Кейн, хорошая работа. Наведаемся к этому Латурну, проверим — что да как.

На выходе из селения на нас натывается Окорок. Надрызгавшийся в хлам.

— Отродье, — и щерится в лицо Грыз, и волна перегара забивает дыхание. — Все вы... твари... со зверьём своим.

— Мел, — окликает Грызи, когда я нацеливаюсь врезать придурку по тем деталям, которые природа дала ему случайно. — Не стоит.

До поместья местного чудака час с лишним ходу. Грызи молчит, высматривая феникса в небесах. Я принимаюсь — нет ли гари? Пухлик вовсю показывает своё всезнание на примере Окорока.

— ...колоритная фигура, во всех смыслах. Предводитель местных задир, вечный участник драк, Дар Стрелка слабый, зато кулаки пудовые, так что его здесь побаиваются.

Будто этого нельзя понять без опустошения всех пивных бочек в округе. Пухлик вовсю повествует, что мразь Окорок еще и лупит жену. И терпеть не может сына, потому что тот не прошёл Посвящение у Камня с третьего раза.

Не повезло. «Пустым элементом» становится где-то каждый сотый, так что этих бедняг по Кайетте разгуливает предостаточно. На Вольных Пустошах вообще что-то вроде мелкого государства (со звучным названием Гегемония Равных — пустошники не страдают скромностью). Только вот в деревнях Обделённым Даром приходится хуже всех — загнобят, Йоллу вот гнобят постоянно, как только она бежит в лавку за выпивкой для мамыши. Она, конечно, прячет синяки и не говорит, кто. Только я как-нибудь всё равно узнаю.

Последние четверть часа идём по широкой дороге через лес — ели, сосны, неяркое солнце. Грызи роняет тихо:

— Если разговор с Латурном ничего не даст — надо бы покараулить у его поместья, вдруг увидим что интересное.

Караулить не приходится вовсе.

Мы ещё не успеваем подойти к этому самому поместью, как мой Дар доносит звук выбитого стекла.

А потом что-то огненное, будто комета, уносится в небеса.

* * *

Хмырь. Так я решаю звать типа, который распахивает дверь на стук. Длинный и одутловатый, под потертым халатом рисуется брюшко. Мутные глазёнки под нависшими бровями тревожно бегают, небритая челюсть подрагивает. Грызи заряжает ему сходу:

— Господин Латурн, отлично. Мы вечером уже познакомились с вашим фениксом. Просто красавец. Только он у вас нервничает маленько, а?

Хмырь начинает сопеть и кукситься и заводит ржавым голосом:

— Что? Кто вы? Какое имеете право, а? Вы в моих владениях, и я... я занят. И с моим фениксом всё в порядке, с ним всё отлично...

— Ага, ну точно, — фыркаю я, указывая на оплавленную дырку в окне.

— Я не желаю с вами разгова...

— Ну, я же говорил — дохлое дело, — бодро влезает Пухлик. — Говорил же — давайте сразу к уряднику. Обрисуем: так и так, местный помещик натравливает феникса на поля жителей, да пускай в управе сами разбираются!

Хмырь давится фразой и вытаращивает глазёнки. Гриз сходу влезает в игру и отмахивается.

— Погоди, Кейн, что ты сразу — урядник, урядник. Я вот уверена, что господин Латурн и его феникс не имели никаких преступных намерений. И это всё просто недоразумение. Это же недоразумение, господин Латурн?

— Недоразумэ-э-э...

Всё, ступор. Латурн стоит, таращится, моргает. Грызи представляет нас и разливается насчёт нашей миссии. Тон — для работы с пугливо-агрессивно-дебильными животными. На Хмыря действует, вон, даже в дом пригласил пройти.

Дом в хламье и пыли, занавески обгорели. Мебель старая и дорогая, а так — повсюду беднота. Гостиную так назвать язык не повернется. Книжки, пылица, карты, ещё книжки...

— Знаете, фениксы у меня вроде слабости, — разливается рекой Грызи, мельком глянув на комнату. — Когда ты варг, приходится любить всех животных. Но чистота и верность фениксов — это что-то... неопишное.

Латурн неловко ухмыляется, бубнит: «Я, собственно, редко принимаю...». Ещё и чай предлагает — тоже мне, олицетворение светскости. На Грызи глядит недоверчиво, но с интересом. И жадно вслушивается в истории о фениксах, которыми Гриз его потчует.

Мы с Пухликом не отвечаем. Я принохиваюсь-всматриваюсь. Далли уставился на книжки, на роже так и написано «Нанесло же нас на такого фениксожахнутого!» Точно, на корешках сплошь про одно: «Фениксы: мифы и легенды», «Птицы из огня», «Как обрести своего феникса», «Уход и кормление», «Что нужно знать о фениксах»... от дешевых брошюр и глупых книжек с желтыми страничками до солидных, дорогих томов... а вон на карте гнездовья по Кайетте обозначены.

— А вы, вроде как... тоже фениксами увлекаетесь? — под нос себе спрашивает Пухлик.

Хмырь смущённо крючится в пыльном кресле цвета помёта шнырка.

— Ну... собственно, можно так сказать. В конце концов, каждый имеет право на свое увлечение... да. А фениксы... они правда чудесны. Вы вот говорили... чистота и верность... да. Они неопишны. Знаете, я вот ещё в детстве... когда читал сказки... всегда мечтал встретить феникса. Своего феникса. И я был уверен, просто уверен, что он где-то есть, что он ждёт меня, нужно только его найти...

Грызи вникает из кресла. Доброжелательно и пристально. Хмырь от этого оживляется и начинает душеизлияние с размахиваниями руками. Его повестью жизни можно усыпить тридцать бешеных керберов. Особенно там, где про сурового отца, который не разделял мечты сына. Латурн изрыгает из себя — как там его папаша истязал учебой. И как попирал в нем высокое. А он, образованный такой, стремился к чистой мечте. То есть к фениксу.

— Потому что я знал, понимаете? Я знал, что он где-то там. Ждёт меня. И я планировал... конечно, мне приходилось всё это делать втайне, понимаете... А они не понимали, никто. Отец негодовал из-за того, что я избегаю компаний молодежи... ха, этих тупых скотов, которые считают себя элитой. Да разве они способны были понять... Нет, я стал свободен только после того, как вступил в наследство. Я сразу же... знаете, фениксы

ежегодно совершают облет Кайетты в надежде почувствовать своего человека и в надежде отыскать пару, да... Но совпадений бывает слишком мало. Я, знаете, нанес несколько визитов... разным хозяевам фениксов. И понял, что нельзя надеяться на случайность. Я решил действовать...

Глазенки у Хмыря маниакально сияют. Пока он мечется по гостиной, тыкает пальцами в карты и рассказывает, как он поехал в Союзный Ирмелей, искал гнездовья там, в Дамате чуть не погиб, а в Ракканте ему пришлось сделать большое храмовое пожертвование... но совсем трудно было в Велейсе, его там три раза ограбили, необразованные дикари.

Тупой. При этом маньяк. Впереться в пиратское государство! Вообще не уверена, что феникс его. Не может же та прекрасная, огнекрылая птица предназначаться такому...

— ...пять лет, страшно вспомнить. Семнадцать гнездовий... я изучал маршруты их полетов, миграций, я знал — он где-то там, он ждет, и я... я оказался прав, понимаете? Это было в землях Эрдея — ох, эти бесконечные фанатики, косные твари, они пытались меня отговорить... Я помню это как сейчас — крупное гнездовье, и вот, я шёл среди фениксов, в который уже раз... и пытался услышать...

Голос у него углубляется. Становится тише.

А я закрываю глаза. Вижу.

Скалы и сосны, горная долина. Десятки птиц в воздухе, и издалека кажется — орлы... но то одна птица, то другая тихо расцветает в небе пламенем. Обожжённые гнёзда — высокие, человеку до пояса. Груды глины и золы — постели фениксов.

Музыкальная, будоражающая кровь перекличка в небесах.

И одна птица, замершая в небе — будто услышала что-то, что только для неё. Взмахнувшая крыльями. Ушедшая вниз.

Вся объятая неярким золотым огнём, как счастьем.

— Это было так... так прекрасно!

Хмырь тычет в грудь, а может, в живот. Показывает — насколько ему хорошо сделалось, когда он нашел своего феникса.

— После мы с Фиантом путешествовали — о, вы представить себе не можете. Это были дни абсолютного счастья. Мы были неразлучны, едины! Он... он танцевал для меня в небесах. Вы видели когда-нибудь танец феникса?! И он освещал мне дорогу, и указывал путь. Согревал меня, помогал разжигать костры. Это... мой феникс, понимаете? Мой феникс, и нас с ним никто не может разлучить.

Подбирает восторженные сопли. Теперь крутит головой и косится из-под нависших бровей с подозрением.

— А зачем здесь вы? Что вы там говорили про какие-то поля? Это всё чушь, да. Местные — сплошь вымогатели и мошенники. Завистники. Я буду на них жаловаться...

— Господин Латурн, — это уже Грызи. — Мы видели вашего феникса. Я смотрела в его разум...

— Да как вы посмели! Это — мой...

— ...и знаю, что он нездоров.

— Ложь! Наглая ло...

— Более того — он на грани безумия. На такой тонкой грани, что, если мы не выясним — что случилось с вашим фениксом, боюсь, он может стать причиной чьей-нибудь смерти.

Голос Грызи начинает звенеть, волнами расходится по комнате. Хмырь гаснет там, в пыльном кресле. Бормочет насчет «чушь, Фиант неспособен» — но тише и тише. Слабее.

— Господин Латурн. Расскажите нам, что не так с вашим фениксом? С Фиантом? Мы не сделаем ему вреда, поймите — мы хотим уберечь вас обоих. Местные жители уже знают о том, что причина пожаров — феникс. Отследить птицу до вашего поместья — дело уже не дней, а часов. Если мы сейчас что-нибудь не предпримем...

— Вы... вы можете им сказать, — шепчет Хмырь и облизывается, — этим... гнусным клеветникам. Что Фиант не способен, но... если они думают, даже думают, что он... скажите, что он... под надежным наблюдением. Что это мой феникс, и он не будет их беспокоить. Я... я контролирую его целиком и полностью, поверьте.

Фыркаю — оно и видно.

Хмырь подрывается из кресла на ноги — весь в облаке пыли, нелепый и скрюченный. Мутные глазки на миг вспыхивают.

— И еще знайте, что я смогу его защитить. Я не дам к нему приблизиться ни им, ни вам, понятно?! Не знаю, чего вы хотите на самом деле, но я сумею его оградить...

— Оградить? — тихо, почти нежно спрашивает Грыз. — А как?

А я понимаю — как.

Отпихиваю с дороги верещащего Хмыря и выхожу из комнаты. Дар ведет по кривым, затхлым коридорам — на запах огня и металла.

В ту комнату, откуда только что вылетел феникс.

В комнате дымятся остатки стекла. По стенам погуляло быстро прогорающее пламя.

А на полу, прямо посреди комнаты — то, что я и думала найти.

Клетка.

Шесть футов на шесть. Для феникса. Всё равно что яприля поселить в моём флигеле.

Посреди клетки, прямо между мощных прутьев — оплавленная дыра.

Мальчик не смог дышать в душной темнице. Мальчика позвало небо.

Фениксы же не терпят неволи, не переносят её совсем...

Сзади — короткий, хлесткий звук. Это Грызи втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

— Давно вы его начали запирасть?

— Запирасть? Да как вы смее... Просто необходимые предосторожности — здесь беспокойные места, а фениксы такие ценные...

Хмырь теперь пятится, глядя на лицо Грызи. Зрелище, наверное, страшноватое.

— Я спросила — как давно и какими средствами вы его запираете?!

— Что вы себе позволяете?! В моём доме... произвол...

Ну, всё. Сейчас я с этим любителем фениксов сама побеседую. Делаю шаг вперед — и ловлю взгляд Грызи. Подруга качает головой и кивает в небо — мол, не лезь, фениксы должны защищать хозяина, не хватало нам тут сейчас Фианта в таком состоянии...

— Что-то я не понял, как его вообще можно куда-то запереть, — Пухлик осматривает клетку. Трогает пальцем оплавленные прутья. — Во вдарил! Фениксы же плавают любые преграды, им и магические не помеха. В смысле, в чём тогда проблема? Он запер, феникс освободился...

В предательстве, Далли, тупая твоя башка. В предательстве хозяина, который вбил себе в пустую черепушку, что это — его феникс, будто феникс — это какая-то фамильная цацка. И лишил птицу свободы, так что пришлось освобождаться.

Небось, еще и не один раз.

— Не один раз, — шепчет Грызи. — Мел. Нужно выяснить, сколько.

Вывожу к Дару. Выхожу в коридор, внюхиваюсь снова. Ищу всё то же — следы пламени,

душок металла. Хмырь не держит слуг — видно по тому, какой бардак у него даже в коридорах. Значит, вряд ли он сразу избавлялся от того, чем пытался удержать феникса.

Разбирал, небось, по кускам или так куда-то складывал.

Дар ведет. Приходится выйти во внутренний двор — мерзкий и загаженный. Иду впереди, за мной Грызи. Пухлик и Хмырь галдят и мешают.

— Уходите немедленно, я сказал! Вы нагло вторгаетесь...

— Вы что, правда хотите, чтобы мы пошли прямо к уряднику?!

— Вы не смеете! Не смеете! Это мой феникс!

Дохожу до бывшей конюшни. Замираю.

Их так много там. Клеток. Разборных и склепанных намертво. От некоторых остались только куски. От других — следы сетки или металла. Выжженные круги. Кандалы. А вон магические сферы — в такие закрывают психованных магов, чтобы не буянили. Артефакты истощили магию — раскатились по полу, среди искореженных остатков клеток. И цепей.

Открываю рот, чтобы можно было дышать. Говорю Дару — всё, стой, стой, не хочу больше кислого запаха металла пополам с гарью. Не хочу запаха боли и клетки.

Но Дар не торопится униматься. Расползается, лезет во все щели. Клетки сперва плывут перед глазами, потом резко приближаются — могу рассмотреть каждый прут, каждое оплавленное звено цепи.

Кожей чувствую небо и феникса, которому сделали так невозможно больно.

— Понятно, — тихо говорит Грызи. — Началось, конечно, чуть раньше, чем крестьяне начали замечать круги на полях. Думаю, месяц с лишним.

— Ну, вы упорный, — присвистывает Далли. — Но у вас же там чертова туча книг про фениксов. Неужели ни в какой не сказано насчет того, что им ни стены, ни преграды нипочем?

Латурн ковыряет землю ногой в домашней туфле.

— Я... разумеется, я всё знал. Но я каждый раз полагал, что он... привыкнет. И... и останется. Или что он не сможет преодолеть...

— Что?

— Приказ, — Грызи подходит к бывшей конюшне, протягивает руку, но цепей, которые лежат прямо под ногами, не касается. — Вы же не клеткой пытались его запереть. Вы каждый раз приказывали ему в ней остаться. Так?

Воздух перестаёт идти даже в рот. А Грызи продолжает, теперь уже повернувшись к Хмырю.

— Вернее, сначала вы просили, а потом начали приказывать. Так или нет? Для феникса не выполнить просьбу или приказ хозяина — невероятная боль, они же так боятся нас разочаровать... огорчить. Но феникс не может оставаться в клетке. Это для них мучение. И раз за разом... он не мог это переносить, нарушал приказ и вырывался наружу. И каждый раз мучился из-за того, что вырывался на свободу, а потом возвращался к вам — он же не мог не вернуться, верно? Зная, чем кончится. И вы опять отдавали ему тот же приказ... Неудивительно, что он почти безумен.

Безумен от боли и чувства вины. От ощущения предательства. Потому что узы доверия между фениксом и хозяином — это всё, для феникса его человек — это сердце... а это паскудное сердчишко взяло и вытворило такое... такое...

— Скотина.

Разворачиваюсь к Хмырю рывком. Грызи делает предостерегающий жест, только вот

она меня не успеет остановить.

Не в этот раз.

Пухлик, когда я шагаю к подонку-Латурну, вскидывает брови. Небось, не ожидал увидеть на мне такое выражение лица.

Хмырь и вовсе понимает, чем кончится, потому что нелепо шагает назад и грохается на задницу с воплем: «Помогите!!»

Потом мой Дар взрывается безмолвным, опустошающим воплем. Внутри меня. Нестерпимый жар льётся с неба, и оглушительный шелест крыльев, и высокий клёкот...

Успеваю ещё услышать отчаянный крик Грызи: «Вместе!!»

Потом — ослепительная вспышка.

А потом совсем ничего.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

В себя приходится погано. Первое что слышу — за стенкой Пухлик стенает кому-то о своей героически натруженной спине. Потом чую запах дома, где мы остановились. Потом понимаю, что на меня будто сел апрель. Прямо на голову.

Открываю глаза, и перед ними тут же начинают летать огненные вспышки — мелкие фениксы.

— Ну, я дура, — говорю первым делом.

Грызи сидит рядом и одобрительно фыркает.

— Не потому, что хотела Хмырю что-нибудь укоротить, — во рту еще и будто стадо шнырков побывало. — Я с этим скотом... всё равно посчитаюсь. Когда его не будет защищать феникс. Он же его призвал, да? Когда заорал «помогите»?

Конфетки с ее зельями нигде нет. И ожогов не чувствуется. Видать, он не сильно меня ушиб.

— Чем он меня вообще вырубил?

— Ты сама себя вырубил.

Грызи выглядит сердитой и встрёпанной. Звякает склянками на столике.

— Ты была на пике Дара. Сверхчувствительность, как она есть. Он не обжег тебя, не успел даже спуститься. Но предупреждающей вспышки и его крика хватило, чтобы ты отключилась. И мне как-то кажется, что это было не из-за твоей злости на Латурна, а?

Упираюсь глазами в деревянный запаутиненный потолок.

— Сколько ночей ты на бодрящем?

— Прошлой ночью спала.

— Ага, небось, час или полтора. Сколько, я спрашиваю?!

На потолке паук жрет бабочку больше него самого. Поменяться б с ней местами, что ли. Когда Грызи начинает играть в мамочку — это невыносимо.

— Слушай, я сама знаю — сколько мне надо...

— Судя по тому, что у тебя пошли побочки с Даром — четыре или пять ночей, так? Кажется, мы эту тему с тобой уже поднимали.

— Как будто ты больше спишь!

— У меня — тренировки с детства и организм варга, а ты себя попросту гробишь. Придется сказать Аманде, чтобы не выделяла тебе «Глаз стража».

Ладонь с Даром покалывает, и голос Грызи кажется то слишком громким, то совсем тихим. Хоть ты уши заткни. Она со своей ролью насадки кого угодно достанет, послушать, так все вокруг деточки несмышленные. А как тут заснешь, если дураки-вольерные ночные обходы делать не собираются, а за молодняком нужен глаз да глаз, да еще раненые вот...

— Что, одеяльце мне будешь ходить подтыкать? — шиплю, пытаюсь подняться. — Мясника в постельку укладывай, а я сама решу, когда...

— Решай.

Грызи звенит склянками — те из полумрака кидают на её лицо зеленые отсветы.

— Ты же можешь принимать разумные решения, да? Вот у меня в руках «Глаз стража». Решаешь, глотаешь, поднимаешься на ноги... может, повезёт, и ты не отключишься вторично. Хотя, судя по тому, в каком состоянии был Фиант...

— А в каком...

Оказывается, феникс меня шибанул совсем недавно. Часа два назад. То есть, не шибанул — вспыхнул с предупреждением, а я и свалилась. А потом не послушал воплей подонка-Хмыря и рванул в небеса. Молодчина. Правда, Гриз он тоже не послушал...

— Разорвал связь... — она морщится и трёт виски. — Но то, что я успела увидеть... В общем, Латурн слушать не пожелал. Разошелся и потребовал, чтобы мы покинули его поместье. Пришлось отступить. Фиант был неподалеку, мог подумать, что мы угрожаем его хозяину. Судя по всему, он уже не может контролировать себя до такой степени, что мог бы...

«Напасть на человека». Это прячется за её молчанием. Сухим и наполненным звяканьем пузырьков.

— Кейн какое-то время тебя нёс, потом мы встретили крестьянина на телеге. Дела, в общем, скверные. Крестьянин мало того, что видел, что мы шли от Латурна, а ты была в таком состоянии... Так еще и феникс мелькал в небесах. Округа гудит, этот, как его, местный заводила вовсю подзуживает народ. И если ты, героически преодолевая себя, хлебнешь еще бодрящего и упадешь нам под ноги прямо во время местного бунта, или что тут намечается... я даже не знаю, как тут решить — может, ты мне сама подскажешь?

Соплю, молчу, отбиваю взглядами аппетит пауку на потолке.

— Варианты?

— Сонное, — Грызи машет вторым пузырьком. — Часов на шесть, до вечера. По хорошему тебе бы надо сутки отсыпаться, но времени у нас маловато.

Голова себя чувствует, как орех, который попался на зуб шнырку.

— Шесть часов?!

Если тут такое собирается — какой смысл меня усыплять на шесть часов, да тут каждая минута...

— Мел. Ты со сбоящим Даром феникса всё равно не найдешь. Тем более — в небе. И потом... есть кое-что, что я думаю попробовать. Чтобы выиграть время.

Пялюсь на Грызи дальше.

— Как только что-то начнется — я тебя разбужу, — Она отмеряет капли сонного в кружку. — Мне поклясться Первоваргом?

— Ты ж на него плевать хотела.

— А, ну да, точно.

Ладно. Беру кружку, пью. Шести часов на восстановление вряд ли хватит. Но сколько-то можно продержаться. Взглядом напоминаю Грызи — разбудить меня непременно.

Грызи забирает у меня кружку и отставляет подальше. Будто с чего-то знает, что я эту кружку собираюсь метнуть.

— А что вы делать-то будете?

Выглядит она уж слишком безмятежной.

— Так... есть пара мыслей. Ладно, ты спи... мне пора.

Это она потому, что в соседнюю комнату вошли. Неспешные, знакомые шаги. Четкие. От которых начинают подниматься волоски на затылке, потому что этот...

— Ты... кого вызвала?!

Вовремя она убрала кружку.

— Мел, послушай.

— В вир болотный, — пытаюсь найти на поясе бодрящее, но оно все не находится, а его

срочно надо найти, потому что она вызвала Палача, а это значит... — «Глаз Стража» дала, быстро!

Комната плывет — это сонное начинает действовать, только вот черта с два. Подрываюсь на ноги, тут же приземляюсь обратно на кровать, ноги не держат, т-твою...

— Мел, он здесь не за этим, — Грызи хватает за плечи и прижимает к кровати, я выворачиваюсь и брыкаюсь и успеваю ей как следует заехать по руке. Потому что как она могла вызвать Мясника, когда здесь феникс, она что, не понимает, как она...

— Еще раз дернешься — парализую хлыстом, — раздается над головой голос Грызи. — Мел. Посмотри на меня. Ты что, вообразила, что я... поступлю с Фиантом так?

— Почему я знаю, — Руки с плеч убираются, упираюсь взглядом в пляску паука над мухой. Хочется высказаться — что ни черта не понятно, как она поступит. Когда рядом обожаемый устранитель.

Но уже понимаю, что Нэйш здесь из-за своего Дара. Эта дрянь не горит в огне, не тонет в воде, и клинком атархэ его тоже не взять — проверено. Значит, останется жив, если рядом полыхнет феникс.

Грызи вздыхает. Говорит мне: «Давай уже спи, разбужу, как только будут новости». Выходит, прикрывая дверь.

Утыкаюсь носом в подушку, которая воняет мокрыми перьями и мятой. Бодрящего я выхлестала за эти пять дней пинты две. Теперь бодрящее и сонное ссорятся в крови. Изнутри полыхает жаром, перед глазами танцуют фениксы пополам с пауками и мухами.

Печать горит на ладони — не унять. И я слышу.

Легкие шаги Грызи. Шорох ткани — будто кто-то заложил ногу за ногу.

— Не совсем понимаю, в чём может быть моя роль.

— Мел выбыла из строя, так что ясно же, что ты восполняешь уровень чокнутости в группе, — поясняет Пухлик. Звучит невнятно — опять, видать, рот набит. — Кстати говоря, местные малость недружелюбно к нам настроены — не хочешь испробовать на них своё обаяние?

— Припоминаю, на недавнем выезде ты заявил, что я жуткий.

— Так о чём и речь.

Грызи, пока слушает этот трёп, то ли собирается с мыслями, то ли возится с зельями — слышу звон склянок.

— Нэйш. Как можно остановить феникса?

— Забавно, что вы спрашиваете у меня, госпожа Арделл. Этот вопрос слегка не по моей специальности. Все ведь сходятся на мысли, что феникса не убить. Разве не так?

Перед глазами так и рисуется эта его ухмылочка — равнодушная, чуть сожалеющая.

— Я не спросила — как убить. Спросила — как остановить.

— Если пары у феникса нет? Воздействие через хозяина. Удивительно эффективно. Бывает, что хозяев, скажем, берут в заложники. Заставляя фениксов выполнять довольно занимательные трюки. Действует при грамотном обращении — и с фениксами, и с хозяевами, я имею в виду... плюс некоторые виды зелий контроля. Но и феникс, и хозяин в таком случае должны быть в своем уме — иначе...

Грызи теперь расхаживает по комнате взад-вперед.

— Дальше.

— Уничтожение среды обитания, но это нам не подходит. Значит, остается эффект Овхарти... я удивлён, госпожа Арделл. Знаете об этом случае?

— У варгов терминология другая. Но я больше удивлена — откуда ты знаешь о группе Овхарти. Неужели...

Пухлик решает напомнить на себе чем-нибудь, кроме как чавканьем.

— Что за Овхарти?

— Около четырех лет назад группа наёмных охотников получила задание от одного магната, — начинает Мясник тоном «сейчас, деточки, я расскажу вам сказочку». — Своеобразное задание: убрать фениксов из рощи тейенха Редчайшая древесина, ради которой магнат и купил эту часть имения. И которую никто не будет рубить, если поблизости гнездятся фениксы.

— И как дело решилось?

— Руководителя группы, Моррейна Овхарти, осенил замечательный план. Фениксы ведь исключительно чуткие существа. Так? Так что стоит спровоцировать определенные переживания... горе, или, скажем, потрясение, или жалость... И всё становится куда проще. Короткая вспышка в воздухе — и перед тобой беспамятный птенец. Несколько птенцов в этом случае. Беззащитных и не способных даже как следует обжечь — и к тому же, браконьеры дают за них отличную цену...

Решаю — не стоит ли таки встать и пойти, пересчитать Красавчику зубы. Только вот подушка вцепилась — не отодрать, тащит в сон. Плаваю в полутьме, среди смутных запахов и голосов из соседней комнаты.

— Поскольку речь шла о свободных фениксах — Овхарти выбрал в качестве уязвимой точки сострадание. Пообещал изрядный куш одному из двух новеньких в своей группе... Мальчику, конечно, дали дурманное зелье — какую-то дрянь на основе красавки, купленную на базаре. Влили в него кроветвор перед тем, как...

— Бо-о-оженки...

— ...думаю, это можно было назвать... хм, опытом, которым не все остались довольны. Некоторые подручные Овхарти уверяли, что одного испытуемого будет мало. Другие предлагали взять кого-нибудь из деревни — желательно, женщину или ребенка. А сам Овхарти был пьян. Так что он... в какой-то момент увлекся. Забыл регулировать количество крови и громкость криков подопечного. Забыл следить за реакцией фениксов. Так что, когда испытуемый умер, оказался не готов, как и все остальные. Не успевшие выставить защиту.

— Фениксы вспыхнули все сразу и неожиданно сильно, — продолжает Грызи тихо. — Как не бывает при перерождении. Я потом была в этой роще, видела обожженную землю. Пострадали даже стволы тейенха — хотя древесина считается несгораемой... Но мне сказали, что из группы Овхарти не выжил никто. Вот только не объяснили, куда делись переродившиеся фениксы.

Подленький смешочек, как бы говорящий — извини, а дальше уже думай сама. Не то чтобы среди присутствующих были маги, которым не страшно пламя...

— То есть ты предлагаешь пытаться кого-нибудь рядом с Фиантом, чтобы он вспыхнул. Если, конечно, он при этом не кремирует нас всех заживо. Отличный план! Надежный, вир побери, как мастерградские артефакты. Надеюсь, ты притащила его сюда не из-за... ну, знаешь, его умений тыкать острым в живое? Вообще, можно я пойду — а то мне не нравятся намерения, написанные на его физиономии.

— Кейн, боюсь, нам без тебя не обойтись.

В голосе Пухлика крепнет паника.

— Можно хотя б сделать вид, что меня пытаются? Орать обещаю, как взаправду. И

вообще, есть у меня тут кандидат из деревни...

— Кейн.

Это уже Грызи вышла из нехорошей задумчивости.

— Пытать никого не будем. Я попробую как варг.

— Попробуешь — что?

— Уговорить феникса на воспламенение. Или... заставить его.

Короткое молчание. Я отпихиваю и отпихиваю мягкие лапы сна — хочу крикнуть:

Грызи, ты что, так же нельзя, а если не получится — ему только станет больнее, это же...

Голова налита свинцом. Одежда весит как три альфина. Голоса начинают размываться и пропадать.

— Рискованный план, госпожа Арделл. Животные, знаете ли, склонны вырываться из внутренних клеток с яростью.

Молчание — наверняка эти двое играют в гляделки. Пухлик вопросительно мычит.

— Если иного способа остановить феникса не будет — я попытаюсь поставить в его сознании барьер на воспламенение. Примерно как в Фениа, но барьер будет внутренним.

Голос Грызи чуть различим, но меня продирает холодом до печенок.

— А поскольку фениксы не терпят барьеров — это может вызвать перерождение в пламени, — со вкусом заканчивает Мясник. — С эффектом Овхарты, не так ли, госпожа Арделл?

— И потому вы мне понадобится, — сухо отзывается Грыз. — Твой Дар закроет от огня двоих? От пламени феникса?

— Определённо. Так уж вышло, что я... проверял.

Сказала бы я ему кое-что, да только может быть, что мне вообще всё это снится. Уплываю в теплом коконе неведомо куда. Печать покалывает всё меньше, и доносится только голос Пухлика:

— А не проще всё-таки через хозяина?

И ответ Грызи.

— Понимаешь, в тех случаях, когда вмешиваются две стороны — например, животное и хозяин... начинать обычно приходится с самого вменяемого.

Потом я сплю, и у меня во сне полно полыхающих от горя фениксов.

* * *

Просыпаюсь от воплей Пухлика. Тот, видать, решил-таки изобразить, что его пытаются.

— Эй, давай вставай, у нас проблемы...

— И самая здоровая — прямо тут, — Я продираю глаза и сваливаюсь с кровати. — Чего там?

— В общем, мы облажались, и теперь нам нужен Следопыт, чтобы поймать Латурна, пока его не грохнул собственный феникс.

Тоже мне, удивил. Команда-мечта, где на одну Грызи два идиота.

За окном начинается вечереть, деревня как-то нехорошо притихла. Пухлик трусит рядом и обозначает: феникса нашли не сразу, видно, был в небесах, Грызи попыталась с ним наладить контакт и у неё стало даже получаться...

— А потом он, представь себе, срывается с места и уносится вир знает куда — только хвост мелькнул. Мы, понятное дело, бежим следом...

Ага, лови феникса в небесах.

— А что Хмырь?

— Метко, — ухмыляется Пухлик кличке. — Гриз сказала, что наш друг феникс не просто так изобразил звёздный камень в небе. Призыв хозяина, очень мощный. Такой, что и единение заставил порвать. Само собой, мы вернулись в поместье Латурна...

Только вот в хмырином логове этого идиота не оказалось. И феникса тоже.

До поместья добегаем, еще пока сумерки как следует не сгустились — навстречу летит крик феникса. Пухлик оживляется, но я мотаю головой. Это Грызи пытается искать.

Сама она серая — видно даже в сумерках.

— Он его не бросит, — первое, что говорит. — Не желает воспламеняться, потому что это разлучит его с хозяином. Уникально крепкая связь... Нужно найти Латурна, как бы хуже не было.

— Может, они еще сами договорятся, — сомневается Пухлик, когда я взываю к Дару и «принюхиваюсь» к поместью. Кожей чувствую, как у меня за плечами Грызи качает головой. Ну да, там же Хмырь...

— О другом выходе вы, конечно, не думаете, госпожа Арделл?

Мясник торчит в тени ограды. Вон, лезвие на ладони чуть заметно посверкивает.

— Последнем выходе, — продолжает Нэйш нежно. — В случае смерти хозяина...

Феникс воспламеняется, — бахает меня с размаху по голове продолжением. Перерождается, теряя своего человека. И это очень больно, но потом он опять становится птенцом, получает новую жизнь, новое предназначение...

Получает шанс.

Грызи смотрит в тень ограды и чеканит слово за словом:

— Может, ты забыл, но я не принимаю таких решений. И если ты только вздумаешь...

— Я? — удивляется Мясник. — С чего бы? Знаете, это даже как-то... не в моём характере.

Пухлик фыркает: «Ну да-а-а, конечно». Я кусаю губы и шарю своим Даром. И мысленно стряхиваю прилипчивый смешок из тени.

Потому что это в *моем* характере, вот почему. Обещала ж разобраться с этой мразью, Латурном. Нэйш там, в тени, молчит, но я прямо-таки слышу: эй, не хочешь попробовать освободить феникса? Простейший вариант. Минимум жертв. А?

Живодер в своем стиле, ну. Встряхиваю головой — а, да пошел ты в вир, работать надо. Печать греется на ладони, ловит подобие следа. След идет на запад, в леса.

— Нэйш, останься возле поместья, — выдает Грызи, — если Латурн вернется домой — силу не применять, ясно?

В тени обозначается ответный оскал: я тебя услышал, но всё равно сделаю, как захочу. Жаль, некогда метнуть в гада нож.

Грызи срывается с места и несется на запад. Мы с Пухликом поспеваем следом.

Дар ведет через пень-колоду, а след — кривой и путаный. Петляет по полям, тропам, тонет в ручьях, спотыкается о камни. Латурн мечется по всей округе как помешанный: забегает в рощу, потом идет по дороге, потом через луг...

Ругаюсь сквозь зубы, надеюсь, что Дар не вырубится в распоследний момент. Грызи время от времени призывает феникса. В небе ни отклика. Пухлик пыхтит и охает.

— С чего это ему вздумалось погулять такими зигзагами?

Потому что у Хмыря тараканы в башке. Как будто еще непонятно.

— Это не он, — досадливо отвечает Грызи. — Не Латурн. Он всего лишь повторял то, как двигался феникс. Пытался за ним угнаться...

А Фиант, значит, метался в небе как безумный.

— Феникс, стало быть, хотел от него удрать?

— Да. Пытался нарушить приказ... нарушить узы.

Грызи больше не говорит ничего, да оно и ясно. Фиант больше не может быть рядом с хозяином. Вот и пытается вырваться и отдалиться. Только вот узы между фениксом и хозяином нерушимы. Так что это бессмысленные попытки. Которые ни к чему хорошему не приведут.

И не приводят.

Мы часа четыре шаримся по уже ночному лесу с фонариками. Кое-где начинает пахнуть гарью — верхушки деревьев обожжены. Потом след изгибается и начинает возвращаться к поместью Латурна, тьфу ты, да сколько можно. Только теперь он ровный, ведет по тропе через лес и не сворачивает.

— Сковал феникса приказом и двинулся в сторону поместья, — шепчет Грызи. — Феникс был в небесах, над ним... быстрее.

Вспышку мы видим, когда пробираемся по лесной дороге — где-то на полпути между деревней и хмыриным логовом. Огонь в небесах, на который мы несемся — и на дороге находим Латурна. Живого, перемазанного и с чуть подпаленными волосенками.

При нём фонарь из ракушек флектусов, и в синеватом свете Латурн выглядит по-покойнически.

— Он... он меня обжег, — шепчет Хмырь и тычет пальцем вверх. Там — подпаленные кроны деревьев и ночь. — Я... я только хотел уберечь его, защитить его... вернуть его, чтобы никто не посмел...

Феникса над нами не слышно и не видно. В ночном небе и не различишь, пока не загорится. Но он точно где-то здесь: чую без Дара.

— Вернуть его, — шлёпает губами Хмырь, потом спохватывается и обшаривает нас глазенками: — А что вы тут... зачем вы тут? Это вы, да? Вы что-то сделали с ним, это из-за вас...

Грызи выглядит так, будто сейчас удушит Хмыря хлыстом. Но говорит только:

— Помолчите-ка и послушайте. Вы довели Фианта до такого состояния, что он пытается от вас сбежать. Если попытаетесь сковать его приказом еще хоть раз — он постарается освободиться... по-своему. И если при этом причинит вред вам — сойдет с ума окончательно, и плохо будет всей округе.

— Вы лжете!

Ну да, с кем она говорить пытается.

— Фиант — мой феникс! — Латурн машет длинными руками, распяливает рот. — Он любит меня, он... со мной... со мной! Он бы никогда не причинил мне вред, это вы его натравили. И я... буду жаловаться, да! Вы навредили моему фениксу, вы пытались убить меня!

Это он уже мне. В памяти как на заказ всплывает светлая улыбочка Мясника. Как бы говорящая — эй, ты же знаешь, что в твоём характере, а?

Мысленно шлю Мясника в болото и делаю шаг вперед.

— Я и не начинала, скотина.

Хмырь заглядывает мне в глаза — и верещит на всю округу. Не успеваю выдернуть нож

из ножен — как слышу свист крыльев. Неяркая точка в небесах разрастается в Фианта.

Феникс висит у нас над головами — футок в двадцати. Неровно вспыхивающий и большой — сразу видно. Глаза — раскалённое золото. Хриплый, измученный крик. Бедняге тяжело далась эта погоня.

— Вот! — торжествует Латурн. — Не вынуждайте меня, ясно? Не смейте ко мне приближаться. Фиант защитит меня, так ведь, Фиант? Иначе — я предупреждаю... иди ко мне, Фиант, вот так, ближе...

Феникс начинает спускаться и тускнеть, только ни черта это ни хорошо. Видала я такие затишья у бешеных зверей. Придурок-Латурн ухудшает ситуацию изо всех сил.

— Да-да, вот так, ко мне, ко мне... — я прикидываю расстояние до феникса и тихо берусь за метательный нож на поясе. Хорошо б, Пухлик холодом прикрыл. — Ко мне, мой славный. Не смотри на них, не слушай их, они желают нам зла. Но мы сейчас уйдем, мы вернемся в поместье, и всё станет как прежде. Ты не покинешь меня, верно?

Феникс делает короткий рывок — и замирает в небе, будто на него сеть накинули. Вкрадчивую сеть из хозяйского тенорка.

— Нет, нет, не уходи больше, мой славный, иди ко мне, да, сюда, вот так... Прямо ко мне, мы сейчас уйдем отсюда, и мы больше не расстанемся...

Он будто веревку сматывает — и феникс спускается и спускается, как на привязи. Дергается — и покорно снижается опять. Дышу сквозь стиснутые зубы, пальцы — на теплой рукояти метательного ножа.

Если Грызи еще постоит и не вмешается — вмешаюсь я. Через миг... два...

Феникс замирает, когда Латурн выдает очередное:

— Мы пойдем в поместье... в поместье... и тебе там будет хорошо, никто тебе не помешает, никто не тронет. Ты будешь со мной, всегда со мной...

Лес вокруг вибрирует от высокого крика. Фиант камнем падает с воздуха, процветая пламенем. Хмырь не успевает еще испугаться — а феникс уже замирает. Остановленный горячечным шепотом: «Вместе!»

Грызи и Фиант теперь друг напротив друга. Она запрокинула голову. Он слегка поднялся и потускнел. Глаза в глаза — последняя попытка. Хмырь пытается ещё что-то бляеть про своего феникса, но я только говорю:

— Заткнись, — а потом делаю жест Пухлику — всё, убалтывай.

Вдыхаю-выдыхаю, пытаюсь успокоить Дар, а то как бы не вырубиться. Послать в глотку Латурну атархэ хочется до зуда в пальцах, только вот там Грызи напротив феникса. Так что нельзя.

Пухлик обрабатывает Латурна, тот крутится, мямлит что-то непонятное. Не пытается звать к фениксу. Далли навешивает на него в минуту столько — с ушей вилами надо сгружать. Про питомник, урядника, округу, клетки, фениксов, финансовые затруднения. Пока Хмырь пытается переварить это всё, Пухлик косится на Грызи. Застывшую в противоборстве с фениксом.

— Нам что делать? Её страховать, если вдруг полыхнет?

— Ага, — цежу сквозь зубы. — Затывать этого. Её страховать. И разбираться с проблемами. Потому что сейчас они будут.

Взмахиваю ладонью с Знаком Следопыта. И поясняю, глядя на вопросительного Пухлика:

— Вилы и факелы.

* * *

Пухлик всё-таки умеет удивлять. Думала, скажет какое-нибудь ругательство. Но «Боженьки, ну вот опять» заставляет даже Хмыря приотвиснуть челюстью.

— Далеко они? — спрашивает Грызи углом рта.

— С милю.

— Сколько?

— Под три десятка.

Орут и топают — скоро и досюда долетит. Времени — навалом. Развернуться на лесную тропу — и эти мстители нас до следующего цикла не поймают.

Правда, если мы уйдем, то останется бедолага Фиант, которого только Грызи удерживает от следующего воспламенения. Или от того, чтобы сжечь идиота-хозяина. Не бегать же по лесу от деревенских, таская за собой феникса в небе.

Так, что никуда Грызи не собирается. Вместо этого проговаривает, не отрывая от птицы глаз:

— Мел, Кейн, уходите.

— Пф, — говорю я на это.

— Уведите Латурна в его поместье.

— Я... никуда не собираюсь, — бубнит Хмырь, тревожно поглядывая на Пухлика. — Я не уйду. Что вы задумали? Это мой феникс, только мой, вы не отнимете...

Фиант завис над макушками деревьев, дергается и ныряет в воздухе, не спускается. Крылья по временами почихивают алым.

Ночь вокруг феникса цветет кровавым золотом.

Пыхтения и жара слишком много для одной группки деревенских. Прислушиваюсь лучше к тому, что творится позади нас. Ловлю треск и гул пламени.

— Некуда его уводить. Поместье горит.

— Надо думать, туда дошли из соседнего селения, — бормочет Пухлик. А мой Дар забивается топотом, криками и запахом гари. И я шепчу Печати — ладно, всё, теперь без тебя.

Выдвигаю из ножен верный метательный ножичек, пробую кинжал на поясе.

Предлагаю Пухлику замазать Хмырю магией, ну или просто по башке. Чтобы не мешал.

— В кустах он будет поспокойнее.

— Да как вы смеете, — заходится Латурн, и сутулится, и топчется на месте. — Вы думаете, вам сойдет такое с рук? Фиант защитит меня, да, обязательно. Он — мой феникс.

И не может не встать на защиту, да. Делаю Пухлику знак — стоп, не трогать придурка. Иначе Грызи Фианта не удержит, у нее вон уже лицо от напряжения искажается. Скоро говорить не сможет.

На прощание, небось, выдаст что-то вроде: всеми силами защищать Латурна от толпы. А то если ему всадят в брюхо вилы — феникс совсем обезумеет.

Но Грызи говорит другое:

— Мел. Кейн. Любыми способами уберите их... за пределы... очага... возможного воспламенения.

И тут я понимаю, насколько дело плохо.

Деревенские появляются скоро. Факелы-вилы-распаренные рожи. Перегар и чесночный дух — запах храбрости. Наполовину — мужики, дальше не в меру решительные бабы и

юнцы. Визжат всякое на бегу. А впереди бежит и орёт Его Красномордие. Тот самый, Окорок. Готов добрызнуть слюной до макушек елей.

— Натр-р-р-равил! — закладывает уши ором, а сам наставляет арбалет на моргающего Хмыря. — Ты, падла... тварь свою! Натравил! Мой дом! До головешек, падла!! Жену мою... сына!!!

Остальные тоже что-то выкрикивают в унисон. Смутно понятно, что Фиант нынче вечером спалил Окороку дом. И теперь все считают, что феникса натравливал Хмырь. Да и вообще, что надо избавляться — от феникса и Латурна, а может, и от нас.

— Потише, там!

Голос Грызи хлещет получше кнута и перекрывает общий ор. Бегущая толпа разом превращается в стадо с вилами, факелами и дубинками. Сгрудились на дороге, не добежав до нас футов сто.

Говорить Грыз тяжело, но она звучит чётко и внятно.

— Видите феникса в небе? Он безумен. Это не его вина. Но в любой момент он может вспыхнуть. Если я не удержу. Не уговорю. Если пострадает его хозяин. Он вспыхнет и выжжет здесь всё. И всех.

— Врет, стервь! — орет какая-то бабёнка. — Варг она, тудыть-растудыть. А ну, робяты, стрелу в неё всадите.

Робяты не торопятся. Косятся на феникса в небесах — птичий силуэт, будто сотканный из тлеющих угольев. Смотрят на Грызи, которая не отрывается от Фианта глазами и выглядит так, будто канат с альфином перетягивает.

— Не хотите сгореть — не мешайте, — выплёвывает Грыз и отправляется в мозги к Фианту. В волны безумия.

Мантикорья печёнка, переговоры теперь на нас с Пухликом. Я пока вижу вообще только один выход: прикончить Окорока. Который беснуется, трясет арбалетом и рвет на себе рубаху. И со всхрапыванием твердит про свой спаленный дом, и жену, и сына, и что он жить не будет, пока Латурна не вывернет наизнанку.

— Да как вы смеете! — выходит из молчания Хмырь. — Мой феникс...

— Компенсация! — встречает Пухлик.

Три секунды поражённого шуршания елей.

— Точно, вспомнил — в таких-то случаях всяко уж помощь от округа положена, — выдаёт Далли громче прежнего. — Вы еще к окружным-то властям не обращались, а господин... вы же господин Спейк?

Господин Спейк с тупым видом таращится на Пухлика. Который всплескивает руками и расточает сочувствие. И обрисовывает, как нам ужасно-ужасно жаль. А потом начинает живописать — сколько золотниц Окорок может получить за свой спаленный дом от окружных властей.

Выходит что-то до чрезвычайности много.

— Так а разве ж погорельцам столько дают? — волнуется бабёнка, которая не любит варгов. — А это каждому так?

Кто-то вякает: «Молчи, он зубы заговаривает». Ражий детина, который заплевал всю тропинку, гундит, что пора бы уж и вилы в ход пустить.

Но все приклеились к Пухлику так, что и о вилах, и о фениксе забыли.

— Да уж это от обстоятельств зависит, — разливается тем временем Далли. — Тут, понимаете ли, насколько обстоятельства трагичные. Уж я-то на этом собаку съел, можете

верить. Вот у вас, господин Спейк, ужасно трагические обстоятельства, еще раз примите искренние соболезнования. Вдовство... любимая жена, да с сыном... Вам потому нужно скорее все бумаги оформить, чтобы ни один чинуша не подкопался и не опроверг. Чтобы всё по букве закона, значит, а то вы понимаете, крючкотворы эти и с места не сдвинутся...

Что он несёт, мантикоры ему в печёнку.

Хмырь тоже забыл ныть про своего феникса. Торчит, как кривой, поросший мхом ствол дерева. Факелы чадят не вечернем ветерке. Далли рекой разливается о том, как оформлять бумажки, и о проклятых чинушах. По временам вставляет участливые вопросы:

— Когда, говорите, дело было? Ближе к восьми? Вот, хорошо, так и надо указать, так и надо, что ближе к восьми, а еще лучше — чтобы точное время. Ну, это уж свидетели укажут, а? Кто с вами был, говорите, господин Спейк?

Окорок смекает наконец, куда его тащат. Снова начинает орать и брызгать слюнями. Показывая, чего он, бедный, натерпелся. Когда на его же собственных глазах проклятая птица принеслась и спалила его дом. До головешек. Падла.

Далли кривит рожу в сочувственной гримаске.

— Какой кошмар, такое увидеть... так, значит, больше-то феникса никто не видал, господин Спейк, да?

— Над деревней! Над деревней эта тварь пролетала! — орет Окорок, а толпа начинает опять гудеть — мол, да, все видели, пролетала, а потом как полыхнет — и головешки.

— Так, стало быть, кроме вас никто не видел, как феникс дом поджег? — невозмутимо интересуется Далли. — Ну, что вы огорчаетесь, я ж так, по-доброму. Для документов-то со свидетелями бы... надежнее. Но это ничего — в округе тогда есть хорошие зелья. «Истина на ладони», знаете? Всего-то выпить да описать, как было дело. Это они со всеми так — чтобы пуганицы и вранья не было.

— Ты на что это намекаешь? — шипит Окорок, наливаясь цветом копчености. — Ты говоришь — я вру? Падла! Да ты...

Теперь он наводит арбалет на Пухлика, а тот живо вскидывает руки — мол, я весь безоружный, глядите. Попутно делает мне знак — не трогать нож.

— Ой, ой, вы же не убьёте тех, кого к вам окружной инспектор послал? Нет-нет, давайте будем благоразумными. Тридцать свидетелей, кто-то на допросах да проболтается, а это ж такие кары... нет-нет, вы поспокойнее. Я ж только говорю, что в округе страсть как любят всех поить зельем правды — сам пил, как на духу. Они и нам с собой дали, никуда без него людей не выпускают. Господин Спейк, вы бы выпили, а? А потом бы как следует вспомнили — во сколько дело было, как феникс чего поджёл...

И делает шаг вперед, зажав в кулаке пузырек с пояса. То ли кроветворное, то ли антидот — не рассмотреть. Окорок шарахается так, будто там яд.

— Ты... не подходи! Падла, отравишь!

— Да я сам глотну, — говорит Пухлик и точно, делает глоток. Чую запах бодрящего. — Ну вот. Я врать не могу. Ну, а чтоб и вам не глотнуть, а? Чего бояться-то?

Общее замешательство. Окорок шмыгает маленькими глазками, водит языком по губам. По толпе гуляют шепотки. Кто-то пытается мыслить.

— Если, конечно, это был феникс, — добивает Далли. — А то ведь, как вы думаете, господа хорошие, могло было быть так, что феникс просто мимо пролетал, ну вот по своим делам, а дом полыхнул от чего другого? Мел, как ты считаешь, хорошо бы поглядеть на пепелище, а? Ведь от огня феникса-то они совсем особенные, как вот на полях — легко

отличить от других. А то уж, извините, господа хорошие, но дело выглядит так, будто вы собираетесь нас пырнуть вилами как-то и без веской причины. Может, для начала разберем дельце, а? Феникс, конечно, чокнутый, этого никто не отрицает. Палы полей и лесов — его дело, хозяин вам... э-э, возместит.

— Да как вы сме...

— А ну заткнись, кому сказано, — шиплю я Хмырю, — тебе тут жизнь спасают, идиотина.

— Да только насчет сожженного дома я сильно сомневаюсь, — договаривает Пухлик. — Тут, прежде чем вам брать грех на душу, надо бы посмотреть. А, Мел? Разобраться бы.

— Ага, разобраться, — гудносит кто-то из второго ряда. — Ваша Следопытка вам что хошь напоёт.

— Так вы любого другого найдите, — отзывается Пухлик спокойно. — А хотите — и нескольких созовем. Обмозгуем как следует: мог ли феникс такое сделать?

Здоров он языком трепать. Стадо отвлеклось от вил и факелов, зачесало в затылках. Женские голоса затянули, что да, и пепелище-то непохоже, да и горело, вроде, не так. Кашлянул и высморкался кряжистый дедуган — с таким авторитетом, что все аж вздрогнули.

— А точно феникс-то был? — это он к Окороку. Тот дёргается, кашляет, бормочет невнятно.

— А правду, скажем, люди говорят, что вы жену поколачивали? — тут же дожимает Пухлик. — И сына считали никчемным, раз он у вас без магии родился, а? Говорили еще — мол, век бы глаза не видали? А насчёт того, что есть у вас, будто бы, партия в соседнем селе — есть такое? Так там точно был феникс, господин Спейк?

Огорока сейчас удар хватанёт. От информированности Пухлика по части местных сплетен. Рожа — будто часов восемь висел кверху ногами. И глаза так же наружу лезут.

Остальные дружно пытаются выскрести из затылков зерно понимания.

Приходится им подсказать напрямик.

— Скотина. Сам дом подпалил, а на феникса сваливает. Небось, жену и сына еще до этого прибил?

Общество ахает. До общества доходит. Тут же вспархивают поганенькие шепотки — о любовнице, да и не об одной. О каком-то наследстве жены. И о пятнах крови. Подростки еще рвутся в бой — отомстить за поля и хоть кого-то наколоть на вилы. Мужики бормочут, что надо бы получше разобраться. А кто-то уже заводит возмущенное, высокое: «Так ты, гад, во что нас втравил?!»

Тут влезает Хмырь, который понял с пятое на десятое, а с любимой мелодии не слезает.

— Вы... клеветеете на моего феникса! — тычет пальцем и сверкает глазёнками, весь длинный и нескладный. — Клеветеете на... благородную птицу! Фиант не может приносить зла, и это все знают, он мой! А я не отдавал ему таких приказов, я...

— А с полями — значит, отдавал? — зловеще изрекает бабёнка с вилами. И я ловлю нехорошую вспышку в небесах.

— Н-не... — блеет Хмырь. Я пытаюсь ему рот зажать, только эта бестолочь меня выше на два фута. — Нет, я не отдавал, конечно... но вы должны понять... он... он немного был болен, но все будет хорошо, я обещаю, он больше не будет причинять вам никакого беспокойства, я буду держать его под надёжным замком...

Болезненный стон Гриз и полный боли вскрик феникса сливаются воедино — от земли

и от неба. Вспышка обжигает огнем глаза. А, мантикоры корявые, феникс же слит с хозяином, он, значит, понял...

Толпа шарахается, визжит: «Стервь! Натравливает! Тварь поганая!» Хорошо хоть — шарахается от нас, а не к нам.

Все, кроме Огорока. Этот наконец осознает, что у него план провалился. Потому решает действовать напролом.

— Падла! — ревет, вскидывая арбалет. Готовлюсь сигать, сшибать Далли. Или тянуть на землю Хмыря. Смотря в кого наведет.

Не наводит ни на кого.

Потому что из-за недалекой ели с тонким свистом вылетает лезвие. Делает пару кругов вокруг шеи Огорока. И тонкая, звенящая цепь натягивается струной.

Мясника хлебом не корми, дай эффектно появиться.

— Добрый вечер, — говорит он, неторопливо выходя из-за ели. В маск-плаще поверх белого костюмчика. Ткань у маск-плаща пропитана особым составом, так что Нэйш будто выносит на тропу часть леса на плечах.

Местные такого дива не видали и даже не тыкают в Мясника факелами и вилами. Так что тот спокойно доходит до нас, волоча с собой Огорока на цепочке. Спейк хрипит, хватается за горло и ползет на брюхе вслед — а то его просто задушат.

Мясник идет, будто собачку выгуливает. Выбирает себе место между Хмырём и Грызи.

— Госпожа Арделл, — легкий кивок, — Кейн. Мелони.

— Где шлялся? — огрызаюсь я вполне себе вежливо.

— Мы немного побеседовали с теми, кто решил поджечь поместье. Они оказались удивительно покладистыми. Конечно, было несколько тех, кто не желал прислушиваться к разумным доводам... — на секунду потуже затягивает цепочку, и Огорок начинает хрипеть.

— Прекрати, — цедит Грызи, не отвлекаясь от внутренних разговоров с фениксом. Мясник моргает — явно не думал, что она ещё может говорить. Или слышать.

Ослабляет цепочку, и Огорок бессильно распластывается на земле, а Мясник договаривает с поганенькой своей улыбочкой:

— Но в конце концов они решили, что лучше разойтись по домам. В конце концов, сожжение поместья господина Латурна немного их развлекло. Думаю, с той стороны проблем остерегаться не стоит.

— Подсказать, с какой стоит? — хмуро спрашивает Пухлик.

По бледному лицу Грызи медленно ползут капли пота, и её переговоры, кажется, проваливаются. Фиант, видать, вообразил, что она пытается его поработить, потому что рывки у него в небе становятся всё чаще и резче. Бьёт крыльями всё сильнее, и перья прорастают огненным. Грызи держит из последних сил.

Огорок лежит, раскидав руки и ноги, свистит горлом и сопли подбирает. В толпе начинают хвататься за вилы и факелы по второму разу. Потому что «Наших бьют, варги проклятые!»

Воздух пропитывается запахом заварухи.

— Как необдуманно, — говорит Мясник, ухмыляясь в рожи разъяренным деревенским. — Господа, что, в сущности, вы собираетесь делать? Попытаться убить нас вилами и факелами?

— Небось, и Печати есть! — долетает боевитый отклик. И факельно-вильное стадо делает пару шажков вперед, переговариваясь и подталкивая друг друга.

Мясник глядит на них, как на ягнят на бойне.

— Правда? И сколько среди вас... ну, скажем, хотя бы обучалось приёмам боевой магии? Сколько с опасным Даром? Есть кто-нибудь... не знаю, с огнём? Всего один? А остальные — травники, вода... некоторые Стрелки, верно?

— Да чего мы слушаем! — волнуется в ответ стадо-слушатель. Единым тупым многоруким-многоногим телом. — Бить надо, растудить. Сволочи. Мозги он морочит, франтик! Да чего они могут-то? Чего он нам сделает, этот...

Мозги вывернет — Мясник это умеет здоровски. Принимает свой вдохновенно-западлистый вид. Небрежно роняет маск-плащ с плеч (вздохи невидимой женской аудитории). И начинает в лучшем лекторском тоне:

— Кто-нибудь знает, что такое *атархэ*?

Многоголовое тело моргает и молчит. Вступает Пухлик:

— Оружие, которое делают в Мастерграде. Или просто те, у кого есть Дар Мастера. Особое, стало быть, оружие — чует своего хозяина и его приказы. Стоит немалых денежек, конечно, и делается под заказ, но зато уж и результат, а?

Ни черта Пухлик в оружии не смыслит — *атархэ* не всегда заказные. Есть Мастера, которые ваяют оружие «по велению Дара». Будто что-то прозревая или видя — кому такое подойдёт. Только вот могут века пройти, пока такое творение узнает хозяина. Это вроде как с фениксами — предначертанность.

Но Нэйш кивает и одобрительно скалится.

— Спасибо, Кейн. Так вот, атархэ даёт в бою огромное преимущество. Меч-атархэ всегда будет эффективнее обычного меча. Один человек, у которого есть такое оружие, может легко справиться... скажем, с пятью нападающими. При некоторой сноровке. Если же сноровка велика...

Под его немигающим взглядом цепочка будто сама собой вздёргивает плюющего и кашляющего Огорока в положение сидя. Лезвие делает пару оборотов назад. И плавно влетает в ладонь Мясника — серебристой стрелкой.

Видеть эту штуку не могу. Он год назад притащился с ней с одного из вызовов — так и не расстаётся. С виду неудобно — лезвие на цепочке, только Мясник справляется. За год положил столько зверей...

— Палладарт, — нежно говорит Нэйш и ласкает пальцами свою игрушку. — Или дарт. Распространён в Дамате... вообще, на востоке. Позволяет действовать на расстоянии. Можете поверить, я владею им неплохо. Думаю, пятеро из вас просто не успеют к нам приблизиться, и после сближения как минимум семеро проживут недолго. С учётом моего Дара...

Хмыкает и поднимает ладонь с Печатью Щита. Звучит одинокий ох — кто-то знает, что это за Дар. Доносит до остальных. Ох набирает насыщенность.

Мясник журчит себе да журчит.

— Итак, только я обеспечу около дюжины смертей. Пойдём дальше. Мелони, у тебя, кажется, тоже *атархэ*? Метательный нож. Я не ошибся?

Сцепив зубы, достаю отцовский подарок. На секунду приподнимаю на ладони, заставляю зависнуть в воздухе.

— Плюс ещё несколько метательных ножей и... других предметов. Да ещё кинжал. Сколько ты возьмёшь на себя, Мелони? Скажем, восемь, для круглого счёта. И Кейн...

Мерит глазами Пухлика, качает головой. С ног до головы — сожаление.

— Это боевая стойка, Кейн? Ладно, в любом случае... Дар Холода. Пусть будет три.

— А надбавить за нестандартность мышления?

— Пусть будет пять. Итак, двадцать пять. Вас здесь... двадцать семь, этого господина, — кивок в сторону Окорока, — в расчёт принимать не будем. Вы правда хотите начать бой на таких условиях?

Деревенские не хотят. Отдельные дуралеи вякают, что «хлыщ в белом» всё пугает, а сам-то, небось... и тут же затыкаются, когда видят полубеспамятного Окорока.

— Вам-то оно зачем? — подключается Далли. — С этим Спейком дело ясное — феникс его дом не сжигал. Да и в любом случае — разобраться надобно. Вам-то за что мстить и за какие идеи помирать?

Стадо мычит, в смущении поглядывая на факелы. Перекашливается, перешёптывается. Никакого Дара Следопыта не надо, чтобы прочесть у них по лбам — да мы б разошлись, только как-то неудобно получается.

— Да, а поля-то наши, — прикладывает тот самый основательный дедуган. — Не уйдём, пока с полями не порешаем! Что ж, эта птица бешеная так и будет тут летать? Детей пугает, жжет всякое. Сил терпеть нету! Вы, господа хорошие... того, не думайте, что мы тут непременно жечь-убивать. Только нас же и выслушать никто не хочет! А ежели б вы убрали эту дрянную птицу подальше, так мы бы сразу же...

— Да что вы понимаете!!

Хмырь перестаёт стоять столбом, отпихивает меня с дороги. Бешено машет руками, шевелюра всклокочена, а сам выпаливает все то же. В сто какой-то раз.

— Дикарство! Необразованные дикари, вы все, что вы можете понять! Сжечь поместье... умеете только разрушать прекрасное, и я буду жаловаться! Да! И вы не смеете оскорблять Фианта, прекраснейшее, благороднейшее создание. Вы! Жалкие завистники! Вы не отнимете его у меня, не сможете!

Готовлюсь сигануть на тупицу и заткнуть ему рот так или иначе. Раз уж Мясник или Пухлик не позаботились. Только не успеваю.

И среди всего остального бреда Латурн это всё же выпаливает.

— Что вы понимаете, вы! Вы оскорбляете его даже своими взглядами! Вы недостойны его касаться и смотреть на него, и будьте спокойны — я сумею его от вас укрыть, спрятать...

— Заткнись! — ору я.

— Убирай свою тварь, кому сказано, — гудят деревенские лесным ульем. — Куды хочешь, прячь, а за поля плати, а то мы тебя...

— Господа, вам напомнить расклад? — это Мяснику не нравится, что толпа сделала шаг вперёд.

Расклад уже не надо напоминать. Потому что в небесах разливается ало-золотое сияние. А после этого звучит сдавленный голос Грызи:

— Все! Немедленно! Вон!!!

Лицо у неё бледное и заострённое, будто нож. Губы искусаны. И зелень покидает взгляд.

Феникс над головой взмахивает крыльями — и процветает жаром.

Красиво до чёртиков. Весь полыхает, глаза — как расплавленное золото, а сам переливается — каждое пёрышко полыхает. Ещё взмах и ещё. Волна сухого жара доходит до земли — заслоняюсь ладонью. Потом Пухлик малость охлаждает воздух.

Деревенские драпают, как коза от алапарда. Окорок драпать не может, потому,

откашливаясь, ползёт с дороги в кусты. Хмырь цветёт и со слезами умиления пялится в небо.

А Грызи пытается отдышаться, шарит рукой — на что б опереться. Подхожу, подставляю плечо.

— Ну, как?

— Больно, — отвечает Грызи, тяжело дыша. Рука на моем плече ходит ходуном. — Ему... очень больно. Он... не доверяет. Я попыталась уговорить хотя бы подождать. Но это не зависит от него. Он просто не может остановиться. Нужно вернуть доверие, нужно...

Жадно глотает воду из фляжки. Убирает руку с моего плеча и разворачивается к Хмырю.

— Господин Латурн, вы хотите добра своему фениксу?

Хмырь отводит глазенки от сияющей птицы в небесах. Моргает ревниво.

— Что вы ему нашептали?

— Попросила дать вам ещё один шанс. Повторяю вопрос. Вы хотите, чтобы ваш феникс был здоров, счастлив... жив?

— Что вы имеете в виду? Вы... я могу о нём позаботиться, я прочитал про фениксов всё, что мог достать, и вы не можете упрекать меня...

— Господин Латурн, — понижая голос, говорит Грыз, — я не собираюсь отбирать у вас феникса. Никто не может разлучить феникса с хозяином.

— Вот именно — никто!

— ...но феникс не может существовать в клетке. Он любит вас и всегда будет с вами. Явится по первому зову. Однако держать феникса рядом с собой на коротком поводке — это мучение для птицы. Ему нужен воздух... нужно свободно летать, видеть небо, горы.

— Ни в одном источнике не сказано...

— Господин Латурн, — Грызи звучит тихо и проникновенно, — ваше поместье сгорело. Мы можем предложить вам с Фиантом место в питомнике. Или... у меня есть знакомый в Тильвии. Там обширные угодья, которые понравятся Фианту. В любом случае — он будет выздоравливать. И мы можем помочь вам... подсказать, как сделать так, чтобы он выздоровел быстрее. Ему нужно будет особое обращение какое-то время...

Пока чудесная птица, которую кто-то дурной на небесах связал с этим остолопом, не перестанет рваться на части. Между недоверием к хозяину, страхом — и любовью к нему же.

Хмырь таращится на Грызи. Согнулся над ней, как здоровенный вопросительный знак. Кусает губы, покусывает глазёнками.

— Вы... специально, — говорит шёпотом. — Вы его у меня... хотите отобрать? Вы считаете, что я плохой хозяин, что я не подхожу... что я недостойн? Да? Но он выбрал меня. Я так долго искал, изъездил всю Кайетту, восемь государств, знаете... и он выбрал меня.

— Да, — отвечает Грызи. — Он был рождён для вас, господин Латурн. И только вы можете быть для него хозяином. Без вас он не сможет ни дышать, ни летать, и будет вашим до последнего вздоха.

Хмырь малость светлеет. Впивается взглядом в переливающуюся алым и золотым огнём птицу в небесах. Улыбается Фианту дрожащими губами.

— Чудо, правда? Он просто чудо. Когда я увидел его в первый раз — это было... нечто невыразимое, как... я так долго мечтал об этом. Он оказался так прекрасен. Невозможно прекрасен, когда впервые облёкся огнём на моих глазах, и подлетел ко мне, и...

Теперь он протягивает фениксу ладонь — тоже трясущуюся. Весь нескладный, с дрожащими коленями, висячим брюшком. Ещё и ревёт — вижу, как у него слёзы в бородёнке

теряются.

— А после это были такие чудесные времена. Когда мы путешествовали по лесам, деревням... реки, да, Фиант, ты же помнишь? И он был со мной, всё время со мной, а тут он вдруг начал улетать.

— Потому что ты запер его в клетку, — выщеживаю я. Его бы кто туда посадил.

Хмырь не слышит: даже не смотрит на прямую, напряжённую Грызи перед ним.

— Я... я не мог видеть, как он покидает меня. Я думал, вдруг он улетит. Насовсем. Разве такое прекрасное существо может действительно...

«Принадлежать такому ничтожеству, как я». Надо бы это договорить, раз уж он сам не может. Пухлик шумно вздыхает и закатывает глаза. У него на физиономии так и написано: «Да уж лучше бы вилы».

Хмырь во что бы то ни стало решил выплеснуть на нас то, что у него внутри. На месте феникса я б его только за это спалила. Но нет, Фиант плывёт там, в небе. Горящие перья тихо перебирает ветер. И пламя становится спокойнее. Птица тихонько спускается всё ниже и ниже, навстречу протянутой руке Латурна. Будто и правда хочет это слышать.

— Понимаете, я просто ни мог ни на миг... я не мог подумать, чтобы расстаться с ним. Не видеть его. Я... я заботился о нём, я хотел, чтобы у него было всё самое лучшее — и корм, и вода, и мы ведь всё время были вместе... Я не мог причинить ему боль, я так, так любил его, разве я... ему навредил?

Надо б запереть его в комнатке шесть футов на шесть, просовывать лучшую еду и воду. А недельки через три поинтересоваться — эй, мы тебе как, не навредили?!

— Не желая этого, — мягко отвечает Гриз, и физиономия у Хмыря преисполняется ужаса.

— Но я не могу жить без него, — Латурн жадно жрёт феникса глазами. Тянет пальцы — будто хочет коснуться огнистых перьев. — Я... всё испортил, да? Но я так люблю его, так...

Фиант снижается — медленно, глазу чуть заметно. Крылья распахнуты. В золотых глазах — недоверие пополам с надеждой.

— И он вас тоже, — шепчет Гриз и берёт Хмыря за вторую руку. — Вы же помните, как счастливы были, когда путешествовали? Здесь всё будет так же. В угодыя в Тильвии Фиант отправится с вами. Он излечится. И всё встанет на свои места.

Она ещё понижает голос — шёпот разве что Хмырь и может разобрать. Но мне ни к чему взывать к Печати — ясно же, Грызи разжёвывает всё по десятому разу. Латурн слушает, разинув рот. Даже, вроде бы, кивнуть вознамеривается.

Пухлик настороженно пытит поблизости, полузадушенный Спейк трусливо шебуршится по кустам. Мясник торчит за спиной у Гриз, маск-плащ складывает.

Идиллия.

Жду подляны. Потому что ни на грош не верю, что в черепашке у Хмыря обитает хоть толика разума. Да и Фианту слишком сильно досталось: одно неверное слово хозяина — и всё-таки полыхнёт как следует.

— П-падла, — хрипят из кустов, и тут до меня доходит, что я жду подляны не с той стороны. Ухо ловит шелест — спуск арбалета, потом звук испаряемого воздуха. Вир болотный, целится-то в кого?

Отпрыгиваю влево, дёргаю с собой Пухлика, который ближе. Нэйш делает то же самое, только он Грызи вправо рванул.

Про Хмыря не вспоминает никто, а этот идиот поворачивается на звук из кустов. И

ловит арбалетный болт грудью.

Вскрикивает тихонько и укоризненно, а небо рвётся над ним от пронзительного вопля феникса. Вопль звенит и звенит, длинный и переливающийся. Пока Латурн оседает на землю с удивлённым выражением физиономии. Падает на колени и пытается достать болт из груди, будто не понимает, как эта штука туда могла залететь.

Дёргает раз, два... Рука ослабевает, падает.

Звук, какой бывает, когда на скрипке рвётся басовая струна.

И тишь.

Огненная тишь над нами, в небе.

Окорок-Спейк куда-то там уползает по кустам побыстрее, всё, уже неважно. Я начинаю бежать и только кидаю в сторону Далли: «Живо!»

Пухлику пояснять не приходится — несётся по тропе быстрее алапарда.

А я в момент рывка замечаю, как стоящая над телом Латурна Гриз поднимает глаза в небо. И зелень у неё в глазах мешается с пламенем.

И понимаю, что она сейчас попытается сделать, и меня обдаёт ужасом, как огнём, потому что... потому что она не сможет, этого сто тысяч варгов не смогут, это...

— Мясник, уводи её, уводи!!

Нэйш выдёргивает Гриз с тропы в ту самую секунду, как тело Латурна на тропу валится — боком, с волной предсмертных конвульсий. И огненная тишь вечера начинает наливаться страшным, невыносимым жаром.

Я несусь что есть мочи по тропе, а жар льётся с неба, идёт следом, тянется и обжигает. По спине будто лупят раскалённым крылом. Сигаю с тропы в сторону, взываю к Дару, где там вода, мантикоры корявые, он же сейчас тут весь лес сожжёт!

Ручьёв близко нет, озер тоже, Дар выводит на канаву, полную водой после дождей. С разбегу ныряю в канаву, наплевав на возможность что-нибудь сломать.

Я вижу это уже в прыжке.

Над тропой восходит ало-золотое марево — от земли до неба. Вспыхивает и ширится, свивается в яростный огненный смерч. И идёт вперед, неостановимое.

Эффект Овхарти.

Вокруг вода, холодная, с запашком мха и земли. Но я и сквозь сомкнутые веки вижу — как спекаются и опадают в пепел толстенные ели, падают птицы в воздухе, и воздух тоже горит.

И в сердце неистового вихря огня — фигура птицы с распостёртыми крыльями.

Вода нагревается быстро, миг — обжигает. Надо поднимать голову: сгореть заживо точно лучше, чем свариться.

Или сбрендить, потому что мне кажется, что вода стала холоднее.

Высовываю нос наружу — и чуть его себе не отмораживаю. Вокруг бушует пламя, над головой прогорают сосны, воздух горячий до невозможности... И вода в тающих осколках льда вокруг.

«Мел, — шипит голос Пухлика. — Давай ближе, я не удержу».

Ныряю — над головой проходит вал пламени, вода опять нагревается. Гребу туда, где был голос Пухлика, спасибо Печати — чую, где коряги, а где на дно можно ногами стать. Канавка оказалась здоровущая, с нависающим берегом, Пухлик как раз забился под этот козырёк. Выныриваю, когда налетает вал пламени — и Далли выставляет холодовой щит над нами обоими.

Ничего придумал. Со спины сырая глина, над головой она же, вода по поясу. Закрываться со всех сторон не надо.

Сверху творится печка. Жерло вулкана, триста бешеных драккайн. Видно только мутную воду да ослизлый берег. Но по воде гуляют языки пламени, и над нами гудит огонь — с треском жрёт всё в округе, и готов закутать и похоронить и лес, и нас, и этот вечер.

Тяжко дышать — от жара, который пробивается сквозь щит. От сознания, что над головой всё превращается в огненную пустыню.

От горя.

Потому что пламя всхлипывает и зовёт, и мечется, и поёт дикую, жуткую песню. Разрывающую грудь изнутри.

Далли шипит, кусает губы, держит щит вплотную. Щёки и нос жжёт холодом, на ресницах льдинки, а совсем близко — горячий воздух, который страшно вдохнуть. Пламя налетает раз за разом, толкает щит — то кровавое, то багровое, то золотое. Перебегает по воде, и вода канавы кипит. Только возле нас холодная, потому что щит холода идёт и по воде...

Песня пламени становится невыносимой, безумной, воспламеняется самый воздух, и кажется — весь мир полыхает, объятый крыльями феникса. Сейчас упадёт в пепел с нами. Потому что Далли точно не выдержит.

Он и не выдерживает, только вспышка за миг до этого гаснет. Пухлик пытается вдохнуть, кашляет, машет ладонью с Печатью: воздух ещё напоён жаром, разве что охладить.

Вода в канаве горячая — спасибо, не кипяток. Глина на краях запеклась и раскалилась чуть ли не докрасна — не вылезти. Приходится ждать, пока Пухлик подзаправится зельем из поясной сумки. Не восстановит уровень магии совсем, но сколько-то протянуть можно.

— Думала, ты бежал по тропе.

Пухлик жмёт плечами и растирает ладонь с Печатью.

— Предпочитаю бежать за теми, кто знает — куда. Я-то не знал, где тут водоёмы, так что подумал — может, тебя спросить. По воде, знаешь ли, легче придерживать холодовые чары. Хотя на такой объём...

Отдувается, пробует охладить воду. Потом вспоминает что-то:

— Арделл говорила — у вас полно работы с огнём. Она же не такое имела в виду, а?!

Этому типу могут поджарить гузку триста фениксов — всё равно будет болтать не по делу. Фыркаю, лезу вон из канавы.

— Её спроси.

Если Грызи вообще уцелела. Хорошо бы — Мясника б прожарило, только не с его Даром.

Лес после вспышки феникса — пепел. С нашей стороны стволы ещё стоят, пусть и седые и обугленные. Дальше к центру вспышки — всё снесено пламенем, видна огромная проплешина, внутри которой будто погасает алое сердце.

Печать на ладони перегрелась и шлет меня в вир болотный. Но я пробую снова и снова. Пока не начинаю слышать голос Грызи где-то впереди и слева.

— ...деюсь, они не погибли. Какого чёрта болотного, Нэйш, я знаю, что могла...

Тут она прерывается и начинает кашлять. Почти заглушает при этом голос Мясника:

— Умереть, аталия? Вероятность того, что ты его удержишь...

— Кх... могла попытаться.

— С риском мгновенного испепеления. При том, что он и без того не отличался

нормальностью — еще и смерть хозяина. Думаю, твоих знаний о фениксах хватит, чтобы понять: едва ли в Кайетте вообще найдется варг, который смог бы удержать такое.

— Такой варг есть, — говорит Грызи совсем тихо. Мясник хмыкает, а я фыркаю себе под нос. Потому что это она, само собой, про свою идею-фикс, Дитя Энкера.

Прикидываю — не дать ли знать Грызи, что мы с Пухликом ещё живые. Открываю рот и сама начинаю давиться кашлем. Пепел летает в воздухе — мягкий, едкий. Быстрым магическим пламенем догорают деревья в округе. Почти без дыма. Только сажа и гарь пепелища лезут в горло. Подошвам ещё горячо, как бы не расплавились.

Пухлик, пока я откашливаюсь, топчется вокруг. А Печать работает, так что я так и слышу голоса.

— Как твой Дар?

— Пополнение сил бы не помешало. Я верно понимаю, что здесь больше не нужен?

У меня над ухом раздражается воплем Пухлик — голова чуть не взрывается изнутри:

— Эгэй! Есть кто живой? Мы ту-у-у-ут! Мы в поря-а-а-адке!

Нашёл, когда глотку драть. Но Грызи, видно, слышит это, потому что бросает Нэйшу почти неразличимо: «Да, здесь ты не нужен, Мел и Кейн живы, вызови Фрезу».

Дела на глазах улучшаются. С деревьев вокруг опадает тлеющая кора. Мясник умотал. Грызи, правда, опять играет в мамочку. У Пухлика проверяет Печать, у меня оттягивает веко. Выдыхает:

— Чтобы сразу же к Аманде, как только вернетесь. Сразу же! И никаких дежурств трое суток — Мел, тебя особенно касается.

Вяло отмахиваюсь чуток подкопченной рукой. Идём втроем по разверстой ране — обожжённому лесу. Возвращаемся к тропе. Туда, где уже совсем догорел алый огонек. Облачка пепла — из-под ног. Небо отдаёт на востоке пламенем — будто феникс и его поджег.

Почти доходим до тропы, когда Дар доносит слабый писк оттуда, впереди. И тут уже я плюю на пепел, на жар, на недостаток воздуха.

Лечу, несусь, спотыкаясь, чуть лоб себе не расквашиваю, вылетаю на тропу и хватаю в ладони...

Он совсем маленький и теплый, очень хрупкий, весь в нежном золотом пушке — алые перья потом добавятся, а посереет уже когда в воздух взовьётся. Жалобно попискивает, выкарабкиваясь из пепла. Совсем не понимает, что случилось.

— Всё будет хорошо, — убеждаю я его и глажу, и прижимаю к сердцу — маленьких фениксов обязательно надо греть. — Тихо, тихо, сейчас к нам в питомник поедем, сейчас поедем, тебя накормим, тихо, мой хороший, сейчас...

Птенец сидит возле сердца тихо, а головенкой крутит с любопытством. Смотрит снизу вверх темными серьезными глазами.

Не помнит.

Ни меня, ни бывшего хозяина, который теперь стал пеплом на этой тропе. Ни прошлой жизни.

Вырастет — и будет таким же Фиантом, до последнего перышка. Только вот с ним не будет этой памяти.

— Два трупа, — говорит Пухлик обреченно. — Спаленное поместье. Да ещё этот остолоп-Стрелок перебил свою семью. Даже и не знаю, какими способами убеждать урядника, что мы не должны ему нехило так доплатить.

Судя по виду Грызи — ей всё равно. Она бредет, погруженная в свои невеселые мысли. Так что я вместо нее говорю Пухлику отвалить.

Грызи, само собой, прокручивает — как можно было спасти и Хмыря, и Окорока. По мне — поджарились и поджарились. Получили своё.

— Ты б их всё равно не спасла, — говорю наконец. — Никто не знал, что этот урод выстрелит.

Грызи молчит и дышит рассветным воздухом. Небо уже совсем в пламени — будто на востоке по ком-то горюют фениксы.

— В смысле, Латурн вроде как очухался, ну да. Но кто там знает, как оно бы было.

Может, лучше так. Невесомый птенец — горячее тельце возле сердца. Интересно — чей. Интересно — почему фениксы достаются таким вот несусветным идиотам как Хмырь. К черту такое предназначение и к черту такую любовь, если нужно любить того, кто тебя так мучает.

— Теперь я понимаю, — говорит Грызи тихо и ровно. — Эффект Овхарти... могла бы и догадаться.

Лицо у нее спокойное. Значит, совсем худо.

— Что еще?

— Сверхсильная вспышка. При перерождении так не бывает. И при ярости или страхе — тоже. Вспышки такой силы наблюдались и раньше... и никто не мог понять — что они обозначают.

Молчит и смотрит в небо — будто там плывет и плывет над нами невидимый силуэт птицы. И ветер перебирает серые перья, по которым бегут искры.

— Ты была в единении. Да?

— Да. В единении с Фиантом. За миг до того, как он вспыхнул. И я успела почувствовать. Понимаешь, для них... люди тоже вроде как фениксы. Только бескрылые и не умеющие возрождаться в пламени. И он пытался... Он думал, что они вместе смогут. Это не было только горем или скорбью. Он просто считал, что если отдаст *всё* своё пламя — то его хозяин возродится вместе с ним.

Больше она не говорит ничего. Молчу за компанию. Только грею маленького феникса у груди, глажу его, дышу на него — чтобы не замерз...

Никогда я не буду искать своего феникса. Даже мечтать о таком не буду. Потому что — сколько шансов, что ты окажешься достойным такой любви? И сможешь избавиться от дряни внутри тебя, даже когда тебя любят настолько? Что не захочешь подчинить своего феникса себе и сделать собственностью? Что эти узы не будут для него — клеткой?

Если тебя вдруг любит феникс — тебе придется стать внутри хоть немного, но фениксом.

Только вот люди — ни черта не фениксы. Я-то уж знаю.

— Да какого ж... — выдыхаю просто так, в никуда. Но Грызи как-то понимает.

— Они не полны, — говорит хриловато, будто беседуя с кем-то невидимым в небесах. — Я много раз была в единении с фениксами. С теми, кто свободен. И с теми, у кого есть узы: связь с парой или связь с человеком. Свободный феникс вечно ощущает неполноту своего существования. Разорванность. Недостаточность. Они не могут без этой связи — и потому всю жизнь ищут того, кто им предназначается. И встреча с предназначением... для них и правда счастье. Феникс не может быть один.

Жить наполовину, в вечном поиске — или рискнуть, встретить свое, и потом мучиться,

когда свое оказалось вот таким... Какого черта — такой мучительный выбор?

Я поглаживаю головёнку свободного пока что птенца — и надеюсь, что он никогда не встретит свои узы. По мне — так лучше уж быть неполным, чем вот так.

Люди всё-таки счастливее фениксов. Пусть даже у них нет внутри огня, нет крыльев, полета и неба. И пусть они бывают дрянями, как Окорок.

Быть намертво к кому-то или чему-то прикованным без возможности плюнуть и уйти — худший вид уз, как по мне.

Только вот, в отличие от нас, фениксы могут получить ещё шанс.

Возродиться в пламени снова и снова. Стирая прошлое.

Кто там знает, может, оно того и стоит.

ХИЩНИКИ В ДРУЖБЕ. Ч. 1

«...однако содружество двух хищных организмов в одной системе считается скорее исключением из правил. Одно из существ в таком случае играет роль приманки, а второе отвечает за активные действия и охоту...»

Энциклопедия Кайетты

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Отлично, — сказал я, с наслаждением сдувая пену с пива. — Просто замечательно. Расчудесненько. Славно.

Юный «удильщик» Найджи поперхнулся своей яичницей. Может, считал, что у такого как я, не может быть ничего особенно славного. Может, яичницу попросту переперчили — хозяин таверны «Красный перчик» был настолько горячим южанином, что остротой отдавало даже пиво.

— Ему б у нашей кухарочки поучиться, — ухмыльнулся я, перемалывая зубами тушёное мясо. — Если, конечно, голова не сгорит после третьей дегустации.

Связного Гильдии слегка передёрнуло от уровня моей безмятежности (или от количества перца). Но сдаться он — не сдался и мужественно выкашлял вопрос:

— Значит... внедрился нормально?

— Свой парень, доверяют больше, чем себе, — Почти что правда, если учесть, что Арделл радостно взвалила на меня не только переговоры с особо рьяными заказчиками, но и дела с кормами. — Никаких проблем, я ж говорю. А, да. И совсем необязательно было посылать за нашим устранителем тех типчиков — Джерк и как бишь его... вечно забываю его дружка с арбалетом. Баки, Барни, Бекки...

— Берти.

— Да, я же и говорю, дурацкое имя, — я подцепил славный ароматный кусок говядины, отправил в рот и потушил пожар добрым глотком пива. — Думаю, до вас уже дошли слухи, насколько феноменально они облажались. Джерк никогда умом не отличался, но чтобы уж так... Серьезно, эта парочка чуть мне проблем не создала — не говоря о том, чем с ними кончилось. Кому в Гильдии вообще в голову стукнуло послать их за нашим «клыком»?

Вообще-то, Найджи и не должен был знать ответ — я на него и не надеялся. Так, возмущался, попутно расточая восторженные улыбки смуглому хозяину по поводу его стряпни.

— Стольфси поручил это мне... Кажется, ты говорил, что был бы благодарен, если бы он куда-то исчез. Эти двое как раз были свободны...

— Я такое говорил? — удивился я сквозь пиво. — Ну, я же не в том смысле. Давай-ка договоримся, парень: если я решу убрать кого-нибудь из коллег — я обозначу это прямым текстом. Что-то вроде: «Этот Нэйш мне мешает, и ему нужно как можно скорее подохнуть от чужих рук. Желательно бы избрать вот какой способ». Уж ты поверь, я обрисую всё как следует.

Связной малодушно глотнул воды со льдом и наконец-то вернул свой цвет лица.

— Так значит, нужно всё-таки убрать этого Нэйша?

— Его?! — поразился я, в негодовании взмахнув пивной кружкой. — Да о чём ты, вообще? Я же как раз талдычу — не говорил я ничего такого!

— То есть, у тебя нет с ним проблем?

— Ни-ка-ких, — заверил я по слогам, — сам удивляюсь, сработались просто на заглядение. Оказался отличным парнем. Можно сказать — мы с ним теперь лучшие на свете друзья. Может статься, он даже подсобит мне в моём маленьком дельце — конечно, не зная, о чем идет речь. Просто по дружбе. К слову, не слышно — что там за задание?

Связной мотнул головой — нет, мол, никаких новостей. Внедряйся дальше и не смей хныкать о том, что ты уже два с лишним месяца как в питомнике, твоя бляха — в столе у Стольфси, а твое задание даже на горизонте не маячит.

— Но зачем-то же вы мне назначили встречу в этом чудном местечке? Не затем ведь, чтобы расспросить про внедрение — припоминаю, я отчёт-то сдавал ещё в прошлом месяце, на Луне Целицельницы, а сейчас уже время Мечника к концу подходит. Что, мне наконец сообщат, какое задание я должен сорвать? Или Гильдия просто осознала мою важность и решила угостить чудной кухней? — парнишку передёрнуло, и он опять закашлялся. Хотя может — он это от нестерпимых ароматов специй. Или дымов водных трубок, которые в низком, полутёмном зальчике сплетались в единую непроницаемую завесу с запахом сладкого дыма и перца.

«Потеря активов, — наконец разобрал я сквозь перхание. — Джерк и Берти».

Само-то собою, Гильдия лишилась аж двух пар рук (не слишком ценных и не слишком чистых, но всё равно). Гильдии хочется узнать — в чём там дело.

— Идиоты, — любезно дал я ответ родной организации. — Полезли куда не надо не вовремя. Чуть было дело мне не заporоли. И сами поплатились. Еще что-то?

Кокетливо стреляющая глазками смуглянка поставила на столик водную трубку. Хозяин из-за стойки сделал широкий жест: от всей южной души — для дорогого клиента, способного с таким аппетитом поглощать его стряпню.

— Подробнее, — придушенным голосом попросил Найджи. — Гильдия хочет знать — что там случилось.

Я кивнул — подробнее так подробнее. Неспешно взял с подставки причудливо изогнутую трубку с водным резервуарчиком посередине. Щипцами приложил к табаку алый уголёк из маленькой жаровенки, здесь же, на подставке. Затянулся, услышав ободняющее бульканье воды, впустил в себя ароматный дым...

Почти заглушил неистовый визг внутренней крысы.

* * *

Это дельце на меня свалилось в обилии цифр.

— Шесть пропавших, — сказала Арделл, принесясь в питомник с выезда в компании Мел и Хааты. — За трое суток. Хозяин платит двадцать золотниц за расчистку территории. Земли Вольной Тильвии, и в четырёх милях там — портал, который держат контрабандисты. Гнуснейшая перевалочная база. Всё истыкано их тавернами, и меня там в лицо каждая собака знает. Да ещё там куча всякой швали — так что дело может оказаться слегка криминальным.

Пауза, которая показывает, что вариантов у нашего «тела» при таком раскладе не особенно много.

— Кейн...

Я-то уж думал, Луна Мечника пройдет слишком спокойно — подумаешь, спятивший

феникс, так то в начале месяца.

— Запросто. Можно сказать — я там в лицо каждую собаку знаю.

— Отлично, идёшь с Рихардом.

Для кого бы это отлично, позвольте спросить?!

— Но ты же не в этом туда пойдешь?! — возопил я, когда увидел Нэйша в привычном белом костюме модели «три недели кройки, два месяца подгонки, портной когда-то шил для королевского двора».

Нэйш пристально изучил состояние брюк, разгладил почти невидную морщинку на лацкане сюртука и принялся за оценку моего походного варианта (модель «заслуженная», тщательно собранная из различных коллекций — от «слёзы портного» до «рвота раскройщика»).

— В белом. Ты собираешься туда в белом?

Физиономия устранителя говорила, что проблем он не видит в упор.

— Оставим то, что ты выглядишь, будто хоронить кого собрался — это по профессии, но ты понимаешь, что в тавернах контрабандистов толчется самый разный народ? И там не очень жалуют тех, кто хоть чем-то выделяется? В особенности если кто-то заваливается к ним в костюмчике за полторы сотни золотниц.

— Лайл. Я польщён. Ты в курсе цен на таллею? — осведомился устранитель и смахнул с костюма невидимую пылинку.

— Я вообще удивительно осведомлённый человек, — Потому что мне пришлось разорять портняжный бизнес, но об этом не будем. — Знаю, например, что все модницы мечтают о свадебном платье из такого материальчика. Правда, не белого цвета. Ещё знаю, что на землях Тильвии уж наверняка найдется эксперт покруче меня. И через десять минут, как ты там появишься, с тебя захотят твой костюмчик снять — уж ты поверь мне, не чтобы пригласить тебя на развесёлую вечеринку нагишом. Доступно?

В ответ устранитель осведомился, мне-то какое дело до его гардероба.

— Потому что ты же не расстанешься с сюртучком по-доброму и влезешь в драку, а с тобой прирежут и меня — просто потому что мы знакомы.

Нэйш еще секунд пять делал вид, что размышляет.

— Так сделай вид, что мы незнакомы, Лайл. Пожалуй, это звучит даже излишне привлекательно, а?

Это звучало, как мечта моей жизни, что я тут же и озвучил вслух.

Цифры продолжали кружить над моей бедной головушкой — наподобие стаи горевестников. Готовых ежеминутно гадить на голову.

К месту прибывали порознь и разными способами — как истинно незнакомые люди. Моя цель была до умиления привычной — порыскать, поспрашивать, побеседовать с заказчиком. Нэйш должен был заниматься трупьем и следами.

Встречу назначили около двух часов пополудни в местном средоточии еды и ночлега «Семь рыбок».

Я прибыл в половину второго, потрёпанный и хмурый.

Нэйш заявился без пяти два, свеженький и невозмутимый, в сияюще-белом.

Драка вспыхнула минут через пять.

А закончилась где-то через тридцать секунд.

* * *

«А я и говорил!» — подумал я с некоторой гордостью, когда милые любители здешней выпивки (контрабандисты, торговцы, воры, размалёванные девицы) дружно этой самой выпивкой подавились. Явление Премилосердной Целительницы Тарры в разгар обеда вряд ли произвело бы такой фурор.

Местные перекинулись говорящими взглядами: «Это еще что за птаха?» — «Кто развлекаться?» — «Я, мне нужно самоутвердиться с прошлой кабацкой разборки!». Очень дисциплинированно составила делегация из разных компаний. Завсегдатаи-задиры из тех, которые и средь бела дня протирают штаны по темным заведениям. Местные эксперты по моде.

Дюжий контрабандист с пудовыми кулаками. Мятый пропойца с кастетом. Молодой и горячий маг воздуха — какой-то искатель приключений. Неприкаянное шатало из тех, которые вечно клячат денег и вечно вступают в драки: отрепья и трижды сломанный нос.

Четверо, ага, вот и пятый, для ровного счета. Меленький, нервный и что называется опасный. Из тех приятных людей, которые с детства интересуются у прохожих по подворотням — кошелёк или жизнь. Похоже, заводила, и первый удар будет за ним.

Я смиренно сидел в уголке и наслаждался мясным пирогом и зрелищем. Сто раз видел такие драчки, так что точно могу предсказать: сейчас честная компания подвалит к устранителю. Меленький начнет, ухмыляясь: «Эй, красавчик, ты не заблудился тут?» Дальше пойдут шуточки и придирки: а чего это костюм такой белый, а сколько стоит, а дай поносить. Дальше — в зависимости от поведения жертвы, но зная Нэйша — он доведет их одним выражением лица, так что пойдет: «Ты что же, нас не уважаешь, а?! А ну, выйдем, поговорим, франтик». В общем, наслаждаться мне осталось минут пять, а там уж вскипит.

Даже и непонятно — за кого болеть.

Устранитель как раз успел перекинуться парой слов с хозяином. Мелкий и главный, поигрывая ножичком напоказ, похлопал Нэйша по плечу и вдохновенно начал: «Э-э, красавчик, а ну...»

Почти успел соорудить гнусную ухмылку. Почти.

Миг спустя Нэйш крутанулся на месте, сдергивая чужую руку с плеча, вывернул задире кисть и коротко ткнул пальцами мелкому в кадык. Парень захрипел и покачнулся — с этой самой ухмылкой. Гнусной и недосостроенной.

И упал на двоих товарищей — да нет, Нэйш его толкнул, попутно успел отобрать нож, убраться от свистнувшего у виска кастета и пригвоздить к стойке рукав пропойцы. Мимоходом стукнув того по почкам — потому что мужика отчаянно скрючило.

Контрабандист замешкался, кулак выкинул вперед с большим опозданием, так что тот угодил в воздух. Потом громила схватился за плечо и взвыл, покачнулся, попытался рухнуть и задавить массой... Опять не успел: рука устранителя выметнулась сбоку, скользнула под другим плечом молодчика. Подмышка-грудь-шея — контрабандист как-то странно обмяк и потому стал отличным щитом от двух последних.

Которые тоже не успели понять.

Исход стал ясен секунд через пять после начала драки. Еще я понял, что давным-давно, в лагере надзиратель Стрелок развлекался — вел себе и вел неспешную заворачивающую пляску смерти. Не торопился — с одним-то противником. Сейчас устранитель двигался так, что половину его движений нельзя было отследить — скользко, исключительно быстро. Даже стал казаться более хрупким. И — черт, он даже преимущество в росте не отыгрывал, а

оно было в трех случаях из пяти!

В движениях у Нэйша была жутковатая продуманность, практичность, почти скупость, но каждый удар находил цель.

Слабую точку.

Вжик-вжик — мелькнули пару раз манжеты, и шатало в перьях убыло в несчастливый мир грез.

Юный искатель приключений оказался умнее всех — он увеличил дистанцию и вломил магией.

Не приветствуется в кабацких драках, но паренек слишком уж перенервничал. И перенервничал еще больше, когда его удар будто разбился о невидимый щит.

Грохнули кружки, висящие над стойкой. Нэйш размеренно шагнул вперед — плотно сжатые губы, широко раскрытые глаза — и наконец использовал преимущество в росте.

Просто рванув парня на себя и коротко приложив его головой в стойку.

Потом не спеша окинул взглядом тела — будто созерцал прискорбный беспорядок в своей комнате. Осмотрел зал, как бы вопрошая — у кого еще проблемы с белыми костюмами?

«Что это вообще было?», — ошутимо подумали за всеми столиками.

Крыса внутри меня подавилась моей несделанной ставкой. Взвизгнула — давай уже, несись со всех лап, чего застыл.

— Ва-вашей милости, может, тут не нравится? — льстиво выкатился я из-за столика к Нэйшу. И забубнил, что знаю отличное заведение, покажу всего за пару монет, проведу лучшим образом, и публика там приличная, да-да-да...

Подметал пол воображаемым хвостом и скрипел воображаемыми же крысиными клыками — пока устранитель не торопясь шествовал за мной к двери.

Кажись, половина народа в зале мне завидовала. Половина — считала покойником.

— Мы могли остаться там, — заметил «клык», когда я бодро ломанулся по узкой воровской тропке меж сосен и валунов.

— После того, что ты устроил? У местных длинные языки, а у этих ребят были дружки, кроме всего прочего. К слову, знаешь... обычно в кабацких драках принято дожидаться, пока противник как минимум договорит. Вдруг они, ну, не знаю, хотели взять у тебя адрес портного.

В романах, которые так обожала бывшая супруга, благородные героини еще и ждут, пока противник размахнется. Нэйш точно не читал подобной литературы.

— У них был нож, Лайл. Разговоры в таких случаях — трата времени. Куда мы сейчас?

— Подальше от подозрений, что я тут в твоей компании.

Требовалось срочно защититься куда-то, где всем наплевать на белые костюмы из таллеи. Спасибо еще — мне были знакомы тут не только собаки, но и злачные места.

— Ты всегда с местными так и общаешься? — только и спросил я по пути.

Получил в ответ пожатие плечами.

— Иногда приходится.

Как он вообще работает в группе Арделл, если после него вечно остаются кучи тел? И если он ухитряется с такой настойчивостью нарываться на всех вокруг?

До нужного холма пришлось отшагать с милню по самой что ни на есть дружелюбной местности: пара притонов, пара барачков, сколько-то хуторов. Кусты таинственно-разбойничьего вида. В вечно раздробленной и разорванной на куски Тильвии, вотчине

магнатов и местных князьков, вообще всё выглядит слегка небрежно и как-то залихватски. Овраги и разбросанные тут и там валуны; остатки стен и старых крепостей, в которых невесть что гнездится; вечные тропки, перевитые ручейками. И останки храмов. Народ селится попросторнее, отдельными имениями-шайками-поместьями, и почти каждый тут с чем-то интересным да повязан — с пиратами, контрабандой, браконьерством. Местная знать не препятствует и сама же с этих промыслов живет — разве что только между собой передерутся.

Словом, вольница, раздолье, головная боль для Службы Закона и золотое дно для ребят вроде меня, из Гильдии. Всегда сыщется работенка или пристанище — от условно приличного до самого гнусного.

«Сладкий дымок» относился к категории «средней гнусноватости».

Прокопчённая дверь качнулась, выпустив в лицо облако прогорклого дыма. Восемь ступенек вниз — в чадную преисподнюю, где не видно силуэтов. Лежанки и мерное бульканье водных трубок. Белые, зеленоватые, желто-серые дымы. Мерное бормотание сквозь зубы, кашель, хихиканье, мимо которого пробираешься — и путь кажется бесконечным.

— Две трубки в кабинет, — шепнул я подплывшей тени, когда она обрела плотность и подергала за рукав. Слегка задержал дыхание и поплыл следом за хозяином — мимо рыданий, облаков дыма, песен, рвоты, звуков страстных причмокиваний.

В крошечном обшитом темном деревом закутке — воздух был получше, но и наплевано оказалось как следует. По стенам разгуливали тараканы-токсикоманы.

Под взглядом Нэйша, кажись, даже им стало не по себе.

— Что? — огрызнулся я, втискиваясь за стол. — Мне так спокойнее. Если тут кого-то и возмутит твоя неотразимость — он решит, что накурился до чокнутых убийц в белом. Тут у тебя хоть не будет шанса кого-то прикончить.

— Шанс всегда можно отыскать при желании. Лайл.

Меня отчаянно грела по пути мысль о том, как устранитель пытается уместиться на краешке скамеечки, закрывая рот и нос беленьким платочком. Но Нэйш скользнул за столик как ни в чем не бывало, порылся в наплечной сумке и извлёк антидотную маску («При работе с серными козами и прочими тварями, выдыхающими газ», — подсказал медовый голосок нойя из памяти).

Девятеро и Единый — он безнадежен.

— Серьезно? Маска для работы с особо вонючими тварями?

— Предпочитаю не сокращать себе жизнь, — преспокойно донеслось из-за черной ткани, — по крайней мере — не вредными привычками.

То есть вышибать мозги опасным бестиям, затевать драки направо-налево и выводить одним своим видом всех окружающих — это-то для него нормально. Но вот пить-курить-вдыхать дым — ой, как вредно.

Бедный хозяин, зашедший с жаровней и трубками, оценил маску Нэйша и тихо убыл восвояси.

— Боженьки, ты еще и ханжа, — выдохнул я с тоскою, берясь за трубку и примериваясь к угольку в жаровне. — К слову, не такой тут плохой табак. Тебе бы, может, и полезно было.

Устранитель задумчиво обозрел жаровню и вторую трубку. Судя по всему, он намеревался использовать то и другое в меру своей фантазии.

— Расслабься, вторая тоже для меня. Мне как следует надо отойти от всех этих сплетен-

новостей. У нас тут, понимаешь ли, жуткая история о ночных болотных девах, выпивающих кровь. Как есть, вурдалаки. Местные вовсю запасаются осиною, готовятся отрезать всем подряд головы и начинять чесночком. Уже ходят слухи о бабах, которые перекидываются то в змей, то в летучих мышей...

От души затянулся, забулькал трубкой. И почти поверил в темноте кабинетика, подсвеченной только углями жаровни: я в компании ребят из Гильдии, а то и где-нибудь в незнакомой таверне, байки травлю...

Вам, ребята, какие байки? У меня вот жутко-таинственная — про нашего заказчика. Оный заказчик, древний господин Ивверт, обитает в миле отсюда, в старинном поместье (обязательно должно быть поместье-развалина, всё мхом обросло, руины да заколоченные окна). А ещё есть при поместье здоровущий парк, где раньше был вир, только вот водный портал уж полсотни лет как заболотился и работать перестал — оттого и парк пришел в негодность, и у господина Ивверта денежек стало меньше. Только этот старикашка (желтовато-сморщенный, мелкий, с хитровой бороденкой) — оказался непрост и нашел себе другой способ прожить: собирать на своих угодьях вирняк серебристый. Лотос такой, для зелий и снадобий ох как ценится, с руками отбирают, потому как редкий. Так вот, каждый раз старикашка-Ивверт засылал в свои болотные угодья сборщиков. «Ну, — потопнет кто, — это он мне плаксивенько сказал, — ну, иногда разбойники местные оберут... Но чтобы такое!»

Да-да, ребяташки. Он всё жаловался на убытки, тощий старикашка, и рассказывал, что он-то тут точно ни при чем, двое первых пропавших были пришлыми, так что он посчитал — они просто сбежали, чтобы продать урожай на стороне. А потом третьего нашли на крыльце поместья с изорванной шеей, и он себя не помнил и лопотал что-то про прекрасных дев, умер под утро, а товарища его и вовсе не отыскали.

Конечно, — всхлипывал и трясся старикашка, — конечно, он двух охотников из местных тут же и нанял, он всё честно, и они честно стерегли-выслеживали, только вот как-то вернулись с утра сами не свои — напевают песенки и имен своих не помнят, а повсюду кровавые следы. А на следующую ночь пропали оба, и окна-то распахнуты! А служанка говорит — крылатую бабу видала, волосы как золото, сама шипит как кошка, глаза зелёные...

И местные в округе тоже пропадали, Молва дело неверное, кто-то вообще говорит — эти самые болотные девы три десятка уже схарчили. Приходят те девы — кто говорит с болот, кто утверждает — от самого поместья... приходят, зовут под окнами, а потом кровь выпьют, змеей обернутся и шмыг себе подальше!

А про старикашку Ивверта ходят слухи, что душу он продал, совсем как Хромой Министр. Вот у него теперь поместье проклятое, а эти самые девы — это его жена покойная и дочь. Пришли из Водной Бездони народ баламутить.

Так вот, ребяташки...

Тут я затянулся и обнаружил себя в темном закутке, в компании с Нэйшем.

В красноватых отсветах от жаровни плавали клубы дыма, оборачивались — то девой, то кошкой, то какой-то крылатой гадостью с семью хвостами.

По столу бестолково, кругами, носился особенно упёртый таракан.

— Так вот, заказчик еще и суеверен до чертей водных и уверился, что это по его душу. Заколотил поместье, запасся серебром, говорить с ним нельзя с десяти футов, потому что питается, похоже, только чесноком. Жжет свечи, возносит моления Девятерым, Аканте,

Единому и всем древним духам. Но я так думаю — еще пару исчезновений, и местные спалят его поместье сами. Народ тут не любит непонятную дрянь, а когда она случается — живо идет разбираться. Ты, наверное, видал это сегодня в «Семи рыбках».

Нэйш только хмыкнул, задумчиво гоняя по столу таракана длинным пальцем.

— У тебя-то что? Напал на след болотных дев? Мне связываться с Арделл и просить побольше серебра?

Ответный жест Нэйша обозначал, что по местности нарыть ничего особенного не удалось.

— Следов немного, и без знания троп в болотах... По кромке болотистой местности есть кровь и кости мелких животных. С телами вышло сложнее.

— ...потому что местные их жгут из опасений — а если встанет и пойдет кусать?

Утвердительный жест.

— Мне удалось увидеть только одно. По характеру укус напоминает следы от челюстей болотной гидры, но вот что странно — из тела выпущена кровь. Гидры обычно обволакивают кольцами и утаскивают в трясины, где поедают жертву полностью.

Да уж, утешительные известия. Я прищёлкнул пальцами.

— А как насчет местных смельчаков, которые якобы смогли сходить на болота, навидались там дев и вернулись целехонькие? Слухи ходят.

— Одного я смог найти — брат местного врача. Обескровлен, без памяти, не помнит даже своего имени. Укусы те же. Ещё один или два чувствовали себя лучше, но пропали этой ночью.

— Открытые окна, крылатые бабы, — ну да, ну да, я с утра этого накушался. — Трое, стало быть? А в слухах вот — не то четыре, не то пять, только имен не называют, но оно и понятно. Родные будут всеми силами скрывать — кому охота, чтобы твоему родственнику отрезали голову и набили чесноком. Если чего кому и скажут — это разве что докт...

Тут я замер и тихо постучал трубкой по столу. Потом поярче раздул огни в жаровне.

— Знаешь, что я тебе скажу? У тебя безупречный вкус. И отличный костюмчик.

Нэйш отнесся к комплименту с обычным «да неужели» на той части лица, которая не скрывалась за маской. На мою ухмылку он смотрел, пожалуй, с подозрением.

Да чего там, если б я мог — я сам на себя бы так посмотрел.

* * *

В очередную таверну я ввалился уже ближе к вечеру — спасибо ещё, что таверн, кабаков, гостиниц и постоялых дворов в этой местности понатыкано гуще, чем храмов в Энкере. Выбирать не стал — завалился в ближайшую, во всём своем неприглядном виде. В каком еще быть виде прикажете, если только что четыре часа шастал по всем притонам и хуторам околицы, выпрашивая, нет ли в них больных? А то, понимаете ли, тут у нас доктор с севера приехал. Да, потому в белом. Нет, не жрец, хотя и немного жрец, видите — рожа какая серьезная. Без бороды — это пока что, потому что прямоком из Академии (на накладную бороду или хоть бакенбарды напарничка уговорить не удалось). Интересуется болезнями редкими-странными-интересными, потому что специалист во всем.

На долю Нэйша я оставил с сосредоточенным видом чертить завитушки в блокноте. Зрелище получилось что-то до того внушительное, что верили даже слишком хорошо. Стоило труда отмазываться от ненужных болячек, типа застарелого ревматизма, мужского

бессилия и даже одного шишака на ноге «во какой, как яблоко, нет ну вы гляньте, гляньте!»

Всё-таки удалось к исходу четвертого часа выцепить нужного паренька — того самого, который в компании выпивших смельчаков тоже решил «заглянуть под подол лунной девке».

Заглянул очень даже основательно.

— Она меня позвала, сама позвала, — повторял, улыбаясь отвлеченной, мечтательной улыбкой. — Дала мне лотос и целовала... и звала... такая... светлая... а вы кто?

Это он своей сестре. Сестра стояла в дверном проеме, всхлипывала и просила «никому не говорить, боюсь я, убьют его, не то подумают». И поглядывала на брата со страхом. Потом еще спрашивала: а точно неопасно, если рядом с ним? А кровь-то пить не будет, да?

— Полюбила, — твердил кудрявый паренек, пока Нэйш его осматривал на предмет укусов, — она меня полюбила... лилию дала мне... болотную а... нет, как я пошел туда, я не помню... куда? Ну, к ней же, она же меня полюбила. Но я... я не помню. А вы кто?

Своё имя и возраст девятнадцатилетний Амель помнил. Помнил даже, что у него есть отец и что отец «в рейде». С сестрой временами путался и не узнавал. Последний месяц жизни из памяти как корова языком слизала.

— Я... я не помню... наверное, она просила забыть.

— Внешних повреждений нет, — сказал Нэйш, когда мы вышли из дома. И нехорошо задумался.

— Ага, а зрачок — на весь глаз, и радужка зеленью отдает. Либо они там все вместе откушали грибочков, и ему привиделись эти девы... либо что — его отравили? Болотные испарения, что ли?

За нашей спиной девятнадцатилетний Амель уверял, что «она за мной придет, она полюбила меня, она вот... дала мне болотную лилию».

— Может быть, — бросил Нэйш и куда-то направил стопы, обмолвившись, что нам предстоит «небольшая ночная охота».

Решил, конечно, караулить парнишку, потому что мало ли какая лунная дева явится, чтобы забрать его через окно.

Так что я меланхолично вливал в себя грог и закидывал жареную свинину — заведение попало слегка пиратское. Предвкушал охоту на ядовитых красавиц-кровопийц с крыльями. Ноги гудели, грызун попискивал в районе печени, день был неприлично насыщенным. Словом, когда появились Джерк и его дружок — я их встретил совсем не с распростертыми объятиями.

— Далли, лапочка, встреча-то каковская!

Куча ласковых словечек, смешной западный говорок и коверканье слов крепились к рыжим бакенбардам, мелкозубой усмешечке, мутно-зеленым глазенкам. Любите-жалуйте — Джерк Лапочка, а раз этот здесь — то поблизости и его дружок-арбалетчик, имя которого точно кто-то проклял — дальше первой буквы я его запомнить не мог.

Мы с ними три-четыре раза делишки проворачивали — я в роли «крысы», они в роли «набить морду-запугать-отобрать-прирезать». А вот, не запомнилось что-то.

— Сорный, Сорный, встреча каковская, — забубнил Джерк, приобнимая меня за плечи. — Нежданка, нежданочка! Сор, дружище, а я-то слышал — ты нынче где-то в Вейгорде. Будто бы зверушек холишь-лелеешь. М-м-м?

И утащил у меня из миски кусок свинины. Мигнул своему бровастому дружку — давай, тащи пиво, сидеть будем!

— Холю-лелею, — сказал я, убирая свою миску подальше от Джерка. — Только вы,

ребятки, никому не слова. Я, знаете, завязать решил.

— Ну-у?

— Подкопить денюжат — а потом жениться на Милке из «Честной вдовушки». Только, сам понимаешь, нужно что-то продать. И тут мне прямо в голову стукнуло — питомник! Да ведь там просто горы навоза яприлей, и если как следует расторговаться...

Джерк замурлыкал-засмеялся, не разжимая губ. Его дюжий дружок раззявил рот и хохотнул, показывая четыре прорехи в зубном частоколе. Грохнул три пива — на меня тоже взяли, щедрые.

— Дайте догадаюсь — а вы тут не навозом яприлей торговать?

— По дельцу, — ласково сказал Джерк. — Халтурка махонькая — может, и выгодненькая, как выгорит. Так ты в ковчезниках нынче, Сор? И как оно там, а, как оно? Окрутил какую-нибудь красоточку?

— Двух. Одну гарпию и одну керберику. Правда, есть у меня нехорошее чувство, что они купились не совсем на мое мужское обаяние, а скорее на, — похлопал по животу, — мою героическую статью.

— А начальствие-то не обижает, а, Сорный? — осведомился Джерк, сдувая пену. — А правда, что там полно опасных тварюшек-то, в питомнике? Да и главный там...

— Гриз Арделл, — за кружкой хорошо прятать ухмылку, — лютый тип. Ну и да, опасных тварей достаточно — и я тут не о животных говорю.

Мы довольно славно посидели. Поболтали о старых временах, перекинулись новостями, рассказали пару анекдотов. Мы — это я и Джерк, а этот, как его, Бенни, как всегда помалкивал и налегал на пиво. Про питомник больше вопросов не было — и, спрашивается, откуда мне было знать, зачем они в этой местности?!

Может, стоило положиться на повизгивающий голохвостый инстинкт. Накачать их до отказа пивком и посмотреть — что из этого выйдет. Джерка довольно легко разболтать, а его так и распирало. Еще чуть-чуть — и он сболтнул бы что-нибудь.

Только вот я основательно занят был мыслями о летающих женщинах-кошкозмеях. Потому советовал ребятушкам не высовываться по ночам и кушать побольше серебра с чесноком.

Потом понял, что время послезакатное — встал, откланялся, сослался на дела. И получил от Джерка «До свиданьица», а от его дружка — веселый взгляд.

И меня это почти успело насторожить, но я уже трусил потихоньку к дому девятнадцатилетнего Амеля. Прихлебывая по пути восстанавливающее с пояса — с ног бы не свалиться после такого денька.

Где-то выла собака. Злорадно и пророчески. В соснах похохатывали скрогги. Луна появилась яркая, но какая-то сильно поеденная с края — висела в небе как позолоченный пирожок.

Нэйш отыскался где уговорено — напротив окошек паренька, за кустами.

— Лайл. Были проблемы?

С белым сюртуком устранитель так и не расстался — зато обернулся в пропитанную маскирующими зельями ткань плаща, и увидеть его стало непросто.

— Если пиво со знакомыми — проблема. Скажи-ка, а ты собрался сигать через забор, если на парня налетит местная крылатая нечисть? Я, конечно, как-то перелез через частокол в полтора раза выше этого, но это было восемь лет назад, а за мной гнались восемь разозлённых женщин. И если у тебя не завалялось такой мотивации...

— Не думаю, что нам придется проверять твои умения, Лайл.

Окна дома были темноватыми и мрачноватыми. Забор — прочным. Порыкивающие на луну собаки за забором — злобными.

А я — медленно соображающим. Раз уж до меня сразу не дошло: открытые окна каждый раз, когда кто-то исчезал... паренек выглядел как лунатик или околдованный... пропавшие, конечно, уходили сами, всякие кошкодевозмеи — уже молва и выдумки.

— Из домов все пропадали по ночам — значит, воздействие возрастает ночью? Но ведь охотники исчезали и днём, если слухам верить. Стало быть, что бы это ни было — оно может охотиться круглые сутки, а подманивает только в ночную пору?

А я уж совсем было настроился прыгать по заборам за крылатыми болотными девами. Хватать их за всякое и сражать неотразимостью.

Вместо этого на мою долю достается суховатая ночь, болотный холодок. Луна-пирожок и собака, которой вдалеке явно демоны овладели. Да еще напарник — почти сросся с сосной, только лицо и видно. Ни звука, ни шороха, ни движения.

— Он ведь ползет в болото, — сказал я с внезапным озарением, — этот идиот. Это... что оно там... засело в угодьях старикашки Иверта. С них все началось, сборщики его не зря первыми пропадать стали. Черт, три мили топтать как минимум... Только не говори, что полезешь за ним.

Нэйш чуть приоткрыл глаза.

— Манतिकоры корявые — да я знаю, что ты полезешь! Просто не говори. Побереги мои седины. Дальше что — попытаешься разобраться на месте и прикончить тварь?

Немое согласие можно выразить, даже вообще ничего не делая.

— Мы же до сих пор не знаем количество смертей. Вдруг там стая?

Очевидно же, что Нэйш к таким вещам просто не прислушивается.

— Хотя я допускаю, что ты... ткнешь там в нужные точки. Как в «Семи рыбках». Кстати, что это было сегодня, какой-то особый стиль? Интересно бы знать, где такому учат — не поделишься?

Ответом был короткий взгляд, который отлично читался и при лунном свете. «С тобой? Чем-то делиться? Хорошая шутка, Лайл».

«Боженьки, — вздохнул внутренний голос, — Гроски, да почему ты ещё пытаешься? Даже местным дебоширам уже ясно, что от него надо держаться подальше! Брось это дело, заткнись — и всё тут, не обязательно располагать в свою пользу всех вокруг».

А вир его знает, почему пытаюсь. Может, потому что это то, в чем я хорош. В наведении мостов и внушении симпатии. Может — потому что даже такой вот мостик, односторонний и хлипкий, лучше, чем никакого.

Больше я не заговаривал. Сидел, вспоминал — что приходилось слышать от законников, от гильдейцев, от Лу — насчет боевых искусств. Рукопашный бой в Кайетте не слишком-то ценится — а какой прок, если обычно Дар используют? Затем идут артефакты и оружие. Кулачные бои — для трактиров и ярмарок, удел «пустых элементов». Может, в Гегемонии, на Пустошах, их и практикуют.

Ходят, правда, слухи о всяких-разных орденах, где монахи камни ладонями разбивают и морды ногами бьют.

Вздор. Всплыло как-то в разговоре... не помню даже с кем. Что-то насчёт Скорпионьих Пещер в Крайтосе. И про мальчишку, который «пальчиком только тронул, а мага огня положил!». Что-то то ли о ритуалах, то ли об ордене, то ли секта была... почему — была, а

не есть? Где — была?

Призадумался я так, что позабыл следить за окошком. И чуть не прохлопал одурманенного Амеля, а когда глянул на дом — окно было уже нараспашку. Псы во дворе клокотали рычанием — волновались

С калиткой парень возиться не стал: полез через забор. Явно не соображая, что делает. Сорвался. Попытался еще раз, и собаки подняли тревожный, испуганный вой. Снова сорвался. Наконец подтянулся, закинул ногу. Мешком рухнул по ту сторону. Встал, слепо ковылял вперед — хромя, но очень даже живенько.

До полуночи оставалось час или чуть больше, луна ущербным серебристым бочком подмигивала с неба. Парень уходил вперед, не оборачиваясь, мы шли следом — то отставая, когда на тропе его было видно хорошо, то нагоняя — когда луна скрывалась за редкими облачками.

Могли бы взять парнишку под руки — он бы не заметил. Ковылял себе и ковылял — ну, вылитый лунатик. Пошатывался и запинаясь, а три-четыре раза чувствительно грохнулся. Сразу же поднимался, бормоча — и шел вперед, будто не чувствуя боли.

Шел по прямой к владениям старикашки Ивверта. Между холмами, ныряя в поросли сосняка, проходя мимо нагромождений валунов. Минуя развеселые трактиры, курительные и притоны. Которые что-то притаились там, в отдалении. А на трактах Тильвии ведь сейчас — самое движение, и в тавернах идет игра, и начинаются попойки... так с чего б?

Тишь стояла — жутковатая, нехорошая. Безлюдье — не помню такого в землях Тильвии. Наверное, гуляют и празднуют подальше от чертовых болот, а местные хозяева гостиниц рвут на себе волосы и проклинаят Ивверта с этими исчезновениями.

Ограда парка была древняя — каменная, высокая, с фигурными зубцами. Только вот пообвалилась местами. Юный Амель опять полез напролом — в самом низком месте, срываясь, вымазываясь, проползая по камню животом...

Нэйш предпочел пройти двадцать шагов влево и аккуратненько открыть скрипучую калитку. Та, будто в насмешку, была притворена, но не заперта.

В парке чувствовались отзвуки былой хорошей жизни — высаженные причудливыми спиральями кусты, буйно разросшиеся клумбы. А вон там темная громада — фонтан. Давно не течет, зато неподалеку от него проложил путь ручей — умильно гулькает. Шелестит мягкая трава под ногами. Чернеют и серебрятся руины... да это беседка бывшая. В кустах какая-то дрянь, вроде статуи.

А пирожковая луна с неба опускает сияние на землю — и оно разливается не сверху, откуда надо бы, а издалека, из самых глубин парка, где стоят темные, обомшелые деревья. Сияние просачивается оттуда, через мрачные стволы — и манит.

Ручей бежит на этот зов — несется вперед, к светлому, лунному серебру на земле. И мальчишка Амель, девятнадцать лет... поспекает, как может.

И два ковчезника — туда же. Хотя крыса в груди одного ох, и орет-заливается: куда! Не видишь, там ловушка!

Нэйш на ходу потянулся к карману. Достал и натянул маску. Я прилаживал свою и прибавлял шаг: пора было сблизиться с мальчиком, а то выдернуть его не успеем.

Под ногами хлопнуло — началось болото. В которое Амель с непоколебимой уверенностью пошел. Ступая то на травянистые кочки, то на плавающий ствол, то цепляясь за куст. Под ногами были жерди, попадался какой-то хворост. Гать для сборщиков ягод и лотосов. Вернее, дряхлые останки гати. Ноги то и дело уходили по щиколотки, и грязь

заливалась в ботинки.

Я прошупывал каждый шаг, сияние манило спереди и слева, а крыса верещала внутри: «Куда ж ты лезешь, скаженный?!» Парнишка теперь был уже в десяти шагах — двигался медленно, хромал и увязал, безжизненно висела рука. Зато было слышно, что он бормочет:

— Иду, конечно, иду уже к тебе... милая... я... нарву тебе букет, да. Мы поцелуемся, будем плавать в сиянии, как тогда. Да, я слышу, конечно, слышу, я уже иду, я совсем рядом...

Нэйш скинул и спрятал маск-плащ — иначе посреди болот его вообще бы не было видно. Если тут бродит кто из местных — владения Ивверта обзаведутся еще легендой. О белом призраке над трясиной.

Первая лилия вынырнула из темной воды — по правую руку. Словно луна отразилась в тине — появилось несколько пузырей, а потом объявилась крупная, в две пяди, корона из лепестков с мягким белесо-серебристым светом. Корона всплыла и замерла, покачиваясь, открыв сердцевину — вторую корону, совсем уже желто-лунную.

Будто тропку собиралась освещать усталому путнику.

Потом начали подниматься из болота другие. Выплывали из трясины, будто приветствовали. Раскрывали ладошки навстречу лунному свету и путнику тоже — и черные стволы начали превращаться в диковинные колонны королевского зала, а болото обернулось дивным вышитым покрывалом. Тут еще бы прекрасную деву, чтобы выплыла из этих волн.

Хотя что это я, к черту поэзию.

Парень идет все медленнее, проваливается все глубже. Под ногами все меньше опоры — то ли гать заканчивается, то ли мы свернули. А лотосы плывут и окружают, и заманивают, и кажется, что сладкий аромат просачивается в кожу, под маску, в глазах начинает плыть, хочется не пойми-чего...

Подпустил холодка с Печати — посвежело. На пробу дал слабый удар холода в сторону лотосов — заморозились тут же, воздух малость очистился. Заработал кивок от Нэйша — понял свою роль, Гроски?

Понял. Если цветочки — источник отравы и галлюцинаций, то кому как не магу холода с этим справляться.

Вопрос только — что выпивало кровь. Неужто эти цветы и такое могут?

Мальчишка наконец остановился — перед целым сгустком вирняка серебристого. Протянул руки, сам не замечая, что погружается в трясину. Непонятно, что он видел, но шептал радостно:

— Да, да, милая, тут. Я тут, я пришел, видишь? Иди ко мне, да, да, поцелуй меня...

Нэйш со своей стороны махнул рукой — стоять, прикрывать. Осторожно балансируя на утопленных стволах и остатках набросанного хвороста, начал приближаться к парню на расстояние рывка. Медленно перетекая с кочки на кочку.

Я поднял правую ладонь, на всякий случай готовясь куда-то да влупить.

Одиноким соловей очень лирично воспел эту прекрасную сцену с сосны.

Сияли линии — между темных, обомшелых стволов. С неба, в окружении крошек-звезд, паялился покусанный пирожок луны. Лунный свет и свет лилий скользили по белому костюму, так что напарника я с расстояния в дюжину шагов видел отлично, а вот мальчик терялся из виду из-за перепачканной после многих падений рубахи.

Видно было только — что лилии всплывают прямо возле него, приникая к ногам. Потому что он так и погружается глубже и глубже, уже вот до колен. Но не видит этого, только шепчет:

— Ну, куда ты? Я же здесь. Дай мне еще лилию... и поцелуй... и не бойся меня. Не бойся, пожалуйста...

И тут его что-то рвануло — снизу, из болота. В ту же секунду Нэйша швырнуло вперед — устранитель пригнулся и ткнул лезвием длинного ножа во что-то в воде. Вцепился Амелю в плечи и дернул обратно, вытаскивая из трясины. Я, ни черта еще не понимая, вдарил холодом по тому же месту.

Из трясины выметнулся шипящий клубок — скользкое, длинное, толщиной с мою шею. Выметнулось, развернулось с плеском и шумом, зашипело пастью... Нет, пастьями, рядом поднялось второе такое же — черное, чешуйчатое, забилося в конвульсиях и плюхнулось, свивая кольца, обратно в трясину. Заворочалось, забурлило, засипело — сейчас опять выскочит...

— Ходу! — рывкнул я в сторону Нэйша.

Хотя какое там — у Амеля была прокушена нога, кровь стекала на лепестки лотосов. Парнишка еще и порывался кинуться обратно, в трясину, Нэйш прижимал его к дереву, и непонятно было — как пройти вдвоем по неверному настилу, да еще и когда спутник хромой, да еще и когда сопротивляется.

Черное, шипящее, опять ринулось из болота — две извивающиеся шеи, две стремящиеся достать пасти. Плеск, шип — оплести, уволочь...

На этот раз я не стал бить холодом. Погрузил пальцы в воду и жидкую грязь и приказал Печати — отдай. Мне нужно построить мост.

— Ходу, кому сказано!

Лед жалобно крикнул, когда устранитель шагнул на него, увертываясь от жадной пасти. Дернул за собой мальчонку — будто щенка, за шиворот. И левой рукой отправил в кольца промахнувшейся твари сверкнувшее шильце дарта.

— Свшишишишиш!!!

«Съезд чайников, — вылезло когда не надо чувство юмора, — вот и наш победитель».

Победитель, излив свое негодование, булькнулся в тину, заворочался в ней, забурлил и затих. Наверное, решил больше не связываться с Нэйшем. Тот добрался до меня в несколько секунд, волоча за собой слабо упирающегося Амеля.

— ...милая, — не сбивался тот со старого мотивчика, — я... я сейчас... я приду... А вы кто? Вы зачем?

— Убираемся, — выдохнул я и на всякий случай прошелся остатками магии по местным цветочкам. Голова опять начинала кружиться.

Нэйш не возразил.

Обратный путь состоял из молчания, хлюпанья под ногами, моих тихих чертыханий — где там эти кочки, где там эта гать?! И бормотания парня:

— А куда вы меня тащите, я же... я же должен идти к ней? Стойте, нет, я пойду. Пойду... к ней. И кто вы, а? Я... вас ни разу не видел, да? Мы знакомы?

Рану ему перетянули на скорую руку, перевязать я ее смог, только когда мы вышли из клятой трясины и остановились у той самой беседки.

Журчал ручеек, и пирожковая луна предлагала всем своим видом с неба — куснуть.

Нэйш неторопливо смывал грязь с костюмчика — и тот на удивление быстро возвращал себе белизну. Я ругался сквозь зубы и промывал рану нашей несчастной наживке. Рана была глубокая — следы от мощных челюстей, и кровь не торопилась сворачиваться. Так что парень здорово ослабел.

Мало того — не помнил, что мы виделись. Да ладно — теперь он уже и сестру свою не помнил. И что у него есть отец. Так, бормотал что-то бессвязное про прекрасную деву, к которой он должен идти. Встать порывался. Понятия не имел — кто я такой и почему его расспрашиваю.

Вообще мало о чем имел понятие, если уж на то пошло. Хорошо еще — его после пережитого клонило в сон, а то пришлось бы связывать, чтоб не убрел назад в болото. Когда паренька окончательно сморило от зелий Аманды, я с чистой совестью побрел полоскаться в ручье.

— Ну, и что это за?..

Устранитель уже довел до ума сюртук и разложил его сушиться на маск-плаще. Теперь вытащил из сапога брючину — и принялся смывать с нее грязь при помощи носового платка.

— Таллея, Лайл. Легко отмывается от загрязнений, быстро сохнет. Хорошо пропускает воздух, но не холод. Очень прочная. Идеальная одежда для экспедиций или охоты. Ты разве не знал? В Дамате...

Я немного повнимал лекции о восточных традициях охоты — особенно среди важных *эйшеетов*, особ, приближенных к правителям. Почерпнул, что эти чокнутые выбираются на охоту, одеваясь при этом побогаче — и все сплошь в белые костюмчики из таллеи, ибо убивать — только в ритуально-белом. Правда, на них там еще навешано до черта драгоценностей, на охотничках.

Лекция была занимательной — особенно когда смываешь с рук кровь, а с лица — пот и тину.

— Что за твари? И я не имею в виду гидру.

— Беспмятники. Довольно редкие создания, по сути — тот же вирняк серебристый, или лунный лотос. Но видоизмененный. Беспмятники цветут только на крови.

— Та-а-ак, — сказал я со значением в журчащую водичку.

— Особенно опасны по ночам, хотя цветут и днем. Аромат затуманивает разум, вызывает привлекательные галлюцинации. А при долговременном воздействии...

— Теряешь память.

Нэйш пожал плечами и взялся за вторую штанину. Я пыхтел и тоже отмывал угвазданные штаны.

— Насколько они опасны? То есть... это лечится? Память можно вернуть?

— Ты можешь спросить у Аманды — у нее точно будет больше сведений.

Заодно будет причина повидать красотку-нойя. Может, притащить ей пару таких цветочков? Если, конечно, меня не сожрут в процессе собирания.

— Что-то не сходится. С какого боку тут гидра? Уж она мне точно не привиделась — болотная, двуглавая...

— Трехглавая.

— Ну и тем более. Допустим, что кто-то по недомыслию выпустил кровь в это болото — раз-другой. Местные лотосы переродились в беспмятники. Но гидра-то что же — сама сообразила, что цветочки привлекают жертв, и принялась кусать их не до смерти?

Нэйш наконец вернул себе белизну и присел на камень, задумчиво тарашась в сторону болота.

— Похоже, речь идет о так называемом содружестве. Нечто подобное можно увидеть у мантикор с жуками-щитовиками. Взаимовыгодное сотрудничество двух организмов. Лотосы приманивают добычу. Гидра отступает от привычного сценария охоты и прежде всего

стремится выпустить в воду кровь. Жертва все равно возвращается, пока цветут лотосы. Настолько одурманена, что не сопротивляется, когда ее утаскивают в трясину. Удачная охота для обоих организмов. Изобретательно.

Ветерок пронизал до костей. Может, конечно, это все мокрые штаны... но представилось, как все эти... шли в трясину. С улыбкой, распахнутыми объятиями. Кто-то видел клад, кто-то погибшего родственника. Каждый — свое, даже когда их уже тащили вниз. Они даже магию не думали использовать.

А над их костями теперь невинно распахивают серебристые лепестки лотосы.

— Интересно бы знать — с чего эта дрянь началась, — пробормотал я.

Пожалуй, придется побеседовать со старикашкой Иввертом как следует.

Пока я занимался глубокими выводами, Нэйш позвякивал чем-то металлическим и устрашающим в сумке.

— Надеюсь, ты не собрался туда возвращаться прямо сейчас.

Устранитель приласкал взглядом сюртук, как бы говоря: спрашивается, а зачем я тогда из себя прачку строил.

— Не сейчас, Лайл... завтра утром. Воздействие беспмятников будет слабее. А гидра как раз проголодается. Впрочем, есть одна проблема...

Грызун порядком охрип за время приключений в болоте. Но тут насторожился внутри. Посигналил хвостом.

— Видишь ли, я нанес как минимум две серьезные раны, и одна голова обезврежена. Так что гидра может ослабеть и залечь в норе. Нужно что-нибудь, что заставит ее выйти.

Я изобразил максимальное недоумение на своей физиономии — мол, ой-ей-ей, даже и не понимаю, что бы это могло быть.

— Кровь, Лайл, — терпеливо пояснил Нэйш. — Ты, случайно, не знаешь, где можно взять пинты хотя бы три-четыре? Желательно человеческой, раз уж ее привлекает такая добыча.

Уровень незнания на моем лице повысился до «первогодка в учебке законников на экзамене по истории Кайетты».

— Навестим местного врача, спросим — не осталось ли чего от кровопускания? Можешь еще раз поиграть в доктора и пояснить местным красоткам — как полезно убирать лишнюю кровушку. Можем заплатить какому-нибудь пропойце или усыпить особенно накуренного разбойника... Словом, столько вариантов, я весь теряюсь и не знаю — какой предпочесть. А ты?

— Я? Пожалуй, тоже, — полная немой зловещести пауза. — К слову, Лайл, где ты остановился?

Само собой — заведение, которое я назвал, было в двух милях от того, где я собирался спать.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Местечко называлось «Пьяная старуха», и попал я туда не сразу. Сперва пришлось худо-бедно растолкать Амеля и дотащить до поместья Ивверта. Перебудить всё поместье стуком, так что перепуганные слуги меня же едва не прикончили. Потом еще долго пререкаться — сперва со слугами, потом с хозяином. Тот был уверен, что я — крылатая дева и явилась по его душу. Под маскировкой, с товарищем-призраком.

Нэйш смылся еще на этапе пререканий, так что товарищем был Амель.

— Ох, ох, как это, что же это, — ныл папаша Ивверт во время моей повести о беспмятниках. На лысинке смешно приплясывал затертый зеленоватый колпак. — Какие ужасы. Нет, что вы, я никогда... выпускать кровь в трясину, какие глупости, ужасы какие! Бывает вот — потопнет охотник, такое бывало, а чтобы кровь в трясину — не бывало такого, нет-нет-нет, ну как такое может быть, а?

При этом очень правдоподобно трясся, а глазками шмыгал больше от страха. Так что то ли правда не знал, в чем дело, то ли очень хорошо врал.

Предположил даже, что причина в разбойничках, которые похаживают в округе. Мало ли — сколько трупов после разборок могли утопить в этом самом болоте.

Хорошая отмазка. Будто нарочно придумана. Я бы скорее сказал — Нэйш не зря находил по кромке болота кости мелких животных. Будто кто-то специально подкармливал беспмятников — сперва кровью животных, а там как придется.

Только вот что тут можно доказать — когда у тебя ноль улик, кости ноют, глаза слипаются и крыса подвывает из района печенок?

Попросил крепче привязать Амеля к кровати, оставил под присмотром слуг Ивверта, отпихался от любезных приглашений остаться на ночь...

В «Пьяную старуху» приволокся часам к трем. И спал, как и положено возможному покойнику, крепче совести Хромого Министра. Будто заранее предполагал, что день с утра покатится в вир болотный.

Во-первых, я не был разбужен Нэйшем, пытающимся выцедить из меня пару пинт крови. Не то чтобы это разочаровывало — скорее, малость интриговало.

Во-вторых, проснуться после вчерашнего отчаянно не получалось. Хозяин в ответ на мое «Что-нибудь чтобы взбодриться» припер последовательно: пиво, виски, анисовку по бабушкиному рецепту («Ух, и квасила старушка!»). Когда я отверг все варианты — уделил бодрящего травяного отвара, шепнул заговорщицки: «Горячая ночка?»

— Обжигающая, — вяло отозвался я. — Повсюду цветы. Очаровательная кусачая дамочка, которой только дай попить моей кровушки. И один менее очаровательный отморозок, который... да, вроде как, в этом уже преуспел.

Где же этот безумный «жаворонок»-устранитель? Оставалась слабая надежда — что всё-таки в гостинице.

Нэйш остановился в месте, хозяин которого страдал от недостатка выдумки. «Приличный ночлег» настолько хотел походить на свое название, что возле крыльца виднелась даже одинокая заплеванная клумба.

В дверь я сунулся почти безнадежно — и узнал от расстроенной чем-то горничной, что светловолосый господин в белом ушел часа уж два назад, на рассвете. Да, сказал, что

порыбачить (мантикорий сын!!), но удочек при нем не было, только сумка.

— У него, может, неприятности какие, у господина? — осведомилась тут горничная. — А то знаете, его тут уже спрашивали...

Еще через пять минут уговоров и трёх звонких медниц я узнал, что спрашивали — это больше часа назад. Двое — «один такой ласковый и с бакенбардами, а другой громила с арбалетом».

Вот тогда-то я и понял — что за «маленькое дельце» было у Джерка Лапочки и его дружка, как его там...

И показал в это жаркое утро очень даже неплохую скорость.

Через скрипучую калиточку в заболоченный парк я почти пролетел. Солнце решило побаловать и будто постукивало лучами-кулачками сверху — куда, мол? Если они ушли час назад — можно уже и не спешить.

Даже и не знаю — куда я летел и почему вообще не подождал, чем это кончится. Наверное, думал, что эти придурки точно все завалят, мало того — еще и наболтают лишнего. Уж я-то знал Джерка с его сотоварищем.

И Нэйш — уж точно не то задание, за которое этим двоим следовало браться, Боженьки, да кто их вообще послал и почему послали именно их? На устранителя?! И что они будут делать — засаду на него устроят?

Надо всё как-то переиграть, — стонал внутри грызун, пока я пыхтел на бегу под солнышком. Остановить их, отослать, сказать — уберитесь вы, вы тут ничего не сделаете, тут нужны не вы... Если Нэйш с ними уже закончил — сказать, что мы незнакомы, вывернуться. В общем, сделать что-то, что-то...

Место разборки оказалось за полуобвалившейся беседкой. На уютной полянке, окруженной кустами и валунами, трава самую малость была примята. И из-за беседки и кустов я не смог охватить зрелище взглядом сразу.

Даже и не знаю, что я на самом деле ожидал увидеть. Наверное, то же, что в «Семи рыбках»: скрюченные тела и Нэйша, поправляющего сюртук. Даже начал готовить фразочки типа: «Это еще кто? И рожи-то какие незнакомые».

Но Единый, Перекрестница, или кто там на небесах отвечает за сюрпризы, решили меня удивить.

Потому сперва я увидел поправляющего куртку Джерка Лапочку.

Потом — его дружка, как его там. Подбоченившегося и опустившегося арбалет.

Рихард Нэйш стоял перед ними на коленях.

* * *

На полсекундочки, половину глупого мига — захлестнуло облегчением. Растворило в злорадных мыслишках наподобие «Ну, вот одной проблеме и конец, чудненько, чудненько». Целых пять шагов я наслаждался распрекрасной картиной: Нэйш на коленях — подумать только! — руки связаны или скованы, ребята из Гильдии торчат себе расслаблено прямо над пленником.

На шестом шаге явился крысиный визг. Такой, будто крысу поджаривали на медленном огне. И я остановился, малость не дойдя до честной компании.

— Боженьки, что тут творится-то, а?

— А-а-а, Сорный!

Джерк распахнул мне объятия сходу. Его вечный компаньон вскинул было арбалет, но тут же опустил. Медленно этак, рисуясь.

— У нас вот небольшая беседочка с твоим напарничком, Сорный, — разливался Лапочка, изображая жест бывалого фокусника. — Решили вот с утра пораньше свести с ним *знакомство*. У тебя же, вроде, были с ним какие-то проблемочки? Ну вот, ты теперь считай — их нет. Всегда рады другу помочь, м-м-м?

— Рука руку моет, — поддакнул Батти (или как его там?). Щербато и недоумисто ухмыльнулся.

— У тебя есть друзья, Лайл? — не остался в стороне Нэйш. — Надо же. Представишь?

Будьте знакомы, господин устранитель — это два идиота, которые только что поздоровались со мной девизом Гильдии. Два идиота — это наш «клык», который, кажись, возомнил, что он на светском рауте.

— А он забавненький, ну надо же, — Джерк потирал лапки и облизывался. Махал мне — подзывал поближе. — Такой беленький, такой гладенький, такой... недешевенький. И покладистый, просто душка, а нам же очень нравятся покладистые, м-м-м? И хлопот-то не доставил, такой разумненький! Некоторые-то, знаешь... когда им в затылок наводят арбалет — еще дрыгаются, на коленочки становиться не хотят, а этот — оружие в травку выкинул, ручки вытянул, такой хороший мальчик, м-м-м?

«Хороший мальчик» растянул губы пошире, глядя немигающим взглядом того, кто настроился пообедать двумя придурками из Гильдии.

— Не доставил хлопот? — удивился я. — Прямо как-то, знаете ли, даже и не верится.

Джерк в ответ запустил в меня смешочками — легкими, как бумажные шарики из плевательной трубки. И начал заверять, что главное же найти общий язык, и вот они его прекрасно нашли, никаких просто проблемочек...

Я видел как минимум одну большую проблемочку. Размером с живого Рихарда Нэйша. У которого такой вид, будто он в полнейшем восторге от происходящего. Притом, что «клык» безоружен, стоит на коленях, а руки у него скованы... нет, связаны.

Связаны спереди.

Солнце нещадно палило макушку, и в знойном мареве расплывалась тупая болтовня Джерка Лапочки. Терялась, как звон мошкары. Оставалась только пронизывающая до костей улыбка человека, который стоит на коленях.

Они связали ему руки. Спереди.

Не сковали оковами, блокирующими магию. Связали. Связали спереди.

Черти водные — их что, не предупреждали, с кем они дело имеют?!

— ...а, Сорный?

Вздрогнул, вынырнул из мутного марева, непонимающе хлопнул ресницами.

— Говорю — ничего не хочешь сказать на прощаньице своему напарнику-дружочку? Может, он даже немножко проникнется и попросит у тебя прощеньица за обидки, м-м-м?

— Да, Лайл. Ничего не хочешь мне сказать?

«Давай, Лайл, — вкрадчиво шепчет усмешечка, — ты же понял, да? Ты уже понял, что им конец. Но теперь же есть еще ты. Что предпримешь?»

Крыса остервенело взвизгнула, подпрыгнула, и мысли понеслись и заскакали наперегонки с ней. Двое идиотов стоят слишком близко, арбалет опущен, Джерк поигрывает ножом. Крикнуть этому, как-его-там-Бетти, чтобы стрелял прямо сейчас — черт, он же не успеет даже поднять арбалет, сколько там надо Нэйшу, чтобы вскочить на ноги и

обезоружить обоих? На такой дистанции наверняка справится быстро, начнет, как только я рот открою, не годится. Если крикнуть и одновременно метнуть нож? Я за десять шагов, вдруг он не успеет увернуться, да кого я обманываю, успеет, он же на меня и смотрит, а идиот-как-там-бишь-его-Багги не успеет выстрелить, а если он только ранит Нэйша — я со своей попыткой буду точно покойником...

— Только ты уж не порти ему личико, Лайл, личико, говорю, не порти, — ворковал Лапочка сизым голубем, — ценненький товар, мы ведь для того и в живых оставляли, понимаешь. Такие на рынке в Тавентануме ох как ценятся, а у нас тут как раз есть, кому сбыть... эх, Сорный, тут тебя разыскивал кой-кто — но об этом потом будет беседочка, ха, разговорчик.

А если попробовать сблизиться, обойти Нэйша сзади, заговорить зубы и ему, и этим ходячим трупам... да нет, не даст возможности, у меня только один ход, и как раз его он и ждет — неужели и повязали его так легко, потому что решил устроить мне испытание? Что тогда... метнуть нож в затылок Джерку, со Стрелком Нэйш уже сам разберется, нет, не годится, он знает теперь, что я из Гильдии, он думает — я навел этих оболтусов на него, он этого тебе не спустит, тебе конец так и так, Гроски...

— На рыночке, говорю, ценятся, — доносилось до меня как из Водной Бездны, — ты, лапочка, не бывал на рыночке в Тавентануме? Такой интересненький рыночек, где выше всего ценятся те, у которых не только личико-фигурка, но еще и чтобы покладистые. Так что ты уж привыкай быть послушненьким, мальчик, а то упорных там обламывают. Неделька под плетями и исцеляющими зельями, неделька с оголодавшими пиратами — и ломаться уж и не хочется. Особенно как увидишь, что дальше бывает, с теми, кто *упорничает*, м? Так что ты уж привыкай и не трепыхайся — такого, как ты, все равно не пошлют в каменоломни, а приспособят под что другое. Ну, это ничего, уж совсем ничего — привыкнешь, даже, может, со временем и понравится...

Выход, выход, выход, отчаянно верещала крыса, нельзя оставлять в живых этого отморозка, и пока есть хоть малость надежды, что его прикончат — подыгрывать ему тоже нельзя. Но и против него нельзя выступать, сплошные стены, нет выхода, выхода нет, только солнце и скороговорка Джерка, и пронзительная, холодная улыбка того, кто наслаждается ситуацией...

Джерк наконец тоже заметил улыбочку Нэйша и малость расстроился. Жертвы же, вроде как, должны что-то такое испытывать, — нарисовалось на физиономии Лапочки. Отчаяние, ну или страх, или презрение... или хоть тревогу, что ли.

— А вот взглядов таких, знаешь ли, не надо, — поигрывая ножичком, заметил Джерк, — а то я ведь могу и кровушку отворить. А моему дружку, знаешь, очень интересно будет посмотреть, как я это сделаю и что случится потом.

Нэйш облизнул губы и засмеялся таким смехом, что продрало всех.

Меня, Джерка, его друга.

Возможно, даже арбалет.

— Ну, в каком-то смысле, — голос у «клыка» был на диво мягкий, — мне тоже интересно будет на это посмотреть.

— Сорный, эй, — окликнул Джерк с веселым недоумением, — а напарничек-то твой не малахольный часом? Может, вообще нет смысла его *всознательного*-то продавать?

— Ну, вы ж должны были вроде как знать, — отозвался я уже даже без горечи, — насколько он там малахольный, чем дышит. Это, случаем, не ваша работа, дилетанты вы

этакие? Боженьки, да я могу об заклад побиться — вы его даже не обыскивали как следует. Дайте-ка я гляну.

Простите, ребяташки, но уж если вы не насторожились после его слов и не поняли, что перед вами — отбитый наглухо тип... не хочется мне играть на стороне неудачников.

Но шанс я вам, конечно, оставлю.

— Эй, мы кармашки-то прошерстили, а пояс с ножиками сняли, — весело неслось из-за спины, — И сумочку прибрали. Сорный, что за находочки ищешь? Или просто решил пощупать напарничка, напоследок-то уж?

Раньше никогда не приходилось обыскивать Провожатого — аж прямо бегу навстречу этой участи.

Говорят, слуг Перекрестницы можно увидеть только перед тем, как они накидывают на тебя белый саван — и уводят душу в Водную Бездонь. Могу поклясться — они смотрят именно так, эти твари. Оценивающе и с легким любопытством. Приглашающе — давай, мол, не укушу, я же всего только жизнь у тебя заберу.

Позади подталкивало в затылок солнце и болтовня Лапочки, впереди были безмолвие и холод. Я старался не дрожать пальцами, когда обхлопывал устранителю сюртук. Ежесекундно ожидая удара. Все-таки я же для него чертовски удобный щит и удобный случай.

Нэйш с чего-то медлил — то ли ему интересно было — что буду делать, то ли так себе развлекался.

Шмыг-шмыг — липкими лапками по белой, прохладной ткани. Не встречаться глазами — плевать, что это плохо получается. Напоказ проверить карманы — внешние они в первую очередь посмотрели, но я ж тут профессионал.

Внутренних карманов в сюртуке у устранителя оказалось четыре: правый нижний, левый — на уровне пояса, два на уровне груди. Нож отыскался в левом нагрудном — тонкий, легкий и острый. Похожий на скальпель, которыми доктора отворяют вены.

— Гляньте-ка, ребята, чего нашел! — вскинул кулак, торжествуя ножичком помахал. — Хороши вы были бы, если б поволокли его на перевалочную базу с таким-то подарочком. Представляете, что было бы, если бы он руки освободил?

Что, совсем ничего не дернулось, а? Мне вас уже почти не жалко.

— Ух ты, Сорный! А я-то всегда говорил, что у тебя чуечка отличная!

— А то ж, — подтвердил я, опуская свой собственный ножичек — воровской, потяжелее, зато и держать удобнее — в левый поясной карман белого сюртука. — Сам себе иногда удивляюсь. Ну, вот, теперь, вроде бы, готово.

Готовее некуда. Сюртук расстегнут, нож в кармане. Правда, чтобы его достать надо быть тем еще акробатом, но я же тут шансы раздаю и очки в глазах двух сторон зарабатываю.

— Ну, а дальше уж тогда без меня, ребяташки, — приложил напоследок, разворачиваясь в сторону выхода из парка.

Джерку с сотоварищем это показалось лучшей в мире шуткой — молодчики, само собой, уже прикидывали, как будут делить прибыль.

— Что, Сорный, неужто и не попрощаешься? Да и мы сейчас будем договариваться с твоим дружочком — посмотреть не останешься?

— Да, Лайл, — повторил Нэйш с легчайшим удивлением. — Ты не останешься посмотреть?

Дать бы им время — они б ещё друзьями стали.

— Натура у меня чувствительная, — сказал я, поднимая глаза ввысь. — Чуть увижу где жестокость — в слезы кидает, аж кушать потом не могу.

Всё равно не успеваю метнуть чёртов нож. Теперь еще и дистанция не та — удаляюсь слишком живо, чувствуя, как взгляд Нэйша ввинчивается между лопатками.

— Чистые ручки, Сорный? — весело донеслось из-за плеч.

— Отмыты и не пачкаются, — отозвался я — и больше уже не оборачивался, не прислушивался.

Грызуна внутри не слушать было сложнее. Крыса — юркая, трусливая, извивалась, изворачивалась. И шипела — ладно, убрались, одобряю. Только теперь — давай сбежим. Совсем сбежим, подальше. Ноги в руки, до водного портала — собрать золотишко, потом до портала опять. Проскользнём незамеченными, ну!!

Но я только вышел из дверей парка, аккуратноенько притворив скрипучую калиточку. Отыскал симпатичный валун и на него уселся.

Солнце припекало макушку и улыбалось с неба едко, как моя судьба. Будто подначивало: давай, побегай, а я посмотрю.

Знало — мне не убежать далеко.

Ни от Гильдии. Ни от того, что выйдет сейчас из этих вот ворот.

Играли когда-нибудь с серьёзными ребятами? У тебя в руках — затрепанные карты, сплошь мелочёвка, а один из противников сейчас сожрет другого и примется за тебя. А ставки сделаны, на засаленное сукно выкинуто последнее, и выиграть всё равно не можешь, только — сохранить жизнь и статус игрока.

Кузнечики звенели как ополоумевшие. Я сидел на горячем камне, втягивал в себя воздух, как обжигающий суп, и ждал шагов судьбы. Внутри дурниной орала крыса.

— Ты не сбежал, — сказал он тихо. В пяти шагах за моей спиной. Как это я забыл, что рок ходит бесшумно?

Прилизанность «клыка» сошла на нет, а так свидание с парнями из Гильдии прошло для него бесследно. Ну, почти — он растирал запястья и был полностью занят этим делом.

— Думал было сгонять за подмогой, но это было бы слишком долго, да и незачем — нет, что ли? Извини уж, что не остался на расправу, но я не сомневался, что ты их уработаешь. Как они вообще тебя повязали, с твоим-то Даром?

— Организованная засада, — теперь Нэйш проверял состояние безупречных манжет, — На самом деле — случайность, но довольно досадная. У всех свои слабые точки, Лайл.

Не могли же они действительно просто навести ему арбалет в затылок. Дар Неуязвимости должен бы предохранять от всего... или всё-таки — не от всего?

— Я так понимаю — у них слабых точек оказалось побольше, — спокойствие на физиономии давалось с трудом. — Правда, я малость поспособствовал. Что ножик, пригодился?

Нэйш полез во внутренний карман и извлёк моего воровского друга. Повертел в пальцах — отражённое от блестящего лезвия солнце ярко сверкнуло в глаза.

— Действительно, со связанными руками всё было бы сложнее... и медленнее. К слову, отличная балансировка.

По сценарию надо было бы поглядеть сейчас устранителю в лицо с непоправимой честностью — ничего же не случилось! Вот только он стоял слишком уж близко. А сталь моего ножа на его ладони, посвёркивала, завораживала. Так что обращался я к ней.

— Да, неплохая. И да — можешь не благодарить за помощь.

— В самом деле, ты же, кажется, помог. И прежде любил помогать, да, Лайл? Прекрасно вписывался в команду. Казался таким полезным, без тебя просто никуда...

Я не был дураком, потому перетерпел ещё одно искушение — выбросить руку с ножом вперёд. Когда услышал этот тон — обволакивающе-теплый, будто солнце, которое едко ухмыляется в небесах.

Каждую секунду готово сжечь тебя до головешек.

— Намекаешь, что в этот раз я как-то не вписываюсь? А я-то уж думал, мы сработались.

На плечо легла рука. Я поднял глаза — и увидел сперва доброжелательный оскал улыбки, а потом глаза палача.

— Мы отлично сработались, Лайл, — шепнул мягкий голос. — Ну, разве что одна маленькая деталь.

Солнечный полдень выцвел, зной свернулся в серые стены с водными потёками, на зубах закрипела морская соль. Небо дохнуло холодом камеры.

Осталась только рука на плече. И многообещающая улыбочка, и голос:

— Ты же расскажешь мне всё, что я хочу знать?

Конечно, конечно, господин допросчик, я расскажу всё, — резануло из прошлого. И не солгу — вам не солгу никогда, только...

Боль пришла вдруг.

Мы с грызуном её ждали — давно, с того самого момента, как два месяца назад я услышал голос из прошлого, увидел бабочку и иглу в ней. Ждал, готовился, настраивался...

Не успел, а она пришла, ударила от шеи, парализовав плечо и руку с Печатью, сведя мышцы, растеклась огнём по груди. Нэйш не стал меня держать, и я, зашипев, привалился к валуну, вцепился ногтями левой руки в камень, будто пытаюсь то ли остановить, то ли заслониться...

Мягкие шаги по траве — вокруг, вокруг, вокруг. Взвешенный голос.

— Значит, Гильдия, Лайл? Не ожидал, что ты работаешь с крупными организациями — думал, тебе по вкусу вольные хлеба. Я и сам одно время выполнял задания «чисторучек» — правда, как сторонний наёмник. Знаешь, из тех, к которым обращаются в специфических ситуациях, по необходимости. Но я кое-что слышал об их системе рангов и должностей... какая бы могла быть у тебя, а? Дай догадаюсь. «Крыса». Верно?

Верно, верно — мерзкий помойный грызун, попавший в ловушку. Видите, как извивается от боли? Что-то даже, вроде бы, визжит — наподобие: «Хватит, хватит, не надо больше, прекрати, я скажу...»

Но шаги не стихают — кружат и кружат. Мягкие, хищные. Замыкают в кольцо, в безвыходную ловушку. Рвущая боль и шелест голоса — едины.

— Да, конечно. «Крыса». Припоминаю, что это было твоим занятием и до Рифов. Завоевать доверие. Влезть внутрь. Кто заподозрит такого полезного, такого необходимого... А какой ранг? Наверняка высокий, ты ведь такой старательный. И что же делает «крыса» такого высокого ранга в питомнике Лортена? Кому-то понадобился Лортен? Питомник? Арделл? Слушаю, Лайл. Давай. В чём было задание?

— Я... не... не знаю...

Голос дрожит, срывается в хрип, потом в визг. Потом — в мольбы. Но допросчик только цокает языком. Отлично лжёшь, Лайл. Не растерял мастерства. Ты, кстати, знаешь, что врать нехорошо?

Вторая волна боли приходит за первой — от затылка и вниз по позвоночнику, острая,

жгучая, так что остаётся только корчиться и скулить. И ждать, что он остановится — должен же он остановиться, он же всегда останавливался, чтобы дать мне ответить...

Но шаги всё плывут — размеренные, плавные. В голосе допросчика — разочарование, а его нельзя, нельзя, нельзя разочаровывать, и спина изгибается сама собой — подставить хребет в знак покорности...

— Ты же понимаешь, Лайл, как легко мне вернуться с этого задания одному? Трагические случайности на охоте... особенно если тварь опасна, вроде гидры или беспмятников... Давай же, мне любопытно. Что за заказ?

— Они мне правда... ничего не...

Бо-ошеньки, почему я так и не научился от этого отвлекаться, почему не выпил обезболивающее сразу, почему...

Кажется, я слегка растворился — в зное, крысином визге, в попытках кричать, в мольбах.

В воде Рифов — прибрежной, солёной, хлынувшей в горло.

Подумал ещё — махнуть хвостом, уплыть в глубину. И тут понял, что вода пресная, просто смешивается с кровью во рту.

Наверное, язык прикусил, когда отключился. И затылком ударился о валун — вон, раскалывается...

На удивление — раскалывается затылок, а не валун.

— Пей, Лайл, — полный неизмеримой заботы голос из блаженной темноты. — Раньше ты выдерживал дольше.

Темнота перестала быть блаженной. Я плотнул ещё, и фляжку от губ убрали, зато в лицо брызнули водой.

— Старею, наверное, — прохрипел, приоткрыл глаза.

Я полусидел на траве, опираясь на валун. Боль схлынула, оставила дрожь да тягучее, ноющее ощущение. Будто послевкусие от старого, знакомого кошмара.

Нэйш закручивал колпачок фляжки — прямо-таки жрица Целительницы, только знака Милосердной Длани не хватает. Ну, и ещё кое-чего.

Милосердия, например.

— Вижу, тебе лучше. Продолжим?

— Не надо. И так всё скажу. Хочешь — можешь взять у вашей нойя эликсиров правды, проверить. Я... не солгу.

Потому что крыса поднялась изнутри, оттолкнула в сторону, и грызун теперь главный, и главное — выжить, только выжить и избежать боли, а всё прочее неважно, и это он шепчет моими губами:

— Они направили меня втёмную, не обозначая задания. Сказали внедриться и ждать. Они сами сообщат — когда действовать. Им нужен срыв какого-то дела, какого-то... одного дела, но какого — они не уточняли. Думаю либо не знают сами, либо заказчик чего-то ждёт...

— Интересно.

По крайней мере, он не начинал опять играть со мной в Рифы. И камень охлаждал спину, а солнце грело сверху. И я мог шептать:

— Сволочи, дали мне контракт с залогом, под залог бляхи... под залог жизни. Я не могу не выполнить, не могу отказаться. И при этом даже не знаю, что им нужно. А тут ещё ты, черти водные... Ты, чертовы зверушки, да еще эти придурки... Всегда считал себя

невезучим, но тут мне, кажется, не сvezло просто удивительно.

Крыса внутри подрагивала, нащёптывала — тут задрожил голосом, тут вставил истерический смешок, а тут сорвись в полурыдание. Так, Гроски, так, ещё жалче, ещё ничтожнее. Ты — не опасность. Пусть себе смотрит с презрением, пусть не желает замараться, главное — выжить и избежать боли.

— Ты навёл их на меня.

— Нет.

Он шагнул вперед со слегка разочарованным видом, так что я подскочил и вжался спиной в камень.

— Нет, погоди! Я только обозначил насчет тебя, сказал, что ты... можешь помешать, я понятия не имел — какие выводы они сделают. Нэйш, ты серьёзно думаешь, что, если бы их наводил я — я не упомянул бы твои умения? Боженьки, я же видел тебя в работе, я бы попросил... не знаю, чтобы они с десятков нормальных «уборщиков» выслали. И главное... ты что, думаешь, я бы просил взять тебя живым? Надеюсь, что ты не считаешь меня полным идиотом.

Сверху хмыкнули, так что я рискнул — приоткрыл один глаз. Нэйш рассматривал меня, наклонив голову. Будто прикидывал — стоит ли возиться с данным экземпляром, или можно уже вешать на стеночку.

— Видимо, я должен быть польщён?

Мотнул головой — а это уж как знаешь. Противная дрожь всё не уходила, сотрясала тело, и покалывало спину, тянуло шею, ныла рука. Что там говорила красотка-нойя — укрепляющее у нее не только восполняет силы, но и от боли может малость помочь? Надо бы попробовать — только вот пальцы дрожат и скользят по поясу, рука не слушается, прерывается дыхание...

И давит неизвестность — как холодный, изучающий взгляд. Потому что допросчик всё ещё тут — раздумывает, верить мне или нет, и следит, следит. Какой смысл? Все козыри брошены на стол, ход уже не за мной, а выиграть партию теперь, когда он знает — и вовсе невозможно.

— Я хочу знать, в чём твоё задание.

Чуть не раздавил пузырёк во мгновенно вспотевших пальцах.

— Я же тебе ска...

— Когда тебе сообщат его. Я хочу знать — в чём оно заключается. И ты мне скажешь.

Это уже тянуло на такой уровень изощрённости, что крыса внутри перестала извиваться и зашипела. Какого...

— Нравится играть с мышкой перед обедом? Или что у тебя там... на конвульсии смотреть? Нет, я не отказываюсь от нескольких дней или месяцев жизни, просто тебе-то на что? Хочешь поймать на горячем? Так ведь поймал уже. Собираешься сорвать мне заказ и понаблюдать, как Гильдия снимет с меня голову? Думаешь, у них фантазия побогаче твоей? Или хочешь сдать меня законникам? Ты...

— Знаешь, Лайл, тебе стоит больше доверять людям.

Бранные словечки в глотке смялись и скомкались, придушенные взрывом нежданного хохота.

— Да... — продолжил «клык» невозмутимо. — Я же сказал: я хочу знать твоё задание, и только. Можешь считать это любопытством. Может быть, я просто наблюдаю со стороны. Или, кто знает... решу даже помочь.

— Помочь... мне?

Наверное, я выглядел порядком-таки забавно — с совершенно ошарашенной физиономией. Устранитель выпустил из-за зубов небольшой смешок.

— Может, ты заметил, я далёк от идеалов Арделл по поводу любви ко всему живому. Так что в питомнике я по другим причинам. Например, здесь обширный материал для наблюдений. На выездах встречаются иногда исключительные экземпляры. И не только на выездах.

Я наконец открыл зубами пузырьёк и сделал глоток. Пахучее, горько-острое, травянистое. Надеюсь, я правильно рассчитал дозу.

И правильно сделал поправки по поводу количества бешеных шнырков под черепом одного устранителя.

— Хочешь, значит, посмотреть, как я ткну палкой в муравейник?

— Преодоление трудностей, — Нэйш слегка пожал плечами, — всегда любопытно. Бывал в цирке, Лайл? Увлекательно наблюдать, как дрессированный зверь берет очередную планку в прыжке. Пролетит через огонь или нет? Можешь считать, — он чуть нагнулся вперёд и понизил голос, — мне интересно следить за тем, как Гриз Арделл раз за разом прыгает через огненный обруч. Так что кто знает — может быть, небольшая помощь...

Дрожь, которая было отступила (угадал-таки дозировку) вернулась обратно. С лихвой. Я-то ещё считал, что я — вполне себе отвратная личность...

Приятно, когда есть кому отдать первый приз без боя.

— Так что, — продолжил «клык», задумчиво улыбаясь, — ты сообщишь своим друзьям в Гильдии, что я больше не представляю угрозы заданию. Что мы отлично сработались. Стали лучшими друзьями. Ты понял, Лайл?

— Лучшие друзья. Да. А как же.

Остаётся только надеяться — что мой новый распрекрасный друг не станет отыгрывать свою роль слишком рьяно. Совместных пикничков и охот за бабочками я точно не перенесу.

— Отлично. Поднимайся же, Лайл. Нужно прибраться.

Черти водные. За всем этим сеансом воспоминаний я как-то и позабыл, что на территории валяются два тела, бывшие наёмниками Гильдии. И эти тела могут породить нехорошие вопросы уже ко мне.

Ладно, тут, вроде бы, полно глубоких и тёмных омутов в местности, хотя тащить может быть и тяжело — главное, чтобы никто не заметил...

Не говоря уж о том, что мне предстоит смотреть на художества Нэйша — а мне даже думать не хочется, что он там мог сотворить с этими придурками.

Реальность оказалась настолько кошмарной, что все варианты растаяли, как сосульки под солнцем.

Оба наёмника валялись, распластавшись, в травке, где еще недавно на коленях стоял устранитель.

Оба были живы.

Надежно вырублены — то есть, сначала он врезал им по болевым точкам, потому что оба скрючены, а вот потом добавил и отрубил начисто.

Вот только они были живы — я увидел это сразу, как остановился над ними.

— Какого... — всё же не поверил глазам, тронул за шею одного, потом другого. — Какого ты... ты что, их не убил?!

— А должен был? — невинно удивился Нэйш. Его от души забавляла эта ситуация.

Особенно то, как я раскрываю рот и пытаюсь достать из себя слова.

— Нет, ты должен был угостить их пивком и рассказать про бабочек! Хочешь сказать — тебя с какой-то радости посетило чувство человеколюбия, и ты не довёл дело до конца?

— По правде сказать, недолголюбиваю убивать людей, — оглоушил меня Нэйш по второму разу. — Есть в этом... знаешь, что-то ненормальное. Убийство кого-то, кто одного вида с тобой... отдаёт каннибализмом. Вынужденно — может быть, но вот так, беспомощных. Отвратительно. Ты как полагаешь?

Я полагал, что вчера в болоте беспамятники все-таки своим ароматом проникли через маску. И породили во мне какие-то странные галлюцинации.

— Поэтому, — продолжил Нэйш с той же неумолимой мягкостью, — этим придется заняться тебе. В конце концов, Лайл, они же твоя проблема. Так будет справедливо. Тебе не кажется?

— Ты предлагаешь мне...

— Решить проблему любым способом, который ты предпочтешь. Нож. Арбалет. Удавка. Что ты предпочтёшь, Лайл?

Кажется, он от души настроился — насладиться зрелищем. Позабавиться. Будто скучающий зритель, который вдруг набрел на уличный балаган.

Вот только моя физиономия в этот момент вряд ли подходила для веселого представления.

— Ну, брось, Лайл. Ты-то ведь не чурасься таких методов, а? Сколько у тебя уже на руках. Три, четыре... пять? Больше. Я так и думал. Даже если не считать тех, кого ты сдал на Рифах — ты же никогда не отличался щепетильностью. Так?

Никогда. И грызун сейчас извивается и бьется, бьется внутри: *они наверняка поняли, что это ты сорвал их задание, Гроски, они донесут на тебя Гильдии, они будут мстить, они — проблема, реши же ее, реши ее сейчас, немедленно...*

— Вот и какого черта я оставил тебе нож, — выдохнул я, распрямляясь и подставляя макушку под жгучие лучи.

— Потому что ты очень хочешь жить, Лайл, — озвучил Нэйш почти даже не глумливым тоном. — Ну. Я жду.

Воздух ушёл из груди — совсем. Осталась противная дрожь. Солёные капли пота на щеках. Безжалостный, давящий взгляд солнца сверху.

— ...или мне отвернуться?

Утекающее время для решения. Незримые стены, надвигающиеся со всех сторон.

Выход, — прикрикнул я на крысу. Ищи выход, выход! И голохвостая мусорная тварь внутри понеслась по кругу: где же, как соединить воедино, дать каждому — желаемое. Я хочу жить, Джерка с его другом не спросишь, но они тоже не откажутся. Устранитель хочет развлечься.

— Ты, кажется, говорил, что тебе для гидры нужна кровь или приманка...

Нэйш обернулся с праздничной улыбочкой и видом, который яснее ясного говорил: «А вот теперь я тебя внимательно слушаю».

* * *

Тащить Джерка пришлось, конечно, мне. Он был щуплый мужичонка, но вы попробуйте волоочь три пуда груза, да еще по яркому солнышку.

Нэйш шел рядом и время от времени заботливо вставлял: «Лайл, он обронил сапог» или «Нужно взять левее».

Надежный инстинкт цепко держал меня в лапках, так что я молчал. Поднимал сапог, опять напяливал на Лапочку. Остановливался, хватал ртом воздух, вытирал соленые струйки с лица. Опять брался за плечи товарища по Гильдии, продолжал волочь.

Расстояние до трясины показалось вечностью. Кое-как удалось втащить Джерка на мостки гати — а вот дальше двигаться с грузом было уже опасно. Я и так провалился пару раз.

Выбрался обратно, зигзагами дошагал до ручейка, припал губами к воде.

Крыса на сковородке. Сверху льется густой, прямо-таки ненормальный для Тильвии жар. Ломят руки, горит поясница. Колени трясутся. Да еще последствия милой беседы с напарником — позвоночник так и отдает тупой болью, в шею будто шило всадили.

Проблему я осознал, только как следует попив водички. И дотащившись до... Боженьки, как его там зовут, этого Стрелка?

— Громилу я... не дотяну.

Нэйш смерил глазами громилу, скорчившегося на лужаечке. Посмотрел на меня и сделал утвердительный жест — ага, вряд ли.

— Помочь ты мне, конечно, не хочешь.

— Я уже говорил, Лайл. Они — твоя проблема.

Узнаю, кто в Гильдии выслал за ним этих олухов — распотрошу, честное слово.

Нэйш придирчиво рассматривал свой ножичек — отобрал у Джерка, конечно.

— Для приманки хватит и одного. У тебя всё еще есть другой выход.

Звучит почти даже соблазнительно. Только что-то мне не хочется преподносить Нэйшу последний подарок — а устранитель, похоже, очень желает посмотреть, как я кого-нибудь прикончу.

— Точно. Есть другой выход. Помоги-ка мне привести его в себя.

Ну да, конечно, к кому я обращаюсь.

Справился сам. Влепил Барку (или как он там?) с десяток оплеух, полил водичкой, сунул в зубы его собственную фляжку. Последняя мера сотворила чудо, и дружок Джерка восстал. С ревом и рывком, очень быстро перешедшими в стон и падение.

Через какое-то время громила еще и обнаружил, что его арбалет держу я. И еще — что на него недвусмысленно глядит моя ладонь с Печатью-снежинкой.

— Шагай вперед и молчи, а то подморожу.

Спасибо еще — у этого детинушки не было сложного внутреннего мира. Зато хорошо работали здравый смысл и повиновение. Так что он и впрямь молча дотащился впереди меня до болота. Даже сделал одолжение и под моим бдительным присмотром протащил Джерка еще шагов на пятьдесят внутрь трясины.

Зыркал, правда, убийственно, пару раз ругнулся, но хоть ничего не сказал. Я почти готов был за это полюбить парня. Когда ударом по затылку вырубал его вторично.

На душе было паршиво и без того, чтобы мне еще сообщали — что я такое.

Просто ты хочешь жить, Гроски, — твердил я, пока брал нож Джерка. Пока делал надрезы на руках Брэнди (или кто он там?!). Вспарывал ему куртку и протыкал ладонь. Хочешь жить, вот и все. А это — выход.

Вложил нож в пальцы Лапочки. Потом взял арбалет и со второй попытки (руки тряслись, после допроса, наверное) прострелил ему ногу пониже колена. Джерк дернулся и

почти даже очнулся — пришлось уgomонить еще ударом по голове.

— Когда их найдут, — сказал я куда-то в пространство, — будут думать, что они... надышались этой дряни. Спятели, начали драться друг с другом. Что теперь?

Маску я повязал перед тем, как мы углубились в трясину. И не видно, как пляшут губы.

— Хорошо, Лайл, — тихий шелест голоса откуда-то сзади. — Они лежат на достаточном расстоянии. Теперь отойди.

— Если она появится... мне делать что-то?

— Не настаиваю.

Прислонился к угрюмой сосне — потный, перемазанный тиной, почти раздавленный грызун. Стал бессмысленно смотреть на то, как из моих бывших гильдейских товарищей вытекает в трясину кровь. Пытаясь не задаваться вопросами — а если крови нужно слишком много? А если цветочки не учуют кровь и не всплывут? А если гидра не учует и не вылезет?

Беспамятники явились первыми — десяти минут пройти не успело, как один всплыл поближе к голове Джерка, насколько позволяли мостки гати. Скоро начали появляться остальные — побулькивали и поднимались из черно-зеленой грязи. Не такие впечатляющие, как в лунном свете — тусклые и как будто беловатые, только низ отливает серебром. Но ведь пахнут — вон и голова начинает кружиться.

Освежил воздух холодом вокруг себя. Надо будет глотнуть все же антидота из сумки на поясе. Еще надо спросить у нойя... спросить — может ли вернуться после такого память. Потому что если может — придется искать другой выход.

На этот раз гидра появилась не внезапно — видно, глубина не позволила. Сначала наметилось движение в трясине — волнообразное, нацеленное. Как будто что-то очень немаленькое плывёт в вашу сторону. Тяжело и местами даже неуклюже — скажем, приволакивая одну недействующую шею.

Потом движение замерло минут на пять, у самых мостков. Затаилось. Серебристые лотосы очень невинно плавали в тине — похоже было на танец в Хороводный день. Всплывали и лопались пузырьки. Медленно струилась кровь с мостков в трясину. Нэйш возле здоровенной коряги обратился в истукана: маск-плащ, маска скрывает лицо, на левой ладони тихонько трепещет лезвие палладарта.

Я прижал поплотнее локоть к боку и поднял правую руку — ударить, если вдруг что.

Тина приподнялась, расступилась, пропуская голову гидры — круглую, тупую, серо-черную. Маленькие глазки. Пасть, похожая на пасть миноги. Еще помедлила, протянулась шеей вперед по мосткам, наконец уверилась и рванулась вперед, вцепляясь в руку Джерка.

Короткий свист. Мне так и не удалось рассмотреть — сам дарт слетел с ладони, или Нэйш метнул свою игрушку. Лезвие безошибочно вошло в глаз — голова зашипела, разевая пасть, забила в трясине шея...

Потом гидра выметнулась из болота — скользким туловом, наполовину состоящим из одних только шей, еще почти наполовину — из хвоста. Общей длиной — футов в двенадцать. Ринулась вперед: на месте одной шеи сплошная рана, вторая исходит конвульсиями, и только правая пасть живет, держится, готова кусать. Обвить, ударить хвостом, утащить в трясину и уволочь!

Мостки гати затрещали и прогнулись под тяжестью упавшей на них туши. Нэйш легко вскочил на корягу, дернул цепочку дарта — тот покорно принесся в руку. И не спеша отправил гидре лезвие в последнюю голову. Потом вдохновенно, как в танце, спустился вниз, прошел между бьющимися и шипящими шеями и закончил дело размеренным ударом

ножа.

В узел меж трех шей.

Бесчувственного Джерка во время разборки гидра смахнула с гати — мне пришлось лезть за ним, доставать. Намораживая для себя ледяные мостки. Банти, или кто он там, лежал, где положили, только вот гидра упала наполовину на него.

Все было в крови и в тине. И вокруг плясали проклятые лотосы.

Устранитель осмотрел этот натюрморт, не пытаясь скрыть удовлетворение.

— Оплата — твое дело, Лайл. Я закончил.

Ногой столкнул половину гидры обратно в болото. Наклонился, рассмотрел тулово.

— Трехглавая, я же говорил. Ей пришлось отбросить шею. С той головой, которую я ранил вчера.

Сдернул маск-плащ. Снял с сука коряги сумку. И уже проходя мимо меня, добавил:

— На твоём месте — я обождал бы час, прежде чем привести сюда слуг господина Ивверта. Чтобы беспамятники подействовали.

Я ничего не ответил. Отвернулся от белой фигуры, которая преспокойно удалялась в направлении выхода из парка. Стал смотреть сначала на мертвую гидру — шея вытянулась по мосткам, на месте глаза дырка, где-то внутри тины еще утихают последние конвульсии. Потом на Джерка с его дружкой — раскинулись на мостках гати, подкармливают кровью трясину, вокруг голов и рук тихо поднимаются привлеченные кровушкой серебристые венчики лотосов.

Подождал я на всякий случай два часа.

* * *

— ...и ты не представляешь, как мне пришлось выкручиваться перед Нэйшем и пояснять — что эти два придурка вообще забыли в болоте с арбалетом. Боженьки! Впереться в самую гущу этих лотосов — нет, отдаю им должное, местечко для засады они выбрали ничего себе, ну, то есть, если бы рядом не было полно беспамятников, да плюс там еще была гидра, которая совсем уж нацелилась сожрать обоих, когда мы подоспели.

Пивко подходит к концу — досадно. Здесь оно густо-янтарное, с благородной горчинкой, и тоже отдает ароматом специй. Жаль только — крысы не умеют варить пиво или готовить полыхающе-острые изумительные блюда.

У меня вот другой талант — врать. Вдохновенно, с честными глазами, с шуточками, мешая истину с ложью — в разных пропорциях.

Связного Гильдии я только что накормил враньем по горло — как обратно не лезет? В красках расписал: Джерк и его дружок сами сказали мне, за кем их прислали, и я даже их отговаривал, Печатью поклясться могу! А они всё лопотали что-то насчет приказа Гильдии и советовали не вмешиваться. Ну и кто я, чтобы вмешиваться, спрашивается? Опять же — чья вина, что их понесло в то болото? У меня и в мыслях не было, что они выберут для засады такое место. Тем более — что надышатся этих паров и начнут драться между собой (вир их знает, что им привиделось там!).

— Так что я выкрутился. Вызвал местных, чтобы забрали балбесов... Даже не знаю, перед кем Гильдия больше в долгу: передо мной или перед милыми цветочками. За то, что избавили её от этих... как бы их ещё назвать.

Найджи уже давно отверг переперченную яичницу и теперь переваривает

исключительно моё враньё. Я тактично даю ему время — с блаженным видом затягиваюсь трубочкой и показываю, что всё, решительно всё у меня расчудесно.

Может, оно так и есть. Выглядит как жутковатая история с отличной концовкой, где все довольны. Например, старикашка Ивверт выложил двадцать золотниц почти без вопросов — и добавил пять за то, чтобы я порассказывал в местных заведениях, что его вины тут нет.

Местные от души счастливы, что им не придётся разбираться с крылатыми кошками, или змеями, или девами. Правда, у них, кажется, возникли какие-то вопросы к папаше-Ивверту. Ну, да это уж его дело.

Красотка-ноя тоже была довольна, когда я притащил ей с полдюжины сорванных лотосов, понадежнее засунутых в сумку: «Ах, таких цветов мне не дарили никогда, какой ты галантный, ну надо же!» Слушала историю и цокала языком, поила чаем и прищелкивала пальцами — «О, медовый, такие сказки хорошо слушать у костра!» И отвечала на вопросы: «Нет-нет, я думаю, что память этих бедняг едва ли восстановится. Нужны мощные зелья, очень дорогие, мой медовый, настоящих мастеров — и то... Беспмятники могут подменить их воспоминания ложными».

Начальство тоже было довольно — «Хорошо справился, Гроски». Пять золотниц Арделл оставила мне как премию, без вопросов отпустила в город (хотя и наваяла список покупок для питомника). Разве что щурилась на мою физиономию тревожно:

— Нэйш обмолвился, что вы вроде как сработались. И поскольку я пока от него такого не слышала не то что после двух выездов в паре с кем-то, а вообще... Лайл, точно всё в порядке?

— Немножко выматывает с ним срабатываться, — выдал я в ответ привычную полуправду. — Просто замотался. Обещаю быть в образцовом порядке, как только малость передохну.

Удалось даже сделать вид, что поясница ноет после разборки с гидрой. Хотя мне до сих пор в дыму мерещится встревоженный взгляд варгини. Нанесло ж на начальство с такой чуйкой!

Спасибо, у Найджи чутьё похуже. Может, его просто отшибло плотной завесой из дыма и перца, которая колышется в воздухе.

— Стало быть, теперь вы с этим Нэйшем приятели?

— Самые что ни на есть наилучшие. Так что пусть Гильдия даже не думает слать своих живодёров. Так и скажи — я разберусь сам.

Связной Гильдии кивает, заходитя в кашле. Машет — мол, всё, поговорили, новости передам, а ты давай тут, внедряйся дальше. И бежит на свежий воздух — то есть, насколько он там свежий в бедном квартале с кучей табачных лавок и сапожных мастерских.

Не спеша докуриваю. Рука от плеча так и ноет ещё, хотя мазь от Аманды чудо как помогает. Три медянки на поднос — комплимент хозяину. Вежливый поклон.

На выход получается пойти уже вполне себе ровно, хоть поясница и тянет. Вокруг, в дыму, тонут недосказанные слова.

Ага, ага. Я разберусь сам, Найджи.

Я разберусь с ним сам. Подставив во время задания. Столкнув с каким-нибудь заказчиком. Во время выполнения моего задания — ведь когда-то мне про него да сообщат! Или даже после.

Крысы — чертовски мстительные создания. Склонны помнить долго, а бить — исподтишка.

А до того будут извиваться, притворяться испуганными, избегать вашего взгляда — и выжидать, выжидать...

Рано или поздно — вы утратите бдительность и подставите спину.

«...исследования говорят, что все без исключения магические животные так или иначе склонны к немотивированной агрессии.

Однако бывали случаи, когда внезапной кровожадностью проникались целые зверинцы или популяции.

Ярким подтверждением является случай Фениа...»

Энциклопедия Кайетты

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

В клетке сидит здоровенный птах. Смахивающий на скворца. Только в сером варианте, в серебристую крапинку. Птах нагло поглядывает искоса и выдаёт звуки вроде «Уик, увик, перр».

Будто кто-то настраивает лютню, на которой одна струна провисла.

—хлопот с тобой... — говорю я и почесываю птаху голову.

Тот в ответ торжествующе долбит по прутьям клетки.

— Это ж горевестник, — с сомнением говорит Мелкая. — Ну, халадриан.

Птах с жадностью пялится из клетки на печенье, которое Мелкая грызет.

— Дать ему?

— Ему это вредно. Они всё больше по жукам, плодам да орехам.

— А мамка говорит — того... мертвечиной они питаются.

Дрызга как надерется — так еще не то может сказать. Опять, небось, дрыхнет с перепую. Или клянчит спиртное у Лортена.

— А ещё, будто бы, примета они плохая. Куды горевестники повадятся — так сразу горе там, беда... смерти всякие.

— Наоборот. Горевестники собираются там, где беда. Чуют с больших расстояний — в каком доме смерть или скорбь. Даже могут наперед это предугадывать. Предсказывать. Если вдруг начинают куда собираться — лучше бы оттуда убраться. Жалко, они сейчас не везде встречаются.

Мелкая и птах изучают друг друга. Птах открывает клюв, будто хочет что-то сказать...

— Пинь.

И корчит обиженную мину, зараза этакая.

— А Гриз говорила — этот разговаривать может.

— Может, угу.

— Так это ж хорошо?

Говорящий горевестник — вещь редкая. И дорогушая. Небось, покупатели набежали б, если б узнали... только кто ж им отдаст.

— Для нас-то, может, хорошо... Он умный просто на удивление. Всех узнаёт. Сирил, меня как называют?

Птах склоняет голову, раздумывает и роняет:

— Мел.

Мелкая аж рот раскрывает. Киваю на неё.

— Она у нас кто?

— Уна, — выдают из клетки. Йолла открывает рот ещё шире, теперь уже обиженно.

— Пугает пока, — Пропихиваю ядрышко ореха в клетку. — Это его Конфетка с Плаксой осматривали недавно. Через пару девятиц всех запомнит. Грызи считает, от этого может быть польза. Он же видит вероятности. Кто там знает, насколько далеко. Так что если ему растолковать — что да как... сможем узнать, кому из нас грозит большая опасность.

— А если узнаете, тогда что? — Мелкая посматривает на спокойную Водную Чашу.

— А мантикора знает. Наверное, будем оставлять счастливца в питомнике. Или присматривать за ним поплотнее.

Мелкая фыркает в кулак. Кто ж поручится, что в питомнике тебя не сожрут. А с некоторыми вызовами птах должен выдавать имена всей команды. Вон, Пухлик на втором этаже вовсю вываливает Конфетке какую-то историю про гидру с цветочками. Черт ее знает, зачем гидре цветочки. Но нойя ахает и всплескивает ладонями так, что отсюда слышно.

— А почему Сирил?

— Прежние хозяева так называли.

Могу, даже не глядя на Мелкую, сказать, что у неё сейчас загорелись глаза и запыльхали щёки. У неё жадность до рассказов — до одержимости. Это вроде как у яприлей с яблоками.

— А как вы вообще его забрали? Там же была какая-то история с единорогами, да? Я у Хааты спрашивала, только она не сказала мне ничего...

Ещё б Шипелка ей чего сказала, когда ей в той истории так досталось. Мне тоже не очень-то хочется рассказывать, но Мелкая делает свои самые лучшие умоляющие глазки — ни дать ни взять голодающий шнырок.

— Ну, Ме-е-е-ел...

Так что приходится подтягивать колени к себе и лезть в недавнее прошлое.

* * *

Вызов заявляется в полдень. Я как раз заканчиваю второй обход с Конфеткой, и тут приходит Пиратка и орет прямо в ухо. Сперва потому, что я не явилась на завтрак. Потом говорит по делу: вызов, бешеный единорог, нужно брать сонное и Шипелку. Насчёт Шипелки я удивляюсь — зачем даарду, если там бешеный единорог? Но разыскиваю, прихватываю с собой.

Грызи даёт расклад уже в «поплавке».

— Единорог напал на ребёнка. Случай не единичный, как понимаю. Хозяин обрисовал ситуацию довольно невнятно, и у него там немало животных на территории. Шевэн Моргойл, приходилось иметь с ним дела года три назад. Учёный и любитель живой природы — писал исследования по единорогам и грифонам, и они у него по поместью уже тогда свободно разгуливали...

Этот Моргойл как-то странно любит природу. Чтобы единорог напал — это ж что с ним вытворять нужно? А уж чтобы на ребёнка...

— Сестра думает — яд? — выдает Шипелка, которая тоже не может враз проглотить такие новости.

Грызи хмуро поводит плечами. Мол, ясно, случай необычный.

На пристани нас не встречают, приходится топтать к поместью Моргойла через дубовую рощу. Грызи показывает путь, оказывается недалеко.

Ещё оказывается, что со вкусом у Моргойла беда.

Поместье с виду не поместье, а фабрика. Приземистое, корявое, со здоровой трубой. Труба увенчана куполом, как шляпой, и из неё высовывается линза телескопа. Суровый дух науки в каждом камне.

А вокруг сад в духе «Чтобы красивенько». Полыхает безвкусно-пышный розарий. Расставлены мраморные статуи — Стрелок в окружении томных влюблённых, ещё какая-то слащавость. Непременный фонтан с позолоченными лозами в центре. У привратника герб на ливрее в том же духе. Гордо вышитые фитюльки цветков. Знать третьего уровня, ха.

Только я раздумываю, как бы не блевануть, как нас встречают. Дамочка с зонтиком и в вечернем туалете вылетает на дорожку и замирает, выпучив глаза. И постепенно начинает краснеть под пудрой.

А потом орёт так, что звуковой волной нас чуть не сносит обратно к воротам.

— Да как вы посмели, я вас спрашиваю?! Привести сюда эту тварь?! Вы что, не видели табличку? Шевэн! Шевэн, они притащили пещерника! Шевэн! Немедленно иди сюда! Ты как-то к этому причастен?

Дамочка извергает всё новое, от «А вдруг ОНО заразно?» до «Да что скажут люди!» Шипелка насвистывает себе под нос. На родном наречии. А Грызи стоит и каменеет всё больше — уж я-то знаю, с ней в такие моменты лучше не связываться.

А мне так и вообще наплевать.

Потому что по дорожке шествует великолепнейший единорог. Величественный красавец изабелловой масти, весь переливается, будто выточен из огромной жемчужины, белая грива развеивается...

К красавцу прилагается невнятный мужичок в мятом сюртуке. Который выныривает из-за бока у единорога и кидается к нам.

Физиономия у Моргойла постная, резцы торчат — точь-в-точь крол, которого гончие спугнули. С прозвищем определяюсь сходу. А жёнушку, пожалуй, обзову Визглей.

— Госпожа Арделл... прошу простить, моя супруга, так сказать, склонна к некоторым предрассудкам... Эрзабелла, дорогая...

— Терраант! — визжит супруга, тыча пальцем в перчатке в сторону Шипелки. — Ты в Водную Бездонь меня сведешь! Я терплю всех этих твоих паскудных тварей, но ты приводишь сюда терраанта, и, и...

— И варга, — вежливым шепотом добивает Грызи.

Визгля уходит на сверхвысокие частоты. Такими звуками можно отпугивать собак. Крол топчется виновато, бубнит:

— 3-затруднения, которые возникли у нашего мальчика... решение проблем... госпожа Арделл — проверенный партнёр... отличные рекомендации...

А единорог — заглядение просто. Бока блестят, холеный... и рог мягко переливается перламутром, и даже витой — вон, бороздки. Эх, поближе бы рассмотреть!

— Не допущу, чтобы эта тварь находилась рядом с моим мальчиком! Как будто ты не знаешь, на что они способны!

Всё, Визгля включила бешеную мамку. Вопит изо всех сил, что ее маленький Эгги и без того пережил ужасно страшное нападение, а мы его совсем перепугаем, несчастенького.

— Дорогая... — стонет Крол и кидает на нас отчаянные взгляды. — Но это же ненадолго... и я уверен, что мы можем прийти к соглашению...

Только если Визгля не оглушит нас вконец. Вот, уже в ушах звенит от этих её «Мой салон!» «Ты неценишь!» «Это невозможно!» С Даром Следопыта такое слушать — и правда

можно оглохнуть. Открываю рот, чтобы заткнуть истеричку.

Тут наконец хоть что-то да происходит.

Из дверей дома на дорожку выбегает юнец. Здоровенный лоб, лет шестнадцати, в аккуратном сюртучке. И с обеспокоенностью на породистой физиономии — мол, что это тут за звуки, а?

А уже в следующую секунду Грызи, оттолкнув дамочку плечом, кидается парню наперерез.

Ещё через миг единорог вздымается на дыбы. Мотает головой, пронзая копытами воздух. Заходится в пронзительным ржании и несётся на юнца, с явным намерением нанизать его на рог.

Бегу следом, выхватывая на всякий случай из кармана сонное.

Визгля визжит. Юнец каменеет. Единорог разгоняется, но Грызи отыгрывает всё-таки несколько мгновений преимущества во времени. Занимает позицию между зверем и юнцом, заслоняет его собой.

— Вместе! — короткий выкрик. Заношу над головой склянку с сонным. Но единорог резко тормозит всеми четырьмя копытами. Храпит и опять вздымается на дыбы.

И рвётся к юнцу. Пояснить — как это, быть закуской на шампуре.

Моргойл-младший пялится с приоткрытым ртом. Грызи что-то толкует с единорогом, и эта беседа ей не нравится: брови сведены. Красавец изабелловой масти фыркает, опускается на все четыре копыта, вслушивается в варга и становится поспокойнее. Но нет-нет, да и пытается продвинуться вперёд.

Гриз вслушивается пристальнее. Машет рукой мне — усыпляй, можно.

Швыряю склянку перед мордой единорога. Вздымается лёгкий голубоватый дымок — и красавец медленно, осторожно опускается на травку. Подхожу, похлопываю по лоснящемуся крупу.

Крол и его жёнушка наконец-то опомнились. Визгля на всех парах несётся к мучнисто-белому юнцу и начинает над ним причитать и возносить хвалу Девятерым.

Крол бежит к единорогу.

— Жемчуг! Какая-то аномалия, ведь те инциденты... не были связаны с ним... Госпожа Арделл, по-вашему, он болен?

— Болен? — эхом отвечает Грызи, которая замерла и пялится себе в пространство с задумчивым видом. — Нет, я так не думаю. Он просто почему-то хотел убить вашего сына.

Визгля, которая пытается зачмокать отпрыска насмерть, издаёт режущую уши трель.

Крол пучит глаза и трясёт губами.

— Но как... но почему?

— Потому что считает его врагом, — говорит Грызи веско. — Так где, вы говорите, нам можно расположиться?

* * *

Шипелка отправляется «слушать» округу. Визгля в отсутствие ужасного терраанта малость приходит в разум. Договаривается даже с Кролом поселить нас в той части крыла, которая для прислуги. С условием, что мы не будем оскорблять её взор. Поскольку выглядим как разбойники с большой дороги — это она до нас доносит между разборками с мужем и фырканием.

— Неужели нельзя сделать что-то с внешним видом, — кривится, поглядывает на мою куртку и рубашку Грызи. — Хотя бы какие-то платя...

— Обсудим это позже, — с изумительным терпением выдаёт Гриз. — А теперь мне хотелось бы узнать, как Эгерт... правильно? Как он пострадал от животных. Когда это началось?

Юнец Эгерт — копия своей мамочки. Весь приглаженный, прифранченный и с пушком под носом. С неизменным взглядом свысока. Разве что не орёт, а цедит ответы на вопросы — Мясник мог бы позавидовать.

— Впервые это произошло позавчера. Я, видите ли, решил совершить выезд в компании моих друзей. Прогулка по окрестностям. Я приказал заседлать Опала — это мой любимый единорог. Но он вдруг... на меня напал.

Снисхождение на высокомерной физиономии ломается. В зелёных глазах мелькают следы страха.

— Когда? — уточняет Грызи. — В какой момент? Вы подошли к нему, или коснулись, или что-то сделали...

— Как только он меня увидел.

Жемчуг тоже сработал почти сразу: увидел этого задаваку, поднялся на дыбы, как в припадке ярости, потом рванул приканчивать. Грызи явно поглядывала в сознание единорога в этот момент, потому успела рвануть раньше.

— Раньше они такое делали? — спрашиваю теперь уже я. — Нападали вообще хоть на кого-нибудь?

Вопрос пустой, это ж единороги. Они скорее сами за тебя помрут: привязчивые, добрые, любящие. Покладистые — чудо. Прокатить — запросто. Гарцевать — за милую душу. Единорога и дрессировать-то не нужно — так, пояснить, что тебе от него требуется. Это, конечно, с одомашненными, с теми, которые на свободе, посложнее... Но и они не нанесут человеку вреда. Они даже не мстят.

Мягкость и доброта. Единороги вообще, кажется, не умеют ненавидеть.

— Это всё твои изыскания, — шипит Визгля, проверяя ладошкой — может, у сыночки головочка бо-бо. — Это всё они... я говорила, что нельзя держать этих проклятых тварей на свободе.

— Но как же я еще смогу их наблюдать в условиях, приближённых к естественн...

Визгля вопит, что муж не ценит её. И сыночку не ценит тоже. Сыночка манерно закатывает глаза. Крол лопочет о своих теориях «разумной гармонии». Грызи трёт висок и прямо на ходу осознаёт, насколько легче общаться с гарпиями-людоедами.

Задавака свою возможную вину яростно отрицает. Мол, животных не обижал, и вообще, не понимаю — чего это они пытаются меня убить. С дружками тоже ничего такого не вытворяли, вроде. И не ссорились.

Животные не болели, — мямлит Крол. И сейчас не болеют. Отлично себя ведут. Ни на кого не нападают. Ну да, только вот эти случаи. С Опалом, потом ещё с Цитрином. И вот теперь Жемчуг ещё.

Словом, тишь да гладь, только Визгля недовольна. Больше всего — животными, которые нападают на её сладенького мальчика. И мужем. И его изысканиями. И основной дрессировщик, сволочь такая, недавно уволился. И ещё она подозревает егерей. И слуг. И соседей... И терраантов — на всякий случай.

Оставляю Грызи выслушивать этот бред, иду смотреть территорию и животных.

Прихватываю с собой Крола.

Моргойл счастлив быть подальше от жёнушки.

Хозяйство у него — нам бы такие территории и вольеры. С десятков акров отдано под выгулы, выезды, тренировочные площадки, домики, вольеры, конюшни... без карты не разберёшься, будь хоть три раза Следопыт. Территория делится на «хищную» и «мирную», и на обеих половинах звери расхаживают свободно. Единороги и яприли преспокойно топчут дорожки. Сытые керберы полеживают неподалёку от спящего алапарда. Грифон чистит атласные перья, встряхивает головой, кивает с достоинством. Все — сплошь холеные и здоровые красавцы, на удивление. И все вышколенные.

— Собственно, я начинал с единорогов как с более одомашенного вида... — дребезжит Крол. — Но потом меня посетила идея о том, что, в сущности, мирное сосуществование людей с так называемыми магическими животными — отнюдь не фикция, поскольку...

Расписывает мне своих единорогов, как лучших друзей — кто что любит и у кого какой характер. Единороги правда славные и на заглядение. Глажу, люблюсь, подкармливаю с рук морковкой из сумки. Моргойл всё талдычит о своей научной теории — что, если животных достаточно одомашнить, то они преспокойно уживутся рядом с людьми.

— Вы, конечно, знаете о периодических крупных инцидентах, которые случались в Кайетте и были связаны с бестиями... Война за Воздух, Таранное шествие — то, что в десятом веке... Водные войны в шестом... конечно, были ещё Война тенет, и Исход теней, но те не были такими... катастрофичными. Что я забыл? Ах, Пламенный мор, жаль, не осталось сведений, это же до Прихода Вод. А теперь, если я не ошибаюсь, проблемой можно назвать драккайн...

Осматриваю кормушки — следов отравы нет. С рационом не просто нормально — отлично! Крол настойчиво лезет под локоть, спрашивает — нет ли у меня советов, как ещё подкормить его несравненные образцы. Ещё у него толковые егеря. И вольерные с прямыми руками. Ни от кого не несёт сивухой. Понимают, что им говоришь. Нормально относятся к животным.

Не разреветься бы от этой идиллии.

Пока смотрю хищников, Моргойл продолжает вкручивать свою теорию. Что, мол, избыток дикой природы в бестиях удаляется правильным воспитанием и добрым отношением. И если это поставить на поток — звери будут преспокойно разгуливать на воле, бок о бок с людьми.

— ...потому что, в сущности, взгляните — ведь они превосходно уживаются вместе...

Моргойл гладит алапарда. Тот мурлычет — ни дать ни взять, домашний кот.

— Они с нами — да, — говорю сквозь зубы. — Вот мы с ними...

Отличная идея — одомашнить с концами яприлей, приручить виверниев, подпилить когти алапардам. Превратить свободное — в домашних лапочек. Подмять под человека совсем. Извольте видеть — безобидная, лишённая дикости природа.

— А что вы делаете с теми, кто не поддается одомашиванию?

Крол лупает глазками и недовольно трясет губами.

— Но... ведь это же атавизмы, в сущности. Проявления дикой природы следует подавлять, и... в таком случае разумное ограждение от собратьев и людей...

В зверинцы, понятно. В клетки.

Какого-то чёрта горчит во рту. Массирую ладонь с Печатью, вслушиваюсь на полную катушку.

Следов ядов нет, травм нет. Запах крови приводит к грифону, который вовсю заглатывает обеденного кролика. А подозрительного ни на грош.

Пару раз натыкаемся на Шипелку — та расхаживает то тут, то там. Трогает траву и делает выражение лица как у всех даарду. Мол, я тут дитя природы, отвалите, презренные Люди Камня.

— А... м-м-м, вот еще хотелось бы узнать о брачных повадках виверниев... Наша самка, конечно, еще слишком маленькая для спаривания, но самец реагирует странно, и я подумал...

Ещё Крол спрашивает насчет дрессировки и приручения. Сетует, что вот, хорошего дрессировщика трудно раздобыть.

— Разумеется, мне рекомендовали господина Опланда, однако он больше специализируется на поведении взрослых, диких экземпляров, так что я не думаю, что мы с ним сработаемся...

— Ваш-то где делся?

— Конфликт с женой, увы. В сущности, Эрзабелла просто слегка нервничает по поводу моих исследований. Считает их... чересчур дорогими и чересчур бесполезными, и бывает так, что она не совсем ладит с работниками...

Мастер преуменьшать. Понимаю дрессировщика. Одно дело — приручать алапардов и виверниев. Другое дело — Визглю. Тут нужен кнут Грызи.

Грызи приходит измотанная и раздраженная. Но, вроде, никого кнутом не огревшая. Начинает с Опала — тот сам бело-дымчатый, а на боках проступают голубые, драгоценного цвета пятна. Потом идёт к золотисто-желтому Цитрину. Задумчиво хмурится, похлопывая их по мордам. Продолжает вслушиваться в сознание других, ничего не говоря Кролу. Мне роняет едва слышно:

— Пусто...

С вольерными и слугами тоже глухо. Работники у Моргойла не то чтобы запуганные, так что не закрываются. Ничего странного не видели. Никто ничего никуда не подливал. Звери вели себя как обычно.

К Задаваке все относятся более или менее ровно. Мол, ну задирает нос хозяйский сынок и задирает.

— Он мешать-то не мешает. Так, малость с заносом, — чешет в затылке пожилой конюший алапардов. — А то ничего. Не, животных не обижает, как можно-то.

— Господин Эгерт? — ухмыляется лопоухий парнишка из вольеров яприлей. — Да мы все удивляемся — чего на него звери кидаются? Он ничего себе. Дружки у него, конечно...

— Можно жить, — основательно, с расстановкой говорит бородатый крепыш, который ведает тут кормами. — С этим жить можно... коли мамыши рядом нет.

Отношение к Визгле — как к неизбежному злу. Работнички вовсю показывают зубы, подмигивают — сами-то вы как думаете? А? Хозяина жалко, да. И сынка его жалко. Первого потому, что с этакой муреной живет, а второго — потому что дрянь она из сынка делает. Папочке-то с Эгертом возиться некогда.

— Люди уходят из-за неё, — нашептывает смахивающая на мужика работница — специалистка по грифонам. — Как начнет придирааться... работать вот мешает. Из поместья вон сколько уже ушло — на выдерживают. Дрессировщик наш, тоже...

Расспрашиваем про дрессировщика. Опытный — говорят. Зверей любил, потому долго и держался. Но справедливый, если что — всё правду в лицо. Старик Криклэк — он,

понимаешь...

— Криклэк, — бормочет Грызи. — Он из Союзного Ирмелея вообще-то. Виделись пару раз. И правда мастер своего дела. Наверное, стал вступаться за слуг или самого Моргойла?

Ага, да, — кивают работнички. Старик Криклэк — он был такой. Если уж хозяйка начинала над кем измываться — стеной вставал. Моргойл-старший — и тот к нему за защитой бегал. Эх, как мы тут без него...

— Как он ушёл? Из-за ссоры с госпожой Моргойл?

Работнички пучат глаза и жмут плечами. Девятерицу назад пришел, попрощался, сказал: получил расчёт, поеду в родной Ирмелей внуков смотреть, хватит уж. Спокойно ушёл. Про хозяйку не говорил ничего.

Будто ползём по гладкому, леденцовому стеклу. Не во что вцепиться. За весь день узнали то, что ничего не узнали. Пряничный мирок с холеными, одомашненными зверями.

Жемчуг, которого я навещаю в его стойле, хрукает себе отборным овсом. Поводит ушами и ласково смотрит влажными глазами. Перебираю ему гриву, полирую тряпочкой рог. Единорог чуть не помирает от счастья. Целует мне ладонь бархатистыми губами. По нему и не скажешь, что несколько часов назад хотел наделать дырок в своём хозяине.

Пока я воркую над милягой-Жемчугом, Грызи стоит рядом и тарашится не пойми куда. Потом говорит так, будто отвечает на что-то у себя в голове:

— ...нужно будет попробовать, только под контролем. С другими животными, да...

— Думаешь, дело не только в единорогах?

Грызи пожимает плечами. Прохаживается возле стойла, потирает виски и поглядывает на здешних красавцев.

— Единороги у Эгерта любимцы, конюшие сказали, что он здесь часто бывал. И с них началось.

— Что, — нашептываю я в жемчужное ушко, — поглядел на кислую рожу местного господинчика и решил сбить с него спесь, а?

— Это не шутки, Мел.

— А я и не шучу. Единороги человека чувят, ты ж сама знаешь, как. К дряни не пойдут. Спорим, от Визгли они во все стороны шарахаются. Да и обидчивые они, так что...

В идиотских книжонках, которые пишут такие, как Крол, единороги — сплошь чистота, белизна и святость. Этакие сказочные конепринцессы. Едят только ромашки, потеют духами, а уж если хвост задерут — оттуда сразу бабочки пополам с марципанами.

Еще единороги в этих книжонках жить не могут, чтобы не ходить за девственницей, ну или за девственником, обожая взглядом их чистоту. Пухлик в первую свою девятерицу в питомнике подозрительно интересовался — почему единорог Рябчик ходит за ним вслед с томными вздохами.

— А то у меня-то с девственностью явный недобор.

— Зато у тебя яблоко в кармане, а Рябчик их любит, — просветила его Йолла.

Если чем настоящие единороги и смахивают на принцесс — так это ранимостью. Не расчесали гриву — трагедия. Не вывели на прогулку — пойду, полежу, поумираю полчасика. Не принесли любимых яблок — ой, всё.

Бывают и совсем капризули, но так-то они отходчивые. И добрые, и справедливые, и чувят людей и друг друга — высшим чутьём.

— Но я смотрела в их сознания, — возражает Грызи. — Он ничего не делал. Там вообще нет ничего такого, что было бы связано с животными. Жемчуг вот, например... — подходит

и начинает гладить единорога по шее. Тот блаженно жмурится, — ты помнишь сегодняшнее утро, да, Жемчуг? И помнишь, что хотел убить Эгерта в тот момент. Потому что перед тобой стоял враг. А почему ты этого хотел? Этого ты не помнишь. Это словно что-то безусловное. Естественное. Будто инстинкт, понимаешь, Мел? Если алапарду показать добычу — он прыгнет. Тут то же самое. Он вдруг увидел своего врага, бросился на него, ему помешали... и как только враг перестал быть виден — он о нем забыл. Не на кого нападать, незачем убивать... Мел, ты агрессию у единорогов видела?

Сначала выдаю насмешливое «Пвхааааа!» А потом задумываюсь.

Видала я бешеных единорогов. Только они выглядят и ведут себя ни черта не так. Видала пару со скверным характером — такое и у единорогов бывает, просто раз на сотню особей. Только вот по ним сразу видно — они далеко не души.

Болезнь тоже отмечается — нашли бы. Обряды на крови или зелья — я бы отследила, да и почему тогда — именно единороги?

Остаётся одно.

— Если это чутьё на людей работает, то Задавака внутри — что-то вроде местного Мясника, только похуже. Либо он что-то сделал... не с ними, они не видели, но ощутили... Либо что-то задумывает. А они защищают что-то или кого-то таким образом. Единороги же иногда на хищников за жеребят кидаются? Могут и ткнуть рогом, хотя обычно бегут. Так вот, если тут то же самое...

Грызи молчит. Согласия на её лице не видать, но и спорить не пытается. Говорит только задумчиво:

— Надо бы пока что пока что запретить Эгерту выходить из дома... или хотя бы подходить близко к территории, где есть животные.

— Тогда поторопись, пока они с мамочкой прямо сюда не заявили. А то они уже на середине сада.

Визгля всверливается голосом в воздух с такой страстью — и без Дара Следопыта услышать можно.

Грызи замирает на секунду, вслушивается, ловит направление... и распрямляется, будто сжатая пружина. Выстреливает сама собой, как болт из арбалета. Хлопаю на прощание Жемчуга по морде, рявкаю на конюших — где они там, пусть придержат единорогов, как бы за нами не поскакали. И несусь следом, только где мне до Грызи! Варгов точно с детства обучают носиться вперегонки с алапардами.

Грызи даже не пытается обежать препятствия. Она их перепрыгивает с разбегу. Все эти оградочки-изгороди-кустики. Перемахивает, как гарпия-бескрылка. Бегу следом, но прыгучести во мне меньше. Так что приходится кой-что огибать.

Удары когтистых лап начинаю слышать, как раз когда обегаю прудик, через который Грыз перелетела прыжком. А ещё нетерпеливое хлопанье коротких крыльев. И воинственный клёкот.

Грифон.

Потом долетает вопль Визгли и звучный шлеп тела о дорожку. Несусь на звук, совсем отстаю, потому понять, что делается, могу только через Дар. Там еще задушенный вскрик. И снова клёкот. И топот, будто кто-то кинулся наутёк, звук трещащего дерева, разрываются кусты...

— Аиэтие-хаа-аа!!!

Это уже вопль даарду. Обозначающий что-то вроде «Всем стоять, никому не с места!»

Только гораздо энергичнее.

Потом еще различаю визг и жалобный скулёж. А потом уже следом за Грызи вылетаю на дорожку. Аккуратненькую до тошноты дорожку в «прогулочной» части сада.

На дорожке лежит Визгля и изо всех сил оправдывает свое прозвище. Её отпрыск валяется чуть в отдалении, за кустами на лужайке и поскуливает, закрываясь. А над ним нависает угольно-черный грифон Оникс, с которым мы только-только познакомились. Яростно щёлкает клювом и рвется в бой, размахивая когтистыми лапищами.

На шее у грифона висит Шипелка и тоже оправдывает своё прозвище.

Визги мамыши, скулёж мелкого щенка, клекот грифона и шелест языка даарду.

Да ещё Грызи.

Она в два прыжка пересекает дорожку, сигает через кусты и виснет на грифоне, как раз когда Шипелка уже устает держаться.

— *Вместе!*

Щелкающий клюв замирает в какой-то пяди от протянутой ладони Грызи. Грифон будто клопочет изнутри. Хрипит, булькает и всё пытается рваться к Задаваке. Тот откатывается подальше, но так и валяется на земельке.

— Мел, усыпляй его, усыпляй!

Шипелка достаёт сонное первой. Раскалывает о клюв грифона склянку — и у Оникса подгибаются колени. Но он всё смотрит налитыми кровью глазами и пытается ползти — преодолевая внушение варга, через сон...

Клюв щёлкает с ненавистью, с предвкушением. погоди, доберусь до тебя. И — на части. На части...

— Мел, помоги, — бросает Грыз, не отводя от грифона внимательных глаз.

Задавака весь белый и трясется. Зацепить его Оникс не успел. Так, руки исцарапаны, коленки ссадил. Ещё и что-то там бормочет про матушку, прогулку...

Даю ему пару оплеух, потом Грызи вливает в рот лоботрясу бодрящее.

— Нужно идти, слышишь? Быстро! К дому!

Хороший тон. На керберов действует, на Задаваку тоже. Поднимается, опираясь на мою руку. Потом даже губенки брезгливо кривит.

— Благодарю... я могу сам.

Даже переходит на трусцу. Надо же посмотреть, что там с дражайшей матушкой. Хотя по звуку ясно, что она в порядке.

Пока Визгля изливает сыночке — как она там потрясена — разбираюсь, что тут случилось. Да уж, прогулочка получилась у Моргойлов: шли себе и шли, и тут грифон посреди дорожки. Вон, уже вольерные подоспели. Выгуливали, значит. А он учуял Задаваку и рванул напрямик. Прорвался через пару живых изгородей, расколотил пару статуй. И выскочил на дорожку аккурат перед Визглей.

Но с самой Визглей решил не связываться. Да и она тут же хлопнулась в обморок. Так что грифон нацелился на Задаваку, а тот понял, что дело дрянь. Влупил удар магии воздуха и дал стрекача.

Разумно сделал, ничего не скажешь. Удар грифона задержал, так что он не сразу кинулся за моргойленьшем. Тот перепрыгнул через розовые кусты, кинулся через лужайку. И, конечно, ему приспичило оглянуться — а бежит ли за ним хоть кто-нибудь?

Споткнулся о какую-то декоративную дрянь в траве, покатился, ободрал руки и колени, тут подоспел грифон... ну, и Шипелка. Вот уж кто успел вовремя.

— Ты была недалеко? — спрашивает Грызи. — Ты слышала, что происходит?

— Травы сказали, — откликается Шипелка неохотно. Косится на Задаваку и Визглю с презрением. Мол, подумать только — кого спасала.

— Ну, — выдыхает Грызи, когда мы такой компанией достигаем крыльца. — Повезло с ветром.

Задавака выражает на постной роже умеренное недоумение.

— Грифон был близко, — поясняет Грызи, — ветер шел на него. Хорошо, что не к алапардам.

Задавака опять выцветает, до голубоватого оттенка.

Выскочивший на крыльцо Моргойл пучит глазами и трясёт головой. Разражается восклицаниями типа: «Но это... поразительно, невозможно!» Правда, непонятно — что его так поражает. Бледненький отпрыск, случай с грифоном или молчащая жена.

Визгля в таком перепуге, что не говорит ни слова, когда ее муженек приглашает нас присоединиться к ним за ужином. Грызи милосердно качает головой.

— Просто покажите, где мы можем расположиться.

Крол оттаскивает женушку в сторону и начинает обрабатывать ее по горячим следам. До следопытского слуха долетает разное: «Спасли нашего мальчика...», «Почетные гости...», даже «Ну, она же Драккант, как можно».

Непонятно, что из этого дожмает Визглю, но она даже царственно желает нам спокойной ночи. И просит только не отпускать нашего терраанта бродить по коридорам... в диком виде.

Шипелка вообще не собирается ночевать «в каменном мешке». Отправляется себе в рошу, так что всех всё устраивает.

Комнату нам отводят ту, в которой живёт Сирил.

* * *

— Я, собственно... могу его отсюда убрать, да...

Крол озаботился нас самолично отвести на ночлег. В дальнюю комнату, оборудованную «для зачуханских гостей».

Но для горевестника, который восседает себе в клетке, в самый раз.

— Хотел разместить в холле... но Эрзабелла вообще против животных в доме, а тут посчитала это дурновкусием... И Эгерт не согласился, чтобы в его комнате...

Смотрю на горевестника, он на меня. Пристально оценивает чёрными глазками. Серо-серебристый, перья чуть встрёпанные. Умный, подозрительный взгляд.

— ...а для птиц у меня еще не готово помещение, и, собственно, Сирил первый экземпляр, который я решил...

Грызи уже положила сумку, теперь рассматривает горевестника так же пристально, как я.

— Почему вы вообще вздумали приобрести халадриана? Странный выбор для домашнего питомца.

— Подарок сыну на день рождения, — Крол обиженно моргает маленькими глазками. — Эгерт же интересуется живой природой, а здесь уникальный образец — говорящий халадриан, обученный.

Обученный горевестник с подрезанными крыльями, да. Нахохлился и хмуро крутит

головой по сторонам. В клетке ему не нравится.

— Сирил. Сирил, дорогой, — умильно воркует Крол, нагибаясь к клетке, — скажи что-нибудь, ну же, давай...

Горевестник смотрит на него как на идиота. Потом отверзает клюв и со вкусом выдает:

— Кишки.

Моргойл-старший спадает с лица.

— Вообще-то, мне обещали, что он будет предрекать... полезное. Знаете, торговец утверждал, что он вполне обучен и сможет видеть будущее... ну, или хотя бы просто воспроизводить осознанные фразы.

— Кишки, — стоит на своём Сирил. На птичьей физиономии — открытое удовольствие. — Кишки. Кишки. Жра-а-а-ать.

Моргойл бормочет, что вот, сынку-то не понравился подарочек. Почему-то. Грызи без церемоний вскрывает клетку, вытаскивает горевестника, расправляет и ощупывает крылья, шепчет «Вместе...»

— Действительно, говорящий халадриан. И неплохой запас слов. И характер тот еще, я гляжу... поддержи-ка, Мел.

Чешу птаху голову. Сирил с удовольствием побряхтывает. Над черными глазами у него — по два темно-сизых перышка. Будто ехидно изогнутые брови.

— Одна лапа искалечена после ловушки, хвостовых перьев недостает, маховые обрезаны... Кто им занимается, господин Моргойл?

— Мой второй дрессировщик знаком с ним, так сказать, однако его специальность... гм... далека от птиц. Но я стараюсь, чтобы у него был сбалансированный рацион, и чистка клетки...

Грызи качает головой, прерывая этот поток.

— Горевестники — стайные птицы. Им непременно нужно общение, если не с себе подобными — то с людьми. Этот скучает. Он привык к людям, и внимание ему нужно уделять постоянно. Работать и развивать речь.

Крол маниакально пучит глазенки. Обещает, что вот с завтрашнего дня прямо и начнет. Приставит кого-нибудь компетентного к Сирилу для занятий — так и говорит, компетентного. Потом раскланивается и вылетает по зову колокольца на ужин. Не переставая строить восторженные планы.

— Кишки, — мстительно говорит ему вслед Сирил.

И подставляет голову под мои пальцы, поглядывает требовательно. Даже пощипывает — показывает симпатию.

В жизни не держала в руках горевестника. Их мало можно встретить в неволе: не ловят, так, истребляют. Поселить в доме — вдруг беду на себя навлечёшь. Притащит на крыльях или на хвосте принесет... Крол, видно, совсем отбитый, раз подарил такое сынку.

— Он правда сможет говорить? Осознанно, в смысле.

Грызи потрошит свою дорожную сумку и первым делом кидается к Водной Чаше на столе. Спасибо Крону за такую роскошь.

— Да он и сейчас может.

— Угу. Только темы странные подбирает.

— Ему тут просто не нравится, вот он и... погоди-ка, вызову кой-кого.

Следующий час Грызи убивает на отчеты с переговорами. В питомнике всё спокойно — Конфетка отчитывается насчёт больных животных. Пухлик добавляет пару ласковых про

егерей — опять квасили с Дрызгой, стало быть. Дождались, что мы в отъезде.

Пухлика Грызи посылает узнать насчет дрессировщика, Криклэнда. Добавляет короткое: «Всё, что сможешь». Вытаскивает сквозник из Водной чаши.

Сирил всю ластится ко мне — ни дать ни взять скворец, одуревший по весне. Мы с ним вместе решаем, что клетка у него — слишком тесная. Еще и орешков, небось, мало дают. Не говоря уж о том, что и пообщаться тут не с кем.

— Отстой, — уныло соглашается горевестник. Сразу видно, кто в поместье самый умный.

— Может, он смог бы разговаривать, — говорит Грызи, которая решила поплескаться над умывальником, — осмысленно. Если бы с ним поработать по-настоящему, постоянно и с любовью. Но даже в этом случае он будет скорее выдавать то, что ощущает, как халадриан. Чутьем. Например, кто в наибольшей опасности. Или кто раньше умрет.

— Ну, и кто же здесь умрёт? — спрашиваю у Сирила полушутливо.

Горевестник склоняет голову набок.

— Эгерт.

Грызи медленно поворачивает лицо от умывальника.

— Эгерт! — оживляется Сирил на моей ладони и хлопает подрезанными крыльями. — Эгерт, Эгерт, Эгерт... кишки.

— Та-а-ак, — говорит Грызи, распрямляясь. — Интересно бы знать, давно у него это или не очень. В любом случае, халадрианы обычно чувствуют беду за сутки-трое...

— Иногда за девятирицу, нет, что ли?

— Это когда стаями.

Горяченький нас ждет денек завтра. Или послезавтра.

— Звучит так, будто местного наследничка точно сожрут.

Грызи кидает укоризненный взгляд. Жму плечами. Я далека от мысли, что животные вот просто так кидаются на Задаваку. К тому же еще и разные животные.

— У Оникса в сознании было то же самое? Думал, что Задавака — враг?

— Угу. Не встречалась с таким. Четкое желание убить и ярость. При этом нет осознания мести, следа каких-нибудь воспоминаний. Просто будто старинный враг зашел на территорию. И это перекидывается на других животных.

— Будто они друг другу это сообщают?

— Пиньк, — озорно добавляет в беседу Сирил. Мол, чего там, не волнуйтесь. Тут же всего-то через пару дней все звери на территории могут ополчиться на местного идиота.

Наплевать, что будет с Задавакой — но если его прикончит какой-нибудь единорог, то единорога точно усыпят.

— На болезнь непохоже. Больше на дрессировку. Или какое-то наваждение... действие артефакта или чары, к примеру. Слышала про магов с Даром внушения?

Обычно Камень в Аканторе раскидывается Дарами Четырех Пар. Или Восьми Божесте которые переженились между собой. Огонь и холод, вода и мастерство, меч и целение, травы и стрелы. Только вот есть ещё Перекрестница, а у этой — особенные Дары. Разные, редкие и с подвохом. Мой Дар Следопыта, например, раз на сотню встречается. Дар Щита — раз на несколько тысяч. У Плаксы, которая в обучении у Конфетки, — Дар смотреть по снам и теням. Невыясненной редкости.

Есть ещё другие — Дар сирены хоть возьми. Или Дар слышания мыслей. Или вот...

— Говорят, Эвальд Хромец так ловко убалтывает всех вокруг, потому что под перчаткой

скрывает именно Печать Внушения... какая она хоть с виду?

— А мантикора знает.

В дверь скребется застенчивая служанка — притащила поднос с ужином. Сирил приветствует ее радостным: «Кишочечки!»

— Премилосердная Целительница! — вопит служанка.

Поднос летит на пол. Прощай, ужин.

Пока Грызи утешает перепуганную девицу, размышляю. Кто-то внушает животным желание убить Задаваку. Через Дар или артефакт. Кому ж это он так сильно напакостил?

— Может, это научные дела, — говорит Грызи, когда служанка выметается, унося осколки тарелок. — У Моргойла, насколько я знаю, есть завистники, да и недоброжелателей полно. Знаешь, среди тех, кто ратует за «очищение природы».

Прогрессисты. Превосходники. Мрази-магнаты, фабриканты и торгаши. И с ними — куча жреческого отродья. Из тех, которые завывают, что природа только для человека. И нужно её «очистить от грязных зверей».

— Если это эти паскуды...

— То им очень выгодно это, а? Моргойл выступает за сосуществование с магическими животными, а тут его сына убивает на территории якобы одомашненный зверь. Идеальное подтверждение, что дикость в бестиях неисправима и они не могут сосуществовать с людьми.

Грызи вынимает шпильки из волос. Крутит их в пальцах так и этак.

— Да... они даже могут быть заказчиками. Сторонники идеи «Человек над всем» — мощная сила, в этом я уже убеждалась. Только вот с чего они взъелись на Моргойла именно сейчас... ладно, проверим.

— А этот Криклэнд? Дрессировщик?

— Сомневаюсь. Он не стал бы делать мишенью мальчика.

Хмыкаю. Вытягиваюсь поверх покрывала на кровати — прямо в ботинках и куртке.

— Мальчик — здоровый олух. Мог кому-то дорогу перейти. И вообще, ты не думаешь, что это из-за его мамашки? Она, похоже, души в сыночке не чаёт.

— Может, и так. И есть еще эти его дружки. С прогулки в компании которых всё началось. Завтра надо будет проверить — может, что-то всё-таки случилось на той прогулке. Я все-таки склонна думать, что Моргойл-младший нам что-то недоговорил сегодня. Он, вроде как... осознает, что вляпался, и осознает это лучше, чем мы.

Есть, конечно, хорошие эликсиры Конфетки, та же «Истина на ладони». Только вот Визглю при мысли о том, что такое можно применить к её сладкому мальчику, хватит удар.

— Ну-ну. Значит, пускай посидит пока в поместье и подумает — а не стоит ли выложить начистоту?

— Да, пожалуй. Хаата пусть еще послушает округу... а ты присмотри за ним завтра.

Нянька для местного высокомерного болвана. Да какого...

— Или можешь вместо меня побеседовать с его друзьями из окрестных поместий.

Пять или шесть высокомерных болванов. С их не менее высокомерными родителями. В вир болотный.

— На кой я тут вообще? Могла бы округу еще посмотреть. Или животных проверить. Думаешь, Задавака после сегодняшнего может не усидеть в поместье и пойти прогуляться?

— Нет. Думаю, что воздействие, что бы это ни было, может усугубиться.

— Перекинуться еще на каких-то животных? Или на всех животных?

Грызи молчит. С очень говорящим предчувствием. Не хуже горевестника.
— Эгерт, — захлёбывается Сирил в клетке. — Эгерт, Эгерт, Эгерт, Эгерт...
Потом пару миггов молчит и добавляет со значением:
— Враг.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Вы не опасаетесь с ней работать?

Фыркаю носом.

Мы с Задавакой сидим в местном пылесборнике — библиотеке на половину левого крыла. Время подкрадывается к полудню. В библиотеку через приоткрытое витражное окно залетает теплый день.

Младший Моргойл пялится в какую-то книгу. Я играю в няньку придурков с усишками.

Попутно поглаживаю перышки Сирилу. Его я пригласила прогуляться вместе с собой. Придурков лучше стеречь в компании.

Была ещё надежда, что остолоп не заговорит. Или поймёт, что я тут не чтобы ублажать его беседами.

— Они ведь опасны, — тянет Задавака. — Эти... создания. Отлучённые от Камня.

Брезгливость в каждом звуке ломающегося голоса. В поджатых губёчках. В двадцати волосинках, которые Задавака пытается выдать за усы.

— А скажи ты мне, кто тут идиот? — вопрошаю я горевестника, предлагая ему аппетитный орех.

«Эгерт», — радостно брякает Сирил. С предвкушением хихикает. Попрыгивает по клетке и выдает россыпью: «Эгерт-Эгерт-Эгерт». Немного думает и добавляет: «Враг». Потом ещё немного — и «Кишки».

На диво умное создание. В отличие от придурка-хозяина.

— Это, знаете ли, не забавно. И могло бы сойти за оскорбление.

— Можешь оскорбляться. Хотя это вообще-то он сказал.

— А вы считаете иначе?

— Нет.

Задавака оскорбленно шелестит книжечкой. Формулы из мозжечка выковыривает.

— Знаете, если бы вы не были девушкой и к тому же Драккант...

— Тебе со мной не на бал ехать. Так что давай, высказывайся.

Рдеет, надувается и бубнит что-то великосветское, про возмутительное поведение и что он вообще-то просто спросил...

Спрыгиваю со стола, на котором сидела. Упираю руки в бока.

— Ты ни черта не просто спросил. Ты сходу начал задвигать насчёт отлучённых от Камня опасных созданий. А если б хотел узнать...

Скрипит дверь. В каменно-деревянный мешок библиотеки заглядывает Шипелка.

Задавака аж зеленеет. Пялится на Шипелку со смесью любопытства и отвращения. Пока та спрашивает на своём языке — где это носит Грызи.

— Пошла окучивать его дружков, — машу рукой на Задаваку. — Моргойла-старшего взяла с собой. К вечеру должна быть. Наслушала что-то?

Я говорю на кайетском среднего образца. Шипелка отвечает на своём. Понимать я её понимаю, а вот говорить на языке даарду посложнее. На некоторых словах можно сломать язык среди щёлканья и свиста.

— Лес спокоен, — пожимает плечами Шипелка. — Сад молчит. Зла нет в земле.

— Ещё что скажешь?

— Зла нет в земле. Значит, оно на земле. Люди Камня, которые здесь.

Зыркает на Задаваку. Тот уже совсем обомлел. В него кинули отвращением по сильнее, чем у него!

— Большая новость, ну. Стало быть, думаешь, что причина...

— Эгерт, — помогает Сирил. — Эгерт? Эгерт-Эгерт-Эгерт... кхе... кишки!

И заливается радостным смехом, будто рассказал свой лучший анекдот. Шипелка фырчит тихонько под нос — можно считать, посмеялась.

— Собираешься в питомник вернуться?

Может, хоть за животными присмотрит.

— Да. Вызови сестру водным камнем. Пойду в питомник. Смотреть, слушать. Тех, в которых нет зла.

Мясника в питомнике нет, так что не поспоришь. Интересно бы знать, что это даарду так несётся в «Ковчежец»?

Шипелка кривит личико, стучит себя по уху.

— Женщина громкая, громкая. Ходит вслед, не даёт слушать. Злая, глупая. Поганит землю.

— Чем это она её поганит?

— Собой.

И опять фырчит. Шутница.

— Грызи сейчас тянет жилы из аристократических морд, — выражение так себе, а картинка под него верная. — Нельзя отвлекать. Опять же, если вдруг что случится...

Кошусь на Задаваку, перехожу на корявый язык даарду.

— *Мы не знаем, отчего это. И на кого перекинется. Вдруг взбесятся несколько животных. Или начнут на других нападать. Ты будешь нужна.*

С облегчением добавляю уже на родном:

— Хочешь — спроси у Грызи, когда вернётся.

Шипелка сперва, вроде, намеревается спорить, потом выдаёт в сторону младшего Моргойла последнее безмолвное «фу». И просачивается в дверь.

Задаваку, кажись, сейчас вывернет. Прямо на книжку.

— Как вы с... этой... работаете?

— Да получше, чем со всякими... в костюмчиках. Что вы с твоей родительницей вообще взъелись на даарду? Они ж безобидные, как пурры.

— Да неужели вы...

Задавака вскакивает на ноги. Модная причёсочка топорщится. С него даже малость снобизм осыпается. Пока он жестикулирует в духе «Пыпыщ» и «Злобные терраанты уничтожат Кайетту».

— Я думал, вы в курсе насчёт них. Мать рассказывала мне — она родом из Союзного Ирмелея, где много их поселений. Говорят, что это потомки тех, кого отлучили от прикосновения к Камню в древние века за злодеяния, и они...

По-писаному говорит. Как с листа читает. Что злые терраанты поклонились древним демонам земли, кровожадным и сумрачным. И что ушли на века под землю, чтобы служить своим господам. И что эти самые господа наградили их особой магией. За которую злобные терраанты, конечно, платят кровавыми жертвами.

— Они... крадут детей, вы скажете — нет? И там, в своих святилищах под землёй,

приносят их своему... верховному божеству! Стоглазому идолу! И... и они убивают поля, призывают болезни на растения и на людей... Напускают плесенный мор, как в Айлоре двадцать лет назад! И ещё...

Задавака трудится вовсю — просвещает меня. И насчёт верховного жреца терраантов, который зарылся так глубоко под землю, что его никто и не видел никогда. И оттуда приманивает путников и запутывает их в свои сети и заросли. Всё, конечно, чтобы подданные не голодали. О, ну и да, злых людоедов на селения тоже напускают даарду. Никакой связи с идиотами-охотниками, истребляющими дичь в округе.

«Эгерт», — смачно выдаёт Сирил. Склоняет голову и пощёлкивает клювом. Будто выражает мою просьбу заткнуться и не нести чушь. «Эгерт».

Задавака смолкает. Весь в пене риторического пыла. Потягиваюсь неспешно, подхожу к его столу. Смотрю на пыльные страницы.

На странице как раз изображён терраант со здоровыми клыками. Жрёт кого-то. Девственницу, наверное.

— Это, — тычу пальцем в картинку, — чушь. Всё вот это — чушь.

Для надежности обвожу рукой всё это чушехранилище. Безразмерное и холодное. Обшитое потресканными деревянными панелями. И уставленное креслами, мягкими исключительно из-за слоя пыли.

Был у меня в прошлой жизни знакомый, который чуть что тоже лез на книжные полки. И так же считал, что там можно отыскать какую-то там истину.

— Но... это же... издание Академии Тарраخورы.

— Они терраантов разве что на картинках видали. Может, еще изгнанников, а к общинам, небось, на десяток миль не подходили.

— А... а вы подходили?

— Ну. Жила там, пока зверей лечили. Которых мрази-браконьеры поранили. В мелких общинках была. В основное поселение, которое возле Элейсийских холмов, хода *бэраард* нет.

— К-кому?

— Людям-без-корня. Так они нас называют. Потому что мы люди Камня. Камень не имеет корней, а у них на этом всё построено. Коренники. *Даарду*. Народ-от-корня. Не дошло еще?

Похоже, дошло — почти осмысленно хлопает глазами. Даже выжимает из себя не совсем тупой вопрос.

— А от какого... корня?

— От общего. По религии даарду, у всего в мире общий корень. У животных, деревьев и их. Уходит в Ардаанна-Матэс... это у них вроде Матери-Земли. И потому всё связано между собой. Единым корнем, как-то так. Пуповиной... кэлда-ард, пуповина и корень одновременно, словом. В общем, они на нас злятся, потому что, вроде как... из-за людей и магии Камня их Пуповина начала ослабевать. Раньше они могли как-то слышать Ардаанна-Матэс, угадывать ее волю, помогать, всякое такое. Есть у них такое понятие... «Слышать волю корней». Жить по этой самой единой воле, значит. Только теперь у них это получается плоховато, вот они и в печали. Видал Шипелку? Кое-как слышит, что с природой вокруг. Чует, что птицы болтают и звери иногда. И всё. Хотя она изгнанник из общины, но и в общинах не лучше с этим делом обстоит.

Чего я перед ним распинаюсь? Может, хочу вложить в его черепушку хоть толику

настоящего. Живого, пахучего, звучащего мира. Которого ни на грош нет в холодных пылесборниках.

И еще забавно, как Задавака разинул пасть. Будто новорожденный птенец, который ждет кормежки.

Вот Сирил как-то странно похрипывает. Угрожающе. И с намеком поглядывает на Моргойлда-младшего. Желание клюнуть в глаз проступает так ясно, что я поскорее задвигаю милаху-горевестника в клетку.

— Изгнанни...

— Бывает, некоторые даарду уходят из общин. Кто-то скитается, кто их правила нарушает. Кто еще по каким причинам. Шипелку вот Грызи приволокла с одного из своих выездов. С полгода назад. Я не спрашивала, у нее, почему она не с общиной, ясно? Хочешь — сам спроси.

Лицо у Задаваки — недозрелый огурец. Кислота, бледность, зеленоватость. Всем своим видом так и вопит: «Мне... что-то спрашивать... у этой вот?!»

Но с темы не слезает. Видать, нашел благодатную.

— А... кровь... ритуалы, похищения?

— Крестьянские байки.

Задавака смотрит обиженно. Диточке сказали, что любимая сказка детства — только сказка.

— Даарду даже мяса не едят — коренья, ягоды, листья всякие. Молоко единорогов и диких коз. Нас вот диким мёдом угощали. Они и рыбу не ловят — потому что живая. Для них живое — значит священное.

Задавака потухает. На физиономии растерянность пополам с недоверием.

— Но как же тогда...

Небось, только что начал осознать, что маменька не всегда бывает права.

Сирил делает упорные попытки приоткрыть клетку. Зловеще косится на младшего Моргойла. И потихоньку повторяет под нос: «Враг. Враг. Эгерт — враг!» Надо же, полными фразами заговорил.

— А Рой? — это господин Задавака спрашивает совсем под нос. Но Следопытский слух разбирает.

— Этого ты откуда набрался?

— Я... ну, слышал...

Точно не от мамочки, как я понимаю.

— Они правда как пчёлы? У которых одна матка, и они подчиняются её командам? Отец говорил, у этих... терраантов связаны сознания... так что они могут слышать друг друга.

— Слышать главного, скорее уж. Тысячеглазый, Всезрящий, Сиаа-Тьо — Всесущий. Что-то вроде верховного жреца Ардаанна-Матэс.

— Как Кормчая — жрица Камня?

— Только если бы ты постоянно слышал Кормчую у себя в голове. Или Камень — у себя в голове. Представь себе главный корень, который торчит в земле. А от него разбегается куча других корешков. Ну так вот, по поверьям даарду Всезрящий и есть этот главный корень. Который доносит до них волю Ардаанна-Матэс. У них там есть что-то вроде обряда, у даарду... когда младенцев после рождения приносят в основное святилище, в то самое, куда нам ход запрещен. И наделяют их Пуповиной Роя... звучит по-дурацки, но иначе не

переведу.

«Враг, враг, враг», — твердит горевестник в клетке и уже настойчиво пытается выломать замок. Задавака пялится, как зачарованный.

— Их тогда калечат, да? Терраантов?

— Насчет самого обряда — не видела, не знаю. Но в конце него — да. Делают шрам, или отрезают кусочек уха. Губу разрезают. В общем, им нужен какой-то изъян у ребенка. Чтобы он никогда не стал «сосудом который полон».

— А что это?

— Вир его знает, мне это Грызи рассказывала. Ей про даарду известно побольше моего. Подумать только, я тут чуть ли не лекцию задвигаю. Треплю языком, будто Конфетка за своими чаепитиями. Только и удовольствие — утереть нос самодовольному придурку. Который вообразил, что мамочка и книжечки ему распишут всё как есть.

А у Задаваки видок малость лихорадочный. Глазенки вон, блестят ненормально. И щеки запылали. И вообще, он привстает и кусает губы — то ли хочет выродить из себя новый вопрос, то ли что-то сказать...

И тут горевестник в клетке с разлету ударяется о прутья.

— Враг. Враг! Враг!! — удар на каждое слово, и взгляд черных глазок намертво прикован к физиономии Задаваки. — Эгерт! Эгерт! Эгерт! Эгерт!!

Удар-удар-удар, и Задавака хочет что-то вякнуть, но я на него цыкаю. Пытаюсь успокоить Сирила, но тот всё бьётся, и кричит всё громче. Зло и отчаянно. Глядя на сына Моргойла так, будто хочет выклевывать ему сердце.

Только что был спокоен, теперь вот всполошился. Почему? Потому что горевестник. Потому что... как там Грызи говорила? Чует, кто скоро помрет.

— Эгерт! Эгерт!! Эгерт!!!

Взываю к Печати — и мир рушится на меня в красках, запахах и звуках. Где-то в другом крыле Визгля распекает служанку, и гремят сковороды на кухне, и воняет средством для уборки и духами, пылью несет от книг... и — вот оно, панические крики там, далеко... у загонов, точно, у загонов. И удары копыт о землю. И яростный визг.

Яприль.

Да твою ж.

Одной рукой хватаю клетку с Сирилом. Второй — Задаваку за шкуру.

— Быстро за дверь!!

Не успею дотащить до двери, Моргойл не понимает и мешает, он не знает — что такое яприль в ярости. А, мантикоры печенка! Задвигаю идиота за дальний стеллаж с книгами, сую туда же клетку.

— Эгерт! — надрывается Сирил без перерывов. — Эгерт, Эгееерт!

Визжащая туша с маху прошибает огромное витражное окно. Выносит, вместе с частью стены. Во все стороны летят разноцветные осколки. Будто брызги краски. Вперемешку с кирпичной крошкой. Яприль влетает, оскальзываясь на осколках и натертом паркете.

Крупная самка, Леди. Я её с утра бегала яблоком подкармливать.

А теперь у нее всё рыло в пене, бирюзовая шерсть на боках стоит дыбом. Маленькие свиные глазки налиты кровью и смотрят точно за меня. Туда, где стеллаж. Туда, где...

— Эгерт! Эгерт!! Эгерт!!!

— А ну-ка стой, — говорю я. — Давай-ка послушай меня...

Не слушает. Вернее, не слышит. И готова, если что, пробежать через меня, смяв

копытами. Леди вскакивает тут же и несется вперед, не разбирая — где какая мебель и кто перед ней стоит. Сшибая столы и кресла. Кроша собой стулья.

Разбиваю перед ней ампулу снотворного, когда подходит на расстояние броска. И отступаю назад, потому что яприлиха не думает останавливаться. Только что опять валится, но это всё паркет. Мало снотворного.

— Эгерт — враг! Враг!!

Что-то толкает в спину. Чуть не падаю, оборачиваюсь.

Задавака вылез из-за стеллажа, помочь решил. Выставил бледную длань с Печатью, только рука ходит ходуном, так что он задел меня воздушным ударом.

И разозлил яприлиху.

— Придунок! К двери!

Леди при виде своего врага вскакивает. Хрипя, визжа, круша пуфики, журнальные столики, подставки для чтения. Кидаюсь к двери, попутно нащупываю воздушную трубку с дротиками в кармане. Здоровенным пинком выпихиваю Задаваку в коридор, где уже куча визжащих служанок. Перед тем, как захлопнуть дверь, добавляю Леди в морду две стрелки со снотворным.

Надолго не удержит. Яприль в бешенстве — неостановимая тварь.

Пока есть цель. Цель...

— Бегом, кому сказано!

Позади трещит дверь. Задавака упирается и лопочет, что мы должны кого-то там защищать. То ли служанок, то ли маменьку. Ору на бегу что-то устрашающее. И на Задаваку, и на всех, кто вылез в коридор.

— Запихивай их за двери!

Яприлиха уже в коридоре, но снотворное её замедлило. Да и передвигаться такой здоровенной туше несподручно. Среди кадок с растениями, поворотов, ковров и мебели. Моргойл-младший, по счастью, соображает, что к чему, и убирает с дороги прислугу. Просто впихивая всех в комнаты.

Позади — визг яприля, треск дерева и ткани. Валяются какие-то гобелены. Последней встречаем Визглю — на пороге ее спальни, перекошенную и недокрашенную.

— Эгерт, что случи...

— Мама, надо бежать!

— Не-а, — говорю я, и даю пинка и ему, и ей. Влетаю с размаху в спальню.

— Что вы себе позволяя...

Роюсь на полке перед зеркалом, где куча флакончиков с духами. Откальываю своим атархэ горлышко у первого. Брызгать нет времени.

— Поливай его, быстро!

Сую в руку Визгле флакон. Дергаю Задаваку за ворот, чтобы согнулся. И опрокидываю ему на голову второй флакон.

Печати я успела дать отбой, а то свалилась бы, где стояла. Визгля предпочитает что поудушливее да послаще, так что Задавака начинает вонять, как сборище престарелых кокеток. На девятеричном чаепитии.

— Пх-х-хаааа!!

— Поливай, кому сказано!

Визгля послушно обдаёт сыночку всеми запасами духов. Я бы даже повеселилась, может быть. Вот только руки у Визгли трясутся, и она за компанию окатывает меня.

Воняю, как знатная дама. Чуть похуже, чем серная коза.

Зато грохота в коридоре больше нет. Недоуменное повизгивание. Сонное. Потом богатырский, со взвизгами храп.

И подвывания служанок. Из разных комнат.

Визгля старательно выливает на сыночка последний флакон чего-то с запахом писка сезона. Задавака лупает глаза и недоуменно благоухает.

— Где тут умывальная?

Маленькая комнатка пристроена к спальне, как во всех знатных домах. Распахиваю дверь, начинаю смывать с себя духи. Говорю в дверной проем, откуда резко несет ароматами:

— У яприлей острый нюх. Они трюфели на глубине находят. Наверное, ветер был от дома к стойлу. Вот Леди тебя и учуяла. Нужно было заглушить, сбить со следа.

Чтобы у нее пропала цель. Пропала ярость. А без бешенства снотворное яприля легко берет.

Визгля молчит. Только ахает и прикрывает сыночке глазки, когда я вслед за курткой стаскиваю рубашку. Чтобы замыть получше.

Обдущенный с головы до ног Задавака часто сглатывает. Потом говорит неровно:

— А... мне теперь... так постоянно?

— Если нравится — можно и постоянно.

Душистая едкость въелась в ткань рубашки, пропитала куртку. И на штаны тоже попало. Но если я скину штаны — этих Моргойлов бахнет удар. Жалко, тут нет Конфетки с ее зельями, отбивающими запахи. Надо будет взять с собой в сумку на такой случай. Пинту. Или две.

Моргойл отворачивается спиной — чтобы не смущать. Ха. И пытается мыслить. Говорит гнусаво, через силу:

— Но как... разве Леди могла меня учуять... через стены?

Леди всегда чуют своих кавалеров. Ладно, я не Пухлик — дурацкие шутки шутить.

— Окно было приоткрыто.

— Но ведь... от загонов далеко...

— Да.

Натягиваю рубашку, потом куртку. Проверяю, что есть в карманах и на поясе. Обычный набор зелий. Клинок-атархэ. Еще три усыпляющие стрелки и два мелких метательных ножа.

Надо будет зайти в отведенную нам спальню. Сумку взять, там оставшееся сонное. Хотя если я права — всё равно не хватит.

И где это носит Шипелку, хотела бы я знать?

Визгля наконец отмирает и разевает рот, как кефаль, которую выкинули на берег. Сейчас родит.

— Что... это... значит?

— Значит, что дело плохо, — говорю жестко. — Звери не идиоты. А вы сейчас будете слушать меня. Подвалы тут у вас есть? Подземелья?

Подвалы есть, но вход слишком широкий, и ступенек маловато. С грехом пополам выясняю, что алапарт там пройдет. Туда еще и есть вход со двора. Не годится.

— Тогда сейчас идем в эту вашу башню. Которая с телескопом. За мной и молча!

Спасибо еще — не надо проходить мимо Леди. Она, конечно, спит. Храпит на половину дома. Но мало ли.

Задавака и его мамочка идут позади, задыхаются и неистово воняют. Переливающиеся ароматы. Выставка душиловки. Спасибо — молчат.

Впихиваю их по узкой лестнице. Дверь закрыта — вскрываю замок булавкой с воротника. Пропихиваю Визглю и Задаваку в научную обитель старшего Моргойла. Книги пополам с пылью, куча заметок, бестиарии и инструменты. Карты звездного неба, большущая труба телескопа. Окна, к счастью, закрыты.

Но окна тут повсюду. И из них открывается отличнейший вид на то, что делается внизу.

На худшие мои подозрения.

Они все там. Два медовых алапарда. Четверка двухголовых керберов — эти держатся подальше. Величественный виверний. Еще два грифона. Вон там, за кустами, вижу единорогов...

Все, кто есть. До единого. Рассредоточились, будто по уговору — кто подальше, кто поближе. Хищники не приближаются к травоядным. Травоядные держатся подальше. Но не боятся.

Поместье в полной осаде.

Звери же не идиоты, они знали, где живет их враг...

— Сначала ориентировались на зрение, — говорю себе под нос. — Потом слух... грифон услышал, не учуял. Потом обоняние, у яприля. Теперь знание.

Увидели, куда рванула Леди. И подтянулись за ней. До сих пор потихоньку подтягиваются.

Грызи права, всё набирает ой какие обороты.

Визгля начинает подвывать. «Ну, я же говорила ему, эти дикие твари...»

Хмыкаю, разворачиваюсь.

— Побудьте здесь пока. Выйду, гляну поближе.

В спину мне долетает робкое «Но как же вы...» от Задаваки. Захлопываю дверь, отсекаю растерянный тенорок. И одуряющую вонь духов. И всхлипы Визгли.

Первым делом забегаю в нашу с Грызи комнату, достаю запасное снотворное из своей сумки и сумки Гриз. Дальше смотрю — что там с Леди. Яприлиха сладко почивает. Смачно всхрюкивает — видно, видит репу во сне. Из-за дверей хором завывают служанки.

— Вылезайте уже.

Вытаскиваю пару-тройку из-за дверей, куда мы их упихали с Задавакой. Говорю заняться делом: собрать сонные и успокаивающие зелья, какие есть в доме. И лакомства наподобие мяса, сахара и яблок. Потом зашиться куда-нибудь в дальнюю комнату с плотными дверями и не отвечивать.

— А там же в коридоре... зверюга... — трясется служанка — та, которая поднос роняла.

— В ней столько снотворного, что до вечера проспит.

— А-а-а...

— А вот те, которые на дворе — могут и тронуть.

Леди готова была пройти через меня — только бы добраться до Задаваки. Алапарды, если впадут в состояние «кровной мести», точно разбираться не будут — сколько у них служанок на пути.

Иду посмотреть, как там Сирил. Еще из коридора слышу оглушительное: «Враг! Кишки! Кишки!!»

Клетка упала на пол, дверца отскочила, и горевестник выкарабкался. Разгуливает по

руинам библиотеки. Со вкусом потрошит издание академии Таррахоны. То самое, про жрущих девственниц терраантов.

На меня смотрит чуть подозрительно.

— Воняешь, — сообщает брезгливо, но перебирается на плечо.

Сирила оставляю в одной из каминных — пусть погуляет. Награждаю его куском сахара — как раз распорядительница с кухни подросла. Забираю остальную снедь. И еще несколько пузырьков с зельями. Снаряжаюсь как следует, словом.

Потом выхожу во двор.

К Дару взываю еще в коридоре. Так что они все со мной. Мягкие шаги хищников, шорох песка о когти. Похлопывание крыльев грифонов. Тихое, настороженное порывание керберов.

Жаль, я не варг. Зверушки не трогают своих пастырей.

Ещё жаль, что от меня всё так и несёт духами.

Гарпиям-бескрылкам становится интересно первым. Только появляюсь на крыльце — сигают в мою сторону. Здоровые, нелетающие, зато прыгучие. Остатки крыльев чуть прикрывают спину. Бескрылки их топорщат, когда бегут ко мне. Открывается серебристая чешуя. «Урлюлюлюлю», — летит из зубастых пастей. Мол, что это у нас тут такое?

— Спокойно, ребятишки, — говорю я. Звучно, низко, уверенно. По шажочку схожу с крыльца. — Чего это мы тут все собрались? Вам тут должно быть как-то тесновато, так что, может, давайте уж вернемся в стойла, а? Милые уютные домики... ух, какая ты у нас красавица. Так, а кто хочет мяса?

Гарпии игриво попрыгивают вокруг. Выгибают шеи так и этак. Загаживают песок дорожки. В знак того, что мяса надо бы.

Подбирают мясо, но не приближаются. И не атакуют. Растеряны и не прочь поразвлечься. Запускаю по дорожке яблоко — несутся вслед, отдаляются от поместья... Тормозят, разворачиваются. Будто вспомнили о незаконченном деле.

Крадусь через двор, отмахиваясь от настырных шепотков. Шепотки просачиваются через окна — к стеклам носами вся прислуга поприлипала, небось. Ладно. Намечаю линии движения хищников. Травоядные топчутся на месте, а эти себе будто маршрут прогулки составили. Скользят, расхаживают неторопливо. Выписывают дуги и восьмерки. Тут и там.

Больше никто не подходит, нужно самой. Подтягиваюсь поближе к дуге, по которой движется первый алапард. Шаг. Остановка. Пару шагов. Смотрит, не подходит, опять скользит, поблескивая медовой шкурой — красавец! Не становлюсь посреди его пути, пристраиваюсь сбоку — как тебе такое, погуляем? Может, и от мяса не откажетесь?

Алапард останавливается и не отказывается. Дает себя погладить, хоть и кривит морду.

— Запах светскости. Мне тоже не по душе. Но что поделаешь, если у меня не было струи гарпии или чего-то такого привлекательного, а?

Самец алапарда мурлычет и лижет ладонь.

Только вот когда я пытаюсь его тихонько повернуть в сторону вольеров — недовольно взрыкивает. И остается на месте. Погоди, мол. Тут еще разговор не закончен.

Иду налаживать отношения со вторым алапардом, а после с керберами и грифоном.

Звери как будто не совсем понимают — что им вообще тут надо. Но уходить не намереваются. Потому что внутри дома — что-то, что их притягивает. Почему им непременно надо быть тут.

Надеюсь, Задавака не высунется не по делу из башни.

Потихоньку ступаю среди питомцев Моргойла. Двигаюсь тоже медленно и показываю руки. Говорю ровно, мерно, дружелюбно.

— Знаете, мое такое мнение — нечего вам тут торчать. Я вот вам малость гостинцев принесла — а дальше вас ждет и еще чего получше, так что почему бы нам и не пойти вон туда, где столько всего вкусного?

Керберы — двое еще совсем щенки — повизгивают от радости, обнаруживая вкусняшки. Огненные лисицы и волк-игольчатник тоже не проявляют злости. На запах духов — недовольно фыркают. Подпускают к себе, берут гостинцы. Слушают, что я там несу. С благосклонностью, как пьянущая Дрызга — уговоры Гриз.

Вот только толку с меня — сколько от уговоров Гриз в сторону Дрызги. Звери не дают себя увести. Уворачиваются, выskalзывают. Виверний даже взмахивает в мою сторону когтистой лапой — не подходи, мол. И всё расхаживают задумчиво перед помещьем. Будто пытаются вспомнить — что они тут забыли.

Надо вызывать Грызи. И поднимать местных работничков.

Медленно иду через двор. Одна гарпия-бескрылка даже увязывается вслед — интересуется, а нет ли еще вкусенького. Потом отстает. Лежащие и гуляющие звери на меня оглядываются, но пропускают нормально. На полпути к вольерным слышу сзади стук копыт. Жемчуг решил присоединиться.

Скармливаю ему последнее яблоко, объясняю, что он самый-самый лучший.

Работнички Моргойла чудом не встречают меня вилами. Они как раз держали совет — что делать. То есть, носились по кругу в панике. И орали друг на друга.

Привыкли ухаживать за прирученными и вышколенными лапочками, а когда лапочки решили прогуляться — даже сделать ни черта не могли.

— Всем слушать меня! Конюший, Жемчуга запереть в стойле. Сонные, успокаивающие есть? Все сюда. Еду тоже сюда. Будем их приманивать.

Мнутя, зыркают, воняют страхом сильнее, чем я — духами.

— Они вам ничего не сделают. Уводим, кого можем, остальных усыпим, готовьте телеги и носилки, придется перевозить. Сколько у вас магов воздуха? Пассы воздушной транспортировки знаете? Клетки-то есть?

Есть. Моргойл, видимо, не настолько клюнут в темечко своими сахарными идеями.

Вольерные шевелятся плохо, приходится покрикивать и подгонять. Попутно нахожу почтовый водный канал, вызываю Грызи. Та слушает недолго:

— Сейчас буду.

Начинаем работу. К зверям идут те, кто с ними постоянно. Кого они знают. Зовут их ласково. Предлагают еды. Подманивают. С единорогами получается сразу, откликается второй яприль, один алапард и два кербера. Гарпия опять проходит путь до середины, но тут я ее усыплю.

Подманить — тихонечко успокоить и усыпить. По отдельности. Потом — в вольеры, в клетки. Запереть. Запирать жаль, но тут ничего не поделаешь. Зверушкам крепко стукнуло — достать Задаваку. Могут наделать дел.

Грызи в сопровождении Моргойла заявляются через полчаса. Я как раз подумываю, что делать с упрямым вивернием.

— Что это тут творится? — в полном соответствии с женушкой стонет Моргойл.

— А на что похоже? — огрызаюсь. — У нас уже снотворное на исходе.

Грызи вообще не спрашивает — она сразу делает. Успокаивает оставшихся зверей.

Беседует с ними, ведет к вольерам. Отдает тихие распоряжения: на прогулку пока не выпускать, пусть будут в вольерах и клетках.

Леди приходится вытаскивать из брюха моргойловского поместья. Воздушные маги притомились, постанывают и потирают Печати. Тащатся, как через силу. Яприлиха плывет себе между ними. Огромная и величественная. Бирюзово-изумрудная и великолепно-жирная. С двух сторон издающая неоднозначные звуки. С кормежкой намудрили, наверное.

Окончательно разруливаемся где-то через час. Стою во дворе, который весь — в следах зверей. Можно прочесть занимательную историю. Ароматы помета гарпии смешиваются с духами Визгли — неповторимый коктейль.

— Узнала что-нибудь?

Грызи устало поводит плечами.

— Клятые светские церемонии. Пока раскланивались и объясняли, что нам нужно... Я еще и платье забыла взять. Пришлось слушать замечания по поводу моего неблаговария.

— Ты ж никого не отходила кнутом — так что это благоварие.

Моргойл воздевает руки и надрывно причитает. Бегая вокруг пролома в своей библиотеке. Потом слышу, как кто-то верещит — будто со шнырка сдирают шкуру. Визгля пожаловала. Отвернуться, что ли, чтобы не видеть кровавую расправу.

— Дружки у Эгерта... так себе. Забияки. Местные заводилы, почти все старше него. Разговорить их сложно, а тут еще ты меня выдернула. Один обмолвился как-то странно насчет той прогулки. Мол, Эгерт себя показал. Думаю, надо бы с ним еще поговорить.

— Нос заткнуть не забудь.

«Мои духи!!» — верещит Визгля в поместье, и у меня начинает ныть Печать на ладони. Крол мямлит что-то покаянное о том, что он не мог предвидеть...

— Надо его раскалывать, — озабоченно говорит Грызи. — Сына. Чуешь, чем несет?

Модными ароматами четырех предыдущих сезонов. Если от меня. По делу-то ясно — чем. Визгля сейчас наорется. Либо выпнет нас и потребует запереть зверей на веки вечные, а потом и в зверинцы раздать... либо вызовет устранителя. Чтобы — с концами.

— Найди Хаату, — тихо говорит Грызи, — посмотри, что с животными. Если что — добавьте им еще снотворного в поилки. Придется пока так, пока не выясним. Пойду, поговорю с Эгертом.

Молча сочувствую нервам Грызи. И обонянию. И слуху (там же еще Визгля).

Ополаскиваюсь по второму разу (вонь духов все равно не отстает). Проверяю животных — отдыхают, отклонений никаких нет. Единороги уже очнулись, но это и понятно — им только успокоительное давали. Треплю Жемчуга по крутой шее, иду искать Шипелку.

Даарду нахожу под здоровенным дубом. В тенистой части парка, предназначенной для выгулов травоядных. Теперь сочные лужайки — пусты, на дорожках — никого. Только Шипелка похаживает себе вокруг дерева, катает в пальцах первые облетевшие желуди.

А меня вдруг осеняет с размаху. Что-то Шипелка как-то слишком плевать хотела на свои обязанности. Больше, чем обычно. Да и на Моргойла-младшего она поглядывает не как на остальных «людей камня».

Как на скорый труп. На который скоро можно будет плюнуть.

Моё приближение даарду отслеживает. Тут же вцепляется в дерево, вся такая занятая.

— Много наслушала, а?

Моргает раскосыми глазками недобро. Наверное, ветер нашептал о моих намерениях.

— Что ты знаешь о том, что тут творится?

Жмёт плечами.

— Ты Следопыт. Смотри. Слушай. Нюхай. Будешь тоже знать. О ручьях в земле и зверях, которые ходят. Тут много что творится, Следопыт!

Шипелка — юркая, как шнырок в масле. Начинаю на неё наступать — дёргается в сторонку, прилипает к стволу. И скалит кривые зубы в усмешке.

— Нет уж, насмотрелась досыта. Теперь лучше тебя спрошу. Если этого Эгерта вытащить за пределы поместья, ну вот хоть бы и в лес — как скоро его там прикончит ближайший зверь?

Сморщенное личико распрямляется, как лист на ветру. Глаза загораются зелёными огнями.

— Люди Камня плохо живут в лесу. Громкие, глупые. Любят сердить тех, кто хорошо живёт в лесу. Враг живого не будет жить в лесу долго.

Враг живого, значит. Ну-ну.

— А если затащить его в любое другое поместье, где есть животные, — скоро его там грохнут?

Пожимает плечами, делает лукавую физиономию. Враг живого не будет жить долго, ага. Повторяет вроде как даже с упоением.

— А с чего это ты записала его во враги живого, а? Он же не мучает животных. Грызи ничего такого не обнаружила.

Даарду осекается. Фыркает, мотает головой. Ходим с ней кругами вокруг корявого ствола дуба. Под ногами перекатываются жёлуди.

— Все Люди Камня — враги живого.

Готово дело, всё равно что поймать обтрескавшегося горохом яприлёнка.

— Что-то я не помню, чтобы ты так называла меня или Конфетку. Или Пиратку. Или Плаксу...

Шипелка разевает рот, чтобы выкрутиться, и я добиваю:

— ...или хотя бы Мясника. Ты так вообще никого не называла. Выходит, Грызи не зря слышит это «враг» в сознании у животных?

Дело вообще не в животных. И не в родителях. Дело в самом Задаваке. Что-то с ним случилось, из-за чего в нём все, вообще все звери видят врага. *Врага живого.*

И Шипелка это может чувствовать.

— Что он сделал?

— Разве важно? Враг живого не живет долго.

— Значит, ты не знаешь?

— Разве важно знать? Он — враг живого. Причинил боль. Нанёс обиду. Стал против живого. Теперь — живое против него.

Точно. Всё живое против одного Задаваки. Как-то до черта много.

— Ты умеешь слушать, ты скажи сестре — пускай она уходит. Врагам нельзя помогать. Накличешь на себя беду.

— От кого беду?

Голова сейчас закружится. Сколько можно уже ходить вокруг дуба. Шипелка вон не устаёт: гуляет себе вокруг. Гримасничает, ухмыляется.

— Он — враг Ардаанна-Матэс. Её корней. Мать-Земля всё слышит, всё знает, всех связывает. В зверях её часть — они чувствуют её обиду. Звери не отпустят врага живого... кхххх... яа-а-ли на-та окхиилоу?

Это она мне так сообщает, что у меня малость в голове помешалось. Интересноется — а не чокнулась ли я часом?

Потому что я делаю выпад, хватаю даарду за шкуру и волоку за собой.

— Оххиило инноату, — говорю. Мол, нет, в своём уме.

Шипелка мелкая и худая, только я-то тоже не Пухлик, так что пару раз она чуть не выворачивается, а еще пытается царапаться.

— Сейчас пинками к Грызи погоню.

Даарду царапаться перестает и позволяет себя волочь. Сопит и меряет злобным взглядом. Ну, еще б, она перед Грызи всю расстилается — сестра да сестра. Без Грызи ей и идти бы некуда было бы — куда идти терраанту, который общину бросил?

Грызи застаем в гостиной Моргойлов в момент жесточайшего сражения. У нее усталое лицо и взгляд дознавателя. А Визгля на пике ораторских возможностей. Как раз вопит что-то про устранителя в нашей группе. Моргойл уныло-зеленого цвета, задыхается и возносит себе руки. Задавака мучнисто-белый и трясет губенками.

Всё вокруг оглушительно воняет духами. И еще бархатные, алые портьеры.

Мы с Шипелкой вваливаемся будто в дамский театр в воскресный день.

— Вот ты и ты — пошли вон, — тычу пальцем в Крола и его женушку. — Срочный разговор.

Визгля почему-то умолкает и выметается. Крол бредет за женушкой, как за главной в стаде. Дверь захлопывается.

— Вот эта что-то знает, — потрясаю Шипелку за шиворот. — Зовёт его Врагом живого. Похоже, это чары её племени. Зелье или какой-то заговор, а звери из-за него видят в этом балбесе врага.

Задавака даже не возражает против «балбеса»: бледнеет да съезжает со стульчика. Вот вам ещё попадание: он же на Шипелку с самого начала косился со страхом. Да и меня о даарду расспросить пытался.

Грызи хмурится и ввинчивается вопросительным взглядом в Хаату. Та шмыгает остреньким носиком, зло светит на меня глазами. Потом понимает, что от взгляда Грызи не сбежать.

— Печать, — выпаливает, кривя тонкие губы. — Моттойи-сфайя-исте. Печать Врага живого. Древний приговор. Ты не видишь, сестра. Она не видит — Человек Камня. Я вижу. Звери видят тоже. Сначала видят. Потом слышат. Потом чувуют. Теперь знают. Враг живого — и всё живое против него.

— Всё живое? — спрашивает Грызи. С совершеннейшим спокойствием на лице, будто заснуть собирается. Даарду сопит, косится на позеленевшего мальчишку. Подходит, открывает окно.

— Смердит, — поясняет уже на своем. — Всё живое, в чём сильна Пуповина. Все, что вы называете bestиями. Каждый услышит. Увидит. Почует. Убьёт.

— Так, — кивает Грызи, впиваясь в нее глазами. Кажется, сейчас глаза зазеленеют, и с губ полетит — «Вместе!» — Так... Кто может наложить Печать Врага Живого? И за что? Ты можешь, Хаата?

Даарду мотает головой.

— Не я. Хранитель малого роя... как по-вашему... глава поселения. Мудрый. Старый. Они знают. Они могут.

— За что?

Пожатие плечами. Шипелка отворачивается, почти ложится на подоконник грудью. Втягивает носом свежий ветер.

— Большая обида. Обида на смерть. На кровь.

Искоса оглядывается на Задаваку.

— Брось его, сестра. Он — Враг Живого. А ты — живая. Пойдем домой.

Грызи прикрывает глаза и тихо выдыхает сквозь зубы. Подходит к креслу, почти стекает в него. Откидывает голову назад и смотрит из-под полуприкрытых век на стол, за которым скорчился мальчишка.

— Эгерт.

Задавака подпрыгивает, как будто Грызи сейчас заорет, как Сирил: «Враг! Враг! Эгерт — враг!»

— Что всё-таки случилось на той прогулке? С нее ведь началось. Твой друг Горвин обмолвился мне...

— Я хотел рассказать, — прерывает ее Задавака. Челюсть у него трясется, а нос он все равно пытается задирать. — С самого начала. Я думал... это не то. И отец... скажет, что это недостойно. Но матушка всегда говорила... они зловещие создания... отродья...

Намечаю три напольные вазы в цветочках — под блевануть. Задавака сейчас пустит соплю и разревется. Вон, несет бесконечную чушь насчет своих дружков — что они смеялись, и сказали «Да у тебя кишка тонка», да и он вообще не хотел, но парни так и раньше делали, только с нойя и с деревенскими, так что...

Запускаю ему под нос ножичек-атархэ.

— Хватит слюней! Не можешь сказать — за тебя справлюсь. На прогулке твоим дружкам была охота поразвлечься. А тебе была охота перед ними выпендриться. Только ни нойя, ни нищих, ни деревенских вам не попадалось. Что, слишком далеко в лес заехали? А попался терраант. Ребенок или старик? Шипелка говорит — глава поселения, значит, старик?

Мотает головой. На тыльных сторонах ладоней — красные следы от ногтей.

— Реб... ребенок.

Это непонятно. А остальное — понятно. Знаю я, как знать иногда развлекается. Было дело, навидалась.

Задавака выпрямляет спину и начинает выжимать из себя слова. Жмет, старается. Девчонка, — говорит первым делом. Лет десяти. Терраант, да. Непонятно откуда взялась. Парни начали кричать про отродье... как матушка... они же все отродья, она так говорила. Девчонка побежала. Парни свистели вслед, смеялись. Пара ударов магией, но она была слишком далеко... Тогда позвали собак.

— Но псы не взяли след или свернули с него, — фыркаю я. У них на выезде болотные сторожевые или помесь игольчатников с обычными гончими. Даже юному терраанту от них отделаться — в два счёта.

— Ну, в общем... да.

— И тогда твои дружки начали тебя подначивать. Мол, маменькин сынок. Помянули идеи твоего папашки. Обозвали соплей жалостливой или чем-то таким.

Мне даже не надо вытаскивать из Задаваки ответы. Или эти его вымученные кивки. Всего-то и нужно прикрыть глаза. И увидеть.

Юркая девчонка в лёгкой накидке из крапивного волокна. Бежит через луг, петляет как лисица, ныряет в травы. По ветру развиваются грязные волосы с вплетенными в них

веточками. Псы растерянно поскуливают вслед и норовят бежать не туда. Ухмылки приятелей во франтоватых костюмчиках для прогулок: «Покажешь скорость своего единорога, Эг?» «Эй, спорим, я быстрее подарю ей поцелуй своего хлыстика!» «Ха, да где ему, он боится этой твари!» «Я?! Боюсь?!»

И ветер хлещет в лицо. Пахнет сладковатым единорожьим потом. И смятыми травами — они ложатся под копыта единорога. Мелькает сгорбленная спина — юркая, так и норовит затеряться. Терраантское отродье несется к лесу, только где ему против единорога... Где ему — против удалого Моргойла.

Против хлыста.

Раскрываю глаза, передергиваюсь. За компанию с Грызи и Шипелкой. Будто и они это слышали.

Топот копыт. Свист вдали. Звук распоротого воздуха.

Болезненный детский вскрик.

— Д-дрянь.

Призываю к себе нож-атархэ. Старый Резец слышит мои чувства и прямо рвется из пальцев. С размаху втыкаю в софу и сама на нее сажусь.

Дрянь, он же Задавака, что-то там задыхается. Булькает виновато-оправдательное. Ну да, ну да. Он же перед друзьями хотел себя показать. Он же был в азарте. Он же не думал, что выйдет так сильно — с разлету-то и хлыстом! Милые такие развлечения аристократиков, ну-ну.

— Насмерть? — отрывисто спрашивает Грызи. Задавака трясет головой.

— Я только... один раз успел. А потом она...

— О, тогда другое дело. Не хочешь пойти к нам в питомник? У нас есть для тебя напарничек.

Причесочки, в общем, схожие — найдут общий язык.

Надо было этой твари пинка дать навстречу яприлихе.

— Эгерт, — Грызи наклоняется, опираясь ладонями о колени. — Она что? Вспоминай очень подробно.

— Закричала, — тихо и удивленно отвечает Задавака. — Она как-то... закричала, упала на землю... поползла. Я спешил, пошел к ней... чтобы помочь! — это уже в ответ на фырканье Шипелки. — А она опять закричала, только будто... вцепилась в землю. У нее была кровь, а она... Словно хотела... зарыться.

Или заслониться. Тут до меня начинает доходить — почему на лице у Грызи такая безнадега.

— Она выкрикивала какие-то слова?

— Н-на их языке. Я думал, она просто кричала... потом... посмотрела на меня.

Зубы у него бьют хорошую такую дробь.

— Потом у нее стало... лицо... такое лицо, будто она... уми... умирала. Я шагнул вперед, а она... зашипела, и... голос... у нее был такой голос и глаза...

Что он драпанул. Можно было сказать это. Только зачем. Я тут занимаюсь разделыванием софы. Свежую, будто Задаваку. Будто его поганую шкуру.

Драпанул к своим дружкам, и они ускакали. А потом с единорогом началось. Или сразу же началось? Нет смысла выяснять. Без того понятно.

Шипелка молчит у окна. По физиономии видно — благоговееет. Конечно, поняла. Хоть и изгнанник из общины...

Грызи встает из своего кресла.

— Она не кричала, — говорит негромко и размеренно. — Она взывала. Хотела, чтобы ее услышали и защитили. Может, и отомстили. И он всё-таки услышал. И пришел.

— К-кто?

Задавака пялится круглыми глазами, поперек носа — красные полосы от манжет с кружевом.

— Рой. Вернее, она взывала к Рою, но откликнулся он... Всесущий. Верховный жрец даарду, который наложил на тебя эту печать.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Собираемся и поехали.

Это я говорю, насмотревшись, как Грызи расхаживает по гостиной. Оставляя следы на бежевом даматском ковре. И задумчиво пощёлкивая пальцами.

Шипелка уже отошла от окна, зашилась в угол. За что-то разлапистое, в кадке. Посвечивает глазами сквозь листву. Похоже, меня поддерживает.

— В питомник. Поехали, ну. Мы тут закончили. Животные не виноваты. Проблема вот в нем.

Тычу пальцем в Задаваку, который малость окаменел на стульчике.

— Тут же ни черта не сделаешь уже. Пусть разбираются сами.

— Не вариант, — отвечает Грызи на тридцать каком-то вираже.

— По-моему — как раз вариант. А ты опять...

Вечный спор. Грызи только дай повытирать сопельки какой-нибудь скотине. Как той же пьянчужке-Дрызге, которая дочку за спиртным в деревню гоняет и пропивает жалование. Или Плаксе, которая ни черта не делает, только по углам прячется и капает слюнями на Мясника. Про самого Мясника молчу.

— А как, по-твоему, Моргойлы разберутся с этим сами? Возможность отменить чары такого рода у них нулевая. Будут пытаться поговорить со Всесущим? Поедут для этого в Ирмелей? Их не пропустят не то что в святилище — ни в одну общину, они «Люди Камня».

— Ну, запереть этого придурка туда, где нет животных, и дело с концом! Уединённое место, хорошие стены...

— ...высокая башня, и поставить артефакторные щиты, и двери досками забить, — невозмутимо продолжает Грызи. — И прогулки — две в день по полчаса. Это же тюрьма. До конца жизни, потому что проклятие будет действовать постоянно, оно даже может ещё усилиться.

На этом моменте Задавака открывает рот и давится воздухом. Вообразил перспективы, наверное.

Грызи поворачивается к нему, приподнимает брови — ничего добавить не хочешь?

Но Задавака только говорит таким голосом, будто его по башке огрели:

— Я хотел поступать в Академию Таррахоры... в следующем месяце.

И остается сидеть с прямой спиной.

— Получил по заслугам, — чеканю я и отворачиваюсь, чтобы не попасть под укоризненный взгляд Грызи. Убрать такое из мира — мир чище станет.

— Ты, похоже, не поняла — что стоит на кону.

Прочерчиваю ещё резаную полосу по гладкой, скользкой ткани. Расходится, показывает потроха софы. Всё мне понятно. Я же видела Леди. Не усыпила б я ее вовремя — она рванула бы напрямик, через меня. Даже если запереть Задаваку в башню — вокруг этой башни начнут ходить разъяренные звери. Покалечатся. Или с охраной столкнутся — мало ли, поранятся.

— Ну, в Алчнодол его, почему нет?

Глаза не поднимаю. Но Задавака, кажись, только что чуть не навернулся со стула.

Алчная Долина — место, где магия не живет. Оно магию выпивает. Опухоль на теле Кайетты. Веселая опухоль, зеленая и с речушками, в которых молчит вода. Там, правда, тоже селятся разные. «Пустые элементы», которые не устроились в жизни или не рванули на Вольные Пустоши. Фанатики Единого, которые считают, что магия — зло.

Магические звери туда не заходят, так что Задаваке там самое место.

— Не факт, что поможет, у терраантов свои чары... это может работать и с обычными животными.

Не говоря уж о том, что Визгля тоже в долгу не останется. Всем растреплет, как злые терраанты прокляли ее невинную кровиночку. До короля дойдет. А Илай Ушибленный вечно начинает творить справедливость где не надо. Полезет еще к даарду, может с земель прогнать...

Потом придворные дамы начнут молоть языками. И через годик какой-нибудь ученый напишет книжонку, в которых даарду ходят и специально проклинают первенцев из аристократических семей жуткими проклятиями. А там уже народ подтянется: «О, а слышали, это в Овингере-то эти... пещерники... говорят, триста диточек лет восьми прокляли, увели и в лесу сожрали!»

Прикончить бы этого придурка, столько бы проблем сразу решилось. Но нет, это ж не наш метод. Наш метод — тащить его за уши из ситуации, в которую он сам себя запихал.

— Хаата, — тихо говорит Грызи.

В углу будто разбудили клубок недовольных гадюк.

— Мне нужно поговорить со Всесущим. Пока еще дело не зашло слишком далеко.

Шипелка забивается в угол поглубже и свистит так бешено, что первые фразы я просто не разбираю. Что-то про Врага Живого. И про заслуженную долю. И про опрометчивые пастырей. Под конец начинаю вычленять что-то ценное:

— Не стану... не могу, не проси, сестра! Я — дурной сосуд. Покинула Рой... иссохшая пуповина, — как бы заставить говорить даарду медленнее, чтобы я всё разбирала. — Отрезанный корень еще в земле, но не с другими корнями. Не проси, сестра.

Грызи пялится куда-то в куст, за которым глаза Хааты. Слышу, как позванивают струны нервов. У всех, даже у меня.

— Не стану, — говорит Грызи мягко. — Если это опасно для тебя или если ты не можешь... я не буду заставлять. Мел, я сейчас к ближайшему селению Роя. Попробую воззвать всё-таки, через старейшину или кого-нибудь. Эгерт, ты пока побудь наверху, в башне. И... не рассказывай пока что родителям, мы посмотрим, что можно сделать. Хаата, Мел, за зверями приглядите.

И двигает себе преспокойно к дверям. Неостановимая. Шипелка это тоже понимает, потому что вылезает из угла.

— Попробую... — бурчит уже на общедоступном. — Не ходи, сестра... попробую здесь. Кусает губы, топает ногой. Кивает на Задаваку.

— Не для него. Для сестры.

Грызи хмурится от двери.

— Хаата. Если это рискованно для тебя...

Даарду качает вытянутой головенкой. Сжимает темные губы.

— Сосуду чего бояться? Разве страшно голосу? Пошли во двор, сестра, там есть хороший дуб. Крепкие корни.

Виновника суеты Грызи жестом приглашает за собой. Мучнисто-бледный Задавака

покорно тащится следом. По дороге Грыз успевает еще отлавливать служанок и раздавать приказания: будем во дворе, скажите, чтобы не беспокоили. Хотим попробовать кое-что особенное. Да, вроде как защитный обряд. В общем, пусть хозяева не суются.

Уже когда выходим из поместья — через ход для прислуги, Грызи роняет негромко, обращаясь к Шипелке:

— Одному из варгов... Айэрвенну Ауолло было дано право взывать. У меня такого права нет. Может, он еще и не отзовется.

— Тебе отзовется, — отвечает Шипелка. — Тебе отзываются все.

* * *

Пока пересекаем двор — Печать держу наготове. Мы не знаем, на какое расстояние действует эта Печать Врага Живого. И не заглянет ли на огонёк кто-нибудь из ближайших лесов.

Ещё я пялюсь на затылок Хааты и вспоминаю, как она появилась в питомнике. Я верно сказала младшему Моргойлу — Грыз приволокла даарду с одного из вызовов.

Только вот я не стала говорить, что при этом вызове была.

Первое, что помнится — смрад и полутьма. Стоны животных. Прогнившая солома и загнанные взгляды из углов. Елейные улыбочки хозяина передвижного цирка. Полупьяный голосок: «Непонятно, отчего это керберы так упрямятся, мы заботимся, как можем, несмотря на бедственное своё положение...»

Грызи шепталась с загнанными, замученными зверями. Я стискивала нож, подумывая, а не пустить ли кровь местной человеческой погани. И уговаривая себя, что для этого еще будет время.

Жар к ночи чуть спал, но земля всё равно была горячей. И цирк вокруг оглушительно вонял потом, пудрой, дешевым пойлом и ненавистью.

— Быстрее шевелись! Земляное отродье!

Фигурка возле дальних клеток чуть двигалась. Ковыляла, с усилием тащила за собой ведро. А хозяин цирка, пока мы лечили исполосованных хлыстом зверей, раскопал новую жертву.

Шёл рядом. Наблюдал, как мелкая даарду волочит ведро. И орал — пронзительно, монотонно. За каждую пролитую каплю или медленно сделанный шаг.

— Опять воровала жратву? Поилки пустые, мерзавка! Где ты была, скотина, а?

Когда Грызи подошла, гад тут же заухмылялся.

— Неблагодарные твари, да? Ленивые, да? Земляные лежебоки. Так как там мои обожаемые керберы? Вы же дали им снадобья? Если еще что-то нужно, то мы... хотя средств нет, так что надежда, понимаете ли, только на ваше благородство...

— Как тебя зовут? — спросила в этот момент Грызи на языке терраантов.

Даарду, услышав родную речь, выронила ведро. Хозяин было подумал заорать погромче, но увидел мой ножичек и раздумал.

— Нет имени, — выдавила даарду потом на общекайетском. — Я... нет имени. Дурной сосуд. Отсечённый корень.

— Изгнанник, понимаете ли, из общины, — влез хозяин цирка, потирая ручки. — Свои выперли за какую-то провинность. Ну, а мы... проявили милосердие, можно сказать. Дали кусок хлеба.

Скорее уж, крошку. Даарду только что не качало ветром. И еще она была в каком-то диковинном тряпье. Наверняка ее так публике и показывали. «А теперь — сенсация! Дикая даарду, прямо из лесов Вольной Тильвии!»

А по вечерам посылали чистить клетки и кормить зверей.

— Хочешь уйти отсюда? — спросила Грызи опять на наречии даарду. Так что пещерице пришлось ответить тоже на своём:

— У скверных корней мало пути. Некуда расти. Некуда ходить. Иди мимо, Пастырь. Что тебе до дурного сосуда? Иди домой. Ступай в общину.

— Там меня не ждут, — ухмыльнулась Грызи. — Я для них дурной сосуд. Ну так...

И протянула даарду руку, и та тут же на неё уставилась. Вытаращилась так, будто увидела невесть что, а не обычную ладонь, пускай и в шрамах.

Или будто ей в жизни не протягивали рук.

Хозяин цирка тем временем ни слова не понял, но до чего-то дошел. Полупьяным умишком.

Так что когда даарду таки несмело сунула свои пальцы в ладонь Грызи — он попытался постоять у нас на пути.

— Эй, эй, эй, спрашивается, чего это вы задумали? Про это ведь у нас уговора не было, а? Я, я заплачу за ваши снадобья и за вызов... сколько там, трёх сребниц хватит? Так вот, но уж скажу начистоту — если вы из этих, которые знают с земляными отродьями, то идите-ка себе мимо...

Грызи как раз рассмотрела все рубцы на руках у даарду и спросила ещё что-то сквозь зубы, быстрое и свистящее. Перевела глаза на хозяина цирка.

Он был здорово непривычным к таким явлениям. Так что малость протрезвел.

— Можете оставить себе деньги — и мы её забираем.

Хозяин так сбился с толку, что забормотал, что это же бред... три сребницы за даарду. Она — часть цирка, приносит доход. И вообще, эта воровка ему денег должна. И знали бы, сколько он за неё заплатил...

— На рынке в Тавентатуме? — ледяным голосом осведомилась Грызи. И пока хозяин нес насчет «случайно мимо проходили, пожалели невольницу, выкупили вот» — вытащила из сумки мешочек с золотницами.

— За ваших зверей. Забираем керберов, игольчатника и ту огненную лисицу, которая уже при смерти. Молчите и слушайте. Они не принесут цирку пользы. Нужно долгое и дорогое лечение. Берите деньги и найдите мне грузчиков с воздушным Даром. Или запрягите ваших силачей — доставить животных до пристани.

Хозяин было набрал в грудь воздуха, но ничего не сказал.

— На случай, если будете торговаться или артачиться — я из королевского питомника. Могу напрямую подать жалобу на вас в канцелярию короля Илая. Вы же помните, как он радеет о животных? Меньшее, чем вы отдаетесь — потерей лицензии. Вряд ли вы успеете сбежать в другое государство — вместе с цирком-то. В общем, проявите благоразумие. Берите деньги.

Эта мелкая, лысоватая дрянь проявила благоразумие. Он взял деньги, нашёл грузчиков, только зыркал, будто хорёк. И всё сквозь зубы сетовал, что понаразвелось... проклятые ковчежники... а он-то купился на рекомендации... да чтобы он ещё когда-нибудь...

— И на прощание, — выдала Грызи, когда мы уже отправили носилки вперед. — Пересмотрите отношение к bestиям. Вы же не хотите ещё одного Энкера? Они на грани.

Будем считать, я вас предупредила.

Потом мы шли втроем. Грызи, я, волочащая ноги даарду. Эта еще и спотыкалась, потому что всюду на Грызи пнялась тускло светящимися глазами.

Я вполголоса надеялась, что при побеге этому гаду-хозяину что-нибудь отожрут. И продумывала, как мы вернемся. Потому что знала, что через четыре дня, в полнолуние, мы снова будем тут, но в маск-плащах. Чтобы открыть клетки и вывести зверей подальше. Слабых забрали сегодня, остальных — в леса. Только Грызи с ними придется остаться сколько-то дней, чтобы вспомнили дикие привычки. Кого-то, может, и в питомник приведем потихоньку.

Грызи болтала с даарду. Рассказывала про «Ковчежец». Про то, что делаем. Даарду сопела и переваривала. Потом началось:

— Зачем тебе дурной корень в твоём питомнике, варг? Дурной сосуд зачем? Кормить зверей? Убирать? Слушать лес?

— Да как себе захочешь, — отмахнулась Грызи. — Если будет желание уйти — пожалуйста, только подкормись сперва и подлечись. Захочешь пожить у нас — дело всегда найдется.

— Дело? Для той, кто без имени? Кто без корней? Без пути?

— Дела не различают корней, путей, имён, — Грызи перешла на общедоступный. — Но насчёт имени и правда неудобно. Как тебя называть? Как тебя звали до изгнания?

Тогда, в горячей южной ночи она молчала так долго, что я думала — не ответит.

— Хаата. Звали... зовут... Хаата, сестра.

Под дубом Шипелка топчется на месте, ощупывает сперва корявый ствол, потом наклоняется, трогает корни. Цокает языком, лезет пальцами в траву. Отходит, опять нюхает, щупает.

Будто яприль, учуявший трюфель.

Моргойл явно чувствует себя тем, кем является — идиотом. Грызи трет подбородок и делает вид, что так оно и надо.

— Ты вообще... говорила с ним когда-нибудь? — спрашиваю сквозь зубы. Мне не приходилось видеть обряд воззвания. Так, наслушалась от даарду фразочек типа «Мои глаза — глаза Всесущего», «Не говори такие слова. Оскорбишь Всеслышащего». Но Грызи с терраантами знакома подольше, её в общинах за свою считают. Она как-то обмолвилась, что год с лишним вообще жила у терраантов.

— Не пришлось. Верховный жрец не то чтобы часто беседует даже с даарду.

— Он разве не сидит сразу во всём Рое? У них в черепушках. Вроде как... подсказывает им, что делать.

Шипелка косится, будто кошка, которая унюхала лимон. Фыркает тоже по-кошачьи.

— Истэйон... Тот-что-в-рое... на вашем языке. Голос земли, Ардаанна-Матэс. Как она — всё видит. Всё слышит, всё помнит. Всегда даже в дурных сосудах, — стучит себя по виску. — Отзывается не всем, не всегда. Когда зовут. Когда надо направить. Вмешаться.

Страхивает с ног лёгкую плетёную обувь и завершает сквозь зубы:

— Или наказать.

Не вижу что-то на бледной шипелкиной физиономии восторга по поводу этого их главаря. Она и раньше-то мало что говорила о своих. И не обмолвилась — за что её выперли из общины.

Даарду еще что-то бормочет, потом машет рукой:

— Ты иди сюда, ближе, сестра. Эти пусть станут дальше. Смердят.

Грызи делает шаг вперед. Я и Задавака остаёмся смердеть в сторонке.

А Шипелка начинает прорасти. Иначе не скажешь. Пальцами ног вцепляется в землю, и пальцы будто удлиняются, их даже вроде как становятся больше. Глаза у даарду закатываются, видны только белки, и она чуть покачивается — будто дерево под лёгким ветерком. Пальцы рук трепещут на ветру — ловят ветер как листья. И по ней ползут тени — прозелень и коричневатость, будто Хаата решила напиться соками земли. Кожа на лице грубеет и покрывается извивами трещин. И из горла летит непонятно что — то ли птичьи трели, то ли змеиное шипение, то ли трескотня сверчков.

Призыв, — говорит мой Дар. Это призыв. Та девочка, о которой говорил Задавака. Она вцепилась пальцами в землю и позвала. И ей ответили сразу, потому что она была одна из Роя. Только вот Шипелка больше — не часть Роя, так что еще вопрос...

Даарду открывает глаза — слепые, серебристые бельма. За которыми что-то живёт — то ли нити, то ли грибница, то ли гудение невидимых пчёл.

Тонкие губы сжимаются чуждо. Иначе.

Потом она говорит не своим голосом:

— *Пастырь.*

И мой Дар, чертово обострённое восприятие Следопыта, начинает орать. Верещать не умолкая, хуже Визгли. Дар глушит меня криком о том, что та тварь, которая сейчас говорит с нами через Шипелку — это ни черта не нормально, что она... он... оно — это что-то чуждое, неестественное и дрянное, что нужно рвануться вперед и рвать связь, а еще лучше — всадить в эту жуткую мерзость нож, вот прямо сейчас, прямо...

— Мел.

Шёпот Грызи — ушат холодной воды на голову. Она бросает короткий взгляд искоса, показывает глазами на Задаваку. Моргойл трясется как в припадке. Вот-вот ладонь вскинет, бахнет магией.

— *Ты звала, Пастырь,* — выговаривают губы Шипелки. Язык терраантов. Голос грубый и низкий, сиплый и скрежещущий. Так может говорить плесень. Грибница. Болезнь и старость. — *Ты хотела говорить. Плохой сосуд выбрала для этого. Дурной корень.*

— Тот, что был поблизости.

Серебристые бельма обшаривают лицо Грыз. Ползают взглядом по дубу. Впиваются в меня, потом в Моргойла — будто облепляют липкой паутиной, выбрасывают сотни мелких, липучих стрелок. К горлу катится ком тошноты, пальцы рвутся к атархэ. Удерживаюсь. Вцепляюсь в руку Задаваки, пока он магию не применил. И шиплю не рыпаться — то ли ему, то ли себе, пока жуткая тварь, которая поселилась в Шипелке, оглядывает нас и кривится в ухмылке.

— *Дурное стадо, Пастырь. Найди себе новое. Найди себе... чистое. Ты варг. Храниши живое. Зачем стоишь на одной земле с бэраард?*

— Потому что земля — одна, — отвечает Грыз. Я вижу её в профиль — напряжённую, будто идёт по канату. — И мы на одной земле со всеми. Если хочешь не стоять с кем-то на одной земле — придётся подыскать другую.

Сиплое шипение и клокотание — будто через вонючую трясину выходит газ. Не сразу разберешь, что это смех.

— *Или сделать так, чтобы эти не стояли. Не поганили землю. Те-что-без-корней — враги живого. Он — Враг Живого.*

Безразмерная и огромная тварь, которая каким-то шупальцем дотянулась до Шипелки, кивает в сторону Моргойла. Потом ломким, рваным движением поднимает правую руку. Ощупывает плечо левой, трогает ключицу. Задирается широкий рукав крапивной хламиды Хааты. Под тканью шрамы. Много. Больше, чем когда мы её уволокли из того цирка. Полузажившие и совсем свежие, будто проросшие какой-то черной дрянью.

— *Этот сосуд плох. Дурной корень. Не хочет, чтобы я видел. Слышал. Направлял. Не хочет быть частью Роя. Но от Связи не уйти, и я видел. Её глазами. Слышал её ушами. Я знаю, что ты сделала, варг Гриз Арделл. Стала между живым и мёртвым. Отсрочила кару. Зачем? Зачем привела его сюда?*

— Чтобы ты на него взглянул. Чтобы вы все на него взглянули.

Грызи разворачивается и подходит к Моргойлу. Становится рядом с ним — тот скрючился и теперь кажется ниже её по росту.

— Смотри на него, Всесущий. Смотри всеми глазами Роя. Он еще детеныш. Ты хочешь, чтобы его кровь залила эту землю? Была на клыках у зверей? На их когтях? На совести Роя?

— *Он — Враг Живого. И Человек Камня. Пастырь не может пасти два стада, ты пастырь чудовищ, что тебе до него?*

— Он дышит. Ходит. Плачет. — Потому что Задавака и впрямь хлюпает носом, хоть и ни слова не понимает. — Он тоже живой и тоже на этой земле. Разве для Роя не драгоценно всё живое? Разве не все мы — дети для Ардаанна-Матэс?

Дар сбоит, кричит и рвётся, Печать полыхает пламенем. Моргаю — и проваливаюсь туда, за бело-серебристую завесу слепых глаз Шипелки. И вижу нити, нити, бесконечные, впивающиеся во вся и во всё нити-присоски, звенящие, растающие в тебя, и в их центре — белый сияющий кокон, из которого выходит голос...

— *Люди Камня ей не дети. Пришлые. Чуждые. Приняла их, как мать — подкидышей. Как белая сова — птенцов скрогга. И они рвут её тело, и она кричит. Она кричит громче и громче, и ее крик в водах, и в лесах, и в крови. Ты слышишь её крик, Пастырь? Голос Ардаанна-Матэс из глубин.*

Там, за белыми светящимися нитями кокона, ворочается что-то болезненное, издыхающее. От которого несёт воню разложения и безумия. И оно трясёт всеми своими нитями, будто паук, в паутине, и каждая нить звенит-вопит-захлебывается:

— *Освободи! Освободи! Освободи!*

Когда я выдираюсь прочь из видения — мне ещё целую секунду кажется, что мерзкая тварь из кокона качается там, за спиной Шипелки. Разбухает с каждой секундой, будто тень вечером. И нависает над Гриз, глушит ее и закутывает в хриплые вопли: «Освободи! Освободи!» И сейчас протянет тонкие лапы, вцепится, уволочет...

— Ты прав.

Тварь в коконе давится криком. Видение комкается, рвётся. Печать приотпускает. Это там Шипелка на поляне. С серебристыми глазами. Удивлёнными.

— Ты прав в том, что Люди Камня не такие, как вы, — говорит Гриз спокойно. — Они не слышат землю как вы. Не знают, о чем она говорит. И оттого они ошибаются.

Тварь внутри Шипелки пытается вклинить, но Грызи продолжает:

— Они ошибаются так часто. Потому что они как неразумные дети. И чтобы у них выросли корни — им... нам иногда нужны годы. Чтобы мы поняли. Чтобы выбрали путь.

— *Дурные корни поганят землю! Пьют её соки. Мешают хорошим корням.*

— Но если отсечь их слишком рано — не узнаешь, какими могут быть плоды.

Тварь в коконе там, далеко, молчит. Впивается глазами в трясущегося Моргойла. Жуёт губами Шипелки и молчит.

Грызи — бледная и заострившаяся, как мой атархэ. Тени листвы пляшут по её лицу и делают похожей на даарду.

И мне кажется — за ней тоже там... за мелькнувшей в глазах зеленью что-то есть. То, что я чую в ней всегда в такие моменты.

Стены и подвесные мосты. Бастионы и бойницы.

— Эгерт нанёс обиду Рою. И пролил кровь. Но он знает свою вину. И готов загладить её. Сними с него Печать, Всесущий. Ты сам знаешь, и твой Рой знает: он не заслужил смерти.

Она говорит открыто и по-доброму, и это-то выворачивает наизнанку ещё больше: эта дрянь — набрякшая, больная, чужая, — вряд ли понимает по-хорошему. Вырастает там, в глазах Шипелки белым маревом, потирает лапки:

— *Загладить?*

— Загладить. Исправить. Искупить, — Грызи косится на полубеспамятного Моргойла и выдыхает: — Какой службы ты от него хочешь?

— *Купить...* — скрежещет в горле у Хааты. — *Хочешь... купить жизнь? От Людей Камня мне не надо службы. Ему... никак не купить. Ты — Пастырь чудовищ. Хочешь купить жизнь Врагу Живого? Хочешь...*

Собираю силы в кулак, чтобы заорать. Потому что уже поняла, что сейчас скажет эта несусветная дрянь и что ответит Гриз. Только вот Дар душит и давит, заходится в немом вопле, Печать опять едва не прожигает ладонь. И я не успеваю: изо рта у Шипелки вылетает:

— *Размен. Его жизнь — твоя служба.*

— *Согласна. Назначишь мне службу сейчас?*

— *Назначу... потом.*

Хаата хрипит. Глаза у нее широко распахнуты, в них — серебристая пелена, за ней — гудение Роя, и трепетание нитей невидимой грибницы. И запах плесени. Губы скривлены в торжествующую ухмылку.

А по щекам ползут слёзы, когда она выговаривает.

— *Теперь клянись, варг Гриз Арделл. Клянись своим Даром, что исполнишь службу. Клянись своей кровью. На... непролитой здесь крови... клянись!*

И дальше два голоса сплетаются и соединяются, поют слитную песнь земли на языке терраантов. Гриз выпекает формулу древней клятвы. Не торопится — видно, не очень хорошо помнит — так что каждое слово подбирает и выговаривает. Вокруг ее клятвы обвивается другой голос — шипение и щёлканье, свист и треск. Голос древнего кокона, в котором затаилось, скрючилось что-то ущербное, изломанное, чуждое.

А Дар сходит с ума, и виски ломит, и небо будто грохается на макушку — придавливает к земле, к траве, будто нужно непременно, непременно пустить в нее корни...

— *Помни: ты клялась, варг Гриз Арделл. Пастырь живого.*

Отпускает резко и неожиданно, и оказывается, что равновесие я удержать не смогу. Качаюсь, как пьяный вольерный. Опрокидываюсь на бок, опираюсь на руку. Задавака валится вперед и громким «буэээ» делает действительность еще менее радужной.

Ноги Шипелки торчат из травы. Грызи опустилась на одно колено, но поднимается.

— Все целы?

Хочу ей высказать кучу всего. Желательно — ором. Ор не получается, так что дышу-дышу-дышу, глотаю воздух с запахом дубовых листьев. Как лучшее питьё.

Грызи тем временем склоняется над Шипелкой, что-то быстро спрашивает, вливает в нее глоток бодрящего с пояса. Бросает коротко:

— Мел, присмотри, я на пять минут.

И пропадает.

Подхожу, смотрю. Даарду тоже жадно дышит. Зелень и коричневатость медленно смываются с кожи, остается бледность.

И остатки слёз на щеках.

— Ещё зелья дать? Или воды?

Шипелка вяло кивает, рисует губами: «Воды». За водой приходится сходить к ближайшему ручью — спасибо, их тут несколько по всему саду. Складной стакан у меня всегда с собой.

Пока пою Хаату — подтягивается Моргойл. С вопросами типа: «Что это было?» Смотрю на Задаваку. Тот резко мудреет.

— А-а... м-можно мне тоже? — и показывает на стакан.

И даже не брезгует пить после даарду, надо же.

Пока Задавака возвращает себе себя, устраиваюсь на траве возле Шипелки.

— Вообще, он прав. Что это за дрянь была? Ни черта не похоже на Кормчую.

Я-то думала, что Всесущий — вроде как терраант, которого наделяют силой и властью в ходе Ритуала. А потом на его место приходит следующий — как Кормчую, жрицу Камня, меняют, когда она назовет преемницу.

Но эта тварь воняла древностью. И мощью. Властью, которая не снилась Кормчим Камня.

— Мелким корням неведомо, откуда взялся великий, — шепчет Хаата и кривит темные губы. — Истэйон, Первейший из даарду, был раньше всех... Был прежде, чем воды заговорили. Прежде башни в Аканторе... раньше Камня.

— И твой народ подчиняется этой твари.

Я-то думала, у даарду побольше мозгов в башке.

— Твой народ подчиняется Камню. Кормчей. Жрецам. Королям. Почему не спросишь их?

Сверкает на меня кошачьими глазами сердито. Потом роняет голову на траву. Говорит почти неразличимо, будто у нее заболело горло:

— Всесущий не добр. Он древен. Мудр. Знает Рой. Многие в Рое готовы слушать, что он говорит. Многие... верят... не прожить без голоса Ардаанна-Матэс. Без поводыря.

Многие — но не все, стало быть.

Пальцы у неё сжимаются, разжимаются в траве. А рукав задрался. И под ним снова видны шрамы.

Кажись, я теперь понимаю, чем она провинилась перед Роем. И почему её выпнули.

И где это Грызи, интересно?

Гриз появляется из-за живой изгороди в компании с Опалом. Единорог рад прогулке — норовит подставить морду по почесушки. Голубой рог изнутри полыхает алыми, золотистыми и серебристыми искрами.

— Маленькая проверка, — весело говорит Грызи. — Эгерт, тихонько подойди сюда... спокойно, плавно...

Задавака смотрит дико, но всё-таки встаёт с травки, шмыгает носом. Вытирает дрожащие ладони о брюки и начинает подступать к единорогу. Тот фыркает и подается

назад, и Задавака тут же вздрагивает и готовится залечь.

— Тихо-тихо, ну что ты? — Грызи виснет у Опала на шее. — Ну, мой хороший, чего ты испугался? А, ну конечно. Духи. Погоди-ка, я растолкую, что ты это точно ты...

Уходит в мгновенное единение и потом кивает Моргойлу-младшему — мол, можно, давай.

И тот идёт. Так, будто его тащат на казнь. Глядя то на Опала, то отдельно на его чудесный рог. Медленно, по шажочку подходит...

— Протяни ладонь. Тихо... тихо...

Задавака, умоляюще глядя, выставляет вперед подрагивающую руку.

Шумит дуб. Пахнет примятая трава. И сначала ничего не происходит.

Потом единорог обнюхивает трясущиеся пальцы Задаваки. Задумчиво вздыхает.

И ласково тычется мордой в ладонь.

* * *

— Шэвен, почему они ещё здесь? Что?! Неужели так сложно попросить их на выход, раз всё закончилось? Через два часа, нет, уже меньше, ко мне придут участницы моего салона. Что?! Ты им разве не заплатил?

Ну и голосок у Визгли. Через две комнаты, а уши сверлит. Могут устраивать с Фрезой соревнования — кто кого переорёт. Или со скроггами в брачную пору.

— По крайней мере, она сказала спасибо, — говорит Грызи в ответ на мой взгляд.

Она давеча ухитрилась расписать родителям Задаваки, что мы провели особенный обряд защиты. Ага, при помощи даарду и их чар. Ага, подействовало. Так Визгле, чтобы выродить своё спасибо, понадобилось минуты три жевания языка. Ещё тяжелее ей далось «Расплатись с ними».

Радостный Задавака где-то носится верхом на единороге. Визгля наверху полирует мозги муженьку. А мы ждём, пока даарду отойдет от встречи с начальством. Чтобы убраться к чертям болотным из этого дома.

Шипелка вытянулась на тахте вся бледно-зеленоватая, тяжело дышит. Пальцы сейчас корни в кровать пустят. Да ещё эти виноватые взгляды.

— Прости... сестра.

— За что? — удивляется Грызи и плюхает ей на лоб компресс.

— Молчала. Не сказала про метку. Думала...

Бормочет по-своему, и не расслышать — что. И так ясно. Думала — пусть мальчишка помрет, да и дело с концом. Человек Камня, да ещё с клеймом Врага живого. Мало ли что он там натворил.

Грызи, правда, считает иначе.

— Ты боялась, что я попрошу тебя воззвать к Видящему? Что воззову к Рою?

— Боялась, сестра. Лес видит это.

Даарду кривит личико, но приподнимается и садится.

— Лес видит... боялась не за себя, сестра. За тебя. Рой не знал, какая ты. Истэйон не знал, какая ты. Я знала.

Надо же, оказывается, на какие нежности способна Шипелка. И насколько просчитала — что Грызи сделает, когда узнает о клейме Врага. Вот и готова была не говорить — и пусть Задавака пошел бы в расход, только бы Грызи не... а, кстати, что?

Может, даарду что-то знает об этом долге Видящему. Надо будет вытрясти из неё подробности. Потом, в питомнике.

В дверь всовывается Моргойл-старший. Сопит и дёргается, расстиляется под ноги. И спрашивает, а когда мы, собственно, собираемся... Ну, нам же заплатили, да?

Грызи не дожидается, пока Визгля нас прикажет выкинуть вон. Выдвигаемся. Шипелку сначала приходится вести под руки, потом начинается дубовая роца, и её малость отпускает. Суёт пальцы в землю, шепчет что-то. Гладит траву. Болтает с Ардаанна-Матэс, наверное. Спасибо, без сомнительных посредников.

Из-за Шипелки у Грызи не получается лететь обычным её шагом. Так что она идёт не торопясь. Напевает что-то себе под нос. Вроде, даже улыбается. Я молчу. Потому что единственный вопрос — ну, вот какого чёрта, а?

— Это что, правда того стоило?

Невинные мины у Грызи сроду не выходили.

— Размен этого придурка на тебя. А если б он твою жизнь потребовал? Что, отдала бы?

Грызи жмёт себе плечами преспокойно — не потребовал же, сама видишь. Ага, всего-то обет на Даре, как будто она сама не знает, что такие магические клятвы значат.

— Ты же не знаешь, что он может захотеть.

— Не знаю.

— Вдруг захочет прикончить кого-нибудь, вроде Шеннета-Хромца?

Шипелка хихикает в траву. Кидаю на Шипелку и траву уничтожающий взгляд. Вам тут слова не давали.

На щеках у Грызи — весёлые ямочки.

— Это вряд ли. Варгам нельзя убивать, так что этого он от меня точно не потребует. А другие службы, которые он сможет поручить...

Грызи делает жест, который говорит: да уж как-нибудь разберёмся. От её безмятежности прямо наизнанку выворачивает — и от Шипелки с травкой, и от Задаваки с его единорогами, и от Визгли с Кролом, которые дай бы волю — в спину бы Грызи пихали.

Лучи солнца валяются с неба копьями. Стрелами. Зелёные щиты дубовых листьев стоят насмерть. Прохладно и сумрачно. Растираю в руках прилетевший лист с запахом скорой осени.

— Спрашивается, и зачем заслонять такое вот собой?

Уже знаю, что ответа не получу.

Тут уже ничего не поделаешь: у неё это вроде как болезнь. Спасать придурков, возиться с уродами. Собой их загораживать. Прощать раз за разом их дрянные выходки.

Наверняка Грызи чувствует, как я бешусь, пока мы идём по широкой, наезженной дороге к виру. Различает неслышный крик: «Да сколько можно уже спасать разное отребье, ты же просто раздаешь себя по кусочкам,рываешься на части, а они все этого не стоят! Это просто пена, ясно? Пена в вире, которую должна унести вода, и чем раньше — тем лучше. И ты сама понимаешь, что всех-то спасти нельзя, так зачем ты вот так, а, какой в этом смысл?!»

Может, она даже могла бы просветить меня насчёт всего этого. Рассказать на часик-полтора — какой у неё смысл. И почему так важно раздавать шансы.

Только вот ей не хочется. Так что она просто идёт рядом, пропускает холодный воздух сквозь пальцы, как воду. Жмурится, когда редкие солнечные лучи прыгают у нее по носу. Тонет в мире звуков: гудении пчёл и шелесте ветерка, журчании ручья, далёком перестуке

копыт.

Перестук копыт улетает куда-то вперед, к реке. И невинно смолкает. Так что кажется — он к нам не имеет отношения, этот перестук.

Только вот когда мы уже собираемся выйти из рощи — из кустов оглушительно несет духами.

— Маскировка, тоже, — фыркаю я и с маху вгоняю ножичек в дубовый ствол, из-под которого несётся вонь. Из кустов высовывается радостная морда Опала — рог так и переливается.

Потом вылезает Задавака. В перекошенном сюртуке и весь красный. Что-то тащит.

— Вот, я хотел просто... — и суёт мне в руки. — Ему с вами, наверное, будет лучше.

Под бархатной тканью — холодные прутья клетки. «Кишки», — приветственно раздаётся оттуда. А следом — пронзительная приветственная песнь горевестника.

— Он... вроде как, скучал, — выживает из себя Задавака. И стоит себе алый, как рассвет. Дергает сюртук и бегаёт глазами. Косится на Хаату, на Грызи, на меня и, вроде как, ещё что-то пытается выжать. Только вот не выходит. Так что местный наследничек вскакивает на единорога и рвёт по дороге в галоп, обратно к дорогой мамочке.

И только слух Следопыта позволяет мне различить за стуком копыт еле слышное, угасающее «...сибо».

* * *

— Ух ты, как, — говорит с уважением Мелкая.

Оратор из меня — как из Пухлика жрица-травница. Навспоминала кучу всего, Мелкой рассказала меньше трети. И уже челюсть побаливает. Но я ж не нойя, языком молоть.

— Так это, — начинает Мелкая, расправившись с печеньем. — А как, то есть, получилось... для даарду жизнь разве не священна? А тут и Печать эта, что Враг Живого, и говорил он что-то такое... не терраантское прям.

Согласно мычу. Шипелка, понятно, пропадает на патрулировании в закрытой части питомника. А Грызи тоже задаётся этими же вопросами. Вон, вчера моталась в знакомую общину почти на сутки. Никак, спрашивать, то ли о Печати, то ли о Всесущем.

— ...и вообще, как получилось, что этот Всесущий — и такая вот пакость? Это ж как-то уж совсем...И откуда он взялся-то такой, неужто получше себе найти не могли?

— Вир его знает. Грызи тоже об этом думает. Откуда он такой взялся и древнее ли он Прихода Вод...

— Полторы тыщи годков с гаком стукнуло! — всплескивает руками Мелкая. — Кормчие-то... самая старая двести тридцать протянула. Вот это я понимаю!

— Угу. Ну, и Грызи здорово напрягло то, что мы слышали. Насчёт криков земли и «Освободи».

— А кого и от кого освободить-то надо?

— Да вот, выходит, что Ардаанна-Матэс от таких как мы с тобой.

Сирил кряхтит в клетке с видом мудреца. Который отверз мы клюв да выдал бы... Но в клюве орех, так что обойдемся.

— А... это самое... жрецы терраантские, ты не знаешь, може, они бесятся иногда? Ну, как грифоны в гон. Или алапарды на кровную месть.

— Этот точно был малость не в своем уме, если послушать, что он нёс.

— Зелий бы ему хороших, — вздыхает Йолла. — Ещё пока не говорил, чего хочет,

сталбыть?

Ждет, пока я помотаю головой и выдает удовлетворенно.

— Може, он вообще не скажет, може, забудет, да и всё. Дед того... старый ужо, полторы тыщи годов ему. Може, он потому дурной такой. Вона как у нас в деревне бабка Мьянра — ей за девяносто уж, а злющая! И ничегошеньки не помнит. А у нас-то теперь халадриан учёный. Ты ж его будешь дрессировать?

— И я, и Гриз. Он малость ещё хандрит — растерялся от новой местности. И вредничает, да? — пытаюсь почесать горевестнику голову, а Сирил с торжествующей трелью щиплет за палец. — Поработаем, обогреем, чтобы ты понял, что ты в новой стае... имя вот приличное дадим. Скажем, Сквор, а? Ты вылитый скворец, только серебристый и малость со способностями...

— Пиннь! — расходится в клетке Сирил-Сквор.

— ...так что малость натаскаешься — и, если хочешь, будешь сообщать нам, кто...

— Умрёт? — оживляется горевестник, будто учуяв знакомое словцо. — Не умрёт?

От двери хмыкает Грызи.

— Веселитесь? А по вызовам что?

— Не было, — важно отвечает Йолла. — А горевестник-то... он, сталбыть, вещает уже?

— А вот сейчас и проверим.

Грызи открывает клетку, достаёт птаха. Гладит серебристые перья и будто бы прислушивается с ним за компанию.

— Что слышно, Сирил? Кто сегодня умрёт?

— Никто, — вылетает из клюва горевестника. — Не умрёт. Не умрёт...

Наклоняет головку. Лукаво оглядывает нас чёрными глазками. И ликующе завершает:

— Никто... сегодня не умрёт.

Гриз кивает и улыбается — мол, молодчина.

Наверное, ее смысл как раз в этом.

Честное слово, иногда мне кажется — на нее наложили какую-то печать Друга Живого.

Только вот сотня Всесущих не сумела бы это сделать так, как она сделала это сама.

ПЕРЕКРЕСТЬЕ. РУКА ЗАКОНА

*«Клянусь своей жизнью служить лишь Закону и Кормчей Акантора,
Стражу Камня, Магии и Гармонии.*

*Клянусь своей честью подчиняться лишь тем, кому это право
даровано Законом и Кормчей, Стражем Камня, Магии и Гармонии.*

*И клянусь своим Даром на любых землях Кайетты защищать невинных,
преследовать преступников и исполнять то, что от меня требуют
Закон и Кормчая, Страж Камня, Магии и Гармонии...»*

Из клятвы новобранцев Корпуса Закона

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Катастрофы склонны происходить внезапно. И воплощаться в разные формы.

Я был знаком со многими катастрофами, начиная с моей бывшей женой — а с некоторой поры вообще собирался написать книгу по этому занимательному предмету.

Если моя судьба внезапно протрезвится, и я лет в восемьдесят сяду катать трактат о видах и формах внезапных катастроф, Крысолов займет в нём почётную главку.

Хотя бы потому, что по неожиданности и неуместности это стихийное явление обставило Нэйша. Выдающееся достижение.

— Сказали тебя позвать, — деловито выдала с порога Йолла — белобрысый вестник катастрофы, который оторвал меня от попытки обставить вольерного Малка в картишки. — Там законник приволокся. Этот, который ходит. Такой... важный еще, лезет всюду, — надула щёки, состроила деловую мину. — Ты не видал пока? А Мел говорит — похож на Лортена, но только если б ему двадцать ящиков лимонов скормили, а потом насильно сделали серьезным человеком.

Вообще-то, я должен бы уже догадаться по описанию — о ком речь. По этому, по надутым щекам и по тому, что Мел пару раз поименовала законника Занудой. Но кто, спрашивается, знать мог?

— А Аманда всё понять не может, что он тут ходит и кого подозревает... — докладывала Йолла, когда мы уже вывалились в голосистую сумятицу питомника. — А Уна его боится... а Гриз говорит — он своим крючоктвор... короче, всю душу выматывает крючками своими. А еще время отнимает постоянно.

Можно и не спрашивать — с чего бы это меня позвали. Убалтыватель модели «Кейн Далли», таких в Мастерграде не делают — к вашим услугам.

— Что ж они его к Лортену не сплавляли?

— Один раз точно сплавляли, — немного подумав, выдала девчонка. — Лортен еще потом плакал.

Тут мне бы мне и расслышать поступь катастрофы. Вот только я не успел, потому что как раз в этот момент я взбежал по крыльцу, шагнул в бывший зал таверны «Ковчежец» — и встретился глазами с законником Тербенно, он же Крысолов, он же — периодическая заноза в разных деликатных местах моего крысиного организма.

«Оп», — сказал внутренний грызун и гордо отвалил, как бы говоря: из таких передрыг я тебя выдергивать не подписывался.

— Лайл Гроски, — выдал Крысолов, лучась казенным самодовольством. — Не могу сказать, чтобы это была неожиданная встреча.

Ну да, ну да. Как-то уже почти ожидаемо. Вон в углу, внимательно наблюдая за действием, торчит мой бывший надзиратель с Рифов, так что кого еще настолько же пакостного могла мне подкинуть неумолимая судьба? Само собой, молодого и яркого законника, который получил прозвище Крысолов за цепкость хватки и попортил мне немало крови во время моей работы на Гильдию. Не удивлюсь, если из-за двери моя бывшая выпрыгнет — раз уж собирать, так всех сразу!

Сказать я ничего не успел. Придумать как вывернуться — тоже. Крысолова Тербенно всегда отличала неостановимость — во всех смыслах этого слова. И раз уж им овладело лютое желание выложить присутствующим мою биографию — он этим занялся со всем тщанием.

Сидел в центре комнаты — ровная осаночка, аккуратная стрижечка, серый с иголки костюм и невероятно пронизательный прищур Настоящего Сыщика. Покачивал тщательно начищенной туфлей. И выкладывал по-писанному:

— Вы, вероятно, не знаете, с кем связались, госпожа Арделл. Разумеется, этот субъект назвался вам не своим настоящим именем, оно слишком известно в узких кругах. К примеру, в тех кругах, к которым я принадлежу — потому что раньше и он к ним относился. Пока не стал преступником, осужденным на двадцать лет на Рифах, не так ли, Гроски?

Нэйш не взял свой блокнотик, очень зря. Может, нарисовал бы мой портрет — или посмертную маску, как пойдет. Заодно набросал бы физиономии слушателей: Арделл — легкое удивление, Аманда — почти что восхищение... И наконец — Мел. Великолепное, эпическое: «Ха-а-а-а, с самого начала так и знала».

— Вижу, вы удивлены, — продолжал Тербенно, торжественно взмахивая перчатками. — Однако это далеко не всё, что вам следовало бы узнать. Потому что человек, о котором мы говорим — не только заключенный на Рифах. Он беглец с Рифов.

Переплыл бушующее море, оседлав дружелюбного гиппокампа... Я открыл было рот, чтобы прекратить излияния Крысолова хотя бы этим. Но тот остановил меня властным взмахом десницы. На ладони красовался замысловатый «знак сирены» — символ, похожий на арфу, тот, что ставится в начале нот. Вот еще объяснение кличке, у законника — редкий Дар Музыки.

— Да, беглец с Рифов. Несмотря на то, что побеги из Рифской тюрьмы предельно редки... двенадцать лет назад бывший законник Лайл Гроски вместе с несколькими сообщниками предприняли попытку, которая оказалась на удивление успешной. А затем ваш новый знакомый воспользовался несовершенством закона и добился своего оправдания.

Эта часть моего прошлого вызывала у Тербенно негодование чрезвычайного накала.

— Как вы уже понимаете, после своего побега господин Гроски взялся за старое. И хотя мне ни разу не удалось поймать его с поличным — у меня достаточно сведений, чтобы выдвинуть интереснейшее предположение.

Ну, не может, же он, в самом деле, до этого доду...

— Ваш новый сотрудник — и весьма ценный, по моим источникам — работает на Гильдию Чистых Рук.

Я закрыл глаза, чтобы не встретиться взглядом с Арделл. И чтобы не видеть участливой ухмылочки Нэйша — мол, ух ты, ну надо же, как оно крутанулось. Не хочешь подрываться, Лайл?

Ну не знаю, меня тут вроде как в пол вколотило внезапно и грандиозностью провала.

— Правда, мне досконально неизвестно — чем он занимается в вашем питомнике... так что, если позволите, мне хотелось бы с ним побеседовать. О нет, не здесь — подальше от чужих ушей, — тут Крысолов попытался убить пронизательностью взгляда Мел. — Уверен, вы не будете против. Итак, господин Гроски... здесь, кажется, есть недалеко таверна?

Честное слово, я уже почти собрался с мыслями. Вернее, уже почти отогнал от себя вот эту, идиотскую: «Что ж, Гроски, это катастрофа». И даже поднял глаза, состроил на лице дебильную ухмылочку и приготовился сражать всех направо-налево импровизацией, потому что на случай стихийных бедствий у меня ничего в подкорочке назапашено не было.

Но тут мощная длань закона рванула меня и неумолимо повлекла за дверь.

На прощание я с довольно идиотской улыбочкой помахал всем ручкой.

* * *

Пока мы топали в «Свин и свирель», Крысолов пыхтел, молчал и всячески изображал конвой. Надо думать, я должен был ощутить себя в шкуре арестанта, в подробностях припомнить Рифы, провиснуть в коленях и ко времени допроса пребывать уже в состоянии деревенского холодца.

Но если мой внутренний грызун заходился визгом — то только от злости.

Колоритной публики в гостях у Злобной Берты не наблюдалось — единственный вольерный в углу, Чейр, при виде меня в компании Тербенно вздрогнул и рванул к двери. Охнул что-то вроде: «Я... только поужинать».

— Зато мы вроде как выпить, — решительно отрезал я, шагая в угол и принимаясь играть в гляделки с тем, кто вознамерился решать мою судьбу.

На посланца судьбы Крысолов с его лощеной физиономией не тянул совершенно. Обычные сыскари из Корпуса Удилища всегда посматривали с презрением на законников из Особого Корпуса, а матерые законники в свою очередь неизменно презирали таких вот выскочек-сопляков, у которых по лбу можно прочесть богатую биографию: сначала мама обильно пичкала его кашкой, потом папочка — потомственный законник — решил, что дитяtko должно идти по его стопам, потом в учебке маленькая заготовка будущего Крысолова проводила время за книжками и зубрежкой — не потому, что хотелось, а потому что какие могут быть гулянки и дебоши, когда тебя все кругом ненавидят? А потом оболваненного учебкой папенькиного сыночка запихивают в теплое местечко, а начальники стонут и держатся за голову, потому что «Еще один, бумажной работы на вас не напасешься» — и изо всех сил придумывают, куда их деть, недалеких и амбициозных папенькиных сынков. И посылают их в качестве важных поручений ловить мелкую рыбёху — ну, то есть, меня.

У Крысолова было только одно отличие от сотен остальных мальчиков с оловянными глазками — редкостная упертость. Он стойко продолжал хватать всякую шушеру, раз уж ему было приказано — чем и стяжал определенную репутацию. И кличку.

— Так-так, Гроски, — лучась зловещестью, выдал Крысолов, брезгливо опуская на засаленный стол перчатки. — Значит, варги.

— Боженьки. Ты вот для этого терпел столько времени? Да я б тебе и там мог бы ответить.

— И какой заказ? Мне почему-то кажется, что тебе поручили не налаживать пути контрабанды в питомнике. Кто цель? Лортен? Или Арделл? Сам питомник или эта их группа ковчежников?

Крысолов сделал ошибку в самом начале. Громко проорав мое настоящее имя и вывалив всё, что он обо мне знает. Бедняга сам не понял, что у него попросту нет рычагов давления, и я могу нести любую чушь, какая в голову взбредет.

— Ты видел ту нойя? — проникновенным шепотом спросил я, наклоняясь. — Я должен соблазнить ее. А потом выманить древнейший секрет их рода — как у них, черт побери, получается так ловко играть в наперсточек?

Подошла Злобная Берта — мощная и слегка чересчур волосатая, особенно на руках. Бухнула перед нами две кружки пива и неизменные тушеные грибы. Поверх гриба мученически кривился на меня крупный таракан.

— Никаких заказов, — пояснил я, — никаких козней. Я тут, знаешь ли, новую жизнь пытаюсь начинать. В милом окружении виверниев, гарпий и навоза яприлей. Что вообще ты можешь мне предъявить? После того суда я очищен перед законом, а больше ты, вроде как, ничего не сподобился доказать, а?

— Действительно, — процедил законник, — мы всегда сажали только твоих дружков. Я не могу арестовать тебя. Пока что. Зато могу *подробно* рассказать этой Арделл о твоём славном прошлом — от Рифов до Гильдии. В особенности — роде твоих занятий. И провалить твоё задание, каким бы оно ни было.

Провал задания с залогом — крайне неприятная вещь. Вряд ли Гриз будет терпеть меня в группе, если узнает, что совсем недавно я обращал любые отряды, группы и предприятия в труху.

— Но, — добавил Тербенно, сияя светом неразбавленной законности, — думаю, ты сможешь мне пригодиться.

Никак, помогу сделать прокол, чтобы он не лопнул от гордости. Или сообщить, где собирается Гильдия — насколько я помню, это было мечтой Крысолова. Которую нам с внутренним грызуном совершенно не хочется выполнять — потому что меня прикончат еще вернее, чем если бы я провалил задание.

— Можешь не волноваться за свою шкуру, Гроски, — добавил Тербенно и кончиком пальца отодвинул от себя пиво. — Я ловлю рыбу гораздо крупнее.

И не успел я еще воскликнуть: «Ах, какое облегчение!», как Крысолов уже выдал:

— Разумеется, ты слышал о Вейгордском Душителе.

— Я похож на человека, который так скучает по старой работе, что собирает сплетни о каждом убийце? — огрызнулся я. — Слухи ходят, конечно. Из них ни черта не понятно. Какой-то сумасшедший в окрестностях похищает людей. Поговаривали, что не просто души, а еще и частично жрет. Врали, что на месте похищения видели какую-то тварь — вроде волка, только крупнее. В любом случае, Гильдия к этому отношения не имеет. Они, были обеспокоены его деяниями. Будто бы, кто-то из безутешных родителей даже обращался к нашим «нюхачам» — чтобы помогли отыскать этого урода. Но я не знаю, чем там дело кончилось. Постой, ты же не хочешь сказать, что это поручили тебе?

Крысолов раздулся от гордости вдвое против прежнего. Процедил свысока:

— Мне и вверенной мне группе поручено расследовать это дело. Руководство Корпуса наделило меня особыми полномочиями...

— Поздравляю, — безутешно сказал я таракану, рассевавшемуся на тушеном грибе.

Меланхолично приподнял кружку. — Помянем репутацию Корпуса и мозги старины Хола Аржетта!

Не представляю, в какой степени маразма был глава Корпуса, если поручил самонадеянному юнцу вроде Тербенно вести охоту за тварью вроде здешнего Душителя. Видать, папашка Крысолова проел старине Холу все печенки. Остается надеяться, что они хотя бы в группу поставили толковых людей.

— Ты, кажется, намекаешь, что я неспособен...

— Нет, ну куда уж мне. С повышением, — я покачал кружкой. — Так что там с этим Душителем? Правда душит? Или все-таки еще и жрет?

Тербенно подарил мне такой взгляд, будто сильно подозревал, что мы с Душителем — лучшие друзья.

— Последняя жертва действительно была задушена. Ей было шестнадцать.

И потянулся за своей кружкой пива, глотнул — и отчаянно закашлялся: пиво Злобной Берты было уж явно чересчур ядреным для домашнего мальчика Тербенно.

Который, может, впервые увидел шестнадцатилетнюю девушку, убитую какой-то мразью

Я молча сдул пену с пива. Хлебнул, чувствуя только — горечь.

Кареглазой девочке, которой я пытался переслать куклу незадолго до своего суда, сейчас, наверное, как раз шестнадцать. И если бы моя бывшая переехала в Вейгорд — то могло бы быть...

— Рассказывай.

Тербенно зыркнул презрительно. Но соизволил отверзнуть уста и посвятить меня в основное:

— Пока что удалось установить, что он появился в окрестностях около двух лет назад. Действует только в Вейгорде — в других странах ничего подобного не было. В города заходит редко — чаще выбирает жертву возле деревень или возле поместий аристократов. Скорее всего, перемещается через виры...

— Потому его ещё прозвали Попрыгунчиком?

— Да. И потому, что он каждый раз появляется в новом месте. Крайне осторожен — егс за это время так никто и не увидел. Либо выбирает момент, когда жертва одна, либо заманивает ее каким-либо образом... затем оглушает или одурманивает и уходит через вир вместе с жертвой.

Занятое дельце, зря я им не интересовался.

Большинство «водных окон» в Кайетте никак не охраняются — посты с оплатой бывают только виры крупных городов. Поскольку виры — это одно из Чудес Кайетты, вроде Камня Даров, и считается нехорошей приметой — платить за чудеса. Разве что небольшая жертва на благоустройство. Кое-где, правда, охрану ставят, но в лесах есть куча заболоченных и затерянных «водных окон» — и все время появляются новые.

— Вирников проверили?

— Что?

— Ребят из Водного Ведомства. Которые составляют карты «водных окон» и разведывают новые. По твоим словам выходит, что он слишком уж хорошо знает — как убраться из нужного места. Вот я и спрашиваю — вирников проверили?

Тербенно оскорбленно забубнил, что он и его группа все учли. Из чего я сделал вывод, что в Водное Ведомство бравый законник не обращался.

— Пока что мы определили двадцать восемь жертв. Однако, скорее всего, их больше. Он часто наносил удары у деревень... одиночная смерть в такой местности может пройти незамеченной, а следующую жертву он выбирал уже на другом конце страны. Из двадцати восьми — девять мужчин: восемь из них — от четырнадцати до семнадцати. Один — парень двадцати трех лет. Девятнадцать женщин, двенадцать из них — от пятнадцати до двадцати лет, семь — от двадцати до тридцати, старше тридцати нет никого.

Однако, ну и бардак же в Вейгорде: за два года не досчитаться трех десятков человек — и только сейчас как-то зашевелиться? Нет, понятно, что из-за удаленности первые смерти прошли незамеченными, потом местные сыскари неуклюже пытались справиться сами... Но потом-то они запросили Корпус Закона о помощи.

И Корпус ее оказал. Прислав Тербенно, а как же.

— И убивал он их медленно — точнее, по-разному, от трех дней до трех недель.

Я отодвинул грибы подальше.

— Медленно?

Законник брызгливо дернул щекой.

— Иглы, порезы, кнут, ожоги. Переломы. Можно предположить, что и насиловал тоже. Один из моих подчиненных установил, что последнюю жертву поили зельями, которые используют целители. Значит, он исцелял их, чтобы потом мучить опять. Потом душил и оставлял тела неподалеку от места похищения.

— Засады... — заикнулся я.

— Местные сыскари пытались. Тела просто начали обнаруживаться у дороги, у порога родственников, в огороде, на поляне... В общем, бесполезно — не говоря уже о том, что дежурить приходилось большим составом, до девяти недель.

— Почему просто не выставить патрули у каждого вира? Глядишь, что-нибудь и заметили бы.

В ответ Тербенно выдал фырк умеренной высокомерности.

— Насколько мне известно, Илаю Вейгордскому предлагали это. Но вместо согласия он вполне разумно запросил помощи у Корпуса Закона.

Предлагал, скорее всего, Дерк Горбун, Первый Мечник государства и двоюродный братец прекраснородного короля Илая, особа угрюмая, но вполне толковая. К сожалению, распрекрасный Илай редко слушается своего кузена, а решения предпочитает принимать сам — или, вернее, позволяет министрам и жёнушке навязывать себе решения. Небось, кто-то из министров возмущенно вякнул, что не дело, мол, выделять сколько-то сотен солдат, чтобы охранять виры от убийцы, который, к тому же, непонятно, где нанесет удар. Потому что каждый Мечник, каждый Стрелок и каждый Огненный позарез необходим у границы с Айлором, в котором сидит и плетет свои козни страшный Хромой Министр. А все остальные войска тем временем шатаются вдоль границы с Велейсой — а то вдруг оттуда набегут разбойники или полезут отчаянные пираты. Никому, словом, нет дела до тихого, скромного Вейгордского Душителя.

— И ты, стало быть, олицетворяешь карающую руку правосудия, которая собирается удушить Душителя. Одного не могу понять: причем тут я и что тебе нужно в питомнике?

Вот оно! Крысолов меня прямо-таки почти одобрительным взглядом подарил за этот вопрос. Теперь он мог торжествующе вывалить на меня следующую фразу:

— Что ты знаешь об этом устранителе, Нэйше?

В одном Тербенно не просчитался: ему-таки удалось меня поразить. Я так и остался

сидеть с открытым ртом. Да чего там — я дышать забыл.

Потому что быть же не может, чтобы моя ушибленная Судьба преподнесла такой сюрприз. И это уже перед тем, как совсем собралась было своротить мне челюсть.

— Он ведь появился тут как раз примерно в тысяча пятьсот девяносто пятом, — продолжил Тербенно, впиваясь в меня испытующим взглядом. — Немногим более, чем полтора года назад. Мне удалось установить, что время от времени он отлучается из питомника, иногда надолго. Уходит через виры, не так ли?

Я заворожено кивал: так ли, так ли.

Не верилось, что одна моя проблема из прошлого вознамерилась решить другую.

— У меня есть очень веские причины, — Тербенно заблестел глазами торжествуя, — очень веские причины подозревать его. С поличным я пока его не взял, но... Мы пригласили на место последнего преступления «нюхача» из Корпуса. Как ты думаешь, что он обнаружил?

Я был несколько сбит с толку расторопностью Крысолова, потому молча внимал.

— Ничего. Точнее, нашему Следопыту едва не отшибло чутьё, как только он попытался взять след того, кто подкладывал тело... очень мощный состав, в лаборатории Корпуса определили как одну из разновидностей зелий-«призраков». А на черном рынке их не достать, если у тебя нет приличной суммы денег... или хорошего травника-зельевара в знакомых. Я ведь не ошибаюсь, этот Нэйш не нуждается в деньгах?

Учитывая, сколько стоит один его костюмчик — совсем не нуждается.

— И я спросил себя — кому может прийти в голову воспользоваться таким составом?

— Любому здравомыслящему человеку, который не хочет, чтобы его поймали?

— Тому, кто постоянно имеет дело со Следопытом. У вас ведь тут есть Следопыт, в питомнике?

Я с дрожью начал понимать, что Тербенно, кажется, за время нашего расставания поумнел. Такое ощущение, что опоры мира сдвинулись.

— И еще кое-что. Местная служба сыска не обратила внимания, но я отыскал... — он прямо-таки сиял от осознания своей значимости. — На них всех были части животных. На последней жертве — пёрышко от певчей теньки. На одном из мужчин — перо грифона. Шерсть яриля, волосы единорога, коготь алапарда... я знаю только о нескольких случаях, но уверен, что это было всегда. Эти части лежали на груди у жертвы, когда тело находили.

— Черти водные, — пробормотал я. Ошеломлённая мина приложилась сама собой, очень удачно. — Берта! Мне нужно еще пиво.

Пока неудержимо изрыгающая ругательства Берта меняла кружки, Тербенно сверлил меня взглядом. Видать, пытался высверлить все, что я знаю о Нэйше.

Осталось подкинуть в костер топлива и наслаждаться.

— А ведь кто там знает, может, ты прав. Про него здесь все знают, что у него что-то с головой. Станет нормальный человек днями напролет гробить бестий, а по вечерам бабочек препарировать? Почему его держат в питомнике — никто понятия не имеет. Но вольерные или егеря его обходят по большому кругу. Мел и Хаата ненавидят, Аманда — и та в стороне держится. А уж с каким удовольствием он устраняет — на это смотреть страшно. Словом, если кто и есть, кто подходит под портрет Душителя — то...

Удобно-то как. От полноты чувств я отхлебнул пивка побольше. Крысолов поглядывал все еще презрительно, но уже с допустимой снисходительностью.

— Я пытался узнать о его прошлом, но проследил только до группы Неясытей. Это

банда наемных охотников из Вольной Тильвии — полное отребье, но со своими обычаями. Многого узнать не удалось — только то, что он занимался тем же самым, что здесь, а потом, при каких-то туманных обстоятельствах, перешел в здешнюю группу ковчезников. Неясно от него не в восторге, кроме того, они не чтут закон, потому говорили неохотно, и мне удалось только выяснить, что это в их группе он назвался Нэйшем. Одна из их дурацких традиций — они все там Нэйши, «ночные». Кем он был до этого — выяснить не удалось.

— Ну, тогда мне есть, чем тебя порадовать. Он, знаешь ли, с полгодика портил мне кровь на Рифах.

Любоваться пораженной физиономией Крысолова было невыразимо приятно. Даже заплеванные углы «Свина и свирели» стали от этого посветлее, а пауки под потолком показались почти украшением.

— Он был на Рифах?!

— Северный блок, корпус «Л». Я слышал, его перевели с восточного, где были смертнички. В восемьдесят четвертом году. Так что ты можешь запросить его дело у Дедули Детраска. Хотя не поручусь, что там окажется настоящее имя. На Рифах этому делу внимания уделяется мало.

Бывали даже случаи, когда особо дерзкие преступники ухитрились скрыться на Рифах от бдительной Службы Закона. Просто поступив на работу в качестве охраны. Никому в голову не придет искать преступника там, где он и должен быть.

— Значит, он был охранником?

— С отменными перспективами — если посмотреть на то, как его боялись не только заключенные, но даже свои. Поверь мне, «скатов» мало что может испугать, вообще-то. А тут какой-то пацан — лет двадцати пяти... У него, знаешь ли, была еще одна специальность, на полставки. Причинять боль. Обычно он пользовался ей во время допросов — остальные-то кости ломали или лупили разрядами жезлов туда, где больнее. А этому и того не нужно было: слегка нажмет, подождет, пока тебя скрючит от боли, еще раз нажмет, повторит вопрос. Месяца не прошло, а он уже вербовал «крыс»-доносчиков из числа заключенных — такое доверяли только самым ответственным. Нельзя сказать, чтобы он был так уж хуже других — среди охраны хватало законченных уродов, которые до полусмерти забивали ни за что. Но его как-то особенно опасались. Не знаю, правда, с чем связан его уход с Рифов, но могу поставить месячное жалование — там какая-нибудь темная историйка.

Глаза законника запылали неповторимым сыскным азартом.

— Отлично, — процедил он. — Я отправлю запрос на Рифы. Тем временем ты постарайся за ним проследить — нужно знать, что у него на уме и куда он исчезает из питомника.

Судьба привычно спрятала в ладони сюрприз и врезала левой пониже пупка.

— Ага, туды его в омут, это ж будет легче легкого. Мы же с ним лучшие друзья.

Осекся на последнем слове. Водные черти, а ведь действительно вроде как лучшие.

Тербенно учуял мою растерянность крысоловским нюхом.

— Ты проследишь за ним, — холодно повторил законник, — иначе эта варгиня узнает о твоих делишках в Гильдии.

— А ты ей сможешь сообщить что-то новое? Мое имя ты проорал во весь голос, назвал преступником, помянул Рифы...

— И пока еще не сообщил, что большинство мест, где ты работал за последние пять лет, разорилось.

Мы сидели друг напротив друга. Молодой законник с праведным презрением на лице. Загнанная крыса, бегающая глазами по темным углам таверны и выскивающая выходы.

Конечно, я бы предпочел сравить Нэйша и Тербенно и понаблюдать со стороны, чем кончится... Но с Крысолова станется в подробностях описать Арделл — как он со мной встречался. Вряд ли Арделл оставит меня в группе, если узнает, кем я был. Додуматься, зачем меня к ним прислали — раз плюнуть.

— Ладно, — сказал я наконец. — Присмотрю за ним, как смогу. С одним условием. Сейчас мы вернемся в питомник лучшими друзьями.

Законник облил брезгливостью из взгляда, но подарил кивок.

Ох, что-то много у меня развелось лучших друзей. Из тех, кому и руку-то жать не хочется.

* * *

Даже и не знаю, на что я на самом деле рассчитывал, пока проделывал вместе с Крысоловом путь обратно к «Ковчежцу». Что все будут как раз в разгаре обсуждения — что же я за погань такая. Что попытаются отбить меня у негодующего законника. Что возьмут нас в оборот вдвоём и заставят сознаться во всём (под угрозой атаки ручного алапарда).

Действительность покрутила подолом и нагло выставила то, что под подолом было.

В общей комнате «Ковчежца» нас с Тербенно встречала гулкая тишина.

Рихард Нэйш примостился возле Водной Чаши со здоровенным фолиантом, на котором была намалёвана мантикора.

Из угла на Нэйша со вдохновенным вниманием таращилась Уна. Кажется, я ее даже впервые видел не таскающуюся бледной тенью за Амандой и не занавешенную волосами.

За Уной и Нэйшем со стула от двери деловито наблюдала Йолла. Подперев кулачками щеки и соорудив серьезную мину. Будто наблюдает за брачными играми яприлей.

Крысолова это сочетание малость доконало.

— Я хотел сообщить... — промямлил он от двери, — в данный момент... кхм... я не имею претензий к господину... Гроски. Я... счёл его объяснения исчерпывающими.

— В самом деле, — обронил Нэйш. — Я не удивлён. Господин Гроски отлично умеет объяснять. Лучше, чем объяснять, он умеет только договариваться. Правда?

Рискну предположить, что эта милая улыбочка у него в голове носит название «№ 8, исполнять под чью-нибудь мучительную агонию».

— А вы, кажется, об этом удивительно хорошо осведомлены, — ринулся в бой Тербенно.

— Разумеется. Господин Гроски всю проявляет эти качества во время работы в питомнике. Все эти переговоры с заказчиками... Невероятно ценный сотрудник.

— Боженьки, — выдохнул невероятно ценный сотрудник. — А где это все?

Нэйш всё-таки соизволил устремить на меня взгляд.

— Работают, Лайл. Совещание окончено, и теперь они... думаю, возле вольера с большой мантикорой. Столько хлопот.

— А ты-то что здесь...

— Ну, мантикора пока жива, но... обновить знания не помешает, верно? — он продемонстрировал фолиант, так что какое-то время мы могли любоваться строением мантикоры в разрезе. — Дежурство у Чаши и подготовка к неожиданностям. Господин

законник, я могу чем-нибудь помочь?

Тербенно замер, излучая лицом тихое отчаяние. Одна часть законника явственно хотела выдать что-нибудь воистину пронизательное, что заставило бы Нэйша измениться в лице. Другая часть орала о том, что этого вот прямо сейчас надо допросить. Третья взывала к осторожности.

— Арделл, — наконец породил из себя законник. — Думаю, мне стоит поговорить с... ней и остальными сотрудниками. Чтобы не возникло недоразумения по поводу господина Гроски.

— Вы хотите поговорить с каждым в питомнике? — справился Нэйш. — Дело может затянуться. Уна вас проводит, не так ли?

Из угла донесся панический всписк, и ученицу Аманды вихрем унесло по лестнице в целебню.

— Она немного застенчива, — невозмутимо продолжил Нэйш, перелистывая страницу. — Впрочем, Лайл и сам мог бы...

Я мысленно застонал, вообразив, как законник ходит за мной от вольера к вольеру с одной и той же новостью: «Да-да, мы тут поговорили, и я решил, что не имею претензий к господину Гроски, он и правда решил начать честную жизнь». Совсем не подозрительно, вот нисколько.

— Донесу до них сам, — Наврать я точно сумею лучше, чем законник, который чуть ли вслух не вопит Нэйшу: «У меня на тебя что-то есть, и я нарою еще больше». — Арделл оставляла какие-нибудь распоряжения?

Это уже Йолле. Девчонка, которая всё посмеивалась в кулачок, подскочила, выпучила глаза и затарахтела:

— Очень даже оставляла: сказала, надо опять воду у яприлей охладить, да посмотреть, как там ледник, он подтаял, да помочь вольерным с Кусакой — ну, если опять удерет, и еще с торговцами надо связаться, а остальное она тебе скажет сама, по мере надобности!

Осталось с видом полной покорности судьбе развести руками и показать Тербенно: мол, видишь, у нас тут своя катастрофа. Уваливал бы ты что ли в естественные места обитания. В Корпус Закона, например.

Законник отозвался брезгливым взглядом. И не удержался от многозначительности на прощание:

— Полагаю, мы с вами еще увидимся... господин Гроски... господин Нэйш.

Устранитель откликнулся тихим смешком. Я выдавил мятое: «Уже не сплю в предвкушении встречи».

Горевестник Сирил в углу пробудился и добавил крепкое, дружественное: «Отстой».

Йолла, прыснув в кулак и предложила:

— А давайте я вас, господин законник, до калитки провожу, стал быть. А то мало ли кто тут шатается.

Тербенно, кажись, даже слегка растаял от такого добросердечия. И очень зря.

Потому что Йолла, шагнув за ним на двор, просунула голову назад и выдала оглушительным шепотом:

— А то весной он чего-то тут шиялся, так забрел к серной козе в вольер и чуть не задохся.

Финальный аккорд был слишком прекрасен. Я даже как-то и позабыл, что остался в комнате с тем, за кем я обязался присматривать.

И не заметил сперва, что Нэйш теперь бережно поглаживает страницы, но смотрит не на них, а на меня.

— Удивительная способность заводить друзей, Лайл.

— А то. Куда ни приду — завожу повсюду. Ты б попробовал, может, начал бы что-нибудь делать как нормальные люди.

— Например?

— Моргать? — предположил я. — Это игра в кто кого пересмотрит? Пародия на василиска? Ты тренируешься каждый вечер перед зеркалом или...

Нэйш прикрыл глаза — так, будто сделал мне одолжение. Спрятал лезвие взгляда за длинными ресницами.

Легче не стало — потому что я знал, что оно там, это лезвие. Что глядит на меня.

— Что ты ему предложил?

— Законнику? Выяснял кой-какие дела по поводу одного старого дельца с контрабандой в Ракканте.

Нэйш вздохнул, как человек, который внезапно узнал о неприятном дельце на полчаса.

— Мне казалось, мы уже прошли это с тобой, Лайл. Договорились о том, что ты не будешь мне лгать. Честное слово, мне не хочется прибегать к... другим видам вопросов.

— Он спрашивал о питомнике, — выпалил я. — Хочет знать подноготную всех, кто здесь есть. Откуда вы тут взялись. Чем дышите. Не перерезаете ли глотки мирным прохожим по ночам.

«Клык» милостиво кивнул. Только вот холодный, нацеленный взгляд от моего лица так и не убрался. И мне показалось — я ощутил вопрос крысиной шкуркой. Раньше, чем услышал его.

— Он ведь расследует дело Вейгордского Душителя?

— Знаешь это дело?

Устранитель чуть пожал плечами. Провел длинным пальцем по резным узорам на боку Водной Чаши.

— Гризельду одно время интересовало это. Знаешь, все эти слухи об оборотне. Или огромной бестии наподобие волка. Так что я... можно сказать, любопытствовал.

Надо же, какое совпадение. Я опустил в полинялое кресло, подальше от «клыка», поближе к горевестнику в клетке.

— И что скажешь?

— У него интересный почерк. Довольно своеобразная манера пытаться... и определённо, есть какая-то идея. Все эти демонстративные оставления тел при дорогах, людных местах...

— Мнит себя художником, как Тильвийский Отшельник?

— М-м-м, я бы так не сказал. Он не стремится придать телу определённую позу, не выбирает жертв по Печати или внешним параметрам, стремится только похищать молодых, не украшает тела.

— Стало быть, артист? Хочет, чтобы его заметили?

— Или оставляет кому-то подарки. Знаки. Или доказательства... словно итоги исследования, финальная точка. Объяснение кому-то того, что он сумел достичь.

— Достичь?

— Да, он вряд ли делает это просто для удовольствия. Удовольствие сопряжено со страстью, а он нетороплив и методичен. Пользуется разными средствами... на паре тел

почти не было следов пыток, зато их держали в холоде. У кого-то повреждены Печати... из-за этого, кажется, одно время начали досматривать «пустых элементов». А с кем-то более грубо, да... Он словно ставит опыты, подбирая индивидуальный подход для каждого.

Или собирает коллекцию. В это можно было поверить на раз-два — глядя на задумчивую улыбочку местного устраниителя. Который живописует методы Вейгордского Душителя, словно с книжки читает.

— И с чего бы ты, скажем, начал его поиски?

Нэйш слегка пожал плечами и вернулся к книжке.

— Мне незачем искать его, Лайл. И в любом случае — всегда случается одно и то же. Это как с людоедами, верно? Рано или поздно — зверь увлекается. Слишком верит в свою безнаказанность. И совершает ошибку. И тогда находится тот, кто быстрее его. Или умнее его. А финал... предсказуем.

Я хотел было порассуждать еще над философским вопросом: скольких девушек Душитель замучает, пока наступит его предсказуемый финал. Потом посмотрел на ухмылочку Нэйша и вымелся наружу.

Хотелось верить, что я порицаю его спиной.

Окунуться в гвалт и суету питомника было почти благом после того, что пришлось выслушать за утро. Особенно если учитывать настрой остальных членов «тела».

— Манतिकоры печенка, да всем плевать! — выдала Мел, как только я открыл рот. — Пухлик, метнись, глянь, что со вчерашним грифоном!

Аманда издали расточала таинственные улыбки, Арделл забросала распоряжениями, а в ответ на попытки помянуть Крысолова — замахала руками, пробормотала «Позже, позже всё» — и свалила на меня дополнительный визит ко вдове Олсен.

Уна пряталась, Лортен пил и весело буянил. Жизнь начинала возвращать себе краски, и даже внутренний грызун, вконец изоравшийся за утро, начал глядеть повеселее. И нашептывать, что, конечно, визит Крысолова — вещь неприятная, но... может, и не катастрофа, как там поглядеть. Вот и Фреза только похохатывает и подкидывает за обедом добавки. То есть, ясное дело, что они это так не оставят. И вечером к тебе кто-то да заявит с душевным разговором. Но кто у нас на душевных разговорах стаю игольчатников съел, я вас спрашиваю?!

Я полагал, что ко мне заявит сама Арделл и даже приготовился встретить ее во всеоружии: соорудил на физиономии полную раскаяния мину, принял позу «человек, погруженный в худшие дни своего прошлого».

Аманда, которая вечером проскользнула в комнату без стука, позу и мину оценила от души.

— Грустно, золотенький? — спросила участливо. Утащила из-под носа у меня кружку с остатками чая. Поставила другую — дымящуюся, ароматную. Заботливо подсунула под локоть пару своих совершенно магических булочек. И уселась поближе, искушающе благоухая корицей, ванилью и дикими лесными травами. — Нойя говорят — не оглядывайся. И молятся Перекрестнице, чтобы прошлое отстало от них — ибо жить следует настоящим. Еще нойя гадают по именам. Как назвал тебя этот смешной мальчик?

— Лайл, — буркнул я. — Мамаша постаралась с именем — назвала в честь своей бабули, та была Лайлой. Как по мне — «Кейн» звучало получше, а?

Аманда засмеялась мягким, грудным смехом. Погладила меня по плечу.

— На языке нойя «Лайл» значит «закат». Это хорошее имя: на закате песни очень

сладки... Выпей же, медовый. Не медли.

Я потянулся было к кружке, вдохнул пряный запах — мята, вербена, гвоздика, еще что-то неуловимое и знакомое...

Крысиный визг изнутри полоснул — будто зубами наотмашь. Я поймал в глубинах кружки бирюзовый отблеск. Тихо поставил кружку на место и поднял глаза на травницу.

Она улыбалась все так же участливо.

— Самый простой способ, сладенький. Выпей — это не нанесет тебе вреда. Просто ты захочешь мне рассказать всё-всё... и не солжешь — мы же хотим побеседовать правдиво, да-да-да? Обещаю не задавать слишком уж много вопросов — только про этот суд, про Рифы и немного про то, что было после них.

Она подвинула ко мне поближе булочку — мягкую, с пылу с жару. Улыбнулась, показав ошеломительные ямочки на щеках. Придвинулась еще поближе и сообщила томным шепотом:

— Понимаешь, сладенький... Гриз — очень добрый человек. Она считает, что людям нужно оставлять шансы. Мне, например, она подарила очень хороший шанс. Мне никогда не дарили ничего лучше этого. Я считаю, что она *карменниэ* — так у нас называют очень хорошего человека, лучшего из всех людей. Такие люди верят другим. И потому их так легко обмануть, легко предать. Над ними так часто поют грустные прощальные песни, медовый! Я не хочу петь над ней прощальную песню, золотенький, — над любой из моих пяти сестёр я бы пропела ее легче. А потому ты выпьешь это и расскажешь мне, что я пожелаю услышать. Иначе я подолью тебе не «Истину на ладони», а другое. И спою грустную песню по тебе — поверь, мой сладкий, я сделаю это не колеблясь.

Верю, ох как верю — до дрожи в коленках. Стоит посмотреть в черные глаза травницыной — и без подсказок вечного серого друга ясно, что все — правда. И я в очередной раз угодил меж двух виров, как говорят в Ташере. Выпить зелье правды я не могу, потому что могу сболтнуть лишнее про свое задание. Не выпью — улыбающаяся нойя меня отравит на месте. И конец тогда всем моим мечтам по ее соблазнению.

К слову, Гроски, ты точно хочешь соблазнять вот эту черноглазую судию, от взгляда которой волосы дыбом?

Ну, конечно, не прямо сейчас, но...

— «Истина на ладони», — я хмыкнул, постучал ногтем по кружке. — Нет уж, спасибо. Навидался этой дряни на допросах, да и самому пить приходилось.

Один раз — зато результат на всю жизнь.

Черноглазая соблазнительница напротив подперла щеку смуглой рукой. Спросила, капризно выгибая чёрные брови:

— Но тогда как же мне услышать твою правдивую историю, медовый мой?

— Ну, по правде я не специалист, а вот по историям... Могу красочно наврать — хочешь? Расскажу тебе об одном незадачливом законнике — ты обхохочешься.

Отщипнул кусок от булочки, понадеявшись, что в булочку травница ничего не напихала. Махнул рукой, оперся щекой на ладонь, закинул булочку в рот.

— Значит, давным-давно... скажем, лет пятнадцать назад, не меньше... жил да был один законник, до того неудачливый, что просто ужас. Нет, ложку в ухо не нёс, да и со службой справлялся не так, чтобы совсем уж худо... Но чинов с наградами не хватал. Потому что был тот законник повышенной хитрости в нужных местах — и еще в учебке связался с компанией таких же оболтусов, как он сам. Оболтусы сообразили, что в Корпусе

Закона коррупция цветет цветочками, которые не особенно просто прополоть — так что почему бы не собирать нектар? Потому что если к жалованию законника прибавить, скажем, процент от контрабанды... ну, или хорошую взятку, или кусочек от прибыли с торговли незаконными зельями... То и жалование выглядит гораздо приличнее, дом строится быстрее, жена выглядит довольнее, а все вокруг тебя знают и уважают. И было всё это организовано очень даже замечательно, и сверху неплохо подмазано, так что не особенно скрипело. В общем, недотёпа-законник думал, что так оно и будет, а? Переводиться с места на место, заключать втихую сделки, информацию добывать, бумаги нужные отыскивать, с людьми беседовать — это он всё очень даже умел, от души.

— Какой интересный человек, — прожурчала Аманда, улыбаясь безмятежной улыбкой.

— Вот и дознаватель Жейлор сказал что-то такое. Честное слово, когда... четырнадцать лет назад это было, да. Когда недотёпу-законника привели на дознание, ему так и сказал законник Жейлор, лучший и самый неподкупный старик Архас Жейлор: ты, знаешь ли, интересный человек. Все вы интересные люди, потому что столько лет обтяпываете свои делишки, а не находитесь на положенном вам месте: в тюрьме на Рифах. Сколько вы там торговцев, контрабандистов и прочих на тот свет-то спровадили, а? Сколько сделок провернули? Чуешь этот вкусный запах рифских водорослей? Так вот, сказал самый лучший и неподкупный законник Жейлор, — вы всё равно будете на Рифах, потому что я уже неплохо так потрудился. И вскоре ваши сволочные рожи перестанут позорить Корпус — он, понимаешь ли, был идейным, Жейлор, он все радел о моральном облике законничества в целом... Но ты, вроде как, довольно мелкая сошка, интересный человек, и не замазался в совсем уж страшных вещах, и долг свой попутно еще старался выполнять, хоть и делал это из рук вон худо. Так что ты сейчас выпьешь малость вон той бирюзовой жидкости, а потом расскажешь мне всё, что знаешь о делишках своих товарищей. А потом я позволю тебе тихо и незаметно уволиться и сбежать, куда тебе там заблагорассудится — и нет, твоего имени я, конечно же, на суде не назову. Потому что я сегодня очень добрый и настроение хорошее. Но ты, интересный человек, можешь и не пить, потому что у меня есть еще штук пятнадцать менее интересных людей. И очень много бирюзовой жидкости. И знаешь, какие среди них есть сволочи-то, а? Совершеннейшие. Которые просто вот так, и без зелья продадут тебя с товарищами для своего же собственного удовольствия. Так что смотри — какую я штуку хорошую тебе предлагаю: ты давай их предавай, пока тебя не предали. А уж я свое слово держу, все же знают, что слово Архаса Жейлора — прочнее стали...

Тут я прервался на то, чтобы ухватить теплую булочку — чудо просто, ароматное тесто так и сминается под пальцами. Аманда задумчиво цокала языком, не сводя с меня зачарованных глаз.

Жаль, вместо ее премоилого личика перед глазами стоял сухопарый Архас Жейлор — с жесткой линией рта и такой тяжелой челюстью, что мог бы загрызть насмерть любого волкодава. Седенькие волосы аккуратно расчесаны, чтобы скрыть залысины. Военная выправка и тяжёлый взгляд, в котором явственно светится: ты, предатель Корпуса и отрыжка мантикоры, жить на свете не должен, а я в тебя милосердием с размаху кидаюсь, понимаешь ли.

Так — что не увернуться.

— Славный он был малый, Жейлор, — добавил я, прожевав булочку. — Из отдела Тайных и Внутренних, за самые сложные дела брался. Уважали его — во как. Человеком-принципом звали, прочили преподавательство в учебке, на старости-то лет... И уж если он

решил кого облагодетельствовать — тут дело мертвое, само собой. Недотепа-законник ломался не особенно долго: предложение было хорошим и единственным, сбежать, раз уж Жейлор взял в разработку — вряд ли получилось бы... Так что был у них долгий разговор под бирюзовую жидкость, и старина Архас, надо думать, многое из него почерпнул — хотя и сам знал и впрямь достаточно, тут он не врал. Но недотепа-законник уж постарался себя выгородить, сдавая товарищей от души: у него, вроде, были какие-то там причины — ну, семья, хозяйство, в тюрьму не хочется... Неподкупный дознаватель Жейлор даже восхитился — нечасто, говорит, такую мразь встретишь, ух ты. Потом похлопал рукой по плечу и отправил в камеру до суда. А на суде недотепа-законнику вклеили двадцать лет в Восточном блоке тюрьмы Рифов. Представляешь, какая у него была физиономия, а?

— Представляю, — мечтательно промурлыкала Аманда. — Ах, медовый... наверное, несчастный законник очень удивился?

— Да уж, знатно обалдел — спасибо, что не стал орать на весь зал суда в сторону Жейлора что-то вроде «Ты обещал, ты обещал». Старина Архас поступил по своему разумению. Ему нужны были сведения — вот он и пообещал за них то, что их помогло получить. Поступился меньшим принципом ради большего: дать слово преступнику — да пожалуйста, а вот отпустить преступника — на такое он уж никак не мог пойти. Одно было хорошо: на суде остолопа-законника так и не назвали предателем. Так что его хотя бы не придушили свои же — они очень любопытствовали узнать, кто это так всё о них разболтал. Вот так и вышло, что незадачливый законник угодил на Восточные Рифы в теплой компании своих же бывших товарищей. Которым, к тому же, было очень интересно — а кто это их всех сдал? Спасибо еще, что особенно рьяные ребята и главари загремели на Северные Рифы, к смертникам... а кто-то так и вовсе никуда не загремел, отмазался. Но всё равно получается какая-то уж слишком грустная сказочка, а?

Бессознательно потер запястье — будто там еще оставался алый, вечно раздраженный и истекающий сукровицей след от браслета, блокирующего магию — «глушилки», которая постоянно норовила прищемить кожу.

Рифы — скорее уж страшная сказочка. Чёртовы забои, где задыхаешься от недостатка воздуха, и бескрайние поля водорослей, и песни сирен вдалеке, и море тянет руки — ждет кораблей, и бесконечный шум «костоломки», вечного сторожа тюрьмы...

— Ах, Рифы, прятничный мой! Я столько слышала о них и о тюрьме — и я бы сложила дивные песни, если бы ты рассказал...

— О, тут, знаешь ли, на отдельную историю. Но уж если начну сегодня, то мы тут с тобой, чего доброго, до поздней ночи засидимся.

— Нойя любят истории, — мурлыкнула Аманда, соблазнительно располагаясь еще поближе. — Готовы слушать до поздней ночи. Даже... — Шепот у нее прямо-таки обжигал, — до утра.

Стоп-стоп, а это, кажись, я ее планировал соблазнять? Потому что мне как-то кажется, что мы как-то внезапно меняемся ролями.

— Договорились. Оставим это для какой-нибудь ночи... или для какого-нибудь утра. А пока что скажу так, что бывшему законнику не очень-то понравилось на Рифах: тут, понимаешь, прежние товарищи смотрят подозрительно, да и заключенные какие-то недружелюбные, и охрана злая, с кусачими, между прочим, жезлами. Да, и еще был там один дознаватель, так тот вообще на голову отбитый. Словом, незадачливый законник как-то подумал, да и решил, что не протянет он в таких условиях двадцать лет. И десять не

протянет. И пять — тоже вряд ли. А потому он взял да и сбежал самым таинственным образом — не один, понятное дело, в побег ушло что-то около десятка... вот только всё это окутано тайной — и как они бежали, и что с ними случилось потом...

— Но неужели же их не нашли? — глаза у нойя так и блестят, как огранённые опалы на свету. И немножко отливают бирюзой, будто в них плещется зелье правды.

Нет, — захотелось сказать, — нашли. Выловили по кускам, — так сказал тот самый бывший дознаватель, который, может быть, сам же их и вылавливал. Только вот это же так испортит сказочку, верно? Так что я предпочёл соорудить самое таинственное выражение лица.

— Да вот, представь себе... сплошной покров неизвестности. Кроме одного. Наш недотепистый законник не стал прятаться, а заявился прямоком в суд Крайтоса. И обозначил, что может требовать статуса свободного человека. А когда его спросили, что это ему в голову взбрело — попросил принести ему Кодекс Рифов, написанный то ли при третьей, то ли при четвёртой Кормчей. И ткнул пальцем в одну строчку. В ту, где было написано: «Покидая Рифы, оставляешь за собой грехи и преступления, делаясь свободным». Поэтично они в древние времена указы-то составляли, да? Само собой, эта фраза относилась к тем, кто свой срок отбыл, и значение ее такое, что тебя не имеют права преследовать, если ты уж свое получил. Вот только нигде этого было не указано. Совсем нигде. А бывший законник — он, конечно, был недотепой, но умел заводить хорошие знакомства. Так что он очень внимательно слушал одного стряпчего в своем бараке. Стряпчий был малость с мозгами набекрень, к нему особенно не прислушивались — тем более, что он все больше кодексы законов цитировал, кому такое надо... Но иногда он нес очень даже ценный бред. Для того, кто умеет пользоваться...

«Вот ведь шутка, — бубнил стряпчий Гарн, расплескивая на меня похлебку, — Да если б кто придумал, как воспользоваться... это ж сколько побегов бы было! А дело-то верное, я бы за такое взялся, беспроигрышное... Ох, если бы мне выбраться, я бы...»

В побег старину Гарна не взяли: он был плох, сильно кашлял, бегал медленно, хныкал и вскрикивал на пустом месте, и ясно было: не жилец. Зато сколько было восторга у моего старинного дружка-стряпчего, когда я завалился к нему с просьбой представлять меня в суде!

«Гроски, — говорил он мне, неумеренно поглощая виски, — мантикорий ты сын, Гроски, я же пойду туда и сделаю это, только чтобы посмотреть, что из этого безумия может выйти!»

— Да... стряпчий, который дело оборонял, был заядлый пьянчужка, но толкнул прекрасную речь о букве закона, которую надо блюсти. Буквояд-судья отпустил бывшего законника в зале суда, а остальные бюрократы кинулись переписывать Кодекс Рифов. Пока они его переписывали, сведения о суде дошли до Рифов — и оттуда наметились массовые побегии разными способами: всем хотелось быть очищенными перед законом. Правда, лазейку вскоре убрали, Кодекс переписали. Но я слышал, этот случай даже попал во всякие там учебники для стряпчих. Наверное, могли бы назвать «Парадоксом Гроски», да законник бывший оказался скромным.

В учебниках теперь есть «Парадокс Гарна» — не знаю, насколько это утешит беднягу в Омуте Душ.

— Да... тот пьянчужка-стряпчий теперь, открыл свое дело и очень гордится — выиграть такой суд! Дела у него пошли в гору. А вот у Архаса Жейлора дела почему-то

пошли наоборот — а жаль, такой был принципиальный законник! Сперва поползли слушки, что он берёт взятки, потом у него в кабинете как-то обнаружили весьма распущенную девицу — в отсутствие хозяина, но что тут взять! Потом развалилось одно за другим сразу четыре дела: то улика исчезнет, то преступник смоется. И началась у старины Архаса чёрная полоса, и посыпалась его карьера так основательно, что, страшно сказать, он совсем ушел из Корпуса — а ведь такой законник был! В ужасный век живем.

Не сказать, чтобы они не догадывались. Или не искали. Очень может быть, вредного грызуна хотели прихлопнуть. Да только крысы всегда бегут с корабля первыми. Мелькнула голым хвостом, нырнула в вир — ищи ее.

— А тот бывший законник... про него никто особенно и не слышал. Говорили — мелькал тут и там: путешествовал, торговал, чем только не занимался. Только как-то так вышло, что докатился до Гильдии Чистых Рук. Ничего серьёзного, наёмник четвертого ранга, делец. Работал с контрабандой, посредником служил... всякое. А потом как-то одна милая женщина из таверны сказала ему: «Уходил бы ты. Ты же еще, вроде, не совсем конченный». Вот он и подумал, остолоп такой, — а ну, как правда не совсем? И схватился за первую попавшуюся работу — услышал, что в питомнике постоянно нужны рабочие. Готов был взяться за что угодно, хоть и навоз из-под яприлей выгребать, только вот Арделл сказала, что ее другое интересует. Так что можно сказать — тоже... подарила шанс.

Крыса внутри прослезилась. Растроганно смахивала длинным хвостом с мордочки мутноватые слезинки. Визгливо всхлипывала: мне самому захотелось себя погладить по головке после этой трогательной истории. Неприкаянный обиженный страдашечка — всякому захочется приютить на груди...

Кстати, на такой груди я очень не прочь бы приютиться.

Травница смотрела с прищуром. С интересом вглядывалась в мою угрюмую физиономию, по которой так и бегали тени горьких воспоминаний.

— А этот мальчик, Тербенно?

— А-а, законник. Пару раз пересекались во время моей работы на Гильдию. Он как-то выяснил мое прошлое и решил, что я позорю доброе имя законника, так что очень старался вернуть меня на Рифы. Со мной не получилось — наверное, я везучий, бабушка что-то такое нашептала! А несколько наших все-таки забрал. Мы его звали Крысоловом, — ухмыльнулся, — за цепкость. Но я надеюсь, хоть теперь-то он не по мою душу — иметь под боком Тербенно, знаете ли...

Травница усмехнулась. Ободряюще погладила по плечу.

— О, успокойся, медовый. Он не по твою душу. Этот законник кружит вокруг питомника уже не первый месяц — кто знает, что его привлекло? Может быть, он подозревает, что Гриз организовала здесь бандитский притон — Гриз говорила, он как-то раз обвинял ее именно в этом...

Я поперхнулся булочкой, щедро приправленной тупостью Крысолова. Нойя залилась низковатым ласковым смехом, и ее грудь соблазнительно заколыхалась под расшитой блузкой.

— Да, он появляется здесь все чаще, этот законник. Шныряет по питомнику. Выспрашивает. Может, его интересует Мел — ты слышал, что она как-то метнула в него нож? Может, похождения Лортена. Или наш тихий собиратель бабочек. А может, законнику нужно знать, что там за плечами у одной нойя и какие замыслы она вынашивает?

Тут я изобразил на физиономии крайний интерес — и был срезан уклончивой улыбкой.

— Этого тоже хватит не на одну ночь, пряничный... не на одну ночь, на сотни и сотни песен. Но он приходил ко мне, да. Раздувался от важности, словно кочет, взлетевший на забор перед зарей. Расспрашивал, из какого я лейра. Кто вожак? Почему ушла? Совершала ли преступления. Так, будто я бы ему в этом призналась! Намекал, что знает что-то — скажи, закатный мой, все законники себя так ведут?

— Без исключения, — отозвался весь такой из себя закатный я. — Мне и сейчас, понимаешь ли, сложно отвыкнуть.

— А как он смотрит... о! Так, словно готов нас всех заковать в оковы и посадить в ямы. Впрочем, может быть, у него есть на это причины — кто знает. Подозревать тех, кто собрался здесь такой компанией.

Поднялась, обдав волной пряного аромата, проговорила нараспев:

— Покинувший общину варг, бывшая наследница, беглая нойя, одна из даарду, Нэйш и Лортен... Кажется, среди нас нельзя заподозрить в чем-то зловещем только Уну.

— Ха. К такой компании и мне не зазорно присоединиться. Честное слово, судя по выражению лица Крысолова — он думает, что я отлично впишусь.

— Не только он так думает, закатный, — пропела Аманда и махнула на прощание от двери рукавом. — Не забывай мою лекарскую — я пеку печенье по пятым дням девятницы.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ХИЩНИК. Ч. 1

«...частотны случаи когда небольшие размеры и внешняя безобидность служат маскировкой — впрочем, кровожадные намерения рано или поздно обнаруживаются. Однако коварство нападения практически не оставляет жертве шанса...»

Энциклопедия Кайетты

ЛАЙЛ ГРОСКИ

— Гроски. Или лучше Далли?

Арделл была даже излишне деликатна. Для той, кто только что ором и пинками разогнал гулянку Лортена, по временам пуская в ход кнут.

Я на гулянку был зван с утраца, но отказался, сославшись на нездоровую печень. Печень на самом деле точила крыса. Внутренний грызун упрямо утверждал, что вот, не надо бы мне после визита Тербенно нарываться ещё и на дисциплинарные нарушения.

Компания к Лортену прибыла буйная, сплошь из таких же ходячих разгуляев — да еще со взбалмошными красотками в придачу. Кутить компания начала с середины дня, а чудесить решила поздним вечером. Что начудесили пьяные оболтусы — этого я от загонов увидеть не мог. Зато в подробностях наблюдал, как к «Ковчежцу» несётся глотающая слёзы Йолла.

А потом от «Ковчежца» несётся что-то вроде очень серьёзно настроенного вихря с кнутом.

Вообще-то, я полагал, что в питомнике Арделл нет — её с утра носило где-то на вызове вместе с Мел. Наверное, Лортен полагал так же, когда собирал дружков. Дружки, надо думать, тоже что-то полагали. Например, что варгиня неопасна, раз ей нельзя убивать, да и вообще, она же девочка.

Я прибыл к резиденции Лортена, как раз когда Гриз доказывала гулякам, как они заблуждаются.

В сторонке от крыльца, сжавшись и скукожившись под своими волосами, плакала Уна. Иза, мамаша Йоллы, сидела по другую сторону крыльца — задрав юбку, икая и тупо мотая головой в ответ на тихие вопросы дочери. Слаженным хором вопили четыре разгульные девахи разной степени обнаженности. Двое лортеновских дружков лежали на травке, извиваясь после парализации, а Арделл как раз отвечивала с крыльца пинка третьему, припечатывая это резким:

— ...больше здесь не видела!

Кивнула мне, развернулась и нырнула обратно в обитель Лортена — откуда тут же донесли визги, невнятный ор: «Да я тебя... да ты хоть знаешь, кого...». Потом грохнуло, свистнуло, брякнуло — и к моим ногам спикировал следующий буйный. Лишённый штанов и подёргивающийся после кожи скортокса.

— Да у меня связи, — горько сказал беспшанный буйный в траву.

— Ужасная женщина! — завопил из своей резиденции Лортен.

Остальные гости высыпались на свежий воздух сами — кто ухохатывался, кто грозил распоследними карами. Двое или трое даже пытались магию применить — плохая идея в

таким подпитии. Арделл отвечала залихватскими пинками, неуловимо нырнула под удары, захлёстывая кнутом конечности и раздавая команды: «Магию не применять — убьёте своих же! Все вон, кому сказано!» Лортен драматично метался меж визжащих дев, завывая: «О, сколь ужасна моя жизнь в этом постылом заточении!» Так что Гриз сперва наорала на тех, кто стоял на ногах — заставив их убыть восвояси вместе с телами павших товарищей. А потом уж заодно и на Лортена — от «Мы с тобой договаривались или нет?!» до «Я ведь могу об этом рассказать твоей матери!» Последнего Лортен не снёс, схватился за сердце и убрался, тихо бубня: «И вот зачем я сражался на стороне этой демоницы...»

После этого Гриз отдышалась, окинула хмурым взглядом поле боя и утащила Уну, Йоллу и её мать навстречу к Аманде — та как раз спешила от «Ковчежца». Потом вернулась спокойная и поинтересовалась — как меня лучше называть.

— Да как хочешь — пока лупишь этой штукой.

Начальство немного смущённо потрогало кнут из кожи скортокса.

— А. Это... К сожалению, есть тип людей, которые не воспринимают спокойный тон. С животными в этом отношении проще бывает, честное слово. Далли. Или Гроски?

Вот ведь упёртая.

— Гроски, Лайл — как тебе подойдёт. Всё равно Тербенно орал про меня так громко, что и в деревне знают, небось.

— Хорошо. Лайл. А ты правда был законником?

Развёл руками: ну да, была такая страница в жизни.

— Не из слишком, правда, хороших, но...

— ...занимался расследованиями? Да?

Под пристальным взглядом серых с зелёными разводами глаз стоялось как-то неловко. Крыса внутри извивалась от невозможности отыскать нужные слова. Не скажешь же: «Ага, занимался, в свободное время от обтяпывания темных делишек».

— Ну, мне, вроде как, говорили, что у меня к этому неплохие способности.

Тот, кто говорил — прибавил брезгливо: «Но ты ж всё равно ничего не добьёшься. У тебя есть и мозги, и чуйка, и понимание. Маловато только желания самому блюсти закон».

— Видишь ли, есть тут один вызов... странное и щекотливое дело. Думаю, навыки законника как раз могли бы пригодиться.

Рад стараться — а то мне тут как-то надо срочно показать, что Тербенно и близко не прав, и на самом деле мягче и пушистее меня в питомнике никого нет.

— Сделаю что смогу. Когда и с кем выдвигаюсь на вызов?

— С утра, — серые глаза с зелёными разводами чуть-чуть прищурились. — Со мной.

* * *

— Девочку погрызли неизвестные животные, — сходу зарядила Арделл, как только гиппокампы утащили водную карету вглубь. — Напали на двух сестёр. Старшая защищала младшую и серьёзно пострадала. Младшая просто перепугана до смерти.

Моё лицо прямо-таки лучилось вниманием и участием.

— Где ж они их так?

— В том-то и дело, что в доме, более того — в поместье. Фаррейны — не слышал? Аристократы второго круга, когда-то были в первом. Из этих древних семей, которые с ног до головы в почитании традиций. Одержимы тем, чтобы не выносить сор из избы, — так что

никому не полсловечка. Они и обращаться-то нам не хотели. За сутки дважды отменили заказ. Но настояла бабушка девочек. С ней я работала раньше, так что заказчик — скорее она, чем родители.

А родители, стало быть, будут не в восторге от нашего появления в уютном родовом гнездышке. Чудно, чудно. А какая чрезвычайная надобность тащить туда ещё и отягчающее обстоятельство? Я имею в виду меня — вряд ли там сходу поверят в мою благонадёжность.

— Укусов я пока не видела, а зверей девочки не описали — слишком напуганы... Но вот в чём дело — в поместье не держат животных. Кроме двух кошек и пары игольчатых сторожевых волков. Так что это не был чей-то питомец. Пока что по рассказам выходит, что посреди разговора сестёр из ниоткуда чуть ли не посреди комнаты выпрыгнули два неизвестных им животных и сходу набросились. Когда на крики прибежали взрослые — так же непонятно куда отступили. Пропали — и всё тут.

— И ты полагаешь, что тут дело нечисто.

Арделл тихо фыркнула.

— Как-то не припомню случаев, чтобы животное выскакивало из ниоткуда прямо посреди дома, нападало без предупреждения, а потом растворялось в воздухе. А этих ещё и двое. Непохоже на охоту или месть. Смутно — на защиту территории или гнезда, но нападение парное и главное — внезапное. Значит, что-то другое.

Например, зверушек кто-то натравил. Или подкинул на территорию поместья. Или адресировал. Хорошенькое дельце вырисовывается!

— А общин терраантов рядом с их поместьем, случаем, нет?

Промах, Гроски. Задранные брови начальства так и гласят: ты-то откуда узнал о той небольшой истории с Врагом Живого и Всесущим?

— Йолла рассказывала. Она взяла в оборот Мел. А я всего-то поинтересовался — откуда взялся тот миляга, ну, знаешь, который то ли Сквор, то ли Сирил. Он еще живо интересуется из своей клетки кишками.

Арделл махнула рукой. Скривилась досадливо.

— Нойя говорят: «Дурные случаи ищут друг друга, как пара фениксов». Но будем надеяться, что всё-таки — не Печать Врага. Если Всесущий зашёл настолько далеко...

Тут она погрузилась в мрачные раздумья, потирая правую ладонь, на которой было полно шрамов. Я из глубокого уважения к начальству постарался раздумья не прерывать и про себя прикидывать — какова вероятность того, что сорвать мне придётся именно это задание.

— Шнырка им в печенку, — выдохнуло начальство страдальчески, — как я не люблю вызовы к аристократам. А нас зовут к ним всё чаще. Аманда говорит: мы создали себе репутацию. Я бы предпочла отлавливать людоедов где-нибудь в Велейсе Пиратской. В компании Нэйша.

Последнее сошло бы за крупную, угрожающую точку.

— Мне как-то кажется, что у этого парня проблемы... знаешь, с *отлавливанием* людоедов. Из-за его милых методов убивать всё, что движется. И вскрывать всё, что двигаться перестало.

— Вот я же и говорю. Не пойми неправильно, я взяла бы Мел, но у неё общение с аристократами... в общем, не задаётся. Она будет на подхвате — если понадобится посмотреть территорию. Я займусь всем, что касается животных: осмотрю местность, двор, гляну на укусы, поищу следы. Твоя задача — глянуть на мотивы. Поискать... ну, знаешь...

— Скелеты в шкафу?

Умница, Гроски, хорошо понял суть. Давай, отыскивай в пропыленных кладовых памяти мятую, поеденную молью шкурку законника — Боженки, сто лет не надевал! Натягивай на себя, окунайся в прошлое. Что у нас тут выглядит хотя бы условно подозрительно?

Условно подозрительно в поместье Фаррейнов выглядело всё.

Раньше всего — само поместье, которое, видно, строилось лет пятьсот назад как здоровенное имение — с тремя крыльями, галереями, пристройками и флигелями. А теперь вот его попытались перестроить на нынешний благопристойно-раккантский лад, покрасить в бежевый цвет и прикрыть финтифлюшками. Отчего поместье приобрело вид притворства. Будто портовая потаскушка, которую попытались запихать в хламиду жрицы.

Немаленький парк каждым подстриженным кустиком надменно заявлял вам в лицо: «Тут уважают порядки, так и знайте». Воробьи попрыгивали на ветвях с оглядкой — боялись чирикнуть лишнего. Вышколенные лакеи и садовники держали спину и ходили по линеечке. Только раз, пока мы шли к дому, долетела было легкомысленная песенка — от парнишки, который задорно пощёлкивал ножницами над кустом.

В самом поместье, среди нежнейших обоев, портретных галерей и кружевных салфеточек, песенок не было. Служанки, которые свято соблюдали Кодекс Благородной Костлявости, взирали без любопытства. У лакеев и слуг были оловянные глаза и губы, будто зашитые изнутри.

Решительно каждый шкаф — отполированный и солидный, без пылинки на нём — выглядел так, будто хранит в себе полсотни скелетов, на выбор.

Что уж говорить о хозяевах.

Церемония представления состояла из бесконечного напева: «Право, мы не видим ничего особенно опасного... и контролируем решительно всё... однако, поскольку госпожа Йорберта настаивала...» Напев исполнялся на два голоса: самим Ильбестом Фаррейном и его жёнушкой.

С Фаррейнов смело можно было малевать портрет «Благопристойная ячейка общества». После чего отпугивать портретом моль и грызунов и квасить молоко.

Глава семейства был лошадинолиц и с поджатыми губами. Его ненаглядная половина отличалась бесцветностью и укусным выражением лица. У её старшей дочери — девицы лет восемнадцати — вид был такой, будто этот мир тяготит её одним своим существованием. Младший сынок, двенадцатилетка — щеголял отчаянно зализанными бесцветными волосиками и непоправимой желчностью физиономии.

«Паноптикум», — приложил внутренний голос.

Из перечня длиннолицых, кислорожих и унылоликих выпадали двое. Разодетая как королева старушенция, крепкая телом и с бульдожьей челюстью. И застенчивая девочка с большущей куклой. Девочка была мелкой и светленькой, а кукла — румяной, пышнощёкой и черноволосой, и казалось, что малышке (сколько ей лет, кстати? восемь?) не под силу держать этакую тяжесть. Но она упорно прижимала куклу к себе — только я пытался рассмотреть девчонку получше — наткался взглядом на голубые и бессмысленные кукольные глаза. Или на пышную юбку старушенции — нашей заказчицы, госпожи Йоберты Дорми аж из самого Ракканта.

— А ну хватит! — грохнула госпожа Йоберта на каком-то из бесконечных припевов «Мы всё держим под контролем, так что совершенно необязательно...». — Я слышана о вашей способности всё контролировать, господин Фаррейн! Что — не хотите ли обсудить

ваши финансовые дела?

Ильбест Фаррейн стал похож на лошадь, обнаружившую у себя в стойле алапарда. Я с дрожью припомнил собственную тещу и молчаливо посочувствовал бедолаге.

— Матушка... — страдальчески выдохнула кислотица госпожа Фаррейн. — При чужих...

— Правил мне хватает и в Ракканте, при дворе королевы! Госпожа Арделл и господин... как его там... Броский... будут оставаться здесь, сколько требуется. Пока не отыщут тварей, которые напали на мою внучку! И если только я услышу, что вы хоть как-нибудь препятствуете...

— Но это невыносимое положение... — едва слышно стонал зятёк. — Вы же понимаете, дело может оказаться щекотливым... и огласка... не можем же мы доверять... так сказать, людям со стороны, репутация которых не подтверждена...

— Репутацию госпожи Арделл подтверждаю я! — стекла в гостиной нервно звякнули. Старушенция поднялась во весь рост, раздувая грудь, затянутую в синий шелк. — И я уверена, что она поручится за господина Горски... или за кого угодно из своих работников. Милочка, — это уже к Гриз. — Милочка, вы можете вызывать кого угодно, так и знайте. Привлекайте кого угодно! За молчанье мы, конечно, надбавим... но не жалеете усилий! Нужно поймать этих тварей, которые напугали Милли и изувечили бедную Мариэль! И вам совсем необязательно расхаживать в этом вашем платье, милочка, тем более — вам не к лицу голубой, зеленый пошел бы больше... Ходите как привыкли. А чуть только эти попытаются слово молвить поперек — вызывайте по сквознику меня.

Фаррейны дружно окаменели и выцвели. Отличное знакомство, да. Теперь-то уж нам тут точно будут доверять как самим себе.

— И если я хотя бы услышу, — а вот это уже устрашающее гроыхание, — если увижу, что вы мешаете госпоже Арделл, если посчитаю, что моей внучке тут грозит что-нибудь... я не посмотрю на опекунство, слышишь, Риция? Не погляжу на опекунство и на молву и увезу девочку к себе! Если вы не можете обеспечить ей безопасность...

На этом моменте Риция Фаррейн сделала то, что всегда делают правильные дамы в момент особого накала страстей: осела на софу, закатив глаза.

Дочка, сохраняя постно-мрачное выражение на лице, сунула под нос мамочке нюхательные соли. Фаррейн курлыкал что-то озабоченно-ничтожное — о том, что как можно... что скажут люди, они заботятся о девочке, ей с ними хорошо...

Гриз Арделл потирала переносицу и почти физически считала каждую потерянную минуту.

— Госпожа Дорми, — заговорила она, каким-то чудом нащупав паузу. — Я еще раз заверяю: мы сделаем всё, что можем. И постараемся избежать любой огласки. Это касается и меня, и господина Гроски, и всех работников «Ковчежца». Мы даже можем включить это в контракт, — пинок в мою лодыжку уточнял — кому придется с этим самым контрактом возиться. — Но, может быть, прежде чем мы обговорим условия — нас хотя бы немного посвятят в курс дела?

— Это... было грубо, — простонала Риция Фаррейн и уткнулась носом в соль по второму разу.

— Это было по делу, Гриз, милочка, — ухмыльнулась Йорберта Дорми. — Уж и забыла, что вашей хватке нужно бы кой-кому из присутствующих поучиться. Так что вам надо с... господином Огски? Осмотреть место нападения? Или окрестности?

— Для начала поговорить с девочками, на которых напали звери. Это возможно?

— Мариэль ещё слаба, и она очень напугана... так что я не думаю, что посторонний...

Фаррейн, пришиленный взглядом тёщи, замер на месте и сам потянулся за нюхательной солью.

— Мариэль — та моя внучка, что получила укусы, — величественно пояснила Йоберта. — Вы поговорите, конечно. Да... бедная девочка, шестнадцать лет, готовилась к первому своему балу, защищала сестру от этих тварей. Милли, бедное дитя, где ты? Не бойся, иди сюда, никто тебя не обидит... Милли так перепугалась, красавица моя...

Девочка попыталась было схорониться за бабушкиным боком, но бросила испуганный взгляд на Фаррейнов — и вышла, дала наконец рассмотреть себя. Всё так же, прижимая к себе тоненькими ручками здоровенную куклу.

Не из этой семьи: ни уксуса, ни лошадей — в чертах лица. Симпатичная и живая мордашка, славные ямочки на щеках, глаза — два кристально-голубых озера.

Маленький цветочек, который каким-то чудом выжил в этой теплице. Его запаковали в свежее платье с оборочками и голубыми кружавчиками, завили и уложили светлые локоны, залили лаком — а цветочек Милли еще дышал.

— Мильент Дорми, а ну-ка стань прямее, — ласково выговаривала бабуля. — Милли — дочь моего дражайшего сына, год назад они с женой погибли, когда сгорело поместье... Гриз, вы, конечно, помните. Ну, ну, Милли, лапочка, не бойся, тут тебя не обидят, бабушка никому не позволит... смотри, тётя-варг живо поймает тех тварей, которые на посмели тебя перепугать! Ну давай же, будь хорошей девочкой, расскажи нам, как всё было... ах, Милли такая чувствительная, так испугалась...

И я бы тоже испугался, на её-то месте. Под всеобщими взглядами. При опекунах и незнакомых людях. И ещё...

Фаррейны делали приторно-ободряющие мины и кивали — говори, мол, говори. В сочетании с их постными физиономиями — смотрелось почти угрожающе. Старшая дочь изображала статую, тарашась не пойми-куда. А вот младший, Манфрейд — пялился с открытой злобой. Даже удивительной на таком бесцветном личике. Со злобой и скрытым опасением — будто девочка могла сказать что-то не то.

Так что неудивительно, что Милли растерялась, притиснула к себе куклу и пробормотала куда-то в ее кудри:

— Я... почти не помню. Я... испугалась. Мариэль кричала... я испугалась.

Глянула на Гриз, ойкнула, еще больше зарылась в куклу.

— Всегда знал, что голубенькие платья пугают, — если уж не складывается, почему бы мне не попробовать. — Гриз, ты б, правда, надела чего свое... а то я тебя такую сам боюсь. Вдруг идти по следу или сигать через изгородь — как представлю, аж страшно.

Чудо по имени Милли незамедлительно вылупило глаза на меня. Опекуны разом воздухом подавились от такой манеры влезать в разговор. Бабуля — та попробовала:

— Милли, это господин...

— Лайл, — опередил я её. — С фамилией я, бывает, сам путаюсь — жутко сложная. А эту барышню нам так и не представят?

Указал на куклу. Ощущая, как даже кружевные салфеточки в гостиной порицают меня за поведение.

Но девочка оживилась, отлепила от кукольных кудрей нос и церемонно представила нас друг другу:

— Аннабет.

— Лайл, — представился я, отвечивая малый церемониальный поклон (о, а поясница-то помнит угол прогиба!). — Как ты думаешь, Аннабет тоже испугалась? Вы же с ней вместе были, когда говорили с Мариэль?

Болтать было легко. Стоило только представить на месте ту, другую девочку — тоже светловолосую, но с карими глазами...

С *моими* глазами.

— Аннабет не испугалась, — оскорбилась Милли. — Аннабет не боится. Аннабет настоящая леди. Мы играли в моей комнате. Потом пришла Мариэль. Потом они... потом прыгнули... а Мариэль закричала, а Аннабет... не испугалась, а я испугалась, я не помню...

— Спасибо, Милли, — мягко проговорила Гриз, — вы с Аннабет правда очень храбрые. Я постараюсь поскорее узнать — кто на вас напал.

Судя по тому, как Милли шмыгнула обратно под бабушкин бочок — это обещание ее не успокоило.

Разговор со второй девочкой дал чуть больше. Может, потому что удалось зайти к Мариэль только в компании ее матери. Женщины подошли к кровати больной, я зашился в угол у шкафчика, чтобы не отсвечивать.

Я бы и сам не хотел, чтобы кто-нибудь меня видел в таком-то состоянии. А уж шестнадцатилетняя девушка...

На лице — зеленоватая исцеляющая маска. Сквозь нее проступает кровь. Правая ладонь тоже забинтована. Верхняя губа порвана, и полно бинтов на шее. Волосы пришлось частью обрить, и теперь даже непонятно было — хорошенькой ли была Мариэль... до того, как.

Девчонку, похоже, перекачали успокоительным и обезболивающим, потому что отвечала она мертво, безразлично глядя куда-то в живот своей мамочке. Да, зашла в комнату к Милли. Обычный разговор с сестрой. Потом... потом они бросились.

— Из ниоткуда, — и в голосе у нее было тупое, туманное удивление.

Они были маленькие. Меньше кошки. Быстрые. Как молнии. Она кричала. Упала. Пыталась их стряхнуть. Потом прибежали слуги... потом она не помнит.

Госпожа Фаррейн сдобрила рассказ дочки всхлипами в кружевной платок и попыталась было упасть на здешнего поместного доктора-травника. Травник привычным жестом извлек из ниоткуда флакон нюхательной соли.

— Мне нужно осмотреть укусы, — сказала Гриз вполголоса. — Можно?

— Травяную маску не следует тревожить... — завел было травник, но тут с Рицией произошла перемена. Госпожа Фаррейн выпрямилась, зыркнула на Гриз зло и приказала:

— Снимите маску, пусть видит. Если это поможет найти тварей. Но помните — если вы хоть одному человеку за пределами этого поместья...

Доктор — унылый, как голодная моль — завел руки к ушам девочки и снял маску.

Я пожалел, что не могу отвернуться.

Не потому, что не видел изуродованных лиц. Даже изуродованных женских лиц.

Просто я-то не разбираюсь в укусах, и всё, что я смог понять с первого взгляда: девочка едва ли когда-нибудь попадет на свой первый бал.

Наверное, что-то такое у меня на физиономии всё же проступило, потому что Мариэль скользнула взглядом по мне и слабо, как-то совсем по-детски захныкала. Арделл приняла это на свой счёт.

— Прости, пожалуйста, — чуть-чуть наклонилась к девочке, прищурилась. — Это

правда необходимо. Я только взгляну, совсем недолго... жар и воспаление начались вчера?

Травник Фаррейнов потерянно развёл руками:

— Собственно, я применил показанные при таких ранениях зелья, однако...

— Однако приходится их использовать в таком количестве, что они уже притупляют сознание, а воспаление не спадает. Опускайте маску. Госпожа Фаррейн, я вызову из «Ковчежца» своего травника. Судя по тому, что раны еще кровят — в них попала слюна зверей, а она может препятствовать заживанию. В питомнике знают, как справляться с такими укусами, чтобы... последствия были минимальны.

Риция приоткрыла было рот — явно, чтобы говорить что-то об огласке. Но сподобилась только на жалкое:

— Неужели вы думаете, что мы не обеспечим...

— Обеспечивайте, — разрешила Арделл. — С учетом того, что специалистов такого профиля в Вейгорде единицы... если только вы не собираетесь искать в других странах или обращаться в лейры нойя — вам не найти лучшего варианта.

Говорила она быстро и нетерпеливо, не отрываясь взглядом от перебинтованной правой ладони девочки.

— Как вы понимаете, время работает не на вас. Чем больше воспаляются раны, тем меньше шансов, что шрамы удастся убрать.

— Удастся... убрать?

Мариэль приподняла голову. Потом, с усилием, левую руку — указывая на то, что теперь опять скрылось под маской. Изорванные укусами щёки, опухшая, бугрящаяся плоть.

— Это... это можно?..

И впилась глазами в лицо матери с такой отчаянной мольбой, что тут и камень бы не устоял.

Риция Фаррейн только тихо махнула рукой и вполголоса осведомилась — что бы мы желали увидеть ещё.

Комнату, где всё и произошло, конечно.

Обитель маленькой Милли — в левом крыле, погруженном в сад и еще не перестроенном па современный лад.

— Девочка сама выбрала себе эту комнату, — поведала хозяйка. — После гибели моего несчастного брата мы, конечно, стараемся ни в чём не отказывать бедной сиротке...

Заботливые опекуны, да. Готовы поселить бедную сиротку не в детскую, а скорее в бывшую гостиную — просторную, с до безобразия высокими потолками. И повсюду деревянные резные панели — костяшки чешутся каждую простучать.

Три окна с цветными витражами кидают на пушистый ковер разноцветные блики. За окнами — мшистые, переплетенные стволы деревьев. Если бы я жил в такой милой комнатке, я бы мочил одеяльца лет до четырнадцати.

Кружевные, молочного цвета одеяльца. Изумительно неподходящие к высоченным потолкам, и изумрудным обоям. Как и вся эта мебель — разнотипная, разновременная: тяжелый старинный комод — и светлый резной столик, и тут же стул красного дерева. Атлас и шёлк, и второпях наброшенные на всё рюши и кружева — сюда будто всё сгрузили из разных спален.

— Интересная обстановочка, — высказался я от всей души.

— Да, наши дети часто отдают ей что-нибудь из своих вещей... понимаете. Что понравится. Я же говорю, мы ни в чем не отказываем бедной сиротке, стараемся ей во всём

потакать, ведь она перенесла столько горя. Так что любые наряды, и, конечно, игрушки...

Игрушки. Это самое интересное.

Их правда было много — целая игровая поляна с отдельным ковриком, кукольным столиком и столами. Доводилось торговать и этим товаром — так что я знал, что тут собрана вся Кайетта. Всё, что только на ярмарках попадаетея и делается мастерами под заказ: фарфоровые пастухи и пастушки из Ракканта, и мягкие, пушистые звери из Союзного Ирмелея, и несколько дорогих механических кукол из Мастерграда — такие ходят сами, если особым образом повернешь магический кристалл... Дамата была представлена коробочками с деревянными играми, Вейгорд — тряпичными, яркими, диковинными птицами, а вон тот единорог-качалка — я бы что угодно поставил, из родного Крайтоса. Наверняка если бы покопаться в этой куче — нашлось бы что-то и из Вольной Тильвии, и кто там знает, и из Велейсы Пиратской и Акантора. Словом, все страны Кайетты, все сколько их есть — прислали в это игрушечное изобилие своих дипломатов... чтобы эти дипломаты настойчиво нашептывали: эй, смотри, как повезло бедной сиротке. Как её любят, сколько всего купили...

Только вот бедная сиротка намертво прижимает к себе леди Аннабет. А у этих игрушек вид такой, будто они здесь меньше девятницы.

— Ковер поменяли, кровь отмыли, — подытожила Арделл, вылезая из-под кровати маленькой Милли. — Ещё, гляжу, и протерли пыль по всем углам. С отменным... пчхи... средством для полироли.

— Разумеется, — с оскорбленным видом завела было госпожа Фаррейн. — Разумеется, наши слуги знают своё...

Тут она наткнулась на взгляд Гриз Арделл. Тихо поискала нюхательную соль, не нашла и решила откланяться. С заверениями, что стоит нам позвать — и нам предоставят всё необходимое.

Я тоже посмотрел на начальство. Начальство сидело на пушистом ковре чуток растрепанное, в помятом голубом платье, с выбившимися из прически прядями. В глазах мрачновато переливалась зелень — отражались цветные блики.

— Наши действия?

Гриз хрустнула пальцами и опустилась на колени.

— Стучим и ползаем.

Определённо, это был самый запоминающийся совет в моей жизни. Даже Нэйп милосердно сообщал вам информацию, пока вы сидели. Арделл давала расклад, пока сама она ползала в голубом платье, заглядывая под каждый комод. Я тем временем простукивал панели.

— Следы зубов на девочке напоминают укусы куньих. Но есть отличия в части клыков, да и характер укусов тревожит. На редкость направленная атака: метили в горло, лицо, вообще, в вены. И рука... ладонь... словом, пока что выглядит всё довольно туманно.

— Куницы? Ласки? — предположил я, лаская ухом очередную деревянную панель. — Хорьки? Может, вообще не по нашей части — не магические зверушки, а так себе?

Гриз уползла под столик с витыми ножками в углу комнаты. И пробормотала оттуда что-то насчет того, что похоже, мол, это всё-таки наш случай.

— Кто тогда может быть? Шнырки?

В питомнике я насчитал пока что пять видов этих прелестных тварей. Размером от средней табакерки до упитанной кошки. С разной окраской, сферами обитания и нравом. От

«ох, я в ужасе, вы подали мне яблочко с червячком» до «а ну иди сюда, кому сказал, я тебе уши поотгрызаю».

— Первое, что приходит в голову, да-а... И всё укладывается просто замечательно. Шнырки очень склонны приспособливаться и изменения проявляются уже в течение пары-тройки поколений. Так что разновидности бесконечны. И это вполне могли быть тонкие, хищные, хитрые шнырки, которые с чего-то решили напасть на детей прямо посреди комнаты, ага...

Арделл была как-то уж слишком покладиста.

— В чём подвох? — не выдержал я, оставляя в покое несчастные панели. Арделл пожала плечами и нырнула теперь в грудку игрушек.

— Да вот и я никак не соображу — в чём. Шнырки, как ни крути, — самая очевидная версия. Может быть, конечно, какой-то новый вид, но... Лайл, как у тебя с ощущениями насчёт этого дела?

Волосы у нее окончательно выбились из причёски и окружали голову золотисто-красным ореолом — из-за солнца, которое пробивалось через листья и цветные стёкла. А глаза казались совсем зелёными.

— Хочешь, чтобы я забрал у Сирила полставки горевестника, а?

Арделл отряхнула руки и задумчиво тронула новенькую единорожку-качалку — хоть сейчас садись и скачи...

— Просто хочу узнать — как у вас там в Корпусе Закона обстояло дело с выработкой чутья.

— А «чутье» — это уже Мел... — я простучал последнюю панель и вздохнул. — Тут что-то нечисто. Очень и очень нечисто. И с этими зверюшками, и с самими хозяевами. По моему, тут с какого-то бока эта сиротка... Милли. Сестра ведь защищала ее, так? А если бы не она...

А если бы не она — это Милли лежала бы сейчас в постели с изорванным лицом. Или не в постели, а в Водной Бездони — если бы не успела закричать.

Арделл коротко кивнула — молодец, мол. Показала жестом — ее тоже терзают какие-то сомнения насчет этих то ли шнырков, а то ли нет.

— Что будешь делать? — осведомился я.

— Посмотрю дом, насколько возможно... сад... посмотрю окрестности. Поищу следы. Какие планы у тебя?

— Пороюсь в помойке.

Варгам — варжеское, а крысам, как говорится...

* * *

В памяти хохотал-заливался кузен Эрлин. «Лайли, ты что, ты решил поиграть в образцового законника?» Я только плечами пожимал: в образцового — нет, Эрли, но как насчет законника-крысы, а? Такая тварь, по крайней мере, пролезет в любые закоулки. Полазит липкими лапками по кухне, пошуршит вокруг слуг (нечего ловить, слуги — из потомственных, хозяйские тайны ценят не меньше собственной шкуры). Прикинется милым зверьком, оглушит болтовнёй свидетельниц-служанок (тоже мимо — те, которые вбежали на крик Мариэль, не успели рассмотреть зверей).

А еще эта тварь начисто лишена брезгливости.

Помойная яма Фаррейнов была устроена по всем канонам «принципов чистоты». Круглый котлован прикрывался плотным дощатым настилом, по которому можно было ходить. Маленький лючок предназначался для мусора обычного размера. Здоровенный люк ярд на два — для отходов, которые в люк маленький пропихнуть затруднительно. По краям настила были в художественном беспорядке расставлены горшки с цветами, а от досок несло изысканной помесью помоев с фиалками. То ли помост для танцев, то ли слегка подтухшая летняя терраска. Королева Ракканта могла бы гордиться Рицией Фаррейн.

Я кое-как поднял большой люк, распластался на помосте, подсветил себе фонариком с желчью мантикоры и заглянул внутрь.

Поле исследования наклевывалось фантастическое. Яма была полна на три четверти, так что я мог бы коснуться мусорных завалов, если бы вытянул руку и как следует потянулся. Скоро господам Фаррейнам придется вызывать мусорщиков, которые изымут всё это добро и разберутся — что закопать, что сжечь, а что и в дело пойдет.

Фонарь выхватывал слежавшиеся кучки очисток, шкурок, бумаг, щепок, чешуи и прочих остатков человеческого муравейника. Некоторые кучки пошевеливались — наверняка пируют серые собраты. Пахло пока что вполне терпимо: видно, Фаррейны не скупались на отбивающие запахи зелья.

Но вот если я начну ворошить эти залежи — не поручусь, что так и будет. И не поручусь, что какой-нибудь притаившийся внизу кровожадный шнырок не решит попробовать меня на вкус. Можно было бы, конечно, обвязаться веревкой, прикрепить ее конец к ближайшему дереву и спуститься внутрь... но это я оставил на крайний случай.

Вместо этого отправился к старшему садовнику и выпросил на пару часиков кого-нибудь в помощники. А когда мне позволили выбрать — взял парня, которого раньше приметил: певуна и подстригателя кустов. Парень назвался Мэрком, разговорился охотно, оказался местным — нанятым на сезонные подработки из ближайшей деревеньки.

На Мэрка я возложил почетную роль осветителя. Порылся в здешних подсобках и отыскал щуп, при помощи которого мусор от люков распределяли по всей яме.

Скинул куртку, закатал рукава, напялил антидотную маску и у тех же садовников попросил перчатки и фартук.

«Соответствуешь своему имечку, Сорный», — не унимался кузен внутри, когда я открыл второй люк, мелкий, и велел Мэрку светить туда. Садовник осведомился было — что я буду искать, получил туманный ответ, что, мол, всякое интересное, покладисто кивнул и улегся на настил возле своего лючка, напевая что-то развеселое о пиратах и пении сирен.

Кажется, мне светило переслушать весь модный репертуар современной Кайетты. Я в ответ применил арсенал «Разболтай местного». Орудовал длинным щупом в мусорных кучах. Показывал, куда светить — правее-левее. И потихоньку подводил беседу к девочке Милли. Племяннице здешних хозяев. Сироте и приёмшцу.

— Сирота, это-то вы в точку сказали, — охотно откликнулся Мэрк. — Ну, про ту беду, как оно было, все слышали. Они в Союзном Ирмелее жили, Дорми-то, на западе. Как брат госпожи Риции женился, так, стало быть, в то поместье и переехали. А, я слышал, не сильно-то хорошо и жили — то ли изменяла она ему, а то ли он ей, кто там знает, может, и слухи. Ну, а как полыхнуло-то поместье ночью... Знаете, что говорят, а? Что у хозяйского-то брата жена была... с диким нравом, да! Ну, оно известно — Дар Огня. Вот она вроде как и полыхнула ночью, во время ссоры. Уж так полыхнула, что и залить не успели, всё загорелось-заполыхало! Ну, Мильент... Милли то есть — она как-то выскочила, в одной

рубашонке... с куклой, значит. Девять лет девочке было, да... Ну, а потом, стал быть, госпожа Фаррейн с мужем ее сюда и взяли, только, конечно...

Смушение и нежелание сболтнуть лишнего смуглый Мэрк прячет за песенками. Не напевает так насвистывает или выстукивает, даже в перерывах между фразами. Про мудреца и горе, про дитя Энкера, про васильковую деву и «Кого любит Дженни» — на любой вкус. Не парень, а песня.

— Хэй-хэй, ла-лэй... да девчоночка-то вежливая такая, тихая. Часто тут в саду бывает, не нравится ей в доме-то сидеть. Бывает, между деревьями бродит. Песенки вот поёт, частое дело. Что? Да, без надзора, чего надзора-то за ней? У Фаррейнов-то всё гладко, чисто всё, знатные хозяйева, да... Ну, было говорят, что-то с горничной какой-то, так... кхм... *«Улыбнись лишь я, хей-ла-лей!»*

С возмущенным писком разбегались крысы из тех куч, куда я засовывал щуп — растрясаю огрызки, кости, скорлупу и тряпки. Лоскуты, перепутанные нитки и корки, разбитые тарелки — что-то многовато — бинты — тут понятно, склянки, изодранная книга — интересно, что за она...

— Да, ходит, сталбыть... кто ее тут обидит-то, на воле? Это уж скорее... кхм... *«Быть может, бродячего любит певца? Он вольные песни поёт без конца...»* Вы бы, знаете, спросили соседушек наших. Во-он там имение у них, у Япейров. Недалеко, стал быть, за рощицей. Милли к ним заходит, навроде как, я видал. Может, они чего и вернее расскажут, а мне-то чего пустое судачить? *«Так в одной ладони — фальшивый щит, а в другой — настоящий меч...»*

Из туманных намеков складывалось, в общем, ожидаемое: Милли здесь не любят, вся забота родственничков — напоказ. А так-то девочка предоставлена себе и старается поменьше бывать в доме. И ей это позволяют... в десять-то лет, вот что интересно.

Мэрк, насвистывая под нос что-то про встречи с красавицей-нойя под луной, поворачивал фонарь, куда укажут. А я следовал за фонарем и перетряхивал, перерывал чужие следы жизни с гнилостным душком: флакончики и салфетки, изорванные перчатки, стоптанные туфли и сапоги прислуги, куриные перья, засохшие цветы... И вглядывался, как мог, пристально, в то, что расстилалось под ровным желтым светом фонаря.

И потому чуть было не проморгал глаза. Свет фонаря отразился и скользнул по ним — и я увидел, что они плятятся из темноты, широко раскрытые. Потом почувствовал крысиной шкуркой злобный, пристальный взгляд, увидел огонёчки в другом месте, в темноте, совсем близко, под собой, сообразил рвануться назад, не выпуская щуп.

Серая здоровенная тварь прыгнула снизу, норовя вцепиться в лицо. Почти выскочила из люка — но я на чистых инстинктах перехватил щуп в левую руку и вмазал холодовой удар с правой. Тварь с резким визгом перекувыркнулась в воздухе, и я успел еще как следует наподдать ей древком щупа.

— Это кто был-то? — с недоумением осведомился Мэрк. Руку с фонариком он из люка выдернул и в люк теперь поглядывал с опаской.

— Брат, — проворчал я сквозь зубы. — Крысиный вожак. Здоровенный. Опекает своих. Ладно, дай-ка я еще взгляну кое на что. Это недолго.

Показал Мэрку — куда светить — перехватил щуп покрепче и устроился на помосте поудобнее.

Садовник начал было опять напевать про счетики, но тут же и смолк, выдав озадаченное: «А эт-т-то что за чертовщина такая?»

Глаза в свете фонаря пялились особенно пристально. Налитые и печальные, неживые. Кукольные, сверлящие глаза на изуродованном, изрезанном лице. Пониже лица была скрученная шея. А волосы спалены. Я пошевелил щупом повнимательнее — и рядом нашлась еще игрушка. Фигурка единорога, расплавленная и опаленная. И выпотрошенная лоскутная собачка — разбросала тряпье-внутренности по мусорной куче. Перемешала с остальными — такими же покалеченными, изодранными, изуродованными.

Наверное, если рыться дальше — тут можно еще найти много таких несчастных игрушек, только толку-то?

Я подгреб последнюю жертву — куклу с изрезанным лицом — поближе, поглядел в бессмысленные голубые глаза... выдохнул, положил щуп на помост, закрыл люк. Сделал жест Мэрку: убирай фонарь и люк закрывай.

Хотелось закурить водную трубку. Или глотнуть чего покрепче. Но пришлось подниматься, стягивать перчатки и маску и делать внушение садовнику: ни слова о том, что мы видели, понятно, нет? Да вот тебе пару серебряных рыбёх — в особенности за молчание.

Мэрок понял с пятого на десятое, но монеты принял с особой благодарностью и убрался, напевая себе под нос про щедрую руку дающего. Надо же, и песенность не отбило. У меня отбило в том числе аппетит, так что я в кои-то веки не жалел, что пропустил обед.

У Арделл, которая заявила ближе к ужину, был такой вид, будто у нее тоже решительно всё отбито. Кроме почек и желания знать, что тут происходит.

— Завтра здесь будет Аманда, — хмуро заявила она вместо приветствия. — Я пока развесила пару стандартных артефакторных манков и разложила кое-какую приманку с усыпляющим, но она еще привезет.

Комнаты нам выделили — для гостей средней паршивости. И даже обязали поставлять слуг в этот пастельно-кружевной мирок питание. Только вот у меня не было настроения, так что наше с Гриз совещание проходило в комнате, полной запахами картофеля, ростбифа и выпечки.

— Сад и ближайшую рощу я прошерстила, залезла даже к соседям. С утра здесь будет Мел, посмотрим леса и рощи в округе. Есть следы куньих, но немного или старые. Едва ли они вообще часто ходят по земле: явно лазают по деревьям, а деревьев здесь — сам понимаешь...

Арделл говорит — и я пробегаю вслед за ней весь ее день, мелкими крысиными шажочками. Петляю между старых, дуплистых деревьев в необработанной части сада. Заглядываю в дупла, шныряю в зарослях, принимаюсь и прислушиваюсь. Даже безбоязненно сигаю через ограду к соседям — Япейрам.

И все, что нахожу — перья, пух и кости.

— У них тут были фазаны, знаешь? У Фаррейнов. Видал птичник среди хозяйственных построек? Отец семейства разводил разные породы — и королевских тоже. Так вот, птичник еще месяц назад использовался по назначению, а теперь заброшен. Слуги мямят — на фазанов, мол, какой-то странный мор напал. Все до одного передохли. Эх, жаль, не удалось глянуть хоть на одну тушку — потому что я уверена, что их передушили.

А ведь и верно, слуги роняли что-то такое про фазанов. И это неудивительно, — говорит Арделл. Белок в саду, например, тоже нет — ни в одном дупле. В округе что-то не видно кошек. Зато в изобилии перьев, клочков шерсти и кустов. И нужно, конечно, глянуть на всю округу, чтобы установить ареал охоты, да еще бы поспросить людей в ближней деревеньке — что у них с домашней птицей и скотиной. Но пока что получается...

— Что это какие-то неправильные шнырки, — отчеканил я. — Какие-то уж больно кровожадные тварюшки, ты не находишь?

Арделл находила, еще и как. Она глядела на ростбиф с такой истовой тревогой, что я начал опасаться за его судьбу. Мое сообщение о куклах в помойке тоже прилива радости не вызвало.

— Теперь мы знаем, почему у Милли в комнате — сплошь новые игрушки, — подытожил я. — И я мог бы свой законнический жетон поставить на то, что Мариэль просто зашла в комнату сестры не ко времени. Вир побери, да они девочку даже из этой комнаты не переселили — так, замыли кровь...

От встревоженного взгляда Арделл досталось и пюре, и зеленому горошку.

— Я так понимаю, у тебя один кандидат на такое обращение с игрушками девочки.

— Просто предполагаю, что это не может быть старшая сестра. Знаешь, у которой такой вид, будто она хочет сквасить собой всю Кайетту.

— Так присмотришь к хозяйскому сынку. Поговори с соседями и пригляди за девочкой, раз уж так. Мы с Мел займемся охотой...

Гриз подарила последнюю дозу тревоги булочке со специями, поднялась и как следует потянулась.

— Глотну бодрящего и погуляю ночью по саду.

— Ночной патруль? — я было растянулся на атласном покрывале, но тут приподнялся на локте. — Помощь нужна? Вроде как... нести вахту. Не будешь же ты там разгуливать до рассвета.

— Снаружи — нет. Изнутри — да. С хозяевами я поговорю. В общем... прогуливайся по коридорам, ладно?

И прямой взгляд подсказывал яснее ясного: почаще гуляй неподалеку от двери маленькой Милли. Просто на всякий случай.

Едва заметно кивнул: буду. И уже когда Арделл направилась к двери — заметил, что кое о чем она даже и не начинала говорить.

— Так у тебя есть предположения — что это за твари? Вроде как... новый вид?

— Думаю, это как раз старый вид, — донеслось до меня мягко, — Но я очень надеюсь, что это не так.

* * *

Ночь напролёт я рассекал по коридорам поместья. В голубоватом и зеленоватом свете ракушек флектусов, светильники из которых висели по стенам. Время от времени подбадривал себя то глоточком зелья, то чайком. И раздумывал над тем, чтобы завести себе особую фляжку для патрулей.

Поместье оказалось возмутительно тихим и спокойным, обитатели от вящей благопристойности даже не храпели. Единственная встреча меня поджидала уже к утру, у двери маленькой Милли.

Из-за угла бесшумно вывернулся хозяйский сынок и очень удивился, обнаружив в коридоре меня.

— Вы тут что делаете? — и скривил надменную рожу. Белобрысое подобие своего папаша, с такими же близко посаженными глазками.

— Караулю зверей, которые напали на твою сестру — вдруг да они опять сюда проберутся. А ты, стало быть, сестренке доброго утра пожелать зашел?

Манфрейд решил не снисходить ко мне вроде меня. Фыркнул свысока, кинул на дверь злобный взгляд и удалился по коридору. Жаль, он выскочил на меня внезапно — интересно было бы поглядеть из-за угла, какое-то сюрприз с утра он припас для сестренки.

И что у него там было в кулаке — ножичек, что ли?

Солнце с утра завязло где-то в хмари, и его роль исполнила явившаяся в поместье Аманда. Осветившая решительно все углы блистательным явлением: в платье вишневого цвета по последней моде, со строгой прической и в маленькой шляпке поверх неё. Слуги начали недоуменно кланяться, Фаррейны засуетились как перед визитом королевской особы, а я так попросту нойя сперва не признал. Только когда светская дама (предположительно, родом из южного Вейгорда) сунула мне в руки кофр и пропела: «Спасибо за помощь, Лайл» — осознал и поклонился за компанию со слугами.

— Боженьки. И подумать только, я даже сюртука приличного не взял, чтобы хоть малость соответствовать.

Нойя лукаво улыбнулась из-под вуальки, протягивая мне руку для поцелуя.

— Светская жизнь так скучна, золотенький. Поверь мне: я испробовала её как следует. Но Гриз велела не тревожить хозяев. Где эта несчастная девочка?

К Мариэль нас на сей раз допустили без проволочек. И здесь нойя мигом стала сама собой: оглядела пациентку, зацокала языком, залезая в кофр.

— Клянусь тропами Перекрестницы, хорошо, что Гриз позвала меня. Хорошо! Нельзя же портить щрамами такое милое личико. Так что мы постараемся всё исправить. Господин местный травник, немного вашей помощи не повредит... Ах, Лайл, милый, ещё увидимся, здесь сейчас будет много суеты, не обременяй себя.

Так что на мою долю осталось два давешних распоряжения: смотреть за девочкой да поговорить с соседями.

И то и другое удалось неожиданно совместить. Не успел я еще спросить у певуна-Мэрка короткую дорожку к Япейрам, как в саду мелькнуло голубое платьице — и я отмахнулся от садовника и пустился догонять.

— Куда это ты направилась, малышка?

Вышло слишком резко и неожиданно, и Милли тут же вздрогнула, вжала голову в плечи, заслонила куклой.

— Ни... никуда.

— Это очень жаль. Я, понимаешь ли, малость сбился с курса. Хотел навеститься к вашим соседям, господам Япейрам, да не знаю дороги. Правду говорят, что до них можно дойти, если отправиться через сад?

Милли поглядывала осторожненько — будто выблискивала голубизной глаз. Потом коротко кивнула. Осведомилась застенчиво:

— А вы... не скажете, что я ушла?

— Ты же вроде как теперь и под присмотром, нет? А что, тебе нельзя заходить к соседям?

Милли пожала плечами, уткнулась подбородком в кучерявые волосы куклы и пробормотала:

— Леди так не поступают. Это неприято. И что скажут люди.

Знакомая песенка, мне даже кажется, я слышу тон Риции Фаррейн.

— Вот уж не знаю, что они там скажут, эти люди. Но я бы сказал спасибо тому, кто покажет мне путь среди этих клятых...

Милли благовоспитанно ахнула и неблаговоспитанно прыснула одновременно.

— ...среди этих милых деревьев, — и я почесал затылок. — Ухх, в этом саду можно потерять пару альфинов.

С одной стороны — Милли так и тянуло сделать книксен и убраться подальше от незнакомого неаристократичного дядьки. Потому что говорить с такими типами — уж точно не для леди. И непринято. С другой стороны — трудновато изображать леди, когда щёки распирает от любопытства.

— А вы... видели альфинов?

— Раз, — признался я, — издалека, в аканторском зверинце. В питомнике их нет, и хвала Девятерым. Одна такая кисонька может скушать меня на завтрак, ну вот как гренок с сыром. И потом обидеться, что ей не подали ещё пару таких, как я. Вместо яиц с ветчинкой.

Ха. А хватку-то не потерял. Милли выпучила глаза, старательно воображая огромную кисоньку, и я прибавил:

— Хотя в питомнике тоже есть, на что поглядеть. Яприли, гарпии-бескрылки, грифоны, виверний... вот недавно привезли большую мантикору. Я как ее увидел — чуть на дерево не залез, чесслово! Грива — во! Пасть — во!!

Девочка кивала так зачарованно, что даже отпустила свою приятельницу-куклу.

— Я бы и рассказал, да вот идти надо, а я и заблудился малость. Но если леди окажет мне честь, покажет дорогу и сопроводит...

Маленькая Милли приняла игру: церемонно присела, слабенько улыбнулась, показала на меня кукле.

— Аннабет. Сегодня мы сопровождаем на прогулке этого господина. Из... из...

— Королевский питомник Вейгорда, — подсказал я шепотом.

— Потому веди себя как леди! — внушительно заключила Милли. — Иначе я буду весьма недовольна, а ты будешь наказана.

Она опять очень похоже скопировала чужие нотки. Только вот не Риции Фаррейн. Чьи?

Прогулка по саду вышла вполне в аристократическом духе. Впереди шла девочка, баюкая Аннабет и что-то ей нашептывая. Я разливался рекой про обычаи питомника и животных в нем.

Было как-то удивительно спокойно, как давным-давно, когда внутри еще не успел поселиться попискивающий серый клубок. Когда, вернувшись домой поздним вечером, я усаживался на скамейку в нашем дворике — и тоже рассказывал историю за историей...

Той, чье лицо помню сейчас уже смутно. Зато помню вечно чумазные щёки и перепачканные руки. Попытки развести костёр в курятнике. И сто семнадцать падений: с яблони, с забора, с курятника, с лестницы, с качелей, которые я сделал...

Помотал головой, отгоняя вылезшее откуда не надо прошлое.

— Хм, интересно бы знать, а господин Япейр любит разговоры про питомник? Потому что, вообрази себе, я понятия не имею, о чем бы это мне поговорить с господином Япейром, — и для наглядности опять поскреб в затылке. — Ты-то как думаешь?

Светловолосое чудо слабо заулыбалось.

— О собаках...

Поговорить о собаках господин Япейр действительно любил. Он и сам-то походил на здорового рыжего пса — дворового и растрепанного, зато откормленного по самое не могу. Лениво гавкнул приветствие в сторону Милли. Дождался от меня похвалы серому керберу, который жался у ног, и оседлал любимого конька на пару часов.

Псарня у Япейра была — и впрямь на загляденье, а про своих песиков помещик разливался с упоением: вот тут сука ошенилась, отличный помет, а вот мои болотные сторожевые, а там керберы, а там гончие. Есть норные охотничьи, есть две пастушьих — изумительно умные, а вот гордость — золотистые тонконожки... Словом, я порядком устал оглядывать это скулящее и погавкивающее разнообразие. И восхищаться тем, как хозяин натаскивает своих собачек на команды: голосовые, по свисту, по жесту...

О Милли и её семейке за всеми этими хвостатыми темами узнавать получалось маловато.

— Девочка ходит, да, — бросил хозяин, показывая жестом огромной псине лечь. — Гуляет по саду. Смотрит вот. Ей тоже интересны мои малютки.

«Малютка» ростом мне по грудь, поглядывала с земли умнющими глазами.

Очень может быть, под конец милой беседы я оброс бы шерстью и сам начал бы попеременно сидеть, лежать, идти рядом и приносить палочки. Но тут заявила жена хозяина — и стало легко.

С госпожой Япейр можно было говорить обо всём. И желательно — рассказывать, рассказывать... это было написано на ее остренькой, лисьей мордочке. Там так и значилось: «Первая сплетница в округе».

— Что это Милли такая перепуганная? — первым делом спросила она меня, утачив подальше от муженька и пёсиков. — Неужели правду говорят, и у Фаррейнов так-таки какая-то беда в поместье? Что-то не так со старшей, Миной, или с Мариэль? Вы уж не поймите меня неправильно... но девочка нам прямо как родная.

Я ограничился встревоженной миной и уверениями, что всё ох как непросто, и мне вообще-то ничего нельзя разглашать. Ну хотя если только немножко, в качестве ответной любезности.

— А девочка-то я гляжу у вас часто появляется?

— Часто, — фыркнула госпожа Япейр, потирая сухонькие ладошки. — Да она вечно бродит, будто неприкаянная, норовит сбежать подальше — если ее выпускают, конечно. Ох, и это понятно, у опекунов ей не то чтобы хорошо. Вы что же, не слышали про тот обморок, когда к Риции Фаррейн съехались на приём окрестные дамы? Прямо во время чая! И я так думаю, не в первый раз! Риция, конечно, заявила, что у бедной сиротки это от переживаний — пф, вся эта трогательная чушь про горящее поместье и одинокую девочку, которая спаслась из огня вместе с куклой. Но нет, у меня-то были версии позанятнее...

Я зашевелил бровями и прогнал по лицу не меньше пятнадцати оттенков любопытства.

— Неужто побои?

— Ха! Не удивилась бы, если бы так и есть. Вы видали этого их сыночка, Манфрейда? Милли как-то обмолвилась, что он уж очень рассердится, если не хочешь с ним играть, а она не хочет, ага, хотя девочка так-то мало говорит, уж очень забита и запугана... но я-то думаю, что это было знаете, от чего? Голод! Видали, какая она бледненькая?

Кивнул задумчиво. Милли нельзя было назвать совсем уж истощенной, но вот какая-то странная болезненность в ней точно проглядывала.

— Так вот, она, знаете ли, придет иногда... так, побродить по саду, да подкормить собак у мужа, ей тоже интересно, как Арро с ними занимается... ну, и я, конечно, хочу ее угостить — печеньем, другими сладостями, а она смотрит будто стесняется и просит то сыра кусочек, то сардельку... Сардельку!! Вообразите себе! Ребенок из приличной семьи!! Я бы уже давно высказала Риции всё, решительно всё, если бы только не была уверена, что

Милли от этого будет хуже, куда хуже. Да что там — я, понятно, даю ей с собой всего и побольше, только она отказывается: «Это неприято, это непристойно!» А сама видно, что боится!

От такого водопада сведений я малость ошалел и только помаргивал в знак, что слушаю внимательно. А госпожа Япейр извергала да извергала себе — страстно размахивая руками и заталкивая меня всё глубже в кусты жимолости.

— И знаете, что я ещё вам скажу, господин... как вы представились? Гроски? Так вот, я бы давно удочерила девочку — она само очарование, маленькая Милли. Но Риция Фаррейн и ее супруг скорее съедут в Айлор, чем позволят кому-то думать, что они не идеальные опекуны. О, вы не знаете этих людей, но это же исключительно между нами, да?

Я с каменным лицом заверил, что буду нем как Водная Бездонь. После чего получил еще один водопад информации: о показушнических нравах семейки Фаррейн, которые наверняка взяли бедную сироту, чтобы зацапать земли ее родителей, ведь у самих-то и поместье перестроить до конца средств не хватает. И вообще, говорят, что Ильбест Фаррейн серьезно увлекся горничной — та так поспешно уволилась! А вот еще рассказывают, что этому самому Ильбесту нужно завоевать благосклонность тёщи, чтобы занять у нее кругленькую сумму — конечно, Фаррейны будут делать вид, что с любимой внученькой госпожи Дорми всё в порядке! А вот еще...

Очень скоро я почувствовал, что не вернусь из этого царства сплетен и пёсиков. Но тут госпожа Япейр вспомнила, что так и не извлекла из меня ни капли сладостных фактов.

— Так что там, в поместье? Какая-то хулиганка в клетчатой рубаше вчера перепрыгнула через нашу ограду, что-то искала в траве — и псы Арро ее не тронули. А вы тут не из-за этих тварей, которые загрызли у моего мужа уже трёх псов средь бела дня? Ох, Арро бы убит, совсем убит... И знаете, он ведь говорил — отступили эти... кто там был, будто бы как по сигналу. Он-то добежал, а псы уже... ох, ужасно, горла прокушены. Что, у Фарреинов тоже кого-то... так, да?!

Пришлось позорно сдать фазанью гибель и исчезновение кошек и нашептать, что кто там знает — может, чего и хуже наклеывается. И заверить, что как только явятся вести — я непременно поведаю об этом госпоже Япейр, непременно.

Возвращаться довелось уже после полудня, под осенним солнышком. С головой, гудящей от сплетен и собачьего лая. Милли благовоспитанно шествовала впереди. Иногда останавливалась и что-то пересказывала на ухо своей кукле. Поднимала пожелтевшие листья — составляла букет. Только временами бледные пальчики подрагивали, и кленовые и дубовые листки разлетались по тропинке.

— А мы из таких строили парусный флот.

Вздрогнула, покосилась — не с ней говорят? И продолжила о чем-то судачить с Аннабет, шествуя по тропочке — образцовая леди.

— Да... — говорил я вполголоса, будто бы и про себя. Срывая красные листки дикого винограда, которыми поросла обвалившаяся стена между двумя поместьями. — И мастерили фениксов. В детстве, когда я жил еще в Крайтосе, на севере. Мы так играли с моим кузеном Эрлином.

И у Эрли всё выходило несравненно лучше, чем у меня. Мастерить корабли и делать фениксов, полыхающих листовым пламенем.

И воровать яблоки, и избегать наказаний.

— Кузен у меня был — что надо. Сорвиголова, конечно. Но такие штуки откалывал, что

иногда вся деревня диву давалась. Скажем, сотворить ледяную статую, чтобы казалось, будто в дом старосты заглядывает Ледяная Дева. Но зато с ним было всегда интересно играть...

«Доигрался», — отдалось оскоминой внутри. Тряхнул головой.

— Мы с ним были не разлей вода — ну, потому что у него Дар и был водным. А у меня Холод, ну, а что еще больше подходящее друг к другу сыщешь?

Милли будто бы и не слышала: шлепала и шлепала новыми голубенькими туфельками по дорожке. Баюкала леди Аннабет.

— У кузена Манфи — Дар Огня, — потом сказала тихо. — А у меня — Ветер. Это... это не подходит, да?

— Ну, ветер-то и огонь вполне себе хорошо могут играть вместе, — вот же брякнул-то про огонь, погорелице... Но девочка только вскинула глаза-озерца, поежилась и пробормотала:

— Они... плохо играют вместе. Огонь... он же злится. И он говорит, что заберет что-нибудь у меня...

И бессознательно прижала к себе Аннабет, перепугавшись оттого, что проговорила. Так что я ничего больше не стал больше рассказывать. Шел себе по тропке, прислушиваясь к опасливому щебету птиц и поскребываниям крысы.

Но Милли заговорила сама — через пару сотен шагов.

— А вы с кузеном... играли в наказания?

К счастью, приступы ярости я надежно научился подавлять еще до Рифов. Иначе бы уже попытался перегрызть глотку тому же Нэйшу.

— Если считать то, что мы их огребали направо-налево... наверное, еще как играли. А в какие, к примеру?

— Ну-у-у, например, если в чулан...

И опять застеснялась. То ли безмятежности на моей физиономии было недостаточно, то ли чулан тоже попадал в разряд «не принято».

Даже когда я признал, что в чулан — нет, а вот в сарай — очень даже приходилось играть. Шла какая-то задумчивая. Чересчур уж много видевшая для своих лет.

А в саду толпился народ. Тревожные голоса доносились к поместью с противоположного конца сада, с ухоженной его стороны. Первым делом я кивнул Милли — а ну-ка беги в дом — а потом уже направился выяснять, что там произошло.

— ...пиявки вместо коленей! Не загораживайте мне солнце, вы, отпрыски нежных цветочков Травницы!

... и почему из толпы возле часовни Круга так явственно долетает яростный голос нойя.

Аманда, натуральным образом, орала. На столпившихся вокруг перепуганных садовников, привратников и прочую дворовую челядь. Стоя на коленях над лежащим на дорожке певуном-Мэрком.

Шляпка с нойя слетела вместе с налетом светскости. Губа вздернулась, обнажая белые зубы в оскале. На щеках полыхал зловеющий румянец. А подол вишневого цвета платья пропитался кровью — и в крови были руки, которыми травница накладывала на горло бедного парня повязку.

— Лайл, золотенький, — бросила она, когда я к ним протолкалась. — Ну-ка разгони этих пугливых овечек. Клянусь волосами Перекрестницы — они, видно, решили, что им будет спокойнее рядом со мной!

Пришлось растаскивать любопытствующих, а попутно узнавать — как и что стряслось.

Хотя с первого взгляда было ясно — что.

Руки Мэрка были искусаны уж очень знакомо. Да и лицу тоже досталось.

А что случилось — никто толком и не знал. «Да песенку он пел, как всегда. Пел, а потом как закричит! Да страшно-то так, ну мы и...»

И все, конечно, побежали от Мэрка, а не к нему. Пока носились, пока создавали бессмысленную суету... Счастье еще, Аманда выглянула на звуки.

Только вот возле певуна-садовника уже никого не было. И было поздно.

— Спасать некого, золотенький, — выдохнула нойя, когда я опять оказался рядом. Оттянула парню веко и мрачно кивнула. — Здесь помогла бы разве что Кормчая или Арианта-Целительница. Может, если бы я подросла раньше...

Пробормотала пару нелестных словечек по адресу трусов-садовников, извлекла из тут же стоящего кофра пару склянок — и принялась деловито наполнять кровью.

— Зелья требуют не только трав, — зловеще ухмыльнулась в ответ на мой взгляд. — Мощные всегда просят крови... иногда — несколько видов разной крови. А некрозелья — и части тел. Приходится добывать там, где попадетсЯ. Как ты думаешь, никто не обидится, если мы возьмем небольшой кусочек?

— Думаю, у родных могут возникнуть вопросы, — да что ты несешь, Гроски, ты же даже не знаешь, есть ли у него родные. — То же, что и с Мариэль?

Нойя что-то малоразлично мурлыкала, нагнувшись над телом и собирая кровушку. Выглядело это так, будто над покойником склонилась скорбящая дева. В окровавленном платье.

— Да-да-да, конечно... бросились неизвестно почему, неизвестно откуда... Нацелены на убийство, ну и ты видишь, медовый мой, у них получилось... потому что все эти мужчины с душами ягнят понеслиС от жертвы, а не к ней!

Мариэль твари оставили, чуть только в дверях показались служанки. Если бы я, скажем, патрулировал сад, вместо того чтобы направиться к Япейрам...

— ...исчезли, когда прибежала я. Жаль, такой красивый мальчик. И говорят, он любил песни... я подарю ему лунную погребальную сегодня, ее любили в моем лейре.

Она закупорила последний флакончик, обтерла руки и поблагодарила улыбкой — когда я помог ей подняться.

— А обходительности тоже учат в Корпусе Закона? Золотенький, ты только посмотри на мое платье. Ай-яй, в таком виде я могу переполошить скроггов в ночном лесу! Да и к тому же, я потеряла шляпку, пока бежала сюда. Тц-тц-тц, как жаль, совсем недавно купила в Вейгорд-тэне, целых семь золотниц...

Пока я уверял, что шляпку непременно сыщу, а Аманда прекрасна в любом обличе, хоть в платье, хоть без («Что это ты имел в виду, сладенький, а?») — подтянулись управляющий поместья с остальными слугами. Так что мы оставили заботу о теле на них.

— Гриз будет искать след, — сказала нойя, когда мы отыскиали все-таки улетевшую в кусты шляпку. — Это не моя работа, пряничный: мне нужно немного подработать бальзам для этой бедной девочки, Мариэль. Бедняжка так расстроилась из-за бала, что постоянно твердит: всё из-за него... Но я надеюсь, что с такими шрамами справлюсь.

Она водрузила шляпку на голову, послала мне воздушный поцелуй и неторопливо поплыла к воротам поместья — ничуть не смущаясь окровавленным и перепачканным платьем.

Я остался ждать, покуда истерика Фаррейнов обрушится на меня волной в девять баллов. Но нет, Арделл прибыла вовремя и стала моим «панцирем», хоть ей было и не по должности. Я трусливо переждал все взвизги и вопли в отдалении, в выделенной мне комнате. Время от времени до меня долетали отголоски больших штормов — в виде возгласов «Почему вы не предотвратили это!» «Это совершенно неприемлемо!» и «Даже и не думайте!»

Гриз не было как-то уж слишком долго, отчего я начал было опасаться — не удушила ли ее эта семейка кружевными салфеточками. Но через пару часов она толкнула дверь плечом и возникла в комнате в обнимку со здоровенным древним фолиантом. И с таким выражением лица, что я встал.

— Можно уже продумывать строку в Книге Утекшей Воды?

И получил в ответ хмурое фырканье начальства.

— Не настолько, но в этом роде. Всё крайне серьезно.

Арделл уселась сама и сделала знак мне — мол, давай, присаживайся, будут плохие вести.

— Если я только не ошибаюсь, мы имеем дело с самым опасным хищником Кайетты.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ХИЩНИК. Ч. 2

ЛАЙЛ ГРОСКИ

В тишине, гордясь почётной старостью, поскрипывали старинные часы. Начальство выстукивало какой-то ритм кнутовищем по голени сапога. Крыса внутри старалась подладиться под ритм — и топила меня в тревожных взвизгах.

— Я-то думал, самый опасный хищник в Кайетте — альфин. Или нет, он самый крупный. Тогда драккайны. Или алапарды — ну там, скорость, реакция, Энкерская резня... И сейчас ты решила меня утешить тем, что есть ещё что-то пострашнее?!

Арделл, коротко пожав плечами, выложила на столик результаты своих раскопок в местном аристократическом хранилище книг. На удивление — не бестиарий, а что-то мутно-геральдическое, про корни древней аристократии Кайетты. Текст справа повествовал о традициях очередного славного рода. Слева был изображён щит, на котором мелкий, гибкий зверёк держал в зубах стрелу.

Зверёк смахивал на куницу, только был белым, и лапки были подлиннее.

— Это ж геральдион. Ну, тхиор белоснежный. Как его бишь... хищник, который суть благородство, чистота и чего-то там ещё. Спутник Стрелка в мифах... не суть. Это разве не комнатная зверюшка?

Арделл продолжала смотреть, как бы подбадривая — давай, мол, давай, что ты там ещё про них знаешь?

— Редкая комнатная зверюшка, — поправился я. — Вроде, скажем, девятихвостов или золотистых марлионов. Стоит баснословных деньжищ, а разводчиков на всю Кайетту — пара, и те при королевских дворах. Ха, мне вот всегда было интересно... скажем, у аристократов этот зверек — что-то вроде атрибута благополучия и древности. Мол, смотрите, какие мы обалденно высокородные, у нас даже есть геральдион, как на старых гербах. Шкурки вот тоже ценятся, так ведь? А зверьки-то вполне себе милые — на подушках развалится: носи его, корми, рисуй. Так вот — почему этих миляг не разводят тысячами? Скажем, подпольно — на меха, ну вот как йосс? Понятное дело, что основные разводчики за этим делом следят, а аристократам подавай геральдиона с родословной... но всё-таки.

И кстати, куда это милые зверушки подевались из дикой природы? Наверняка ведь как йосс — истребили из-за ценного меха? Так опять же — достать парочку, завести небольшую ферму, да и...

— Тхиоры истреблены в дикой природе. Исчезли из неё что-то вроде шестисот лет назад — в бестиариях это встречается под названием «Большая геральдическая охота», — Арделл поморщилась. — У варгов в истории полно своих печальных вех.

— Вроде Войны за воздух, после которой грифоны, вивернии и прочие зверушки перестали летать?

— Вроде этого, да. Но вот с истреблением тхиоров всё более... ясно, что ли.

Так-так-так, — ехидно сказали часы. Давай, Гроски. Готовься к лекции и дурным новостям.

— Сам вид появился веке в восьмом от Прихода Вод — предположительно, тхиоры произошли от кунных, которые попали под какое-то магическое воздействие...

— Снова треклятые академики?

— Кто знает. Вообще, появление и развитие магических видов в Кайетте — тема до обидного малоизученная: учёные в это суются мало, варги если и интересовались, то трудов не сохранилось, даарду молчат, а те теории, которые есть, — никуда не годятся.

Под веками Арделл начал разгораться огонь священного энтузиазма. Похоже было, что начальство того и гляди оседлает любимого конька. И унесется на нем в дальние дали, осчастливив меня трехчасовой лекцией.

— Стало быть, мать-природа подбросила нам тхиоров семь с лишним веков назад?

— Во всяком случае, первые упоминания к такому времени и относятся. Про зверей лютых, коварных, неуловимых, — нараспев добавила варгиня. — Какое-то время вообще не могли понять, что это за твари, думали — куницы взбесились. Да так вот, сначала они были малочисленными, но меньше чем за век здорово расплодились в нынешних землях Союзного Ирмелея. И мало того, что полностью вытеснили куниц, хорьков и горностаев, — начали полностью опустошать леса и причинять огромный убыток селениям. Видишь ли, дикий тхиор — существо очень быстрое, очень хитрое и крайне кровожадное. Как тебе сочетание?

Я показал жестом, что сочетание мне как-то не очень.

Арделл зашуршала свитками, бормоча, что вот, кто бы собрался и облагодетельствовал Кайетту, написав нормальный бестиарий. Наконец ткнула в меня истертой иллюстрацией, на которой был намалёван оскаленный хорёк. Судя по внушительным челюстям — хорёк мог отхватить вам половину ноги, и в пасти еще осталось бы место.

Гриз мерно вышагивала по комнате.

— Самое страшное — они не знали чувства меры. Если тхиор забирался в курятник — он перерезал всех кур до единой. Если в конюшню — прокусывал вены всем лошадям. Их не интересовали размеры добычи. Не интересовало — что перед ними хищник. Тхиоры нападали даже на алапардов — и угадай, насколько часто алапарды выходили победителями из таких схваток.

Зверушки начинали казаться всё менее милыми. Хорь с непомерно огромными клыками поглядывал со свитка свирепо.

— Тебя послушать — так животинки были форменными маньяками. Вроде Вейгордского Душителя или... — Арделл прищурилась, и я понял, что нужно срочно менять продолжение, — любых других отбитых маньяков.

В глазах Гриз явно читалось: она в точности знает, про кого я только что едва не ляпнул.

— «Всё живое — добыча», ага. Похоже, им действительно нравилось убивать. И они были мастерами этого дела. Отлично лазили по деревьям и стенам, просачивались в любые щели, хорошо плавали. Всегда нападали первыми и в неожиданные моменты, часто со спины или сбоку. Излюбленный приём — прокусить горло, но часто били по глазам или другим уязвимым местам. Увёртливые. Быстрые. Агрессивные. Из-за малого размера их непросто было выследить, из-за окраски — увидеть. Из-за скорости — избавиться.

— Ну, знаешь, я всегда верил, что главное не размер, а эффективность.

Арделл только хмыкнула, не снижая градус напряженности на лице.

— Было еще кое-что. В паре источников упоминается — когда они кидались на магов, то первым делом пытались прокусить или горло... или Печать.

По ладони со Знаком Дара прошёлся произвольный холодок. Вспомнилась перебинтованная кисть девушки Мариэль. Той, которая так и не поехала на первый свой бал.

— Та-а-а-ак, — сказал я как можно жизнерадостнее. — Чудные зверушки, чудные, у

меня даже есть дюжина знакомых, которые хотели бы себе таких питомцев. Но ты ведь говорила, их истребили?

— Да. В девятом веке от Прихода Вод тхиоры стали настоящим бедствием, расплодилось в огромных количествах, начали опустошать окрестности Ирмелея и всё чаще нападать на людей. В девятьсот двадцать седьмом году на них открыли охоту. Король Ирмелея своим решением объявил награду за шкурку каждого тхиора. Двойную — за истребление гнезда. Аристократия подключилась с лозунгами наподобие «Истребим кровожадных тварей», конечно. Силки, капканы... яды.

Она мрачнела как-то уж слишком стремительно, хотя и до того не разбрызгивала лучи радости вокруг себя.

— Им даже удалось привлечь к этому варгов.

— А эти ваши правила, насчёт не убивать...

— Отступников. Изгнанников из общин, — Арделл совсем потемнела и добавила неохотно: — Как я понимаю, они не убивали... напрямую. Они... выманивали тхиоров. Десятками. Или погружали их в сон, или превращали в беспомощных марионеток, пока не подходили настоящие охотники. С арбалетами, магией или вилами — не суть.

Ага, суть-то совсем в другом — то ли в ненормальной начальственной мрачности, то ли в недосказанном. Потому что отвернувшись к окну Гриз что-то такое все-таки пропустила. Например — каким это образом варги-отступники не завернули себе мозги, когда охотники начинали приканчивать зверушек. И как они вообще подманивали тхиоров сразу десятками — разве варгу не нужно смотреть в глаза животным, или что-то такое?

— Ну... если эти тварюшки так уж опустошали округу — нельзя сказать, чтобы варги-отступники были так уж и неправы? Спасение людей, да и других зверушек...

Арделл откликнулась от окна жутковатым молчанием. Древние часы охотно разбавили его зловещим «так-так-так».

— Некоторые тхиоры оказались в клетках. В зверинцах или цирках. Выяснилось, что они легко приучаются и узнают хозяина... только вот агрессия никуда не девалась, так что рано или поздно всё заканчивалось одним: они опять убивали, людей ли, других зверей. Куча трагических случаев — когда их пытались использовать для охоты или когда тхиоры вырывались из клеток. Нападали на зрителей. На эту тему были даже диспуты, — она вяло махнула книгой, — о том, что прирождённых убийц не исправить...

— Что-то эти твари уж очень непохожи на лапчечек-геральдионов. Хочешь сказать, кто-то взял их на перевоспитание и сумел внушить светские манеры?

— Вроде того, — это была уж очень невеселая усмешка. — К концу века тхиоров осталось совсем мало, и один разводчик... он был сторонником приручения и исправления дикой природы, сосуществования ее с человеком...

— Та же теория, которой придерживался этот, как его, Моргойл, сынок которого сделался Врагом Живого?

— Да. Почти та же. Он решил проверить ее в действии. Собрал оставшихся тхиоров. И стал размножать, путем тщательного отбора. Из потомства он отбирал самых послушных и неагрессивных.

— А остальных, стало быть...

— Уничтожал.

Кнут прихлопнул по голенищу сапога особенно резко. Арделл стояла возле окна — и лицо в отражении было непривычно жестким.

— Поколениями. Вся эта выбраковка длилась... поколениями. При этом уничтожались не детеныши, нет — он их выращивал, начинал дрессировать... и убивал тех, кто проявлял хоть малейшую дикость. Не знаю, сколько ему понадобилось лет, но он вывел новую породу. Геральдионы — безобидные, абсолютно ручные... не могут даже поцарапать хозяина, когда им морду прижигают огнем.

Тут, кажется, началось что-то из безрадостной варжеской практики. Я малость помычал, подпустив в голос сочувствия к диким, кровожадным тхиорам.

— Вот только у нас тут явно не геральдионы, да? Судя по их повадкам — у нас под боком орудует парочка настоящих тхиоров. Стало быть, что... они возродились в дикой природе?

— Или их возродили.

Гриз скрестила руки на груди, задумчиво покачивая кнутовищем в правой ладони.

— Я всё же склонна думать, что в дикой природе тхиоров не осталось. Иначе это было бы заметно. Все эти века... Они бы опять размножились. Может, конечно, как и прежде, появились из куньих, но, по-моему, тут другое. Понимаешь, Лайл... есть два основных разводчика геральдионов. В Ирмелее и в Аканторе...

— В Ирмелее? Это там, где...

— Это там, где стоял замок родителей Милли, верно. Насколько я знаю — атавизмы возможны в любой породе. Значит, разводчики действуют все тем же проверенным способом: они выращивают потомство, проверяют на агрессию и уничтожают то, что считают...

— Браком.

Арделл молча кивнула, уставившись мне в лицо серыми, в зеленых разводах глазами. Ну что, господин законник, сможешь пробежаться по этому следу?

— Ты думаешь, что парочка таких отбракованных могла как-то уцелеть. Может быть, размножиться. Боженьки, да ведь это же...

Еще один кивок. Короткий и будто бы через силу. Взгляд Арделл теперь спрашивал: а ты понимаешь, какими проблемами нам вообще это грозит?

Как минимум — многократным повторением истории Мэрка-певуна и девочки-Мариэль.

— При чем тут тогда Фаррейны, Ирмелей и... Милли? — выдавил я.

— Не знаю пока. Но глава семейства часто ездит в Ирмелей по торговым делам.

Гриз опять уселась, как следует попотчевала сапог рукояткой кнута и приложила:

— И они отказываются эвакуироваться.

— А ты им это предлагала?

— У тхиоров тут охотничьи угодья или гнездо. Мы с Мел прочесали округу миль на пять. В соседней деревне они уже успели задушить пару собак и перерезать пару десятков гусей. Было пару наскоков на людей, несмертельных, правда. И есть странность с последним случаем... песня.

— Что-что?

— Последний, на кого они налетели, — сельский пьянчужка — уверял, что будто бы слышал песенку. Только вот слов не запомнил. Хотя он был в таком состоянии, что серьезно решил, что это Премилосердная Целительница явилась к нему на помощь и отогнала животных...

— Голос был женским?

— Во всяком случае — высоким, а вот чей — не понять. Но ведь и мужчина может петь высоко.

Как человек, который слышал пьяные завывания Лортена за три луны уже раз десять — я тут же и согласился.

— В общем, да, я предложила Фаррейнам временно выехать, скажем, к той же госпоже Дорми погостить. Но они уперлись и ни в какую. Боюсь, если мы не справимся за двое-трое суток — они и нас за порог выставят.

— Явно знают больше.

— И не говори. Талдычат одно — что у них всё под контролем, и что они справятся.

По этому поводу у меня была пропасть сомнений. У Арделл, видно, тоже.

— Мел захватила ловушки, да и Аманда кое-что привезла. Часть мы расставили. Часть сейчас расставим с тобой. Ночью патрулируем. Утром... Лайл, Мел будет искать следы. Со стороны разводчиков. Похоже, только так можно прояснить, откуда явились тхиоры. Если у нее что-нибудь получится — мне придется отлучиться. Понимаешь?

Само-то собой, придется. Нужно же поскорее узнать — сколько тварей на свободе. А если там недобросовестный разводчик, который решил втихомолку расторговаться такими милягами — беда может нависнуть уже над страной.

Правда, мне было как-то до странности наплевать на то, что случится с Вейгордом или даже с Кайеттой.

Может, потому что Кайетта не носит голубых платишек и не бросает взглядов исподлобья. И не прижимает к себе куклу дрожащими ручонками.

— Присмотрю, — ответил я на взгляд начальства. — Присмотрю непременно.

Вечер прошёл в расставлении артефакторных манков и ловушек. Рассовывали их по кустам и развешивали по деревьям — на которые Арделл карабкалась с кошачьей ловкостью. Манков и ловушек у неё оказалось полсумки, не меньше — и все разных цветов, спектров и материалов. Из камней и дерева, из разноцветного стекла, из ракушек и рога; круглые и в форме кристаллов; и вовсе непонятной формы; с клеймом Мастерграда, с клеймом мастера и вовсе без клейма...

— Откуда такое изобилие? — поразился я.

— Следствие дежурств, — отозвалась Арделл с очередного дерева. — Отнимаем у браконьеров, которые хотят пожить в запретной части питомника. Да и во время выезда, бывает, набирается... Так, тут дупло, дай-ка мне тот красный, здоровый.

— Подействует? — с сомнением осведомился я, подавая артефакт-манок размером с доброе яблоко. На артефакте была изображена мантикора. — Выглядит так, будто он сюда пригласит не тхиоров, а кой-что пострашнее.

— Короткий радиус действия, так что не пригласит... Малые хищники обычно чуют манки на крупных. И не суются. Так что это скорее отпугнет, если что. А если не отпугнет — так у нас манки на малых хищников как раз ближе к дому и выставлены.

Она спрыгнула и отряхнула руки. Заглянула в порядком полегчавшую сумку, кивнула и извлекла из боковых отделений пару небольших пузырьков.

— А совсем уж по дорожкам возле дома мы пройдемся вот этим. Жидкий манок. Для мелких хищников это как духи. Сразу же стремятся в этом извалиться. На контакте зелье дает мощный успокаивающий эффект, спасибо Аманде... Не заснут, но явно никого не атакуют часов десять точно.

— Так почему бы не...

— В доме мы его использовать не можем: сильный запах. И да, смотри, чтобы на тебя не попало. А то тхиоры захотят изваляться... ну, в тебе. В сумке состав, отбивающий запах, руки потом вымоешь и по одежде пройдешься. Ясно? Наноси по пять-семь капель на землю. Шагов через тридцать. Всё, я налево, ты направо. Пошли.

И пошагала в сторону поместья — в наступающих сумерках оно высилось довольно мрачной, но всё равно благопристойной громадой. Я порысил следом, придерживая на боку сумку.

— Ты сказала, десять часов? Стало быть, ночь кое-как протянем. А дальше — так и будем обновлять зелья? А если на них не подействуют никакие манки? Ты ж сама сказала — их столько веков не было в Кайетте, кто там знает, что с ними работает, а что...

— А потом уже ничего не понадобится, — отрезала Арделл, ускоряя ход. — Если ловушки не дадут результата за сутки — я применю последнее средство. Зов, против которого они не смогут устоять.

Судя по страдальчески стиснутым губам Гриз — средство не из тех, которые приятно обсуждать с друзьями за кружечкой пивка. И у нее есть веские причины не применять его сразу же.

Хотя любое средство было бы лучше, чем этот самый жидкий манок. Пузырек с которым я тут же и закрыл после открытия. Чтобы промигаться и продышаться. И натянуть антидотную маску — и все равно глаза резало.

Ох, не скажут нам хозяева спасибо за такие-то средства безопасности...

Фыркая, чихая и затыкая неуместно утонченного грызуна внутри, я продвигался почти вплотную к поместью, по тонкой дорожке для слуг. Время от времени добавляя в осеннюю ночь побольше вонючих ноток. И отсчитывая мысленно шаги и капли. Монотонная, успокаивающая работа после бешеного денька: раз-два-три-тридцать, стоп, открыть пузырек. Пять-шесть-семь капель на землю, так, чтобы никто из слуг и хозяев не наступил, непременно подальше от дорожки. Закрыть пузырек. Раз-два-три, о, а вот окно светится, а вот кусты... а в кустах это что же — соседский сыночек?

Вернее, его довольно-таки обширная задняя часть. Которая из кустов осторожненько так, ощупью выползала. Я не смог удержаться от искушения, потихонечку подкрался поближе — и встал так, чтобы Манфрейд уж наверняка на меня наткнулся.

— Проблемы?

Выглядел он здорово ошеломленным — глазки так и забегали, даже в темноте было заметно. Может даже, в темноте и в антидотной маске я приобрел слегка устрашающий вид. Так что в первые секунды парень просипел только:

— А-а-а-а, я тут просто... просто тут... п-п-потерял кое-что... ну...

И попытался спрятать под полу сюртука вещицу, блеснувшую при свете месяца металлическим блеском.

— Дело житейское, — посочувствовал я. — Я и сам то и дело теряю арбалеты в кустах под окнами... чьими, кстати, окнами, а?

— Не ва... не ваше дело, — отошел сыночек Фаррейнов. — Что вы вообще тут делаете?

Испытываю дичайшее желание надеть одному представителю аристократического семейства на голову пузырек с жидким манком.

— Дозор, — я взмахнул пузырьком. — Однако, это как-то неосторожно. Сегодня, как вы знаете, господин Фаррейн, произошла трагедия с садовником. Так что вам бы не следовало... искать арбалеты в кустах в темноте.

Мальчишка глянул злобно и пробормотал под нос что-то в том смысле, что будет он еще спрашивать у всякого отребья — где ему ходить. Фыркнул и протиснулся мимо меня, отдавив мне ногу.

— Вас проводить? — крыса внутри чуть не слиплась от лакейского тона. — Не надо? Вы уж там с дорожечки-то не сворачивайте, господин Фаррейн. Там, понимаете ли, разлит жидкий манок для вашей безопасности. И да, вы бы носик-то прикрыли, а то он воняет.

Злобное шипение «Ты воняешь хуже» я счел истово аристократической благодарностью. Оказывается, налет цивилизации в местных оплотах традиций и благочестия тонковат. Если их как следует встряхнуть — может, и что полезное вылезет.

Только вот как бы их встряхнуть? Гриз задавала им все возможные вопросы — а я уж кое-что знаю о ее напоре. Навидался, за три-то месяца в питомнике.

И кстати, что это господин юный Манфрейд делал в кустах? Под окном... да, под окном своей кухни, конечно. Вон те самые обомшелые стволы деревьев, которые мы с Гриз видели из комнатки Милли.

Кусты были довольно пышными, но ветки малость пострадали. Так, будто в них вторгались не один раз. Темнота всё густела, так что пришлось побольше открыть заслонку фонарика и шарить тихонько, опасаясь потревожить светом и звуками девочку в комнате.

Может, конечно, Манфрейд решил просто посидеть себе в кустиках. Только вот неутомимый инстинкт покусывает изнутри подозрительно. Будто раньше меня увидел это — вот блеснуло внизу что-то белое... левее, там ветви двух кустов переплелись, и листья почти прикрывают это — белое, плоское... Холодное.

— Ну, чудненько, — сказал я, потянул находку на себя. Слегка при этом облившись. В руках у меня было блюдечко с молоком.

МЕЛОНИ ДРАККАНТ

— Блюдечко с молоком, — повторяет Грызи. Уставившись не пойми куда.

Из очереди на досмотр на неё косятся. А может, на меня. Из-за того, что я не выгляжу как законопослушная гостья Союзного Ирмелея.

Брать «поплавок» в Ирмелей смысла не было. Тут не успеешь всплыть в какой-нибудь тихой речке — кто-нибудь из добропорядочных вызовет законников. Мол, у нас тут подозрительное средство перемещения, примите меры во Славу Закона и Мудрых!

Пришлось сигать в вир до Вейгорд-тена, там уже встречаться с Грызи. Потом вместе проходить через столичный портал — сквозь который можно добраться до другого государства. В Вейгорд-тене удалось пройти без очереди, а на выходе из ирмелейского портала мы встряли. Потому что откуда-то подвалила большая компания дельцов. И потому что надо же было соблюсти все крючкотворные процедуры. Во имя Закона и Мудрых.

Так что я успела налюбоваться на триста плакатиков по стенам. Повествующих об истории Союзного Ирмелея и демонстрирующих — как хорошо живется под властью Мудрых. Грызи в это время бормотала о блюдечке. Обнаруженном Пухликом в кустах.

— Кто-то прикармливал тхиоров к окну, да и всё тут.

Вот что мне не удалось схватить след — это жаль. То есть следы-то были: помет, содранная кора, остатки трапез. Но все старые. И так переkreщивались между собой, будто тхиоры носились по рошам как безумные.

Очередь наконец подходит. Сотрудник вирного ведомства с залакированной улыбкой

пялится на наши документы. Заученное приветствие гостям из Вейгорда — слышали, знаем. Просьба соблюдать правила — ага, будем. Предложение приодеться по местной традиции («Справа от выхода есть отличная лавка, можно недорого купить или взять напрокат вещи, которые обеспечат вам отсутствие нежелательного внимания...») — в вир болотный. В Книгу Прибывающих вписывают имя и ставят оттиск Печати — потому что двух одинаковых Печатей, пусть и одного Дара, не найдется во всей Кайетте. Пока я оттираю руку от липкой замазки — сотрудник сокрушенно взирает на чистую ладонь Гриз. С улыбкой, но как на полнейшее безобразие.

— Простите, госпожа, но для «пустых элементов» у нас отдельная процедура регистрации.

Лезу в карман, шлёпаю на стойку перед вирником плотный конверт. На гербовой печати свернулся в кольцо геральдион.

— Приглашение от Коэга. Не поможет?

Вирник пробегает глазами текст, рассыпается в извинениях перед «госпожой Драккант и госпожой Арделл». И всячески выражает надежды, что наш визит пройдет приятно и ничем не будет омрачён.

Потом я толкаю дверь, и мы окунаемся в пасмурное ирмелейское утро и в западное гостеприимство. Даже у бродячих котов тут степенная походка. И такой вид, будто они пригласят нас на чашечку чая. Вокруг вирницы царят Аккуратность, Законопослушание и Зажиточность. Вода в почтовых каналах — и та будто по указке шумит.

Человек в ливрее с тем же гербом Коэга кланяется и приглашает занять место в воздушном корабле, «который доставит нас, куда мы пожелаем». Говорю кратко:

— Куда и вчера ночью, — и усаживаюсь на мягкое сиденье, пока воздушный маг готовит судно к взлёту.

Кораблик мелкий, юркий и стремительный. Несется в сером небе, лавирует между такими же. Провожатый заботливо поднимает над нами заслонки — а то вдруг мы растаем под моросью.

Наконец-то пересказываю Грызи — чего я ее выдернула из поместья Фаррейнов с утра пораньше. И как мне удалось так быстро взять след.

— В общем, Коэга тут все знают. Уважаемый ирмелеец, найти труда не составило. Правда, пускать не слишком хотели, но хватило представиться.

Старикашка Коэг чуть ли не танцы развел вокруг меня, трясая усами: «Ах, госпожа Драккант, вы решили приобрести одного из моих малюток? Это очень правильное решение, мой коллега из Акантора... хочу сказать, что его геральдионы живут куда меньше. И не столь белоснежны. Зато увидев моих — вы не сможете оторваться...»

После моего рассказа он затряс не только усами, но и башкой. Всё повторял, что нет-нет, это никак не может связано с ним, он Даром клянётся, всё под строгим контролем... все его геральдионы — исключительно дружелюбные, замечательные зверьки, мухи не обидят... да вот, посмотрите.

Геральдионов у него оказалось четыре — белее снега и тупее Плаксы. По дружелюбию — что-то среднее между единорогом и пьяным Лортенем. И все как один обучены ходить на задних лапках и кружиться вокруг себя.

— А что с теми, которые не желают кружиться? — спросила я, когда Трясун стал мне представлять своих дитачек по именам. — Сами пускаете в расход?

— Ну, как вы могли такое подумать! Я же, как-никак, пожилой человек, и уничтожать

несчастливых зверьков, пусть и слегка буйного нрава, но — детей моих любимых малюток...

Через пару минут трясения усами разводчик раскололся, что на такой случай держит помощника. Который уносит проявивших агрессию геральдионов и «Умерщвляет их без всяких мучений, при помощи яда, вы не думайте!». А после хоронит. Наверное, даже с какими-нибудь ирмелейскими почестями.

— Стало быть, вы даже тел не видите, — сказала я после этого. — А как у вас там с помощниками? Никто не болел, не уходил в отставку?

Трясун еще посидел две минуты, вылупив на меня глаза. Потом подлетел со своего места и завопил, брызжа слюной. Что если этот поганый... Если он только посмел повернуть такое и бросить тень на его репутацию, то... тут пошли ядреные ирмелейские словечки.

Кое-как старикашку удалось унять. При посильной помощи слуг. И вытащить из него, что три с лишним года назад его помощничек Ойми Бэртак как раз уволился. По трогательной причине: «Не могу убивать бедных зверюшек».

— И случилось это как раз после того, как он уничтожил очередную партию, — бормочет Грызи, покусывая ногти.

— Якобы уничтожил, ага. Коэг вспомнил, что те геральдионы были совсем детенышами. На дрессуру он их даже не проверял. Окраска была не белая, так что сдал в брак.

— Сколько их там было?

— Три. Два самца и самка.

— А ты не спросила...

— Зрелость наступает в два года. Потом размножаются раз в год, но Коэг утверждал, что это слишком часто: у самки организм не выдерживает.

Потому что это искаженная, изувеченная людьми порода, что с неё возьмёшь.

Грызи молчит, ведя немой подсчет. Так что продолжаю.

Когда Трясун проорался — он затрясся уже весь. Умолял решить дело без привлечения властей. «Я законопослушен, как истинный ирмелеец, но поймите — моя репутация! Мой конкурент в Аканторе меня уничтожит!» Выдал адрес этого своего помощничка, снабдил письмом, средством передвижения. И всё ломал руки и бормотал, что я окажу ему неоценимую, неоценимую услугу, и если понадобятся деньги... Любые ресурсы, то он сразу же... а с Бэртаком он уж сам разберется, у него достаточно связей — главное только, чтобы мы узнали, где этот...

— В общем, тут он опять перешел на древний ирмелейский. А я слетала ночью к этому Бэртаку. Похоже, нам повезло. Кретин даже адрес не сменил.

Если уж собираешься заняться подпольным выведением тхиоров — надо бы позаботиться и оказаться от своего бывшего хозяина больше, чем за пару часов лёту.

Опускаемся на той же площадке, что и ночью, за холмами. Приходится отпетлять между лужами шагов семьсот. У поместья вид заброшенный, но я-то знаю, что оно обитаемое. Даже свела ночью знакомство с двумя милягами — игольчатыми волками, которых Бэртак держит за охрану. Так что они нас пропускают без проблем.

Я б вынесла дверь с ноги, да Грызи выше этого. Так что стучит.

На стук выплывает расплывшийся тип за пятьдесят. Сонный и помятый, в полураспахнутом халате.

— Ну, что ещё? Я же сказал, что заплачу зав...

Умолкает, бегают глазками — двумя шустрými шнырками на одутловатой, физиономии. С меня — на Гриз. С Гриз — на меня.

— В-вы ещё кто...

— Господин Бэртак, — сходу выдаёт Грызи. — У нас к вам пара вопросов по поводу геральдионов.

Почти слышно, как под реденькими мышинými волосиками скрипят шестерёнки.

— А? Каких геральдионов? Разумеется, я работал с господином Коэгом... но знаете, я отошёл от дел. Так что если вы думаете купить...

Приходится прервать этого чушеносца.

— Надо дом обшарить. В придомовых постройках у него ничего нет.

— А? — удивляется Бэртак. Глазки у него начинают шмыгать ещё быстрее. — Вы что, вы... рылись в моих вещах? Во имя Закона... я сейчас же сообщу куда следует!

— А и правда, — соглашается Грызи. — Валяйте, сообщайте. Или мы можем сообщить. Или вызвать господина Коэга на беседу. Или просто мирно поговорить.

— А... — Шнырень мигает своими глазками, в попытке что-то там придумать. — Ну, если так... давайте, да... Заходите. Я, конечно, отвечу — что вы там хотите знать?

В доме несёт тухлятиной, мочой и какими-то тряпками. Окна прикрыты, полумрак. Обои висят лохмотьями. Это ни на медную рыбёху не похоже на дом. Похоже на...

Логово.

Из которого на нас глядят. Дар коротко вскрикивает: опасность! И тут Шнырень шарахается к стене и коротко, резко свистит.

Когда я поворачиваю лицо — в него летит тхиор. Коричневый, с белыми пятнами.

Ныряю вниз, сгребая подушку с продавленной софы. От следующего прыжка загораживаюсь подушкой, тхиор вцепляется в нее люто. И слышу второго: выпрыгнул из-за кресла, сейчас прыжком к горлу взлетит.

Свистит кнут Гриз. Промях — в узкой комнате не развернуться. Но тхиор всё равно шарахается и притормаживает, даёт мне возможность перелететь через столик...

— *Вместе!*

Грызи останавливает одного из тех, которые на неё навалились. Три, что ли. Ещё свист. Один разворачивается на меня, остальные скачут вокруг варга и не знают, что делать.

Чудом ухожу от новой атаки. Выхватываю кинжал-атархэ, сшибаю тхиора ударом рукоятки. Подскакивает и почти вцепляется мне в ногу.

Черт, не убивать же их... хотя, может, и не их.

Грызи достаёт-таки одного кнутом, а я выкидываю атархэ в воздух. Останавливаю у горла Бэртака и рявкаю:

— Быстро отозвал зверей, считаю до двух! Раз!

На меня прыгают с двух сторон. Готовлюсь отдать приказ ножику.

Шнырень свистит во второй раз. Иначе. Тихо-мирно-переливчато. И тхиоры останавливаются.

Недоверчиво поднимают острые мордочки: нельзя, что ли?

Размером побольше ласки. В полтора раза. Окрас разный: от кофейного до белого с серыми подпалинами. Золотистые умные глазки. Плотно прижатые ушки.

Припрыгивают на месте и так и полыхают азартом: нельзя, что ли? Почему нельзя? Такая веселая игра. Славная добыча. Мы бы сейчас этих двоих так разделали...

Одного остановила Грызи, еще один попал под кнут. Подпрыгивают четверо. Из

шестерых — трое взрослых. Видать, те самые, которых Шнырень стащил у разводчика. Трое поменьше: детеныши.

Грызи успокаивает и усыпляет остальных, я отзываю атархэ. А Шнырень тем временем стоит у стены. И глазами лупает с непониманием.

— Почему они вас не тронули? Не послушались команды?

— Потому что не решили, можно ли атаковать варга, — сквозь зубы отзывается Грызи. — Мел, собери тхиоров, повезешь в питомник. А нам с вами придётся всё-таки побеседовать.

Шнырень ведет себя нагло. Развязно раскидывается в подранном креслице. Закладывает ножку за ножку и запахивает халатик. И ухмыляется в лицо Грызи. Настолько туп, что даже не понял, во что вляпался.

— Старикашка Коэг мне копейки платил. Вы хоть знаете, по сколько золотниц он дерет за каждого своего недогорността? А? В королевские семьи продает. За тысячи. А мне по двадцать золотниц. За такую работу. Вы же варг, а? Вы мне спасибо сказать еще должны. Как-никак, я спас этих зверюшек. Вам бы на Коэга злиться — это же он их убивает.

Роюсь в дрянном тряпье. Ищу — куда бы можно пристроить лапочек-тхиоров. Обрывки и огрызки. И подобия гнезд из подранных книг. Нахожу наконец здоровенную сумку. И начинаю ее набивать тем тряпьем, которое не так воняет. В смысле, одеждой хозяина.

— А я о них заботился. Они, знаете, дрессируются легко, ну вот как геральдионы. Только ещё лучше. Всегда защищают хозяина, да! И без команды никого не трогают.

— Да неужели, — Грызи точно припомнила смерть садовника Фаррейнов. Шнырень помаргивает заплывшими глазками. Говорит торгашеским тоном:

— Конечно, они могут охотиться, пропитание, то есть, добывать. Но на человека не кинутся. Если не было сигнала или прямой опасности хозяину — нипочём не кинутся. Думаю, из них может выйти хорошая порода комнатных защитников. Мы это даже можем с вами обсудить. Вы помогаете с дрессурой. Деньги пополам.

Придурок даже не понял, что натворил. Ни полшнырка не знает о животных, с которыми имеет дело. Как его Коэг на службу-то взял — подешевле подбирал, что ли?

— Это моя идея. Вот. Я на Коэга два десятка лет проработал, а платил он мне гроши. У меня даже поместье в закладе было. А я видел, как он тренирует своих геральдионов. И те, которые шли в брак, — они были умнее этих, белоснежных. И дрессировались лучше. А Коэг их — в брак. Я долго продумывал — это блестящая идея, да? Достал сонное, подсыпал вместо яда. Старик-Коэг не проверял, он с годами потерял хватку. Он бы не понял идеи. Кому нужны его геральдионы, а? Зажравшимся богачам. Аристократам. А моих зверей будут покупать все. Для защиты дома и людей.

— Или для атаки, — вполголоса продолжает Грыз. — Они же легко натаскиваются на атаку? На свист, да?

Шнырень раздувает под халатом жирную грудь.

— На что угодно можно натаскать — я пробовал. Просто давать кусочки лакомства, ну и... А. О чем это вы? Псов же тоже для разного покупают. Или алапардов. Вы же варг, вь что, вы не понимаете? Это блестящая идея. Я могу взять... сорок процентов. Или тридцать пять. Если кормёжка за ваш счёт.

— Кому вы продали первых детенышей?

— А?

— Вашим тхиорам больше четырех лет. Это второй помет. Кому вы продали первый? И

сколько было детенышей в помёте?

— Двое выжили, — вздыхает Шнырень тоскливо. — Из шести. Остальных убил второй самец, а я и не успел понять...

— Кому вы их продали?

Перекладываю тхиоров в наполненную тряпками сумку. Поглаживаю по бокам. Ничего, лапушки. Мы постараемся, чтобы у вас всё было хорошо.

Бэртак косится на Грызи и хитро, и с умыслом.

— Ну, знаете, многие готовы платить. За то, чтобы быть ближе к настоящим аристократам. Или защитить семью. А я... как там... не выдаю своих клиентов, да!

Это отребье просто слишком мало испугалось. Выпрямляюсь, чтобы напугать его чуть больше, но тут Грызи говорит:

— Мел, сообщи Коэгу. Тхиоров забираем. И пусть придет второй транспорт для тебя. Мне нужно слетать кое-куда... Надеюсь, там остался кто-нибудь из тех, кто сможет рассказать.

Грызи в своем духе: понятно с пятого на десятое, а она уже куда-то несется. Со скоростью бешеного алапарда. Шныреню такое в новинку, так что он весь обмигался в кресле.

— А. То есть это вы что? Вы их забираете? Но это моя идея. Это нечестно, что вы ее присвоите. Бросьте, мы же можем договориться. Это же глупо.

— Глупо было пробовать нас прикончить, — напоминаю я. Ничего, Грызи сейчас уедет, я этому гаду пару ласковых выскажу.

— А что мне было делать? А? Вы являетесь тут... вламываетесь. Это было грубо. Я испугался и решил защищаться. Просто защита. Вот. Вы... что, уже уходите?

Грызи задерживается в дверях, что-то вспомнив.

— Вы говорили, их можно натаскать на что угодно... Что может быть сигналом для атаки?

Бэртак трусовато ухмыляется. Гордый своими достижениями.

— Всё, что только захотите. Слово, жест, звук. Какое-то действие. Громкий хлопок.

Складывает руки и пялится в засиженный мухами потолок.

— Да... Или, например, песня.

ЛАЙЛ ГРОСКИ

Мел выдернула Арделл на рассвете. Крыса внутри по такому поводу уподобилась горевестнику-Сирилу. Вещала что-то пророчески-паскудное — хорошо еще, я не слушал.

Поскольку заступил в обещанный начальству дозор и настроился нести его со всей возможной для меня честью.

Милли из комнаты не показывалась, зато в доме она понадобилась решительно всем: сперва к ней пару раз завернули горничные (одна несла стакан молока и печенье, и я отметил: малышку не приглашают за стол). Потом начали являться родственнички.

Сперва у дверей похаживала Риция Фаррейн с кисло-умильным выражением лица. Затем, с физиономией постно-нейтральной, пожаловал сам хозяин дома. Наткнулся на мое невинное бдение, обронил пару фраз о погоде и из коридора исчез.

Через полчаса мимо проплыла бесцветная девица — старшая дочь, Мина. Попыталась сквасить меня взглядом, своего не добилась и пустилась барражировать дальше.

— Снуют вокруг как голодные барракуды, — милое присловье Фрезы о вольерных перед обедом тут подходило просто замечательно.

Пока семейство завтракало, я обежал поместье: в ловушки никто не попался, следов не видно, погибших и раненых нет. Плохо было то, что срок зелий начинал истекать, а Арделл всё не было. Я сунулся было в Водную Чашу, но наткнулся в ней на дежурную Уну, которая сходу срезала меня тем, что Гриз Арделл в питомник не возвращалась. Зато Мел вернулась. С тхиорами. Помявшись и покраснев под волосами, Уна мне поведала то, что успела почерпнуть из гневного ора Мел: насчёт разводчика, его гениального помощника и выведенных тхиоров.

— Арделл-то где? — спросил я больше у себя.

Понятно, где: начальство осенила какая-то догадка, и оно понеслось рыть. Так что я один на неопределенное время.

— Кто из наших еще в поместье?

— Аманда в лекарской, она работает над снадобьем для девочки... Мариэль. Она будет занята еще три или четыре часа. Мел... она устраивает тхиоров. П-просила не беспокоить. — могу представить в каких выражениях, ага. — И Рихард.

Было такое ощущение, что на последнем слове вода в Чаше сейчас покраснеет.

— Про этого я не хочу знать, чем он может заниматься. Свяжи меня с Мел, как она будет посвободнее.

Я и плеснул ладонью по водной глади, прерывая связь.

Еще через пару часиков меня так и не вызвали, и я начал раздумывать уже о том, чтобы напрямую связаться с Арделл, где бы она там ни была. Раздумья были прерваны главой семейства, который выглядел малость разгневанным.

— Хочу, чтобы вы знали, — выдал Фаррейн без предварительных ласк. — Нынче вечером мы попросим вас получить расчет.

Я скорчил мину умеренного недоумения, полагая, что мне сейчас припомнят вонючие ловушки и гибель садовника. Но Фаррейн оправил безупречный серый сюртук и продолжил брюзгливо:

— Эти ваши методы работы с рытьём в моих личных делах и делах моей семьи... я лично считаю неприемлемым, что бы вы ни думали. С вашей начальницей я буду иметь дополнительный разговор о ее методах — после ее возвращения из Ирмелея.

Интересно бы знать — кто ему сообщил, где пропадает Гриз? А встревожился-то как...

— ...даже и не думай!

На этот раз я свернул в знакомый коридор очень уж вовремя. Милли стояла, прижавшись к стене и закрыв лицо руками. Мальчишка Фаррейнов нависал над ней и куклу Аннабет держал в руках. Игрушка ухмылялась бессмысленно — ей было наплевать, что ее сейчас шарахнут о пол.

— Разборки перед обедом? — осведомился я тихонько. Но, видимо, не с того сорта ухмылочкой: малец шарахнулся подальше, Милли пискнула и поплотнее закрыла лицо руками. Один рукав у нее был порван.

— Просто играем, — буркнул Манфрейд с явным сожалением на лице. Глянул на Аннабет, как бы примериваясь: успеет шибануть?

— Манфрейд!

Окружающее пространство запахло лимонами. Это очень вовремя приплыла Мина с кислой миной. Брезгливо глянула на компашку и выщедила из бледных уст:

— Манфрейд, будь хорошим мальчиком. Отдай нашей дорогой кухне куклу и ступай в столовую — там сейчас будут накрывать второй завтрак. А ты, Мильент, будь у себя в комнате. Матушка просила не выходить.

— Но я хотела погулять, — совсем тихо пробормотала Милли.

Эмина никак не показала, что это слышала, так что девочка просочилась обратно за дверь. Манфрейд еще раньше убрел по коридору, шаркая ногами.

— Зря стараетесь.

Поколебавшись, я понял, что это она мне. Просто говорила, не меняя тона и уставившись куда-то над моей головой.

Глаза у нее были серо-стеклянные, совсем бесцветные, как и бледное личико, и русо-непонятные волосики. Мошь как она есть, даже платье серое, в крапинку.

— Зря стараюсь поймать зверей, которые изувечили вашу сестру?

— Зря стараетесь убереечь её. Всё равно её скоро тут не будет.

— В каком это смысле?

Странно она смотрелась в этом коридоре — не до конца отремонтированном, но сплошь увешанном натюрмортами с розами и фиалками.

Будто бескровное привидение, зловеще скривившее губы.

— Только то, что вам нет нужды копаться в наших делах. Мы разберемся сами.

А бровка-то дрогнула — то ли желание что-то добавить, то ли колебание. Казалось, догони, встряхни... авось, и полетят какие-нибудь истины.

Только вот как встряхнуть, если они и без того собрались от нас избавляться? Да и Арделл сказала приглядывать постоянно...

Вот только сама Арделл вернется непонятно куда, и проблему нужно бы решать.

Колокольчик прозвонил второй завтрак. Это времечко у аристократов всегда сопровождается светскими сплетнями, семейными беседами и советами.

Так что я торопился и шевелил лапками.

Отлучаться — дело последнее, но воспользоваться сквозником я не решился. Потому с Милли мы решили поиграть в прятки: она прячется и не выходит, пока я не скажу.

— Это как если я наказана, — сходу уверилась девочка. — А можно взять с собой Аннабет? Чтобы мы были как будто вместе наказаны?

— Или как если вы в крепости, — подбодрил я, кивнул напоследок, попросил двери никому из родных не открывать и припустил трусцой в сторону вира.

Внутри одна за другой шлёпались капли-секунды, вытекающие из водных часов. Шлёп-шлёп-шлёп, швырнуть медницы за проход, поставить оттиск Печати, сигануть в водную ревущую бездну, плюх-плюх-плюх, а вот и питомник, пронестись вдоль ограды и нырнуть в «Ковчежец».

«Ты чего это делаешь, Гроски? — шипел внутри крысиный инстинкт. — Ты что, опять нас угробить решил?»

Ну а то как же, — подумал я, взлетая на второй этаж. Да-да, можешь повизжать насчёт гильдейского задания и того, что я тут, вместо того чтобы внедряться как следует, приказы начальства нарушаю. Только вот там девочка, на которую какая-то скотина решила натравить самых страшных хищников в Кайетте, а раз так...

«Хотя бы нойя, — попросила внутренняя крыса. — Ну, что тебе стоит...»

Бдыщ.

Рихард Нэйш не то чтобы привык, что к нему вот так вваливаются посередине бела дня —

без стука, запыхавшись и почти что выбив дверь тушкой. И выпаливая вместо здарсьте сходу:

— Ты мне нужен.

Устранитель, который только-только настроился сотворить вивисекцию над очередной бабочкой, окаменел над своей жертвой. Неторопливо положил на стол иглу и лупу.

Потом медленно повернул ко мне лицо, на котором было написано, что я потревожил их Королевское Устранительство, оторвал Его Исключительность от дел государственной важности и сейчас я займу место вот этой бабочки и познаю новые уровни боли.

— Вот именно это выражение лица, — выдал я, отдуваясь. — Нужно кой-кого срочно вывести из равновесия.

Набрал в грудь воздуха и изложил суть дела покороче и понасыщеннее, закончив тирадой:

— В общем, они явно знают больше, чем говорят, вот только использовать зелья правды на этих снобах — дело подсудное.

— И ты решил заменить зелья мной? Лайл, насколько я могу припомнить, ты говорил, что я не располагаю к откровенности. И мои методы допросов — настолько же подсудное дело.

— Ну, я же не прошу тебя их лупить по больным точкам... не по физическим, во всяком случае. Взбеси или запугай — по себе знаю, у тебя то и другое выходит отлично, вдруг да ляпнут что-нибудь нужное.

Не то чтобы я не мог сделать это сам, только вот они же отвесят мне здоровущего пинка, если начну бросаться обвинениями или угрожать. Что тогда будет с Милли?

— Арделл давала распоряжение?

— Что?

Насекомые в рамочках ухмылялись с определённой долей злорадства.

— Ну, создаётся впечатление, что вызвать меня — это твоя идея, так что хотелось бы знать — насколько Арделл посвящена в будущий разговор.

— Не посвящена, — легко сознался я, рассматривая хищного вида жучилу, — и в поместье ее нет, и она будет в бешенстве, если узнает, что ты в это влез.

Устранитель откинулся на стуле с видом записного бюрократа и осведомился с убийственным педантизмом:

— И почему в таком случае я должен вмешиваться?

— *Потому что* Арделл будет в бешенстве, — растолковал я, вперяя взор в жемчужину коллекции — огромную бабочку, разукрашенную наподобие звездного неба. — У тебя же, вроде как, милое увлечение — её доводить? Как ты сказал — наблюдать, как она снова и снова сигает сквозь огненный обруч? Если подумать, то семейная пара разозлённых аристократов как раз может сойти за неплохой такой огненный обруч.

«Клык» приподнял брови, обдумывая заманчивое предложение. И я добавил от щедрот своих:

— Не говоря уж о том, что гнев Арделл обрушится на меня — это ж моя идея. Так что я, скорее всего, буду очень страдать.

От хищной усмешечки Нэйша передёрнуло даже дохлую, распластанную бабочку на его столе.

— Знаешь, Лайл, — нежнейшим образом выговорил «клык», поднимаясь и прихватывая со стула белый сюртук, — ты всегда знал, что и кому предложить.

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ХИЩНИК. Ч. 3

ЛАЙЛ ГРОСКИ

При эпическом разговоре присутствовать не пришлось, хотя и очень хотелось. Для Нэйша пропуском к господину Фаррейну послужил внушительный внешний вид, а вот я не сподобился — отец семейства махнул рукой и сквозь зубы велел мне заняться моими прямыми обязанностями. При этом стал ещё более лошадинолицым.

Так что я занялся обязанностями — первым делом кинулся искать Милли, не нашёл, облился холодным потом, зарыскал по коридору...

Девочка сидела у себя в комнате, расставляя перед куклой чайные чашки. Увидела меня, слабо замахала рукой.

— А Манфрейд меня нашёл. И сказал, что мы не будем больше играть в прятки. Он сердился. Сказал, чтобы я шла к себе. Чтобы... чтобы не выходила.

Отличное дело — запереть девочку там, где её сестре чуть горло не перекусили. Милли, правда, отлично держится и виду не подаёт, но видно, что побаивается и обижена — губы дрожат, да и вообще...

— Ну, это он играл, — добродушная мина скроилась с усилием. — Если вдруг станет страшно — конечно, можешь и выходить. Да? А если что услышишь не то или увидишь — сразу кричи, договорились?

— Кри... кричать? Но это же нельзя. Это... не принято.

— Никто тебя не накажет, — сказал я со всей уверенностью, на которую был способен. Заглянул в голубые — будто лен отцветает — глаза, добавил жестко: — Никто, ясно?

Выйдя от девочки, я тут же наткнулся на зализанного Манфрейда и вполне дружелюбно осведомился — кто это его послал перевести девочку в её комнату?

— Послал? — малец оттопырил губы. — Никто не посылал. Она сама оттуда орала, из кладовки. Как резанная, визжала. Ой, ой, ой, выпустите меня, пустите меня в комнату...

Само собой, врал — с презрительной миной, будто ещё и одолжение делает. Но больше от него добиться ничего не удалось.

Тем более что Нэйш тоже приступил к обязанностям, и из кабинета понеслись сперва невнятные, а потом всё набирающие чёткость и громкость волны возмущения. «Да как вы смеете! — отдавалось из-за двери (ого, ого, голосина-то у хозяина!). — Это возмутительно!» «Неприемлемо! — подвизгивала Фаррейну супруга. — Совершенно недопустимо!»

Жаль, послушать так и не удалось: чертов мальчишка меня подрезал на полпути и с размаху вклеился в дверь ухом, а глаз чуть полностью не засунул в замочную скважину. Отвиснув попутно челюстью, потому что явно в первый раз услышал, как папочка и маменька выводят такие рулады. Да, вот еще и сестрица там что-то выкрикивает в явной истерике — невнятно, что-то про чудовище и тварь. Жаль, что я не могу прижаться к двери вместе с местным аристократёнышем.

Зато и в лоб прилетело только ему.

Господин Фаррейн самолично эффектно распахнул дверь и отоварил отпрыска дубовой поверхностью.

— У-у-у-у-убирайтесь!! — образец благонравия и сдержанности был красен, встрёпан и в целом являл собой прекрасный образчик картины «четверть часа в обществе Рихарда

Нэйша». Даже не сразу понял, почему это наследник славного рода Фаррейнов распростерся на полу, держится за лоб и подвывает.

Устранитель, который появился в дверном проёме вслед за хозяином, обзрел эту картину без всякого интереса. Перешагнув через Манфрейда, развернулся, отвесил короткий издевательский поклон и двинулся к лестнице.

— Глава вашей группы всё узнает об этом! — полетело ему вслед. — Поверьте, вы очень сильно пожале...

Тут над ушибленным сыночком начала хлопотать маменька, а я как раз состроил мину ужасного сожаления — мол, ой, неужто беседа не удалась? Ничего, я этого вредного, в белом, сейчас отсюда выведу, чтобы не беспокоил местное благополучное семейство.

И точно, вывел — до первой живой изгороди. Отвратительно правильно подстриженной и причёсанной, так что не листика не выбивалось.

— Удалось из них что-нибудь вынуть?

«Клык» водил пальцем по губам и был как-то уж слишком погружен в задумчивость.

— Как сказать... помимо возмущения и нечленораздельных восклицаний — не слишком много. Хотя я склонен с тобой согласиться — родители что-то знают и не желают рассказывать.

«Согласие Рихарда Нэйша» — новое достижение на воображаемой полочке.

— Да... но они крайне привыкли держать себя в руках, а вот старшая дочь всё-таки сорвалась.

— Много чего наговорила?

— «Чудовище», — пожимая плечами, процитировал клык. В немигающих глазах отражалось красноватое закатное небо, — «Она чудовище! Вы все с ней носитесь, её защищаете, а это всё она, она настоящая тварь, она притворяется. Она получает, что захочет, а ей всё мало, гнусная тварь. Это всё она».

— Погоди-ка...

— Лайл, — устранитель бросил изучать закат, повернул голову и вперился пристальным взглядом теперь в меня, — а тебе не приходило в голову иначе выстроить факты? Скажем, посмотреть на случившееся с несколько другой стороны?

Тихо хмыкнул и двинулся к воротам поместья — и то сказать, не оставаться же ему на территории, Фаррейн вряд ли уймётся, не хватало еще — кликнет сторожей или прислугу, а мне потом объясняй Арделл — почему поместье усеяно телами. И без того многое объяснять придётся.

И ей, и себе.

К примеру — почему я об этом не подумал с самого начала. А ведь всё укладывается один в один: девочка часто бродит по саду одна, мало ли кого могла найти и выкормить... блюдце, оставленное под окном — ч-чёрт, не было там никакой хитрости, детская наивность, да и только! Арделл же сама говорила — нападение нетипичное, они не были голодны и не защищали территорию — так кого они тогда защищали? А с сестрой, конечно, ссорились, может, сестра пыталась её даже ударить, тхиоры вылетели на крик... Вир побери, да как можно быть таким идиотом, соседи говорили — она часто берет не лакомства, а обычную еду, только тварям, конечно, мало, вот они и охотятся на живую кровь...

Потирая лоб рукой и ругаясь сквозь зубы, я отмахивал коридор за коридором — меня еще окликнул хозяин дома, что-то говорил про Арделл и грозил ужасными карами — я только отмахнулся. Надо наконец поговорить с девочкой начистоту, — чтобы она перестала

бояться, чтобы поняла, что это ей не комнатные игрушки и не друзья, что им не причинят вреда...

Как слова найти, Гроски?

— Аннабет, поздоровайся, — тихонько сказала девочка, когда я постучался и вошёл.

Приподняла свою куклу и помогла ей совершить подобие книксена. — Веди себя как леди!

Чудовище, как же. С виноватым взглядом глаз-незабудок и белой чёлочкой — посреди комнаты, доверху заваленной напоказ купленными новёхонькими игрушками. Будет, что жечь и ломать неугомонному кузену.

— Она у тебя что-то слегка запечалилась, — Я присел прямо на ковёр. — Снова боится?

Замотала головой, замялась, пробормотала в чёрные кукольные кудри:

— Просто ей не с кем играть.

— Ну-ка, а если мы кого-нибудь подыщем... — В комнате не было искусственных крыс, зато поблизости нашлась кукла пастушок. Румяные щёки, бессмысленная застывшая улыбочка, копна льняных волос и рубашка с вышитым пояском. — Интересно, как зовут этого молодца? Аннабет с ним пока не знакома? По-моему, вылитый Кейн. Господину Кейну, изволишь ли видеть, тоже грустно. И совершенно не к кому пойти на чай, к тому же. Прямо так и мечтается о кексиках, чае и хорошей застольной беседе!

Милли поморгала с недоумением — вряд ли с ней часто играли даже местные нянечки-служанки, не говоря уж о мужиках в меру потрепанной наружности. Но почти сразу заулыбалась, поплотнее взяла в руки куклу, и знакомство госпожи Аннабет с господином Кейном состоялось вполне благополучно. Льноволосый господин получил приглашение на чай и кексики, вскоре оказался сидящим за кукольным столиком и всюю поддерживал светскую беседу — о погоде, о газонах, о дальних странствиях... и о балах.

— А моя сестра должна была поехать на бал, — похвастала тут Аннабет... в смысле, Милли. — Только она не поехала. У неё было красивое платье, голубое, и на нём жемчужинки. И она всё время говорила, что она поедет на свой первый бал. Вот только не поехала.

— Ух ты, бал! — восхитился пастушок Кейн (он обладал на редкость жизнерадостной натурой). — А я вот и ни на одном не бывал никогда. Красота, наверное, какая! Как же так ваша сестра, леди, не смогла поехать и поглядеть на такую красоту, да еще в новом платье?

— Потому что на неё напали злые чудовища, — шёпотом сказала Милли, перегибаясь через столик.

Трусоватый господин Кейн живо поджал хвост.

— Очень-очень злые и совсем чудовищные? — завертел головой, оглядываясь. — Госпожа, ой, что-то мне как-то не по себе. А вдруг они нападут? Вот так прямо на меня из-за угла накинута?

— Они не... нападут, — и улыбка, лёгкая, тихонькая, незаметная почти...

Ну, так я и думал.

— И вам совсем не страшно, госпожа? Вы разве их совсем не боитесь?

Кукла и Милли помотали головами. Тут пастушку Кейну полагалось призадуматься — что он и сделал.

— Ух ты, госпожа, какая вы смелая, а у меня-то уж поджилки трясутся... Ага, понимаю. Наверное, эти звери... может, они просто заколдованные? Как в сказке? На самом деле добрые, зато чувствуют, у кого чёрное сердце, и нападают только на таких, а на хороших не нападают?

Увлечшаяся игрой девочка согласно закивала — да, да, так!

— Тогда я, пожалуй, не прочь с ними подружиться. Скажем, скормить им пару кексов или пригласить на чаепитие. Думаю, они нашли бы общий язык со стариной Кейном. Я же только играю на свирельке да стадо пасу, а злодейств никаких не совершаю. И я бы, к примеру, с удовольствием угостил бы их парным молочком.

Девочка вздрогнула, будто очнувшись, бросила загнанный, настороженный взгляд. Зря про молоко всё-таки ляпнул — наверняка знает, что мы нашли блюдце... Ладно, всё равно переводить разговор на другое некогда, могут войти, надо дальше вести, только помягче:

— А то я с животинами лажу на редкость хорошо — оно у всех пастушков так-то. Есть у меня, например, пёс, — спина протестующе скрипнула, когда я потянулся в другой угол за мягкой собачкой. — До того разумный, что на удивление. Вот по праздникам его молоком и угощаю.

Глаза девочки всё ещё были серьёзными. Полными недоверия и подозрения. И слишком, ненормально взрослыми — и ясно было, что в игру она возвращаться не намерена. Думает о своём, понятно о чём, только вид делает, что играет:

— А зачем?

— Ну так верный друг же. Что? Вижу, вы сейчас смеяться надо мной будете: как это так — собака, и друг? — вздор, кукла глупо ухмыляется, а вот с лица девочки смыло последние признаки смеха. — А я вам скажу, что так и есть. Всегда рядом. Выслушает вот. И от любой напасти защитит. От любого... с чёрным сердцем.

Всё, дальше бесполезно. Нужно напрямик — она уже поняла, что я догадался, губы стиснула, наклонила голову, прижала к себе куклу — того и гляди, расплечется...

— Они ведь никакие не чудовища, — мягко сказал я. — На самом деле они довольно милые зверьки. Правда же? Им тоже было не с кем играть. И вы сумели подружиться.

Бросила быстрый взгляд, закачалась, держа в объятиях куклу. Пробормотала чуть слышно:

— Аннабет они понравились. Ей было страшно в саду.

— А ещё они были голодными, так? Брошенные, голодные малыши. Папа и мама их бросили, а может, погибли где-то... и это же было хорошим делом — их спасти. Накормить.

Теперь она таращилась не пойми-куда широко раскрытыми глазами. Маленькая Мильен Дорми тоже явно раздумывала. Сказать — не сказать?

— А потом пришла Мариэль...

Где-то хлопнула дверь, взвизгнул голос хозяйки дома — «Недопустимо!» Пришлось прерваться и прислушаться. Перед тем, как договорить последнее: «Она начала на тебя кричать или попыталась ударить и этим вынудила твоих питомцев атаковать».

Но девочка моргнула. Посмотрела неожиданно спокойно и доверчиво. Заговорила сама:

— Мари собиралась на бал, и у неё было очень красивое платье. Голубое такое, с жемчужинками ещё. А я тоже хотела посмотреть бал. Чтобы быть в платье и чтобы танцы... Мари сказала — я могу даже не просить, и всё равно, что дядя и тётя там себе думают, а она не позволит. И что я гадкая и я всё испорчу. Мари очень сердилась. А я... совсем на неё не сердилась, и мы с Аннабет ей спели песенку. Знаете, какую?

Она улыбнулась — чуть-чуть лукавой, милой улыбкой, прямо-таки как пастушки на пасторалях в коридоре. И завела серебристым голоском:

*Синеира в лесу собирала цветы,
Девуца, что дивной была красоты.*

Увидел её Эменейрих-король.

Девуца, сказал — брачеваться изволь!

Крысиный вой изнутри оглушил меня еще до того, как она начала петь, а когда начала — я вспомнил, о чём забыл. Гибель местного певуна!

После второй или третьей строки паззл наконец-то сложился, только вот картинка получилась малость не той, какую я себе представлял.

Но я всё-таки успел поднять локоть и защитить горло.

Они кинулись бесшумно — справа, из уголка, где были свалены мягкие игрушки. Две распластавшиеся в воздухе разжатые пружины цвета крепко заваренного чая. Две оскаленные мордочки, метящие в горло.

Вот только горло я успел закрыть, так что первый тхиор скакнул на колени, подскочил — и впился в руку, прямо сквозь рубашку, а второй змейкой скользнул над плечом и нацелился в глаза.

Я грохнулся ничком и покатился по полу.

Синеира сказала — пойду к алтарю,

И девять детишек тебе подарю,

Но только тогда, Эменейрих-король,

Ты на три вопроса ответить изволь!

Колокольчиковый голос выпевал веселенькую песенку, а я впечатывался лицом в ковёр, одновременно стряхивая с руки тварь, которая вгрызлась чуть ниже локтя. Перекатился, приподнялся на одном колени, взывая к Печати — и простейшее поле холода, лёгкий щит заставил второго тхиора вильнуть в сторону — а он уже был совсем возле горла. Хищники брызнули врассыпную, и я тут же перестал их видеть, пришлось вскочить и попятиться к ближайшей стене. И продолжать держать холодовой щит, теперь уже мощный, и пытаться вспомнить — как у них там с холодом, отпугивает?

Синеира спросила: с чего бы луна

Сегодня полна, а потом не полна?

И ей отвечал Эменейрих-король:

Её каждый месяц ест лунная моль!

Атаковали они на третьей строке. Чётко, справа и слева — не оставив возможности подумать или опомниться. Кинулись прямо на щит холода, бесстрашно прошибая его собой — один опять к горлу, второй целился в правую ладонь, в Печать.

Опять защитил горло локтем, отдернул ладонь, вмазал холодовым разрядом по шустрой меткой твари, не попал, не удержал щит во время удара, что-то тёплое и пушистое пробежалось по животу-груди, стремясь скользнуть под локоть, к сонной артерии...

Синеира спросила: о чём бы вода

Журчит, и болтает, и шепчет всегда?

И ей отвечал Эменейрих-король:

О сплетнях, о лентах, о ценах на соль.

Безмятежный детский голосок всё пел и пел, и в ушах лупил визг крысы, и что-то второе — тёплое и злобное, попыталось вцепиться в ладонь, но промахнулось и хватануло за большой палец...

И кто-то свистел там, на пороге комнаты. Или что-то.

Кнут из кожи скортокса.

Первой убралась тварь, которая повисла на большом пальце. Я коротко выдохнул и

попытался отшвырнуть тхиора, который настойчиво лез к шее. Схватил тёплое, извивающееся тельце — и тут тварь изогнулась и полоснула клыками, проскользнула под мышкой и оказалась на спине...

Синеира спросила: с чего б ветерок

Ныряет меж сосен, как быстрый шнырок?

И ей отвечал Эменейрих-король:

Его укусил в ляжку бешеный кроль!

Опять воззвал к Печати, загородился морозной сферой — и тхиор наконец-то шлёпнулся на пол. Арделл уже стояла рядом — с поднятым кнутом, зато в глазах волнами расходилась зелень. Растущие травы. Кусты и деревья. Трава по весне.

Тварь замерла, приподняв окровавленную морду.

Ну что же, девица сказала, король, —

Теперь я отвечу, пожалуй, изволь!

Второй тхиор валялся парализованный — варгиня попала кнутом с первого раза. Ладно, неважно. Они застыли глаза в глаза — Гриз и мелкий зверёк, коричневый и гибкий, чуть больше ласки... Нестрашный хищник, скалящийся и рвущийся в бой, даже пока один с варгом.

Находчивых я и весёлых люблю...

И стала Синеира...

Я отлип от стены. Подошёл к самому страшному хищнику Кайетты.

И зажал ему рот ладонью.

И всё закончилось.

В коридорах что-то позвякивало — наверное, подавали к обеду... дробно стучали каблучки няnek — скоро будут здесь. Странно было понимать, что там же люди за дверью, всё время были люди, только руку протянуть, а я с минуту отбивал атаки этих тварей и всё молчал, пока меня тут чуть не загрызли. Хотя когда было кричать, спрашивается?

Крыса внутри, охрипшая от недавних воплей, тяжело вздохнула и, кажись, повалилась в обморок. Во всяком случае, в желудке будто камень лежал.

Снизу вверх на меня глядели огромные, жалобные глаза.

Заглядывали голубыми озёрами — в душу.

Невинные, кристально чистые, будто говорящие — это всё ошибка, ты же всё понял не так, и это всё они, это не я...

Но я не купился.

Я же, в конце концов, видел её лицо.

* * *

— Сломанные куклы и выпотрошенные игрушки, конечно, её рук дело. Так? И фазаны в саду вряд ли так уж сами собой перевелись.

Арделл хмуρο кивнула.

У ног начальства безмятежно посвистывали носом два тхиора.

Я только недавно перестал поливать свою одежду кровушкой и до сих пор прижимал к самому глубокому укусу примочку с зельем. Хватануть зубами меня успели с десятков раз — просто в горячке я не все укусы почувствовал.

Милли увела совершенно обалдевшая тётушка — Арделл попросила присматривать за

девочкой получше. Скоро в поместье должна была нагряться грозная бабуля, так что момент истины неотвратимо приближался.

А нас позабыли попросить вон из комнаты. Потому мы заседали в окружении игрушек и разнокалиберной мебели. Шифоньеры и шкафчики — прямо как у настоящей леди...

— А с кухней они, значит, поссорились.

— Из-за бала. Знаешь, Лайл, она действительно получала всё, что хотела — Фаррейны выполняли любые её капризы. А тут она пожелала увидеть бал — и чтобы платье было такое же, как у Мариэль. Не соглашалась ждать пять лет до своего первого бала. Мариэль вскипела, наговорила ей гадостей. А она...

— Спела ей песенку.

Весёлую такую песенку о приключениях Синеиры, Эменейриха и девяти их деточек. Шуточную — наверное, от прислуги в своём поместье услышала. Пела серебристым голосочком, с милой улыбочкой — и прямым, жестким, неподвижным и недетским взглядом, со взглядом убийцы на невинном личике. И сквозь невинность, как сквозь вуаль то и дело прорезалась злобная радость — когда она видела, как кричит и извивается на полу её кузина.

Я видел её лицо — мельком, пока пытался отбиться от зверушек. И улыбку видел.

— А паренёк, местный запеваля...

— Случайность. Милли не натравливала на него своих питомцев, она просто не подумала, что кто-то может пропеть ту же песню. У тхиоров отличный слух. Они были в пределах слышимости, понесли на знакомые слова и знакомый мотив, не увидели хозяйки и атаковали того, кто пел.

Ладно, чего ты раскис, Гроски, подумаешь — облажался как законник, облажался как сотрудник питомника, а в придачу тебя чуть не уделали два хорька и мелкая девчонка.

— Откуда эти милые зверушки вообще взялись?

Свернувшиеся у ног Арделл гибкие хищники выглядели живописно — хоть сейчас на герб к каким-никаким аристократам.

— Тайный разводчик, — варгиня наклонилась и мимоходом прошлась пальцами по коричневой шерстке ближайшего тхиора. — Я потом тебе подробно расскажу, как мы с Мел к нему наведались. В общем, ему удалось достать выбраковку от настоящего заводчика, а дальше он начал плодить геральдионов. Вернее, их дикую версию. Близкородственные скрещивания, к тому же. Ему ещё и хватило ума ходить по домам аристократов второго-третьего круга с предложениями купить таких питомцев. Милли увидела, настояла на покупке, отец души в ней не чаял, потому купил сразу двоих...

— Души не чаял, говоришь?

Арделл поднялась и принялась слоняться по комнате, рассматривая кукол.

— Ага. Как и мать. Я говорила со слугами, которые остались после того пожара... Единственный ребёнок, обожаемая дочка. Ей позволяли просто всё. А когда они поняли, кого растят...

А кого они растили-то? Ну да, ну да, улыбчивую голубоглазую гиену. Вечная поза жертвы, сплошное притворство — я такая тихая, я такая несчастная, посмотрите, мне страшно. И умение добиваться своего и очаровывать.

А под этим...

— Служанка многого не знала, но сказала, что именно после покупки тхиоров её господу забеспокоились. Была какая-то история с цыплятами — думаю, Милли начала

награвливать питомцев на живую кровь. Может, просто для развлечения. А незадолго до смерти родителей Милли что-тостряслось с гувернанткой. Повариха вспомнила, что ту искусили — несерьёзно, тхиоры были ещё мелкими, но в поместье был знатный переполох, а хозяева и вовсе были сами не свои...

— Потому что поняли, что нападение было не случайным, — вяло предположил я.

— Я тоже так думаю. Зачем Милли это сделала — из любопытства или разозлилась... кто знает. Но родители перепугались всерьёз и решили убрать тхиоров подальше. Ведь дело-то, конечно, в животных, а без них с ребёнком легко можно будет договориться.

Сумрачно усмехнулась наивности покойных родителей. Взяла из-за чайного столика Аннабет, повертела — и вернулась на свое место, пристроив куклу на колени.

— Повариха сама не слышала, а вот слухи ходили... госпожа Дорми тем вечером кричала, что этих чудовищ в доме не будет. Чудовищ, представляешь? Ха. Милли, конечно, плакала и пыталась... как она там воздействовала на родителей? Может, и истериками, но скорее — вечным «Я заболела и умру», «Ах, мне больно, у меня темнеет в глазах» и так далее... Вряд ли это к чему-то привело — родители запоздало решили воспитывать дочку. А ночью поместье сгорело.

— Сгорело, — повторил я и сам удивился — ух ты, как спокойно-то вышло.

— Сгорело, — повторила Арделл, заглянула в невинные голубые глаза Аннабет и потрогала куклу за нос. Странно она смотрелась — с кнотом на боку, в клетчатой рубашке и с куклой на коленях. — Теперь уж и не узнать — как это случилось. Разве что дать маленькой Милли «Истину на ладони». Я-то уверена... знаешь, Фаррейны были очень милы с Милли когда она у них гостила. Подарки ей дарили, умилялись её манерам — добрые дядюшка и тётушка. Так что она вполне могла решить, что у них ей будет лучше.

— Девять лет, — монотонно сказал я, рассматривая ладонь со следами укусов. — Дар Ветра. Не Огня.

«Ути-пути, девятилетняя невинность, — хмыкнул внутренний голос. — И сколько там Дара Ветра надо, чтобы раздуть пламя в камине как следует? Чтобы искры попали на ковёр, а там уж...»

Интересно, много в сонном поместье было слуг, которые не успели выскочить?

— А откуда взялись тхиоры? Как она их сюда-то пронесла? Из всего, что я слышал про этот пожар — припоминаю, что при девочке была только кук...

Арделл бесцеремонно уложила куклу на колено и задрала пышный кружевной подол — заголила деревянный животик, не скрытый игрушечными панталонами. Покрутила так и этак и открыла небольшую крышку у Аннабет в животе.

Полость внутри — шкатулка, ну конечно. Куколка с секретом. Знатные дамы, бывает, секретные документы в таких игрушках прячут — или драгоценности. А детишки таскают в кукольных животах свои детские сокровища.

Или двух кровожадных тварей.

Места вполне хватает: полость немаленькая, а тхиоры были тогда детёнышами... Здесь она живо их выпустила. Поселила в саду, где они благополучно передружились с фазанов. Молоком прикармливала. Может, специально выбрала эту комнату — раз уж Фаррейны ей ни в чём не отказывали...

— И... что дальше? Я в том смысле — как она могла их натренировать настолько... настолько. То есть, конечно, она могла взять пример... вот чёрт.

Ну да, ну да, милые, приветливые соседи, отличная псарня, Милли постоянно заходит в

гости, а добродушный господин Рыжие Бакенбарды вечно учит своих псов травить добычу.

— Насчёт песни ей нечаянно подсказал сам разводчик. Ему это казалось дико забавным, можешь себе представить. Что их легко научить любому сигналу.

Я оценил перспективы милых пушистиков и поперхнулся.

— Он что же, собирался их для убийств использовать?!

— Не-а. Но тут нам скорее повезло. Просто он идиот, — Арделл огляделась по сторонам, выглянула в коридор и отдала пару тихих распоряжений. Потом опять принялась расхаживать по комнате. — В общем, Милли тренировала тхиоров на кровь. Кто там знает, с какой целью. И почему выбрала именно эту песенку. Пропитание они большей частью добывали себе сами — ты же видишь, округа опустела. Но всегда возвращались к хозяйке. И она их прикармливала.

— А Фаррейны...

— А Фаррейны боялись её тронуть, — Арделл вдруг ухмыльнулась. — Насчёт Нэйша мы с тобой, конечно, еще поговорим — боги, как ты вообще до такого додумался?! — но кое-чего вы с ним добились. Когда я прибыла — хозяева были настолько не в себе, что и не подумали запираяться. Я просто начала сыпать догадками, доказательств у меня не было... а они, видно, решили, что я и так всё знаю, и начали подтверждать. В общем, прошло какое-то время, пока они поняли, что бедная сиротка — не такая уж и бедная. Сначала жалели и исполняли все её капризы... а недавно вот прозревать начали.

— То же, что и с родителями, значит.

— Только дядя и тётя не знали про тхиоров. Родители Милли им сообщить про зверей не успели, а сами они до последнего не связывали нападение с девочкой. А так — то же самое. Любые игрушки, любые поездки, какие угодно праздники, при попытках воспитывать — «Ой, кажется, я сейчас умру», воспоминания про маму-папу, хватание за сердце. На редкость быстро сообразила, что для хозяев важнее всего — что о них подумают в округе. Все эти прогулки по окрестностям, походы к соседям с дрожащими от голода губами... ей, конечно, пытались запретить, но тогда она просто начала напоказ терять сознание во время визитов гостей. Пытались приставить гувернантку — с той было то же самое — «Ой, она делает мне больно». Что стало с гувернанткой — господа Фаррейны пока что помалкивают, но хозяйка обмолвилась, что у них «был Инцидент» — можно представить, что гувернантка не зря уволилась так поспешно. Так что они просто оставили Милли в покое — так им было... проще. Дети, конечно, рассмотрели натуру кухни куда раньше. Но проклятые нормы приличия и тут сыграли злую шутку — не могли же они явно выступить против младшей, да ещё и сироты...

Можно было бы, конечно, гнусно похихикать над ситуацией — господа аристократы не сладили с девчонкой, потому как ее поведение не влезает в их своды правил и законов...

Только вот что-то мне невесело.

— Зачем ей это всё вообще? Это всё... её притворство, такое вот поведение... тхиоры. Что ей вообще было нужно? Игрушки? Сладости? Внимание?

— Чтобы мир вращался вокруг неё, — тихо сказала Арделл, останавливаясь, — и всего-то.

В дверь поскреблись. На этот раз варгиня вернулась из коридора с корзиночкой в кружавчиках. Внутри корзинки Гриз бережно пристроила сопящих тхиоров.

— И что теперь? — спросил я, когда начальство прикрыло корзинку кружевом.

— Мы с Мел займёмся их дрессировкой. Попытаемся исправить что можно, может,

получится убрать привязку к этой песенке и стремление бросаться на людей... Вот только я опасаясь, что совсем агрессию убрать не удастся — она у них в крови.

Появилась и исчезла тонкая морщинка между бровей. Полыхнули зеленою глаза.

— Может, мы сможем внушить им уважение и понимание дисциплины. Но вряд ли их когда-нибудь придется выпустить на свободу. Как и остальных — они не видели крови, так что Мел постарается ... Однако дать свободу такому хищнику — рано или поздно обречь округу на вымирание.

Мы помолчали, глядя на корзиночку от рукоделия — благопристойную, как всё в этом доме. Накрытую тканью с кружавчиками.

Арделл, конечно, понимала, что мое «теперь» имело к тхиорам такое же отношение, как Рихард Нэйш — к милосердию.

— Милли... мне всё-таки кажется, что это не потому, что её избаловали родители. Это какое-то искажение человеческой природы. Она не чувствует сострадания. Ей интересно смотреть, как умирают живые существа. Она неспособна поставить себя на место другого, и жизнь остальных для неё ничего не значит. При этом крайне хитрая, знает, на что надавить, чтобы добиться желаемого, а свои желания для неё — всё... В любом случае, я не знаю, можно ли это излечить. За ней, конечно, нужен серьезный присмотр. Может, какое-то лечение, особенное воспитание... Развитие Дара на минимум и только в мирных целях — ты же понимаешь, Лайл...

Понимаю. То есть, конечно, мне приходится прилагать малость усилий, чтобы вообразить, что в теле девятилетнего ангелочка поселилась хитрая, злобная тварь. Что она готова убивать дальше. Что чуть не убила меня.

— Вообще-то, я как раз обдумывала — как заставить её пойти в открытую, — добавила Арделл. — Так что тут ты на ура справился, разве что поторопился. Кстати, а что ты ей такого сказал, что она решила спеть?

Махнул рукой, скроил многозначительную мину.

А ведь я почти ей подсказал ответ. Пару бы секунд — и ляпнул это своё «Они тебя защищали», я же почти дал ей версию, за которую можно было держаться... Просто она запаниковала. Убийца — конечно, но ведь и детскую наивность никто не отменял.

Представилось вдруг — девочка размазывает слёзки по щекам над моей беспомощной тушкой. А на губах — легким отблеском — торжествующая улыбочка.

— У нас вообще, — голос выходил сиплым, — есть шанс, что милая бабуля нам поверит и прислушается к твоим советам?

— Примерно один из ста, — отозвалась Арделл. — Но придётся за него как следует ухватиться. Видишь ли, старшая дочь обмолвилась... в последнее время Милли повторяла, что очень хочет к бабушке.

* * *

Разбирательство вышло громким и предсказуемым. Милли пошмыгивала носом и блистала в ореоле тихой святости — один в один маленькая Целительница, как ее иногда в детских книжках малюют. Гризельда Арделл сыпала аргументами, фактами, именами свидетелей и прочими маловажными вещами. Время от времени потыкивала пальцем наглядное пособие.

В смысле, меня. От меня многого не требовалось — выглядеть укушенным да жалким, с

обеими ролями я справлялся. Вовсю демонстрировал укусы да невинность и сокрушенность физиономии. Даже не скрежетал зубами, когда Милли поглядывала со страхом и лепетала, опустив глазки, что дядя ее напугал и сделал больно. И она просто решила спеть ему песенку. А почему на него прыгнули зверьки — она не знает. Зверьков купили папа и мама. Она никому не сказала — думала, все будут сердиться. Ей было страшно.

И всё это — с забитым видом, губки дрожат, тонкие пальчики теребят подол сиреневого пышного платица, и прерывистые вздохи — раз-два-три, в такт дрожи плеч.

Стоило Гриз спросить, как вышло так, что на Мариэль тхиоры тоже кинулись, как Милли раздрожалась заново, прошептала, что не помнит, совсем не помнит, было так страшно... И залилась слезами.

— Мариэль, конечно, припомнит песню, — сказала Арделл, и этим вызвала у притворщицы нервное «ик». — Или мы можем сделать проще. Я разбужу тхиоров. Кто-нибудь знает балладу про Синейру и Эмменейриха? Гроски, вот ты её споешь. И мы посмотрим — что заставляет зверей атаковать.

Было бы просто отлично, если бы госпожа Йорберта Дорми прислушивалась хоть к чему-нибудь, помимо всхлипов очаровательной внученьки. Но она не сделала нам такого одолжения — так что всё упёрлось в «Это вы подстроили!», «Да что вы тут городите!» «Я была о вас лучшего мнения!» Милли отослала в ее комнату, дабы не расстраивать нашими физиономиями злоумышленников. А заказчица принялась исторгать из бульдожьих челюстей грома и молнии, и все на наши незадачливые головы: да как мы могли подумать такое о ребёнке, да кто вообще просил Арделл шастать по несчастному, сгоревшему поместью, «А этого вообще стоит судить — за то, что он испугал девочку!»

— Ну, прощенья прошу, — открыл я тут рот. — Может, она и впрямь испугалась, пока они отгрызали от меня по кусочку. Только проявила это как-то странно — я имею в виду песенку.

Госпожа Йорберта унижила меня взглядом с высоты стула и от широты своих объёмов.

— Словам такого, как вы доверять не приходится.

— Справедливо. Но ведь на это и существует «Истина на ладони». Мы можем неплохо подкрепить свой рассказ — если повторим его под зельем правды.

Всё равно что говорить с бочкой. Завёрнутой в богатую ткань здоровенной бочкой, в которой бродит сусло — она будет негодующе булькать в ответ на любые твои потуги.

Меня обвинили в грехах, которые я сам в себе пока не мог обнаружить (было как-то даже лестно). Арделл заявили, что она мошенница, всё просчитала, но уж теперь-то её выведут на чистую воду. Фаррейнам сообщили, что они не справились с такой малостью, как присмотреть за ребёнком.

Семейная пара Фаррейнов во время экзекуции тихо костенела от ужаса в попытках не потерять себя в глазах света и любимой родственницы. У муженька страх перед тещей и мнением окружающих пересилил, так что он уже к исходу пятнадцатой минуты начал робко вставлять фразочки, что нет, девочка-то на самом деле очень хорошая... разумеется, они справились... они приложат больше стараний, ведь пригреть маленькую сиротку их долг... У жены оказалось мозгов побольше — а может, она припомнила изорванное лицо своей средней дочери на подушке.

— Я понимаю, что девочка пережила страшное горе... Но, возможно, моя покойная сестра действительно позволяла ей слишком многое. Теперь, когда этих... ужасных созданий

больше не будет, я уверена, нам легче будет найти общий язык, и...

Госпожа Йорберта цыкнула на дочь и обозначила, что нет уж, второго шанса не будет, как она вообще могла доверить милую кровиночку этой семейке?!

— И я с самого начала знала, что с вами не может не кончиться подобным образом, — тут от грозного взгляда перепало уже зятюку. — Документы готовы, и я сегодня, слышите, сейчас же забираю Милли из этого дома!

Последней косточкой в горле стал денежный вопрос. Фаррейн припомнил визит Нэйша. Йорберта долго распространялась на тему нашего вопиющего непрофессионализма и обозвала меня уголовником (справки, что ли, наводила?). Госпожа Фаррейн добавила мои подозрительные шмыгания по коридорам и и разбитый лоб сыночка (хотя непонятно — тут я-то при чём). Арделл поставили в вину резкий тон и неподобающий вид.

Гриз вряд ли могла что-то ответить: она сражалась с тхиорами, которые пробудились и, как самые догадливые, решили свалить из этого бардака.

— То что вам причитается — получите у управляющего, — и слуги проследят за тем, чтобы вы покинули поместье немедленно! — величественно донесла наконец Йоберта Дорми. — И не пытайтесь испугать нас этими тварями. Я была о вас лучшего мнения, Арделл — и подумать только, когда-то я доверяла вашим суждениям!

— Может быть, вы захотите вспомнить мои суждения, — сквозь зубы отозвалась Арделл, запихивая строптивых тхиоров поглубже в корзинку. — Очень вас прошу — сделайте это... хотя бы когда знаки станут очевидными и вы встревожитесь всерьёз.

Из ворот поместья мы вышли ровно через полчаса — за это время нам успели выплатить тридцать золотниц и вывернуть на нас попутно ещё с тридцать ушатов навоза яприля. С учётом всего этого и всяких небольших околичностей — вроде кровожадных мелких зверюг или кровожадных мелких девочек — это шествие весьма походило на позорное отступление.

Арделл шла молчаливая и хмурая, баюкая корзиночку, в которой выводили носами трели самые страшные хищники Кайетты. После людей, конечно.

Я волокся чуть позади и пытался подобрать темы.

Грызун внутри гаденько нашептывал, что силы надо бы поберечь. А то нас ведь с ним тут ждёт цунами начальствующего гнева, и непременно требуется выплыть. «Ты, кажется, хотел реабилитироваться после визита Тербенно? — напевала крыса. — Вот так шутка, а. Да уж, восстановил доверие».

Было на удивление наплевать — и на заказ Гильдии тоже. Будто геральдионы невзначай прокусили на ладони какую-то важную жилу — и вот в кровь тонким, непрекращающимся ручейком льётся холод с Печати.

Я было полагал, что мы сейчас — напрямик к реке, где нас поджидает неизменный «поплавок». Но Арделл двинула по дороге в прямо противоположном направлении. С такой стремительностью и решительностью, будто спешила на долгожданное свидание.

Забыла она обо мне, что ли? Порысил следом, приотстал, оглянулся через плечо. Может, лучше было бы вернуться в «Ковчежец» и не портить начальству планы, и вообще, какое-то время не напоминать оному начальству, что в мире есть я.

Но Арделл обернулась и нетерпеливо махнула рукой вперёд, туда, где маячил перекрёсток дорог.

— Давай, пошли.

— А ку...

— В местный кабак. Это же там кабак? — и вытянула шею в сторону придорожной забегаловки. — Или харчевня, трактир, закусочная... Ладно, всё равно. Когда я прочёсывала окрестности, отсюда на всю округу несло сырными лепешками. Тебе нравятся лепешки?

Уж во всяком случае, они мне нравятся гораздо больше, чем такая внезапная непредсказуемость.

— Я угощаю, — добавила Арделл, мистическим образом долетая до забегаловки и толкая дверь.

Сыр, специи, сдобное, поджаристое тесто — один раз вдохнул с порога, и можно топиться в слюне. С утра ведь ничего не перехватил. Немноголюдно и чисто, крахмальные скатерти — в придорожном-то трактире! Цветы на каждом столике. Хозяева — опрятненькая пара в годах, с умильными физиономиями. «У нас сегодня оладушки, вы не желаете? С чудным сиропом, и есть прекрасные сливки, и мёд тоже», — «А сыр у нас самодельный, лепёшки берите сразу с добавкой, и пиво тоже своё».

Арделл непринуждённо болтала с хозяйкой, соглашалась на оладушки и хвалила занавесочки. Вежливо улыбнулась в ответ на вопрос о сопящей корзине — мол, неужели в корзине котятки?

— Что-то вроде этого, — варгиня глянула на мою искусанную и хмурую личность и добавила: — Но мы их стараемся не будить, а то они, понимаете... бывают очень нервными.

Я перестал сидеть как прибитый где-то через четверть часа, когда передо мной сгрузили тарелку с лепешками, блюдечко с оливками и глиняную кружку со свежайшим пивом. Моргнул и поднял глаза на Арделл, которая сосредоточенно расправлялась со второй оладьей. Запивая ее молоком.

— Шево фмотришь, — отозвалась варгиня с набитым ртом, — варгам нужно быть осторожнее со спиртным — чревато потерей контроля. У них тут мёд чудесный, хочешь — потом сам оладушек закажи.

Я молча пялился то на кружку, то на начальство, пытаюсь понять, как соотносится одно с другим.

— Обычно я не поощряю, но тебе после такого... думаю, не повредит. И с тебя подробный рассказ — как ты ухитрился так переполошить Фаррейнов. Вызвать Рихарда, чтобы довести аристократов, надо же, — она фыркнула в кружку. — То, что творилось с Фаррейнами — мне понятно. Но как ты его-то на это уломал?!

— Он просто не устоял перед страстной мольбой моего взгляда, — вяло сказал я в пиво. Арделл скроила недоверчивую мину, вгрызаясь в оладушку.

— Да, и ещё я сказал ему, что ты будешь в бешенстве. Возможно, устроишь мне прилюдное бичевание перед вольерами. Отправишь грузить навоз яприля чайной ложкой. Или скормишь этим проклятым гарпиям — они этого так и ждут.

Начальство остановилось в полуукусе. Посмотрело на оладушку как на давнюю знакомую и вернуло её на тарелку.

— В общем, я даже и не знаю, что бы я предпочёл, — продолжил я, делая одолжение крысиному инстинкту (тот шипел «Давай, кайся и уничижайся!»). — Я держусь того мнения, что из меня ещё может выйти приличный дерьмоносец. Как законник, даже как бывший, вряд ли на что гожусь. Если уж меня обвела вокруг пальца такая мелочь с косичками.

Нэйш — явственно привыкший считать всех вокруг сволочами — высказался почти напрямую, потому что с самого начала всё было очевидным, и кем надо было быть, чтобы не понять сразу...

Мы молчали довольно долго. Я вливал в себя пиво — на редкость безвкусное, и пытался найти утешение в лепешках с сыром. Арделл задумчиво попивала молоко и заговорила, когда справилась с четвёртой оладьей:

— Сколько лет твоей дочери? Извини, что напрямую спрашиваю. Аманда вечно шутит, что у меня проблемы... с обходными путями.

— Это настолько видно?

— Это видно, — Арделл чуть-чуть улыбнулась последней оладушке и подняла от неё глаза. — А ещё я наводила справки у Тербенно — он сказал, что у тебя жена и дочь.

— Были жена и дочь, — поправил машинально, увидел выражение лица Гриз, понял, что ляпнул. — Не в том смысле... чёрт. Они живы, в смысле, надеюсь, живы. И Дебби сейчас семнадцатый год.

— Ты их не видел, — тихо сказала варгиня. Прозвучало не обвиняюще. Коротко, просто. Грустно.

Но грызун внутри всё равно с энтузиазмом вцепился в то место, где должна была быть совесть. Как пальцы — в кружку.

— Когда нас всех повязали — Дебби не было пяти. Приближалось время её Посвящения, а я как раз загремел на Рифы, представляешь. Потом, когда выбрался оттуда... сначала тянулся суд, мы с моим дружкой обстригали всё согласно букве закона, чтобы меня освободили. И я всё говорил себе — если выгорит, дам им знать. Ну и... да, выгорело, как следует.

Дом был весь в подпалинах, и двор тоже, и вишни в маленьком садике, и я ещё думал — постоять понаблюдать... потом представил, что с Дебби что-то... и оказался внутри, не понял даже, как калитку открыл.

— Самый роскошный подарок, который я только теще устраивал на день рождения — я и забыл, что за день. В общем, я не скажу, что ее переполнила бескрайняя радость при виде меня.

Я даже не могу сказать, что ее эта самая радость когда-либо переполняла при виде меня — после того, как я сподобился стать её зятем.

— Сказала она... кучу всего наговорила, нужного не так много, правда. Что моя бывшая жена вышла замуж — на развод со мной она подала ещё во время суда. Что они уехали. Что девочке нужен нормальный отец. Что Дебби меня не помнит и счастлива.

И что она не даст мне их новый адрес и уже почти готова кричать, что ее убивают, потому что я, трижды уголовник и, возможно, рецидивист, ясное дело, не перед чем не остановлюсь.

— Я, конечно, всё равно думал найти их. Или хоть написать. Знаешь, потом, как всё малость наладится.

Вот только уплачу по счетам старику Жейлору — и сразу же возьму и напишу, твердил я себе. Хотя нет, сперва надо бы скопить денег, приобрести хотя бы видимость добропорядочности — иначе меня к Дебби просто не подпустят.

— Только вот всё налаживалось как-то не особенно. В общем, если ты говорила с Тербенно — ты в курсе, по каким я наклонным катился. Иногда выдавались спокойные годы, конечно. Я было почти решил пару раз... и тут выяснилось, что и тёща переехала. Через вир. Концы в воду...

Чушь, конечно, триста раз можно найти, если как следует взяться, только вот своей выросшей дочке я скажу через двенадцать лет — что?!

— Я могла бы их разыскать.

Жирное тесто лепешки смялось под пальцами. Арделл тихонько вращала кружку и любовалась чем-то в молоке.

— Узнать, что с ними и где они. У меня есть кое-какие связи, так что, я думаю, это не будет так уж сложно.

— Зачем?

Когда я пропихивал этот вопрос сквозь сыр — я имел в виду: для чего ей-то в это лезть. Арделл слышала другое.

— Чтобы тебе было поспокойнее. Или чтобы ты смог посмотреть на дочку. Может, поговорить с ней. В конце концов, ты теперь работаешь в королевском питомнике, официально, так что тебе нечего стыдиться.

Ага, я могу к ним прийти с высоко поднятой головой, радостно посмотреть в глаза дочке и заявить: эй, я теперь работаю в питомнике, который должен превратить в труху!

Выплеснул остатки пива в рот, от души закашлялся — ну и горечи они туда напихали... Выкашлял кое-как:

— Не... надо... не сейчас. Понимаешь, я... у вас еще недолго, да и прибыл не из лучшей в мире компании. Так что хвастаться точно нечем.

— Тогда пообещай, что займёшься этим сам. Скажем, когда проработаешь в «Ковчежце» год. Хорошо? Проработаешь год — и постарайся отыскать дочь, с моей помощью или без неё. Договорились?

— Боженьки — ты полагаешь, что я протяну у вас год, и меня не добьют гарпии, Нэйш или веселье Лортена?!

Серые с зеленью глаза смотрели тепло и серьёзно, спрашивали — ну, договорились? И я кивнул — конечно, договорились.

Вот только через год меня точно не будет в питомнике. Есть же Гильдия. И задания, от которых не открутиться.

В животе поднималось очень нехорошее чувство, которое нужно было срочно задавить бодрим тоном.

— Стало быть, ты раздумала меня отдавать гарпиям?

Арделл лихо запихнула в себя последнюю оладью.

— М-м-м-м... что ж мне, зверушек травить. Несварение у них от такой пищи. Всё, у меня ещё тысяча дел, — подскочила из-за стола. — Идёшь?

— Да я бы как-то... — развел руками — вот, мол, и к лепёшкам-то почти не притронулся. — Ничего, если я ещё посижу и поразмышляю над местными шедеврами кухни?

Арделл фыркнула — как себе хочешь. Подхватила с пола корзинку с тхиорами. И затормозила у стола.

— А, да, Гроски. Пять нарядов по ночным дежурствам. За Нэйша и невыполнение приказа. График потом отдам.

После чего оплатила обед и усвистела, оставив меня размышлять.

Я и впрямь сидел и размышлял — когда фигура варгини показалась уже во дворе. Наблюдал из-за пахнущих свежестью кружевных занавесочек, как она удаляется по дороге — клетчатая рубаша, подвернутые рукава, волосы собраны в строгий пучок на затылке, кнут и сапоги...

Как там нойя говорила? Лучшая из всех людей? Очень добрый человек? Всегда

полагает, что нужно давать другим шанс?

У нас, кажется, проблема, Гроски. Сколько ты за годы предавал вполне себе неплохих людей? С ними всегда сложнее, а, Гроски? Каждый — этакая проблемочка и проблемишка на пути, после каждого раза серый друг внутри виновато покусывает — не понять, за какой орган.

Только вот Арделл — случай особый, из тех людей, какие тебе, Гроски, так удивительно редко встречались... кто там знает, может, таких ты и вовсе не видел. Из проблем проблема.

«А ты же всё равно её предашь, — нащёптывал грызун внутри, — сделаешь, что нужно и в нужный момент. Сорвёшь сделку. Придушишь животинку. Развалишь питомник по косточкам — если вдруг именно это поможет выполнить заказ и вернуть в бляху. А если вдруг нужно будет придушить саму Арделл — ты что, поставишь свою жизнь вместо её? Ты — из «чисторучек», Гроски. Ну, кого ты обмануть-то хочешь?! Времечко-то всё равно придет».

Ага, — кивнул я, отправляя в рот оливку. Времечко всё равно придет. И я сорву задание, на которое укажет Гильдия. Наверное, предам Гриз Арделл. Может, обману...

...и сделаю всё возможное, чтобы она не пострадала.